

М. МУШКАТ

АТОМНАЯ
ЭНЕРГИЯ
И
БОРЬБА
ЗА
МИР

•

М. МУШКАТ

АТОМНАЯ ЭНЕРГИЯ И БОРЬБА ЗА МИР

Перевод с польского

Предисловие

члена-корреспондента Академии наук СССР
А. Н. ТРАЙНИНА

Редактор

Ф. А. КУБЛИЦКИЙ

И*Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1951

Dr. MARIAN MUSZKAT

**ENERGIA ATOMOWA
A WALKA O POKÓJ**

I Postęp

W A R S Z A W A

1951

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема атомной энергии имеет исключительное значение. «Ответ товарища И. В. Сталина корреспонденту «Правды» насчет атомного оружия» привлек к этой проблеме внимание всего мира и определил с исчерпывающей ясностью и полнотой позицию Советского Союза. «Деятели США, — сказал товарищ Сталин, — не могут не знать, что Советский Союз стоит не только против применения атомного оружия, но и за его запрещение, за прекращение его производства. Как известно, Советский Союз несколько раз требовал запрещения атомного оружия, но он каждый раз получал отказ от держав Атлантического блока. Это значит, что в случае нападения США на нашу страну правящие круги США будут применять атомную бомбу. Это именно обстоятельство и вынудило Советский Союз иметь атомное оружие, чтобы во всеоружии встретить агрессоров.

Конечно, агрессоры хотят, чтобы Советский Союз был безоружен в случае их нападения на него. Но Советский Союз с этим не согласен и думает, что агрессора надо встретить во всеоружии.

Следовательно, если США не думают нападать на Советский Союз, тревогу деятелей США нужно считать беспредметной и фальшивой, ибо Советский Союз не помышляет о том, чтобы когда-либо напасть на США или на какую-либо другую страну»¹.

Предлагаемая советскому читателю монография известного польского юриста М. Мушката «Атомная энергия и борьба за мир» представляет несомненный интерес. «Проблема атомной энергии, — справедливо отмечает автор, — конечно, не только научная или техническая

---

¹ «Правда», 6 октября 1951 г.

проблема. Это прежде всего политическая проблема, тесно связанная с проблемой мира, его укрепления и его защиты от нарушения и угроз» (стр. 148). Эта проблема рассматривается автором в юридическом аспекте, не отделимом от политического, как проблема международного и отчасти уголовного права. Разработка проблемы атомной энергии неразрывно связана с противопоставлением политики двух лагерей — лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом, и лагеря войны и реакции, руководимого США.

Это противопоставление неуклонной мирной политики СССР разнузданной и агрессивной «атомной» политике США последовательно проводится автором через всю книгу. Оно особенно четко выражено в следующих разделах книги: «Две концепции международного права», «Две позиции по вопросу о принципе единогласия великих держав», «Два метода международного сотрудничества», «Две точки зрения на международные обязательства», «Право международное или право капиталистических государств».

Политический анализ проблемы атомной энергии дан проф. Мушкатом на основе огромного материала — документального, фактического, литературного. Автор клеймит американских вдохновителей и организаторов атомной агрессии и разоблачает их многочисленными ссылками на собственные их заявления, на признания усердствующих «ученых» лакеев, при этом неизменно опираясь на бесспорные исторические факты.

В беседе с корреспондентом «Правды» товарищ Сталин сказал: «...в Соединенных Штатах Америки, в Англии, так же как и во Франции, имеются агрессивные силы, жаждущие новой войны. Им нужна война для получения сверхприбылей, для ограбления других стран. Это — миллиардеры и миллионеры, рассматривающие войну как доходную статью, дающую колоссальные прибыли»¹.

На конкретном неоспоримом материале проф. Мушкат показывает, как погоня за сверхприбылью определяла и определяет атомную политику миллиардеров и миллионе-

---

¹ И. В. Сталин, Беседа с корреспондентом «Правды», Госполитиздат, 1951, стр. 13.

ров. Автор говорит о двух поучительных в этом отношении этапах этой политики.

В тот период, когда еще продолжалась война и производство атомной энергии в США находилось еще в стадии экспериментов, монополисты добились того, чтобы атомная промышленность была передана в ведение правительства. Они тем самым освобождались от риска и расходов в период, когда атомная промышленность ничего еще не производила, а требовала лишь громадных капиталовложений. Но как только на правительственных заводах США была изготовлена первая атомная бомба и стало ясно, что в условиях военной истерии, раздуваемой американскими империалистами и послушным им правительством, атомная промышленность сулит громадные барыши, те же монополисты продиктовали своему правительству закон «о денационализации» производства атомных бомб. Доллары густым потоком потекли в карманы спекулянтов смертью.

По сообщению американского журнала «Форчэн», доход трестов, занятых производством атомных бомб, составлял в 1949 г. 500 000 000 долларов¹. Чем более возрастали доходы монополистов атомного производства, тем усерднее их апологеты и прислужники кричали о неизбежности атомной войны.

В конце марта 1950 г. американский генерал Вандерберг, начальник генерального штаба военно-воздушных сил США, заявил: «Если разразится третья мировая война, она начнется с периода интенсивных атомных бомбардировок. Предстоящая война разразится без предварительного объявления. Поэтому необходимо, чтобы военно-воздушные силы Соединенных Штатов были постоянно в боевой готовности»².

Учитывая «деловой подход» бизнесменов, некоторые американские «профессора» спешили убедить читателей, что атомная война — дешевая, коммерчески выгодная война. Так, профессор Иельского университета Броди доказывал, что атомная бомбардировка — вещь дешевая, поскольку при помощи одной атомной бомбы стоимостью около 1 миллиона долларов можно причинить ущерб,

---

¹ «Сторонники мира», 1950, № 12, стр. 57.

² Там же, стр. 59—60.

превышающий 1 миллиард долларов (стр. 41). Начальник службы информации американских вооруженных сил Эльмер Дэвис с беспредельным цинизмом развивал ту же «идею». В августе 1949 г. в журнале «Уорлд афферс» сей разведчик решительно отрицал, что атомная бомба — бесчеловечное оружие. «Я лично, — писал мистер Дэвис, — за исключением цены и рентабельности, не вижу никакой разницы между атомной бомбой и обыкновенной пулей».

Коммерческий расчет, указывает проф. Мушкат, неразрывно сплетается у капиталистов с расчетом политическим: досмерти напуганные укреплением лагеря демократии и мира и в особенности ростом коммунистического движения миллиардеры и миллионеры начали уповать на атомную войну как на средство сохранения своих классовых позиций. В докладе, сделанном осенью 1947 г. в Королевском имперском обществе в Лондоне, английский реакционный «философ» лорд Рассел, призывая к войне против СССР, прямо заявил, что задержать в какой-либо мере развитие коммунизма можно только применением атомных бомб (стр. 39). 21 декабря 1948 г. тот же Рассел и с ним десять обезумевших от страха «деятелей» (в том числе три лейбористских депутата) в особом заявлении потребовали от Трумэна и Эттли предупредить СССР, что «в случае дальнейшего развития коммунизма будет начата атомная война» (стр. 39).

В книге наглядно показано, как в этой обстановке политической паники и военной истерии последовательная и неуклонная борьба Советского Союза и стран народной демократии, в том числе и Польской республики, за запрещение использования атомной энергии в военных целях встречала и встречает упорное сопротивление англо-американских поджигателей войны. Послушно следуя маневрам американских монополий, англо-американское большинство ООН все более нагло и цинично сопротивляется запрету атомного оружия.

В первый период деятельности ООН, как указывает автор, правительство США не могло воспрепятствовать принятию общей декларации Объединенных наций против использования атомного оружия в военных целях: резолюции Генеральной Ассамблеи 24 января и 14 декабря 1946 г. содержали в принципе единодушное согласие

Ассамблеи о необходимости запретить использование атомной энергии в военных целях. Но затем, по мере распространения военного психоза в США и роста атомных барышей, англо-американский блок планомерно и настойчиво чинит препятствия к проведению в жизнь указанных резолюций Генеральной Ассамблеи. Два средства были для этой цели пущены в ход: во-первых, бессмысленное требование установить сначала контроль, а потом запрет атомного оружия; во-вторых, пресловутый, порочный «план Баруха», передающий всю теорию и практику производства атомной энергии в распоряжение правящих реакционных кругов США.

Автор ясно показывает, как при обсуждении вопроса о международном контроле над атомной энергией политике капиталистических держав, направленной к тотальной и истребительной войне, противостоит твердая политика СССР, направленная к ограждению человечества и веками созданной культуры от действия оружия массового истребления. Поэтому Советский Союз в интересах избавления человечества от угрозы атомных бомбардировок еще на III сессии Генеральной Ассамблеи в Париже (1948 г.) указал на необходимость одновременного заключения и одновременного вступления в силу двух конвенций: конвенции о запрещении атомного оружия и конвенции о контроле. Такое предложение было официально внесено Советским Союзом в ООН. Однако англо-американское большинство отклонило предложение СССР, ибо это предложение намечало реальный путь к запрету атомного оружия.

Вторым препятствием, выдвинутым США на пути к соглашению об отказе от использования атомного оружия, явился «план Баруха».

В речи советского делегата А. Я. Вышинского в Первом комитете ООН 1 октября 1948 г. дан исчерпывающий анализ этого «плана» и до основания разоблачен его подлинный смысл. Этот план, заявил А. Я. Вышинский, план не международного контроля, а план американского контроля, путем образования американского сверхтреста, который, под видом международного органа и прикрываясь именем Организации Объединенных наций, предназначен для того, чтобы захватить в свои руки контроль над всеми мировыми запасами

атомной энергии и над всеми предприятиями, вырабатывающими атомную энергию¹.

«Этот сумасбродный план, — с полным основанием говорил А. Я. Вышинский, — для того и предназначен, чтобы затруднить установление какого-либо контроля вообще»².

Правильно указывает проф. Мушкат:

«Общая дискуссия по вопросу о разоружении и о запрещении атомного оружия, заявление американского делегата, что США не могут согласиться на сокращение своих вооружений и что уничтожение Америкой запасов ее атомного оружия не может быть даже принято в расчет, проливают свет на намерения англо-американского блока в этом процессе. Такое их отношение к вопросу нельзя назвать иначе, как саботажем средств, могущих утвердить международную безопасность и укрепить мир».

Американский «план Баруха» с так называемым международным контрольным органом, наделяемым неограниченными полномочиями, является своего рода «атомным» оружием, предназначенным ликвидировать суверенные государства и создать своеобразное «сверхгосударство», управляемое ставленниками финансовых магнатов США.

«Родиной всех доктрин, — говорит проф. Мушкат, — провозглашающих идею сверхгосударства и права этого сверхгосударства, подчиняющего себе все существующие государства, является в настоящее время Америка. Предложения о преобразовании Объединенных наций в парламент мирового государства обсуждались не только в американских университетах, в политической литературе и публицистике, но вносились также на рассмотрение конгресса и президента».

Одним из наиболее характерных планов политики создания в лице США «сверхгосударства» был план Ачесона — Баруха — Лиlientаля, американский план международного контроля над атомной энергией.

Этот контроль, по замыслу его авторов, должен был служить англо-американскому блоку лишь одним из

---

¹ См. А. Я. Вышинский, Вопросы международного права и международной политики, М., Госюриздат, 1951, стр. 31—32.

² «Правда», 13 ноября 1949 г.

средств для саботирования борьбы за запрещение атомного оружия.

Недопустимость и преступность использования атомной энергии в военных целях не может вызывать сомнений. Неся смерть огромным массам мирных граждан и всеобщее разрушение городам и селениям, атомная война является наиболее тяжким преступлением против человечества. Атомная война есть прежде всего агрессивная война. Поскольку агрессия является ныне общепризнанным — в том числе и Генеральной Ассамблеей ООН — тягчайшим преступлением против человечества, то отсюда непосредственно следует, что тем более преступна атомная война, планируемая империалистами.

Запрет атомных бомбардировок диктуется и действующими международноправовыми нормами, в частности международными конвенциями, регулирующими методы и средства ведения войны. Так, ст. 22 Гаагской воздушной конвенции воспрещает бомбардировки с воздуха гражданского населения и разрушение частного имущества. Равным образом и резолюция конференции по разоружению 1932 г. решительно воспрещает бомбардировки с воздуха гражданского населения. Атомная бомбардировка есть наиболее разрушительный и наиболее преступный вид воздушной бомбардировки.

Поэтому не только осуществление атомных бомбардировок, но и угроза ими и, следовательно, шантаж ими есть тяжкое преступление против человечества.

Но в царстве террора и бизнеса — в современных Соединенных Штатах Америки — атомный шантаж является одним из основных приемов внешней политики; всякие обращения прогрессивных общественных организаций встречают враждебное отношение со стороны правящих реакционных кругов. Можно не сомневаться, однако, что борьба за мир сотен миллионов покажет поджигателям войны подлинную силу движения масс.

Перед угрозой новой мировой войны и преступного применения оружия массового уничтожения растет и ширится могучее всенародное движение сторонников мира. Выражая стремление всего миролюбивого человечества, Второй Всемирный конгресс сторонников мира осудил агрессию и пропаганду новой войны, указав, что все честные люди, независимо от их политических убеждений,

считают массовое беспощадное уничтожение гражданского населения преступлением против человечества.

В своем обращении к Организации Объединенных наций Конгресс внес на ее рассмотрение предложение о безусловном запрещении всех видов атомного, бактериологического, химического оружия, отравляющих веществ, радиоактивных и всех прочих средств массового уничтожения и об объявлении военным преступником правительства, которое первым их применит¹.

Автор знакомит читателя с могучим размахом всемирного движения за мир и против атомной агрессии империалистов и делает правильный общий вывод: «Если не считать гангстеров американского империализма и их щедро оплачиваемых кровавых слуг, то можно говорить об абсолютной изоляции атомных шантажистов и их моральном и фактическом бессилии» (стр. 284).

Давая общую характеристику американского империализма на современном этапе и оценивая его в связи с атомной политикой монополий, автор пишет: «На этом этапе американский империализм, получая удар за ударом, все более обнажает свое лицо — лицо хищного зверя, врага всего прогрессивного, всего, что может служить развитию человечества и его мирному существованию: он прибегает к наиболее свирепым и кровавым методам политики, свойственной периоду зарождения государства-гангстера, и судорожно хватается за атомное оружие в надежде, что оно позволит ему возродить и навязать режим реакции и бандитизма всему миру, задуть свободу всех народов и господствовать над ними» (стр. 274).

Американские монополии и проводящее их политику американское правительство чинят всевозможные препятствия попыткам использовать атомную энергию не для массовых убийств, а на благо человечества. Бизнесменам страшен мир, их пугает переворот в промышленности, который несет с собой мирное использование атомной энергии. Но будущее принадлежит стране, которая сумеет поставить могущество атома на службу народу. Автор приводит слова английского физика Олифанта: «Страна, которая первой применит атомную

---

¹ См. приложение 10.

энергию в промышленности, опередит все страны в такой же мере, в какой эпоха стали опередила эпоху обтесанного камня». Как все граждане социалистического государства и как честные люди всего мира, автор хорошо знает страну, которая первой использует для мирного созидания безбрежные силы атома. «Эта страна,— говорит проф. Мушкат, — Советский Союз, где новейшие технические изобретения применяются в гигантских масштабах — на строительстве гидростанций, каналов, шахт, при взрывных работах и прокладке нового ложа для озер и рек, на работах, превращающих пустыни в цветущие края, на сооружениях приближающейся эпохи коммунизма» (стр. 268).

Не все главы книги проф. Мушката написаны на одинаковом уровне. Так, в последней (X) главе книги — «Борьба за международноправовое разрешение атомной проблемы и некоторые вопросы международного права» — автору не удалось исчерпывающим образом осветить и проанализировать ряд связанных с атомной проблемой вопросов международного права. Особенно неудачен раздел E главы X — «Две концепции международного уголовного права».

Этот раздел не касается вовсе основной проблемы — самого понятия международного уголовного права и с ним органически связанного понятия так называемого международного преступления.

Конечно, до самого последнего времени в литературе и в некоторых международноправовых актах преступления против мира, законов войны и человечности определялись как «международные преступления»¹. Это наименование в период подготовки и проведения нюрнбергского и токийского процессов было обосновано созданием международных судебных инстанций и международных уголовноправовых норм по борьбе с лицами, повинными в тягчайших злодеяниях войны 1939—1945 гг. Но положение с тех пор круто изменилось. Прежде всего необходимо учесть, что в современных условиях круг преступлений, охваченных уставами нюрнбергского и

---

¹ Именно поэтому и в советской литературе этого периода речь идет о «международных преступлениях». См. нашу работу «Уголовная ответственность гитлеровцев» и работы Полянского, Ромашкина, Шаргородского.

токийского трибуналов, расширился и осложнился новыми составами: реакция в США и к ним примыкающих странах, американская агрессия в Корее и на Тайване проявились в целой системе посягательств на основы гражданского и человеческого существования, которые выходят за пределы прежних представлений об объеме и содержании так называемых международных преступлений. Далее, понятие международного преступления таит в себе — в силу нюрнбергского и токийского процессов — представление о том, что преимущественно, если не исключительно, борьба с этого рода преступлениями должна вестись нормами и средствами интернациональной юстиции. Между тем роль национального уголовного законодательства и национального суда именно в современных условиях получает исключительно большое значение.

Необходимо подчеркнуть, что международная обстановка после войны 1939—1945 гг. коренным образом изменилась, а эти изменения нашли свое выражение в области борьбы с так называемыми международными преступлениями и международными преступниками. Порвав с решениями Потсдама, империалистические державы порвали и с принципами Нюрнберга и Токио. Вместо борьбы с фашистскими преступниками проводится всемерное покровительство этим преступникам, осуществляется подготовка из их среды «кадров» для организации агрессии против СССР и стран народной демократии. Амнистирование гитлеровских и японских агрессоров — это одна из форм энергично проводимой США ремилитаризации Германии и Японии.

В современной обстановке международный уголовный суд в руках организаторов и поджигателей войны стал бы еще одним орудием борьбы против мира и демократии. Поэтому речь должна идти о борьбе с преступлениями против человечества и борьбе прежде всего средствами национальной юстиции.

Советский Союз в борьбе за защиту мира и за запрещение использования атомной энергии в военных целях на первое место выдвигает национальную юстицию.

Советская делегация в ООН, проводя сталинскую политику мира, действительно не раз последовательно и твердо боролась за принятие ООН решений, направлен-

ных к запрету атомного оружия и военной пропаганды, однако значение национального законодательства должно быть выдвинуто на первый план. Изданные в СССР, странах народной демократии Центральной и Юго-восточной Европы, Германской Демократической республике, Монгольской Народной Республике и Китайской Народной Республике законы о защите мира являются ярким подтверждением этого положения.

Весьма нечетко сформулировано также следующее утверждение автора: «Передовая наука международного права отвергает всякие теории, предусматривающие одинаковую ответственность как горстки поджигателей войны, стремящихся к ней в интересах монополий, так и государства и целого народа, ненавидящего войну и жаждущего мира» (стр. 317). Нам не приходилось читать или слышать о «теории», отстаивающей одинаковую ответственность поджигателей и «народов». Такой теории в природе не существует. Об уголовной ответственности как государств, так и об уголовной ответственности народов вообще не может быть и речи.

В целом монография проф. Мушката — самостоятельное и ценное, воодушевленное борьбой за мир и демократию и насыщенное фактами исследование. Мысль автора и язык исследования политически остры. Монографию проф. Мушката с интересом и пользой прочитают широкие круги советских читателей.

А. Трайнин.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К СОВЕТСКОМУ ИЗДАНИЮ

Книга «Проблема атомной энергии и борьба за мир» была сдана в печать в конце 1948 г. В настоящей работе автор поставил себе целью, кроме принятия во внимание сделанных критикой замечаний, актуализировать книгу, снабдив ее новыми материалами из атомной проблематики, чрезвычайно обогатившейся за последнее время, проблематики, теснейшим образом связанной с делом борьбы за мир.

Сообщение агентства ТАСС от 25 сентября 1949 г. о том, что Советский Союз овладел секретом производства атомного оружия выбило из рук империалистов главный козырь их пропаганды о мнимой монополии США на секрет производства атомного оружия. Однако это не повлияло на направление их агрессивной политики. Напротив, в течение нескольких последних лет, в связи с новыми ударами, обрушившимися на империализм, и в силу его увеличивающейся слабости, развала экономики и банкротства политики его главных заправил — американских монополистов — усилилось стремление найти выход из кризиса путем развязывания новой империалистической войны. Но одновременно выросло до небывалых размеров и всемирное движение сторонников мира, все сильнее подрывающее военные планы империалистов.

Ответ товарища Сталина корреспонденту «Правды» насчет атомного оружия нанес сокрушительный удар по атомной дипломатии американских империалистов, стремившихся сохранить монополию производства атомного оружия.

Ход двух Всемирных конгрессов сторонников мира, Стокгольмское воззвание в марте 1950 г. третьей сессии

Постоянного комитета Первого Всемирного конгресса сторонников мира и Берлинское воззвание в феврале 1951 г. Всемирного Совета мира, созданного Вторым Всемирным конгрессом сторонников мира, доказывают, что американские монополисты, ведущие политику разжигания и подготовки новой мировой войны, встречают преграду, о которую им суждено разбиться.

Вместе с тем эта активность сторонников мира показывает, что прогрессивное общественное мнение и народные массы во всех странах поддерживают советскую политику защиты мира, советскую политику борьбы за сокращение вооружений и за разоружение, запрещение производства и применения атомного оружия и других видов оружия массового уничтожения, политику, направленную к заключению великими державами Пакта Мира и выполнению обязательств, вытекающих из устава Объединенных наций, а также других обязывающих международных соглашений, заключенных с целью ликвидации последствий второй мировой войны и укрепления мира.

Это, конечно, не случайно. Отстаивая дело мира, Советский Союз защищает не только интересы своих народов, занятых мирным строительством и поднимающихся на высоты коммунизма, но и интересы всех простых людей всего мира, которые независимо от своих политических убеждений, национальности и вероисповедания могут рассчитывать в результате войны только на нужду и личные бедствия.

Вот почему всемирное движение сторонников мира, охватывающее сотни миллионов людей на всех континентах, стало своего рода единым плебисцитом во всемирном масштабе, плебисцитом, который, клеймя агрессивную политику империалистов, одновременно вынес вотум доверия советской политике защиты мира.

Опыт истории междувоенных лет, предшествовавших фашистской агрессии, и в особенности опыт второй мировой войны, убедил народные массы всего света, что, в то время как политика империалистов направлена к развязыванию войны, в которой заинтересованы фабриканты оружия, советская политика стоит на страже мирного сосуществования всех государств независимо от их

общественного строя, притом не под давлением военных угроз империалистов, а исходя из принципов гуманности, во имя интересов человечества и его развития.

В непрерывно растущем понимании такого положения вещей таится источник той всеобщей поддержки, которой пользуется советская мирная политика вообще, а в особенности политика в таком важном для мира вопросе, как вопрос об атомной энергии.

В этом же кроется источник недоверия и всеобщего осуждения американской атомной политики, источник ее глубокого кризиса.

Международные события нескольких последних лет, отделяющих нас от выхода в свет нашей первой книги, всецело подтверждают это. Они также подтверждают, что кризис политического авантюризма с его растущей агрессивностью коренится в экономическом кризисе, в застое и разложении капиталистического хозяйства эпохи империализма, при котором сосредоточенные в руках немногих монополий огромные капиталы и производственный потенциал не находят уже мирного применения и переключаются на путь агрессии в тщетной надежде, что война принесет им разрешение всех трудностей.

В своем отчете за первый квартал 1951 г., опубликованном в американской печати, фактический хозяйственный диктатор Соединенных Штатов — председатель концерна «Дженерал электрик» Вильсон — ставил себе в особую заслугу, что в настоящее время его страна тратит еженедельно свыше одного миллиарда долларов на вооружение и что большинство американских ученых занято отысканием все более и более действенных средств уничтожения.

Однако Вильсон не мог скрыть, что такая политика должна привести к дальнейшим потрясениям американской экономики, к значительному снижению не только потребительской продукции, но и общей производительности, к росту безработицы, усилению налогового пресса и уменьшению доходов населения.

Тормозя развитие производительных сил, используя такие выдающиеся открытия, как открытие атомной энергии, исключительно для военных целей, американские монополисты являются инициаторами политики подготовки и

развязывания новой агрессии, политики преступлений против мира и человечности.

В то же время отличительной чертой советской действительности является непрерывный рост производительных сил промышленности мирного времени. Несмотря на сильнейшие разрушения, причиненные войной, промышленная продукция СССР выросла в 1950 г. на 73% сравнительно с довоенным 1940 г. По последнему опубликованному бюджету СССР [1951 г.] 39,5% всех поступлений предназначается на хозяйственные инвестиции, 26,8% — на социально-культурные мероприятия, а на оборону страны — только 21,3%, то есть на 10% меньше, чем в 1940 г. Советские ученые работают над созданием все более действенных средств покорения природы и возведения новых гигантских строек эпохи коммунизма.

Среди лауреатов Сталинских премий текущего года мы видим таких выдающихся специалистов по космическим лучам, как академик Скобельцын, сотрудники Института имени Лебедева Добротин, Зацепин и многие другие ученые.

На первом месте среди лауреатов Сталинских Международных премий мира стоит профессор Жолио-Кюри — один из самых выдающихся современных атомников, который всю свою жизнь посвящает борьбе за мир, а все свои знания — использованию атомной энергии в мирных целях.

Политика империализма — это та политика, которую характеризует достойное гитлеровских военных преступников заявление генерала Эйзенхауэра (13 марта 1951 г.), что он не поколеблется применить атомное оружие, если этого потребует военная необходимость.

Мирная политика Советского Союза, единственно возможная в условиях нового социального строя, политика, отвечающая интересам всего миролюбивого человечества, направлена на запрещение атомного оружия и к установлению четкого международного контроля над производством атомной энергии, который сделал бы невозможным самое производство атомного оружия и обеспечил использование атомной энергии исключительно в мирных целях.

Наличие двух общественных систем находит отражение

в столкновении политических установок по вопросу об атомной энергии, причем выявляется гуманность советской системы и ее превосходство над разлагающейся и человекоубийственной системой империализма.

Источником опасности для мира является, очевидно, не сосуществование этих систем, но стремление одной из них — системы империализма — к насильственной замене сосуществования своим господством. Это стремление становится тем более упорным и грубым, чем больше империализм уясняет себе свою неспособность к дальнейшему развитию производительных сил; это особенно четко выявляется на фоне атомной проблемы, в области которой Советский Союз сумел в течение 2—3 лет перегнать Соединенные Штаты и первым из всех государств земного шара приступил к широкому использованию атомной энергии для промышленных целей.

В свете этого события выступает с полной ясностью как бессилие империалистов оказать противодействие экономическому и политическому развитию социализма и добиться ликвидации последнего, так и абсурдность претензий империалистов на всемирное господство.

В этом отдают себе отчет все более и более широкие народные массы всего мира; они также отдают себе отчет в опасности, которой грозит им военная политика империализма.

Поэтому народы с пониманием и любовью обращают взоры к Советскому Союзу, в котором видят кузницу прогресса и цивилизации и непобедимую твердыню, защищающую их свободу и жизнь, оплот мира.

Поэтому также они все более и более решительно и организованно противопоставляют себя империалистическим заговорщикам против мира и цивилизации и поддерживают советскую политику, направленную на упрочение мира и использование науки и техники, — в том числе, конечно, и знаний об атоме, исключительно в интересах улучшения жизненных условий населения, а не для его уничтожения.

В процессе соперничества двух систем, таким образом, по мере роста агрессивности империализма, с одной стороны, наступает все большая изолированность его политики, с другой — все более распространяется солидарность всего прогрессивного человечества с советской поли-

тикой, политикой защиты цивилизации и жизни народов, защиты мира.

Новое, до сих пор неизвестное ни по своему содержанию, ни по своему охвату общественное явление, каким является всемирное движение сторонников мира, показывает, что оно располагает не только численным превосходством, но и могучей силой, которая сумеет обеспечить победу над факторами, ведущими к новой войне.

М. Мушкат.

М а р т 1951 г.

Глава первая

ВСТУПЛЕНИЕ

Вторая мировая война еще продолжалась, когда И. В. Сталин указал, что главнейшая задача, стоящая перед человечеством, «состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны»¹.

Трагедия военного времени, миллионы человеческих жертв, развалины городов и селений, опустошенные поля и сады, непоправимые потери в области культуры и огромные разрушения в хозяйстве особенно отчетливо показали важность задачи, вставшей перед нами уже на следующий день после окончания второй мировой войны.

Народы всех стран, наученные страшным опытом, отдавали себе ясный отчет в том, что существует только одна возможность избежать в будущем тех бедствий, которые обрушил на них фашизм, — это обеспечить длительный и демократический мир, упрочить результаты победы так, чтобы были уничтожены причины, угрожающие мирному сотрудничеству народов.

Разумеется, осуществление этой цели невозможно без всеобщего разоружения и без изъятия из арсеналов оружия средств массового уничтожения, и в первую очередь атомного оружия.

Советский Союз не случайно занял именно такую позицию в отношении разоружения с первой минуты после окончания военных действий. При этом Советское государство исходило только из стремления защитить мир и добиться мирного сотрудничества между народами. Эту

---

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне советского Союза, Госполитиздат, 1950, стр. 166.

политику Советское государство проводит с первого дня своего существования.

Объявление захватнической войны величайшим преступлением против человечества, признание за каждым народом права на самоопределение, признание суверенного равенства всех народов, больших и малых, стремление к упрочению мира на демократических основах, то есть на основах, справедливых для всех без исключения народов, — таковы принципы, которые легли в основу советской внешней политики. Они были сформулированы уже в одном из первых актов советской власти — в знаменитом, составленном Лениным и Сталиным декрете о мире 8 ноября 1917 года. Не удивительно поэтому, что, руководствуясь этими принципами, Советский Союз неуклонно выступает на международной арене с требованием всеобщего разоружения.

Политика советской власти заставила капиталистические государства почти на следующий день после опубликования декрета о мире занять определенную позицию в отношении тезисов, выдвинутых этим декретом. Хотя эти государства преследовали только одну цель — продлить войну, поработить слабые государства, вновь переделить мир, захватить военную добычу и прежде всего свергнуть советскую власть, — они должны были под влиянием Октябрьской революции скрывать свои вождедения.

Наилучшим доказательством этого могут служить декларация о целях войны 5 января 1918 г., оглашенная премьер-министром Великобритании того времени Ллойд-Джорджем, и так называемые «14 пунктов Вильсона», опубликованные 8 января 1918 г.

Доказательством этого служит также и содержание ст. 8 устава Лиги наций, вошедшего как составная часть в Версальский договор. Этот договор, заключенный без участия Советского государства и по существу против него, договор, в который преднамеренно были включены многочисленные элементы, угрожающие миру, предусматривал тем не менее в интересах сохранения мира необходимость свести вооружения до минимума (ст. 8, п. 1 устава Лиги наций). Влияние мирной политики Советского государства с момента появления его на международной арене было настолько велико, эта политика пользовалась такой широкой поддержкой среди прогрессивной общественности

всего мира, что уже на первой Генеральной Ассамблее Лиги наций (1920 г.) было признано необходимым создать временную смешанную комиссию для рассмотрения различных сторон проблемы разоружения и разработки проекта договора о коллективной безопасности.

Замечания по поводу этого проекта, сделанные советским правительством, заставили Ассамблею Лиги наций принять решение, предусмотренное в так называемом Женевском протоколе (1924 г.) и объявляющее агрессивную войну международным преступлением. Советский Союз неуклонно выступал против объединения вопроса о разоружении с проблемой так называемой безопасности; такое объединение двух вопросов являлось по существу замаскированной попыткой уклониться от разоружения, предложением к тому, чтобы ссылкой на отсутствие условий безопасности в международных отношениях форсировать дальнейшие вооружения. Ибо капиталистические государства не хотели укрепления мира путем отказа от опасной политики вооружений.

Конкретные советские предложения, сделанные в 1927 г. в подготовительной комиссии к конференции по разоружению, а также представленный в 1928 г. проект конвенции о немедленном полном и всеобщем разоружении, равно как и предложения, выдвинутые на конференции по разоружению в 1932—1933 гг. в Женеве, проистекали из стремления социалистического государства не только формально объявить войну вне закона, но и реально обеспечить мир путем уничтожения вооружений — этого материального средства провоцирования и ведения войны.

Советские предложения не были, однако, приняты капиталистическими государствами, занятыми подготовкой новой мировой войны. Принятый на конференции по разоружению в 1933 г. британский проект, основанный на французской формуле «сперва безопасность — потом разоружение», на самом деле создавал условия лишь для финансирования англо-американскими монополиями гитлеровских вооружений. Эти вооружения предназначались для нанесения сокрушительного удара по Советскому Союзу, но возлагавшиеся на них надежды потерпели крушение. В результате экономическая база капиталистических государств Европы оказалась в корне подорванной и

они в дальнейшем стали сами жертвами гитлеровской агрессии.

Победа, одержанная над фашизмом главным образом благодаря мощи Советского Союза, повысила не только моральный авторитет и влияние Советского государства, но и его могущество. Советская политика — политика упрочения мирных отношений между всеми народами — оставалась неизменной.

«Создав невиданный в человеческой истории образец братского сотрудничества народов различных рас и наций, — сказал Г. М. Маленков в докладе о 32-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, — мы тем самым навсегда ликвидировали политику, которая строит благосостояние одного государства на подавлении других государств»¹.

Осуществляя эту политику после второй мировой войны, Советский Союз был первым государством, которое во имя обеспечения длительного мира поставило в международном масштабе проблему разоружения и в связи с этим — устранения средств массового уничтожения людей.

По инициативе Советского Союза Московская конференция 27 декабря 1945 г. приняла декларацию по вопросу о проблеме атомной энергии в соответствии с интересами защиты мира, а 14 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных наций, также по инициативе Советского Союза, приняла резолюцию по вопросу о вооружениях, предусматривающую безоговорочное запрещение атомного оружия и осуществление такого контроля над производством атомной энергии, который обеспечил бы применение ее исключительно в мирных целях.

Советский Союз был первым государством, представившим в Организацию Объединенных наций конкретные предложения для осуществления упомянутых выше декларации и резолюции.

Представленный 11 июня 1947 г. советский проект международного контроля над атомной энергией, в противоположность американскому проекту, так называемому «плану Баруха», основывался на политике, цель кото-

---

¹ Г. М. Маленков, 32-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, 1949, стр. 16.

рой — безопасность народов; политике, стремящейся к действительному разоружению, прежде всего в области такого варварского оружия массового уничтожения, каким является атомное оружие.

Советский проект предусматривал эффективный и строгий международный контроль над всеми предприятиями по добыче атомного сырья и производству материалов и атомной энергии, который вместе с тем ничем не нарушал суверенитета государств, обеспечивая им полную возможность применять атомную энергию в мирных целях для блага их народов и всего человечества. Именно советская делегация, поддерживаемая делегациями других миролюбивых государств, стран народной демократии, и в первую очередь народно-демократической Польши, боролась и продолжает бороться в ООН, во всех ее органах, за эффективную и полную реализацию принятых единогласно и до сих пор сохраняющих свою силу постановлений по вопросу о запрещении атомного оружия и эффективном контроле над проведением этого запрета.

Советский Союз и страны народной демократии исходят при этом из той правильной предпосылки, что «только путь безусловного запрещения атомного оружия и одновременного введения строгого международного контроля может обеспечить устранение угрозы новой войны и укрепление мира и безопасности народов», — как метко подчеркнул в своей речи А. Я. Вышинский на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 12 декабря 1950 г.¹

Советский Союз был первым государством, доказавшим возможность применения атомной энергии для мирного строительства, ибо Советский Союз видит в производстве этой энергии не средство уничтожения людей, а орудие повышения их жизненного уровня и прогресса. Но мирной позиции Советского Союза и стран народной демократии, отражающей волю миллионов народных масс всего земного шара (как об этом свидетельствует могучее развитие движения сторонников мира), противостоит лагерь империализма, лагерь сторонников агрессии, сторонников применения в войне средств массового уничтожения, лагерь, во главе которого стоят Соединенные Штаты Америки.

---

¹ «Правда», 17 декабря 1950 г.

Хотя представители этого лагеря под давлением народных масс были вынуждены подписать соглашения, направленные на обеспечение мира и способные его обеспечить, но уже с момента окончания военных действий они саботировали эти соглашения, как и всякие предложения, которые могли бы способствовать урегулированию международных отношений в интересах длительного мирного сотрудничества всех существующих государств.

Наиболее ясно это обнаружилось при конкретном обсуждении вопроса об эффективных методах разоружения, особенно в области наиболее угрожающей делу мира атомной проблемы.

Соединенные Штаты Америки не желают мирного разрешения этой проблемы. Американские монополисты, вынашивающие планы мирового господства, препятствуют запрещению атомного оружия.

Они срывали всякое соглашение, построенное на принципах, уже согласованных, и на условиях, рассматривающих все государства как равноправные. В противовес этим условиям они выдвигали проект такого контроля над производством атомной энергии, который обеспечил бы американским монополиям мировую гегемонию и отдавал бы на их произвол все народы мира; этот проект сводил на нет возможность использования атомной энергии в интересах мирного развития человечества, предназначая ей только роль орудия войны. Правящие круги монополистического капитала США рассматривают атомную энергию не как средство, способное также поднять жизненный уровень американского народа. Они видят в атомной энергии исключительно эффективное оружие, при помощи которого рассчитывают и впредь держать в повиновении свой народ и прежде всего осуществить разбойничий план установления своего господства над миром.

Эти бредни питались ложными представлениями будто Америка сможет сохранить навсегда или во всяком случае на долгие годы монополию секрета производства атомной энергии и будто Советский Союз не владеет и в течение долгого времени не сможет овладеть этим секретом.

Американские монополисты не учитывали при этом, что открытие атомной энергии, как и любое другое научное и технологическое достижение, является результатом усилий множества исследователей, которые работали и работают

в различных государствах, а также, разумеется, и в Советском Союзе.

Они не учитывали того, что им не удастся монополизировать это открытие и узурпировать его исключительно в своих собственных интересах и сохранить в секрете, который ученые других стран не сумеют разгадать.

Именно на это указал в своей речи о 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции заместитель председателя Совета Министров СССР В. М. Молотов, оценивая военнополитическую роль атомного оружия.

Это понимали, впрочем, и многие представители научного мира и печати США.

В 1948 г., касаясь производства атомной энергии, Винцент Буджейя подчеркнул, что в 1928—1936 гг. советские исследователи достигли в этой области исключительно важных результатов и что русские знают по этому вопросу больше, чем кто-либо другой¹.

В представленном в том же 1948 г. Белому дому докладе Томас К. Финлеттер, председатель «комиссии пяти» по вопросам американской авиационной политики, намечал 1953 год как дату, когда другие государства смогут производить атомное оружие. Такой же нелепой точки зрения — быть может, по демагогическим соображениям — придерживались многие ученые, и в их числе даже такой видный атомник, как профессор Олифант².

Но уже тогда большинство ученых, и среди них самые крупные специалисты по радиоактивности, в том числе и американские, не разделяли мнения, будто неамериканским исследователям удастся лишь через много лет сконструировать атомное оружие. Так, видный научный сотрудник технологического института Карнеги и один из строителей плутониевого завода в Хенфорде Фр. Зейц, директор физического института в Лос-Аламосе Ганс Бете и ряд других ученых в свое время пришли к выводу, что

---

¹ V. Bugeja, The production of mesons, «New York Herald Tribune», 1948, No 20/283.

² См. «Times», March 28, 1948. Заявление Олифанта по этому вопросу было сделано в связи с его критическим замечанием по поводу сообщения московского корреспондента французской газеты «L'Intransigeant» об опытном взрыве атомного снаряда, будто бы имевшем место в Сибири.

уже в 1950 г. производство атомной энергии в Советском Союзе достигнет высокого уровня.

Такого же мнения держались авторы правительственного так называемого Комптонского отчета, согласно которому США не могут рассчитывать на какую-либо монополию в отношении атомной бомбы после 1950 г. При этом авторы отчета исходили из того, что советские исследования в этой области начались в 1945 г. Однако это было совершенно неправильно. Как указывал названный выше Буджейя, исследования в области атомной энергии в интересах развития социалистической экономики производились в СССР по крайней мере уже в 1928 г. Но даже если бы эти исследования начались в 1945 г., то исходной точкой для них вовсе не должны были служить работы англо-американо-канадских ученых. Советские исследователи могли исходить из результатов, оставивших далеко позади себя первоначальную стадию исследований и резко на ряд лет сокративших производственный процесс.

Учитывая и это, лауреат Нобелевской премии профессор Ирвинг Ленгмюр справедливо указывал, что Советский Союз в состоянии быстро перегнать Америку не только в области атомного вооружения, но и в производстве атомной энергии вообще¹.

Те, кто утешал себя иллюзиями, будто только Соединенные Штаты Америки владеют секретом производства атомной энергии и смогут удержать монополию на него, должны были распрощаться с такими иллюзиями, узнав, что 15 декабря 1948 г. знаменитый ученый и деятель коммунистической партии Франции и всемирного движения за мир — профессор Жолио-Кюри пустил в ход атомную установку в форте Шатильон. Таким же ударом по этим иллюзиям должен был явиться опыт, произведенный одновременно другим видным ученым-коммунистом и борцом за мир — профессором Максом Козинсом, руководителем Брюссельского центра атомных исследований; этот ученый опередил США в ряде исследований по меньшей мере на два года.

---

¹ P. M. S. Blackett, *Military and Political Consequences of Atomic Energy*, London, 1948, p. 92, а также приложение, содержащее доклад Комптона. См. также *One world or none. A report to the public on the full meaning of the atomic bomb*, 1946, p. 49.

Эти иллюзии должны были окончательно исчезнуть после того, как 1 октября 1948 г. А. Я. Вышинский, в то время заместитель министра иностранных дел СССР, выступая на заседании Политического комитета Организации Объединенных наций, сделал заявление, исключаящее какие бы то ни было сомнения ¹.

Из этого заявления совершенно ясно следовало, что всякие предположения, будто США монопольно владеют секретом производства атомной энергии, лишены всяких оснований.

Таким образом, наиболее видные американские эксперты не сомневались и не могли сомневаться в том, что Советский Союз может располагать либо уже располагает атомным оружием, еще до сообщения, сделанного в сентябре 1949 г. президентом Трумэном в связи с якобы происшедшим атомным взрывом в СССР, и до сообщения агентства ТАСС, подтвердившего, что Советский Союз овладел секретом производства атомного оружия еще в 1947 г. ².

Об этом свидетельствует также адресованное президенту Трумэну письмо Лео Шиларда от имени американских специалистов-атомников, в котором содержалось требование добиваться мирного разрешения всех спорных международных вопросов и не рассчитывать на монополию в области атомного вооружения ³.

Об этом свидетельствует и позиция американских ученых-атомников, занятых в исследовательском центре Окридже, призывавших американское правительство добиваться международного соглашения и создания благоприятной атмосферы для дальнейшего развития науки и предания гласности так называемого секрета атомного производства, который, по их мнению, не имеет никаких шансов оставаться предметом чьей бы то ни было монополии.

Этот призыв был поддержан учеными атомной лабораторией в Лос-Аламосе, а также учеными Чикагского и Колумбийского университетов, объединившимися в одну федерацию. Эти ученые выступили против сторонников

---

¹ «Правда», 2 октября 1948 г.

² «Правда», 25 сентября 1949 г.

³ Atom war impossible, They say, «The People», December 28, 1947.

монополистических тенденций, против тех, кто настаивал на отказе от разрешения проблемы международного контроля над атомной энергией на базе соглашения, которое отвечало бы интересам всех государств¹.

Подобные взгляды были не чужды и многим американским политикам. Еще в 1946 г. сенатор Фулбрайт предлагал передать контроль над атомной энергией Совету Безопасности на основе принципа единогласия великих держав. Точно так же и демократ Дуглас призывал тогда к передаче всех информации, касающихся атомной энергии, Организации Объединенных наций. Одновременно и сенатор Моиз требовал предать гласности эти информации, уже не являющиеся по сути дела секретом, чтобы ослабить напряжение в международных отношениях и устранить недоверие к США.

Обращение от имени 400 ученых Лос-Аламоса и Вильсона — представителя Ассоциации этих ученых, призыв демократа Холифилда, а также радиокomentатора Эванса к достижению соглашения в интересах международной безопасности и к отказу от гонки вооружений точно так же исходили из той предпосылки, что нельзя сохранить монополию в области производства атомной энергии².

Аналогичной точки зрения придерживались и многие английские ученые. Широкую известность приобрел разработанный ими меморандум, цитированный товарищами Молотовым и Вышинским в 1947 г. в ООН и встреченный с признательностью всеми передовыми людьми науки и техники всего мира³.

Чем иным, как не политическим шантажом, и к тому же шитым белыми нитками, была и остается в свете всего вышеизложенного позиция США, добывающихся установления таких методов международного контроля над атомной энергией, которые создавали бы для Америки исключительные привилегии?

Впрочем, бывший военный министр США Стимсон вынужден был признать, что атомную бомбу в Америке рас-

---

¹ См. М. Рубинштейн, Атомная политика и наука, «Новое время», 1946, № 6.

² См. Толченов в М., Дискуссия об атомной бомбе в иностранной печати, «Новое время», 1945, № 11 (21).

³ См. письмо генерального секретаря британской Ассоциации научных работников Роя Иннеса, «Times», December 9, 1947.

смаатривают исключительно как орудие политики шантажа, особенно против СССР.

Ведущие круги американского монополистического капитала питали надежду, что угрозой применения атомной бомбы им удастся не только поставить Советский Союз на колени, но даже заставить его изменить свой строй¹.

Этим стремлением использовать атомное оружие как средство шантажирования других народов объяснял американскую политику в этой области еще 2 октября 1945 г. известный своей близостью к официальным кругам США радиокомментатор Суинг².

Ибо эта политика, враждебная интересам мира, как в том признался в минуту откровенности даже такой далекий от каких бы то ни было симпатий к Советскому Союзу недавно умерший теоретик лейбористской партии Гарольд Ласки, имела своей целью прежде всего сохранить монополию на атомную энергию в руках США, предотвратить возможность передачи секрета производства атомного оружия Советскому Союзу, секрета, который не был и не является секретом³. Эта политика, как выразился сенатор Маккеллар, является политикой обеспечения за Америкой максимума выгод и привилегий, политикой шантажирования угрозой применить страшное орудие уничтожения.

Американские политики добивались и добиваются таких привилегий, которые позволили бы им вмешиваться в хозяйственную жизнь всех государств и подчинить их себе, в то же время не будучи вынужденными раскрывать тайну атомного оружия, прекращать его производство или ликвидировать его запасы.

При этом американские монополисты хотят гарантировать себе такие позиции, с которых они могли бы, говоря словами профессора Жолио-Кюри, действовать, как тот разбойник, который согласен договориться со всеми при том лишь условии, чтобы в его руках оставалось заряженное ружье, готовое в любую минуту выстрелить, тогда как

---

¹ Stimson H. and Mc. George Bundy, On Active Service in Peace and War, 1948, p. 641—642.

² См. цитированную выше статью Толченова.

³ См. М. Рубинштейн, Новая энергетика и старые люди, «Новое время», 1945, № 14.

другие оставались бы безоружными и потому были вынуждены капитулировать¹.

Чем объяснить тот факт, что американские монополисты стоят на такой позиции, хотя у них не может быть никакого сомнения насчет того, что Советский Союз и страны народной демократии не позволят поступить с собой так, как упомянутый вооруженный бандит поступал со всеми безоружными жертвами?

Чем объяснить тот факт, что американские империалисты стоят на такой позиции и теперь, когда всякие иллюзии относительно монопольного положения США в области атомного оружия исчезли, когда на всем земном шаре нарастает отпор народных масс политике атомного шантажа, угрожающей миру, которого эти массы жаждут и который они в состоянии защитить?

Чем объяснить тот факт, что, несмотря на все это, правительство американских монополий берет на себя огромную ответственность за срыв работы Комиссии по атомной энергии ООН?

Чем объяснить тот факт, что своей политикой, с самого начала чуждой духу соглашения и стремлению довести переговоры до результатов, которые отвечали бы воле всех искренних сторонников мира, американская делегация не только сорвала в созданной для этого Комиссии разработку положительной и конкретной программы эффективного контроля над атомной энергией, но и показала (как подчеркнул еще 23 июня 1948 г. делегат УССР в ООН Д. З. Мануильский), что США вообще не хотят ни такого контроля, ни такого разоружения?

Было бы наивно предполагать, что американские монополисты, упорно придерживаясь своей первоначальной позиции, были убеждены, что они на самом деле сохраняют — либо могут в течение длительного времени сохранить — монополию производства атомного оружия и при его помощи навязывать другим свою волю.

Приведенные выше выступления американцев и данные, которые более подробно будут изложены ниже, равно как и тот факт, что позиция американского правительства не изменилась и после опубликования сообщения ТАСС

---

¹ Joliot-Curie, La science atomique au service de la mort? «Democratie Nouvelle», Mai 1948, p. 10.

о том, что СССР располагает атомным оружием, — все это говорит о противоположном.

Близорукость и классовый характер политики американского монополистического капитала, который стремится не допустить использования атомной энергии в мирных целях и в то же время стремится завладеть мировыми атомными ресурсами исключительно к своей выгоде, который готов осуществить свои экспансионистские планы путем развязывания новой военной трагедии, — вот что побудило США провалить советский проект установления эффективного международного контроля над атомной энергией.

Не следует забывать, что исключительным хозяином как месторождений сырья, лабораторий и заводов по производству атомной энергии, так и изготовленных на этих заводах атомных бомб является не американский народ, а исключительно крупный монополистический капитал. Международный концерн радия и урана — фирмы «Вестингауз», «Дюпон де Немур», «Дженерал электрик», — которому Дюпон передоверил 1 сентября 1946 г. свою деятельность в этой области, а также другие монополии, имеющие агрессивный характер, как известно, уже в течение ряда лет связаны с немецкими агрессивными монополиями «И. Г. Фарбениндустри», «Фёрейнигте Штальверке» и АЭГ (Всеобщая компания электричества); эти монополии определяют направление американской политики, включая и столь выгодную для них политику вооружений в целом (особенно же атомного вооружения), политики, ведущей к новым конфликтам и тем самым к новым, все более обильным источникам прибылей¹.

По расчетам американских монополистов, занимающихся производством атомной энергии, сооружение одного циклотрона обходится в 700—800 тыс. долларов, создание реактора для производства атомной энергии стоит около 50 млн. долларов, а стоимость целого завода составляет не менее полумиллиарда долларов.

Эти огромные суммы, уплачиваемые американскими налогоплательщиками и американскими потребителями,

---

¹ См. Castet L., «Libération», 5 juillet, 1946, а также М. Рубинштейн, Монополистические тресты — хозяева атомной энергии, «Новое время», 1946, № 14.

подвергающимися ограблению американскими монополиями, являются источником фантастических прибылей крупных монополистов, и в особенности концерна Моргана *. И именно для того, чтобы обеспечить себе эти гигантские прибыли, американские монополисты взяли в свое ведение непосредственное руководство политикой своего правительства в области атомной энергии, направляя ее в выгодном им направлении. Дальнейший рост и развитие принадлежащей им военной промышленности, особенно атомного производства, не только обеспечивают сохранение этих прибылей, но и их неудержимый рост.

Неудивительно поэтому, что из 8 членов американской правительственной комиссии, сформированной еще 7 августа 1945 г. военным министром США Стимсоном, — трое находились в тесной связи с банкирским домом Моргана, а двое других установили эту связь впоследствии. Сам Стимсон, как известно, является членом фирмы юрисконсультов, обслуживающей моргановский концерн «Комонвелс энд Саутерн». Заместитель председателя комиссии Джордж Харрисон исполнял обязанности председателя моргановского предприятия «Нью-Йорк лайф иншуренс К°» и директора моргановского «Ферст нейшл бэнк». Джеймс Бирнс, государственный секретарь США, по выходе в отставку занял место директора фирмы «Ньюмонт майнинг К°», принадлежащей компании Моргана. Член комиссии — помощник министра морского флота Ральф Бард — является директором моргановской «Чикаго корпорейшн», связанной с «Мидл стейт утилитес», находящейся под влиянием финансовой группы Моргана. Член комиссии Джеймс Б. Конант исполняет обязанности ректора Гарвардского университета, контролируемого Морганом. Другие члены комиссии: доктор Карл Т. Комптон — президент института технологии в Массачусетсе, зависящего от концерна Дюпона; представитель американских финансовых кругов, бывший помощник государственного секретаря Вильям Клейтон и доктор Ванневан Буш — председатель одного из учреждений, подведомственных тому же банку «Карнеги институшн оф Вашингтон».

---

* Представители группы Моргана тесно связаны с указанными выше монополистическими фирмами. — *Прим. ред.*

Автор американского плана «контроля» над атомной энергией, Барух, бывший компаньон Бирнса, возглавляет одну из самых могущественных финансовых групп монополистического капитала США; свою карьеру он начал в дирекции контор по продаже медных рудников, принадлежавших концерну Моргана — Гуггенгейма; с этим концерном до сих пор связан его брат Герман — директор моргановской «Техас галф сулфур К°».

Общеизвестны также теснейшие связи соавтора плана Баруха — нынешнего государственного секретаря Ачесона — с крупным американским монополистическим капиталом.

Ближайшими сотрудниками Баруха были: 1) Давид Лилиенталь — доверенное лицо фирм, управляемых концерном Моргана — Рокфеллера, 2) Фред Сирлз младший — председатель моргановской «Ньюмонт майнинг К°», 3) Герберт Байард Суоп, брат которого Герхард состоит на службе у Моргана с 1895 г., а в 1922—1939 гг. был председателем моргановской «Дженерал электрик», 4) Джон Милтон Хэнкок — акционер находящегося в сфере влияния Моргана банка «Братья Леман» и 5) Фердинанд Эберстедт — столп химической промышленности и акционер концерна «Диллон Рид».

Преемником Баруха в Комиссии по атомной энергии ООН от США был назначен Фредерик Осборн — представитель контролируемой Морганом фирмы «Фелпс-Додж».

В качестве советников по вопросам промышленности при американской делегации в Комиссии по атомной энергии были выделены по три представителя от концерна Рокфеллера и от группы Моргана и по одному представителю от группы Меллона (которая совместно с банком «Кун, Леб и К°», Меллонами и Рокфеллером контролирует фирму «Вестингауз электрик»), от группы Дюпон «Шеллоил» и «Интернейшнл никель», подчиненной Моргану и Рокфеллеру, где функции одного из директоров выполняет Джон Фостер Даллес.

Руководителем комитета по вопросам сырья Комиссии по атомной энергии был выдвинут Джон К. Густафсон из моргановской «Ньюмонт майнинг К°». В 1950 г. Трумэн включил в состав этой комиссии членов правления ряда могущественнейших американских банков Т. Мэррея и

представителя уже упоминавшегося нами финансового концерна «Кун, Леб и К°» — Страусса¹.

Могут ли быть какие-либо сомнения относительно политики всех этих людей, разжиревших на капиталах, обогащенных человеческой кровью, пролитой во время всевозможных военных авантюры?

В тот период, когда еще продолжалась война, а производство атомной энергии находилось в стадии экспериментов и непосредственная прибыль от нее была ограничена, монополисты добились, чтобы атомная промышленность находилась в ведении правительства. Это было выгодно им по двум причинам. Прежде всего это освобождало их от необходимости открыто выступать против весьма популярных в то время требований, чтобы военные предприятия находились в руках государственного аппарата, тем более, что этот аппарат контролировался ими же. С другой стороны, они освобождались от риска и расходов в период, когда атомная промышленность ничего еще не производила, а требовала лишь громадных капиталовложений, дававших, впрочем, монополистам даже тогда вполне удовлетворительные доходы.

Но едва только была изготовлена первая атомная бомба, едва только рассеялось облако над пепелищами Хиросимы и Нагасаки, а по количеству трупов и по объему разрушений можно было оценить эффективность атомных бомб, стало ясно, что атомная промышленность сулит прибыли, неизмеримо большие, чем даже производство артиллерийских орудий или танков, — те же монополисты сумели убедить конгресс, что атомную промышленность следует «денационализировать», что только частная собственность в области атомной промышленности может обеспечить наиболее эффективное использование не только месторождений урана, но и тех промышленных предприятий, где сырье превращается в орудия смерти.

Атомная промышленность в США была передана морганам и рокфеллерам. Именно морганы, рокфеллеры и барухи являлись авторами проекта, реализация которого должна была обеспечить им обладание этой отраслью промышленности и необходимыми источниками сырья во всем

---

¹ Tabitha Petran, Was the atom split for J. P. Morgan? «National Guardian», 1949, vol. 2, No 10.

мире. Такая реализация должна была обеспечить им возможность шантажа, ведения «холодных войн», как первого этапа на пути к «войнам горячим», к тем войнам, из которых выросла их финансовая мощь и без которых эта мощь не только не может расширяться, но даже и оставаться на уже достигнутом уровне.

Таким образом, попытка навязать миру план Баруха отражает стремление американских монополистов использовать атомную энергию исключительно в агрессивных целях.

Эти цели, направленные к установлению мирового господства, лежат в основе политики американского правительства, проводимой этими монополиями.

Осуществлению этих целей служат, наряду с попытками скорейшего введения в действие плана Баруха, также различные агрессивные блоки, начиная от плана Маршалла, через Северо-атлантический пакт и вплоть до таких заговоров против дела мира, каким явилась Брюссельская конференция осенью 1950 г., на которой было решено возродить «вермахт» под командованием амнистированных гитлеровских военных преступников*.

Огромные прибыли, извлекаемые военными концернами, в том числе монополиями, производящими атомное вооружение, — вот где следует искать корни плана Баруха.

Контролируемая Морганом компания «Дженерал электрик», выполняющая крупнейшие государственные заказы, связанные с производством атомной энергии, за один только первый квартал 1950 г. довела свою чистую прибыль до 36,8 млн. долларов, тогда как за тот же период 1949 г. прибыли этой компании составляли 26,7 млн. долларов. Прибыли уже упоминавшегося нами концерна Дюпона увеличились за тот же период с 43,5 до 54,5 млн. дол-

---

* Цепь агрессивных «блоков» и «планов» продолжает неуклонно расти. Американские империалисты проводят «план Шумана», «план Плевена», организуют средиземноморский и средневосточный блоки, усиленными темпами осуществляют ремилитаризацию Германии и Японии. См. речь тов. А. Я. Вышинского в Генеральной Ассамблее ООН 8 ноября 1951 г. («Правда», 9 ноября 1951 г.), а также ноты Советского правительства: правительству Франции 11 сентября 1951 г. («Правда», 12 сентября 1951 г.) и 19 октября 1951 г. («Правда», 20 октября 1951 г.), правительствам Египта, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Израиля 21 ноября 1951 г. («Правда», 23 ноября 1951 г.) и правительствам США, Великобритании, Франции и Турции 24 ноября 1951 г. («Правда», 25 ноября 1951 г.). — *Прим. ред.*

ларов. «Дженерал моторс корпорейшн», чистый доход которой во втором квартале 1949 г. составил 167 млн. долларов, получила во втором квартале 1950 г. уже 272,8 млн. долларов чистой прибыли, всего же за первое полугодие 1950 г. — 485,2 млн. долларов, т. е. на 181,6 млн. больше, чем за первое полугодие предшествовавшего, 1949 года.

Так же стремительно растут прибыли «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» и других монополий, производящих наряду с разными видами вооружения также атомные бомбы или оборудование для предприятий, занятых их производством. Вот почему американское правительство так упорно настаивает на реализации плана Баруха и уклоняется даже от обсуждения любого другого компромиссного разрешения атомной проблемы. Вот почему оно занято только тем, чтобы парализовать всякие попытки использования атомной энергии в мирных целях и стремится к ее использованию исключительно в военных целях¹.

Разумеется, отдельные американские ученые и прогрессивные круги прекрасно отдают себе отчет в подлинных намерениях монополий, нашедших свое воплощение в официальной американской политике. Известен ряд случаев, когда эти ученые, убедившись, что их протесты остаются безрезультатными, отказывались от сотрудничества с официальными американскими учреждениями². Редактор научного отдела газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» О'Нейл утверждает, что именно американские монополистические военные круги не позволяют использовать атомную энергию в промышленности мирного времени и тем самым несут всю полноту ответственности за политику применения атомной энергии исключительно в военных целях³.

Капиталистические круги приписывают не только военное, но и моральное значение возможности пользоваться атомным оружием, не ограниченной никакими международными соглашениями. Они хотят использовать атомное оружие в качестве пугала, при помощи которого они на-

---

¹ См. речь А. Я. Вышинского на Генеральной Ассамблее ООН 12 декабря 1950 г., «Правда», 16 декабря 1950 г.

² См. М. Рубинштейн, Атомная политика и наука, «Новое время», 1946, № 6.

³ См. М. Рубинштейн, Что мешает мирному использованию атомной энергии, «Новое время», 1946, № 19.

деются, опираясь на мощь США, сохранить навсегда власть капитала над человечеством.

Призывая к войне против СССР, лорд Рассел в докладе, сделанном осенью 1947 г. в Королевском имперском обществе в Лондоне, заявил совершенно открыто, что задержать развитие коммунизма в какой-либо мере можно исключительно угрозой применить атомную бомбу. Несколько недель спустя тот же Рассел, а с ним десять таких же видных поборников сохранения империализма любой ценой, как леди Вайолет Бонхем Картер, лорд Брабазон, лорд Ванситтарт, лорд Квидэл, а также лейбористские депутаты Блекборн, Ланг и О'Брайен, подписали 21 декабря 1947 г. обращение, призывавшее премьера Эттли и президента Трумэна предупредить СССР, что в случае дальнейшего развития коммунизма будет начата атомная война¹.

Этому обращению вполне соответствует речь Черчилля в Лландудно 9 октября 1948 г., произнесенная в период работ третьей сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций, как раз в это время обсуждавшей проблему упрочения мира. В этой речи Черчилль, ссылаясь на свою пресловутую речь в Фултоне (март 1946 г.), без стеснения призывал к атомной войне, угрожая провоцированием такой войны, если в столицах Восточной Европы сохранится режим народной демократии, то есть если народы этих стран будут строить социализм.

Примерно так же звучали американские выступления, исходившие из среды реакционных деятелей науки, политики и особенно из военных кругов, развивавших теории блицкрига в новом издании, теории, непосредственным источником которой является идеология гитлеризма и его военная доктрина, преследующая ту же цель — устранение прогрессивных элементов, борющихся за повышение жизненного уровня народных масс, за обуздание власти монополий, за использование научных изобретений в интересах всего человечества.

В этом отношении особенно характерна уже цитированная американская публикация под названием «Единый мир — или никакого мира».

---

¹ См. *Danger of atomic war*, «Times», December 21, 1947. Приведенное выступление Бертрана Рассела отчетливо характеризует социальный облик его философии.

В этом документе мы находим заявления крупнейших специалистов-атомников, таких, как Бор, Оппенгеймер, Бете и другие, что единственное разрешение проблемы атомной энергии может дать международное сотрудничество; только с его помощью можно добиться, чтобы новое открытие стало не несчастьем, а благодеянием рода человеческого. Тем не менее в этой работе красной нитью проходит мысль, что осуществление такого сотрудничества и, стало быть, использование атомной энергии в мирных целях является химерой и что в настоящее время речь может идти только о создании первоклассного оружия, при помощи которого легко одолеть любого врага.

Правда, Риденауэр в этой книге высказывается в том смысле, что средства самозащиты от атомной бомбардировки нельзя считать полностью исключенными, хотя и в случае их использования результаты применения атомного оружия будут страшными. Он считает экономическим абсурдом попытки использовать атомную энергию в промышленности и не видит путей к тому, чтобы эффективно ослабить военное преимущество той стороны, которая первая применит атомное оружие; при этом он явно хочет, чтобы этой стороной были Соединенные Штаты.

По мысли другого соавтора вышеназванного коллективного труда — генерала Арнольда, — проблема обороны «безоружной» и «угрожаемой» Америки от выдуманной в провокационных целях опасности атомного нападения сводится по существу к вопросу о предупредительном применении вооруженных сил США, включая атомные бомбы, иначе говоря, о превентивном молниеносном нападении в целях развязывания преступной агрессии. Другой участник этого коллективного труда — Юнг — заявляет, что использование атомной энергии в хозяйственных целях возможно в ближайшем будущем, но невыгодно, так как может привести к массовой безработице среди лиц, занятых в конкурирующих отраслях промышленности, вызвать социальные потрясения и, что особенно важно, привести к обесценению огромных капиталовложений в таких отраслях промышленности, которые перестанут быть рентабельными, поскольку атомная энергия заменит, например, уголь, нефть или электричество.

Неудивительно поэтому, что единственным, по логике вещей напрашивающимся выводом из всех этих откоро-

венно реакционных и империалистических положений явился вывод, сделанный Липпманом; он заявляет, что необходимо силой преодолеть сопротивление государств, возражающих против американского проекта контроля над атомной энергией, при помощи атомных бомб навязать свою волю всем народам и создать единое мировое государство, с единственным — разумеется, американским — правительством¹.

То же утверждал в марте 1947 г. член палаты представителей Джордж Г. Эрл. Он заявил, что если советское правительство не согласится с предложенным США планом контроля над атомной энергией, то надо сбросить на Советский Союз атомную бомбу.

Тезис о целесообразности предъявления Советскому Союзу «атомного ультиматума» выдвинул еще совсем недавно в одной из своих речей в палате общин в 1950 г. поджигатель войны № 1 Черчилль, призывая к превентивной войне и требуя «использовать атомное превосходство, пока еще не поздно». Вслед за ним применить атомную бомбу против СССР рекомендовал на страницах газеты «Дейли мейл» (16 августа 1950 г.) бывший английский посол во Франции Дафф-Купер, а помощник статс-секретаря английского министерства авиации Алдан Кроули пошел еще дальше и, выступая в духе речи лидера демократов в сенате США Скотт-Лукаса (18 августа 1950 г.), потребовал забросать СССР «лавиной атомных бомб».

О разбойничьем лице сторонников этих заранее обреченных на провал людоедских концепций можно судить по тем аргументам, при помощи которых они хотят доказать правильность своих «расчетов». Так, соавтор документа «Абсолютное оружие», составленного псевдоучеными Иельского университета, профессор Броди доказывал, что атомная бомбардировка — вещь относительно дешевая, поскольку при помощи одной атомной бомбы, производство которой обходится якобы примерно в миллион долларов, можно причинить противнику ущерб, превышающий миллиард долларов². Торнтон Пейдж на

---

¹ One world or none, p. 32, 49, 75. См. также М. Рубинштейн, Контуры атомного века в представлениях американских ученых, «Новое время», 1946, № 12.

² См. М. Рубинштейн, Под маской гуманизма, «Новое время», 1947, № 33.

страницах органа американцев — воспитанников Оксфордского университета «Америкен Оксониен», забывая о том, какие плоды пожали авторы гитлеровских теорий блицкрига, развивает теорию молниеносной воздушной войны фашистского генерала Дуэ и молниеносной танковой войны английского генерала Фуллера. Пейдж не мог, конечно, предвидеть катастрофы, которой завершился авантюристический блицкриг Макартура в Корее, и всячески восхваляет «атомное оружие как идеальное средство реализации планов», молниеносный удар атомным оружием как единственное, по его мнению, средство привести СССР в состояние покорности.

В своей речи 23 марта 1950 г. генерал Эйзенхауэр — главнокомандующий агрессивными так называемыми объединенными вооруженными силами участников Атлантического пакта, видимо, в связи со всеми этими концепциями, счел необходимым заявить, что «лучше рискнуть войной, которая довела бы даже до уничтожения, нежели стремиться к миру, означающему закат свободы». Ясно, что речь идет о свободе монополистов США господствовать над миром.

Политики, ученые и военные типа Эрла, Броди и Эйзенхауэра занимаются в данном случае не только шантажом, но и подготовкой общественного мнения к организованной агрессии и к возможному использованию атомной бомбы; то, что они преследуют именно такие цели, явствует из выступлений наиболее ответственных государственных деятелей США.

В связи с атомной бомбардировкой японских городов президент и главнокомандующий вооруженными силами США Трумэн заявил однажды, что не поколеблется еще раз отдать приказ о такой бомбардировке, если того потребуют интересы Соединенных Штатов. И если Трумэн не отдал приказа сбросить атомную бомбу на героический корейский народ, защищающий свою свободу, то, разумеется, не потому, что в этом не заинтересованы американские монополии и не из-за аргументов господина Эттли, капитулировавшего в Вашингтоне перед американским президентом; Трумэна удержала решительная позиция народных масс, проявившаяся на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира, и, быть может, боязнь разделить судьбу тех, кого народы объявили военными преступни-

ками. Видимо, за это — а возможно, и за другое — он подвергся суровой критике со стороны такого влиятельного представителя его доверителей из концерна Моргана и связанных с ним монополий, каким является Джон Фостер Даллес. В опубликованной последним в 1950 г. книжке под названием «Война или мир» утверждается, что у Соединенных Штатов есть только одно средство подчинить народы своей воле: это средство—сила. В речи, произнесенной 29 декабря 1950 г. в связи с агрессивной декларацией Гувера, он, как бы издеваясь над Организацией Объединенных наций, в кругу друзей этой Организации заявил, что американская политика не может быть только оборонительной политикой. По мнению Даллеса, очаги вооруженных сил США должны являться центрами, откуда могут быть использованы любые средства уничтожения врага. Американский арсенал должен, по Даллесу, содержать целый ряд средств нападения — Даллес дал понять, что речь идет также об атомном вооружении, — которые могли бы для успеха дела гарантировать гибкость, подвижность и возможность нападения на противника врасплох.

Характерно, что и церковь использует атомное оружие для шантажирования народных масс. 13 апреля 1948 г. был опубликован отчет комиссии, образованной архиепископами Кентерберийским и Йоркским, под наименованием «Церковь и атом». В этом отчете нет недостатка в выражениях, осуждающих применение атомных бомб, но лишь... в прошлом, поскольку речь идет о принуждении Японии к безоговорочной капитуляции, хотя, впрочем, известно, что эта капитуляция произошла не в результате действия американских бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, а вследствие разгрома японской армии советскими войсками.

Но тот же отчет оправдывает применение атомной бомбы в будущем, в новой, «справедливой» войне против «бессовестного агрессора»... в войне против стран, сбросивших с себя ярмо капиталистической неволи и ставших на путь сопротивления новой агрессии, в войне против народов, добивающихся национального и социального освобождения¹.

---

¹ См. «Times», April 20, 1948, а также сатирическое стихотворение «Atomic Bull» («Атомная булла»), опубликованное одновременно в журнале «The New Statesman and Nation».

Вот что говорил папа в рождественском послании 1948 г.: «Пусть Организация Объединенных наций исключит из своих органов и из своих уставов всякий след своего возникновения на почве солидарности, возникшей во время войны».

Таким образом папа поощрял американских политиков к еще более циничному нарушению тех самых обязательств, которые они были вынуждены подписать на следующий день после окончания военных действий, в том числе и обязательств, касающихся мирного урегулирования атомной проблемы.

Неустанно призывая к защите «западной цивилизации», то есть явно перефразируя уже сформулированный лордом Расселом, Эрлом и другими поджигателями войны тезис о необходимости агрессии империалистических государств против народов, строящих социализм, и против колониальных народов, борющихся за свое освобождение из-под империалистического ярма, официальный орган Ватикана «Оссерваторе Романо» рекомендует восстановить гитлеровский «вермахт», дабы иметь возможность в корне пресечь события, подобные тем, какие произошли в Корее, где, как известно, народные массы воспротивились планам их порабощения американскими агрессорами.

28 марта 1949 г. эта же газета выступила с осуждением «оппозиции в ООН», то есть тех сил, которые под руководством Советского Союза борются против превращения Организации Объединенных наций в инструмент политики США, в инструмент политики агрессии.

«Эта оппозиция, — злобно писал «Оссерваторе Романо», — добивается одобрения таких бессмысленных проектов, как проекты запрещения применять атомное оружие или сокращения вооружений».

Таким образом, Ватикан без всяких оговорок заявляет, что требование движения сторонников мира, под знаменами которого собралось уже свыше полумиллиарда людей на всех континентах для борьбы с силами, толкающими к войне и к применению атомного оружия, — что это требование противоречит, по его представлению, нормальному человеческому рассудку.

В хоре голосов, выступающих в интересах американских монополистов, стремящихся не допустить мирного урегулирования международных отношений и прежде

всего сорвать усилия лагеря мира в области разоружения и уничтожения атомной энергии, не могли, конечно, не прозвучать, наряду с явными империалистами и их союзниками из Ватикана, также голоса социал-демократов и титовцев. В этом отношении заслуживает внимания заявление руководителя шведской социал-демократии премьер-министра Таге Эрландера. Ему стыдно, заявил он, что воззвание о мире именуется Стокгольмским воззванием. По-видимому, для того чтобы избежать подобного же «позора», лейбористское правительство запретило проведение Конгресса мира в английском городе Шеффилде, того исторического конгресса, который осудил атомное оружие и другие орудия массового уничтожения.

На ежегодном конгрессе британских тред-юнионов в 1950 г. в Брайтоне в числе других была принята резолюция, осуждающая действия всемирного движения защитников мира, особенно же сбор подписей под Стокгольмским воззванием. Большинство конгресса в категорической форме отклонило резолюцию, требующую возобновить усилия для создания международного контроля над атомной энергией и запрещения атомного оружия.

Мировое демократическое общественное мнение реагировало на эту резолюцию с таким же возмущением, как и на выступление Тито 25 мая 1950 г.

В этой речи, рассчитанной на то, чтобы «оправдать» запрещение собирать подписи под Стокгольмским воззванием в Югославии, запрещение, на которое не решилось пойти даже американское правительство, Тито заявил, что необходимо отложить на неопределенно долгое время — до разрешения всех других проблем, обостряющих международное положение — разрешение столь важного для дела мира вопроса, как вопрос о запрещении атомного оружия¹.

Но история империалистических войн служит лучшим доказательством того, как ненадежны даже наиболее варварские средства, применяемые терпящим крушение общественным строем в борьбе против народов, борющихся за свою свободу и национальную и социальную независимость.

---

¹ См. Жорж Коньо, Разоблаченные предатели, «За прочный мир, за народную демократию!», 1950, № 29/89.

«Никакими бомбами, никакими танками нельзя излечить послевоенные проблемы, терзающие мир, нельзя оградить испуганные господствующие классы от коммунизма», — вынужден был признать еще весной 1948 г. редактор лейбористского журнала «Нью стейтсмен энд нейшн».

«Ни одно оружие, даже такое страшное, как атомная бомба, — писал он в минуту откровенности, — не может предрешить исхода классовой борьбы... Американская военщина и сановники в Вашингтоне, которые еще в 1946 г. так жаждали превентивной войны (для удушения коммунизма в СССР. — М. М.), давно сбросили бы атомную бомбу на Россию, если бы не понимали, что ответом было бы немедленное занятие Советской Армией всей Европы и революционные перевороты во всем мире. У них, впрочем, нет ни солдат, ни самолетов и главное поддержки общественного мнения для такого предприятия. Преследуемые ими цели неосуществимы. Если бы им даже удалось убедить конгресс — что отнюдь не бесспорно, — то остается еще самая важная дилемма: невозможность победы, если понимать ее в смысле покорения и оккупации Советского Союза»¹.

Подобные же мысли высказывали и высказывают многие политические деятели и передовые ученые капиталистических стран.

Здесь целесообразно привести мнение профессора университета в Сан-Пауло доктора Марио Шенберга, опубликованное на страницах южноамериканской газеты «Жорнал де дебатес». Доктор Марио Шенберг пишет, что капиталистические государства не в состоянии при помощи атомных бомб ни смягчить свои нынешние затруднения, ни предотвратить их в будущем. По мнению этого ученого, атомные бомбы не могут уберечь США от кризисов, обеспечить им новые рынки сбыта и господство над миром².

Американский контр-адмирал Серсфилд (Thursfield) выразил свое убеждение в том, что при помощи атомных бомб вообще нельзя выиграть войну³.

---

¹ См. «The New Statesman and Nation», March 20 and 27, 1948.

² См. М. Рубинштейн, Монополистические тресты — хозяева атомной энергии, «Новое время», 1946, № 14.

³ См. «Times», August 15, 1945.

Ни американские конструкторы атомного оружия — доктор Опленгеймер, доктор Лапп, — ни даже начальник американского генерального штаба Брэдли, ни генерал Эйзенхауэр, адмиралы Хэлси и Галлери, как и ряд других американских военных, не смогли опровергнуть этого утверждения Серсфилда, отнюдь не продиктованного любовью к миру. Эти лица оказались вынужденными недвусмысленно признать, что не приходится рассчитывать на покорение Советского Союза при помощи атомного оружия.

Известный американский военный эксперт доктор Стифен Поссоны, ссылаясь на мнение этих лиц, а также на заявления английского генерала Фуллера, английского профессора Блекетта, французского профессора Камилла Ружерона и американского специалиста-атомника профессора Моррисона, в работе, опубликованной на страницах официального органа американских вооруженных сил «Инфантри джорнел», пришел к выводу, что теория о возможности победы Америки при помощи атомного вооружения — ни на чем не обоснованный миф¹.

В этом смысле симптоматична произнесенная по радио 29 декабря 1950 г. речь такого поджигателя войны, каким является бывший президент США Гувер. Он заявил без всяких оговорок, что не приходится рассчитывать на атомную бомбу и что нельзя силой оружия покорить СССР, Народный Китай и страны народной демократии. Призывая к агрессии, он подверг резкой критике «атомную» внешнюю политику США и ее организаторов — Трумэна и Ачесона.

Поистине не надо быть политиком высокого класса, ученым или военным, чтобы понять, что атомная дипломатия, дипломатия военных угроз есть не что иное, как, повторяя выражение английского журнала «Нью-стейтсмен энд нейшн», обычный блеф².

Из всего этого не следует, разумеется, делать неправильные выводы. Нельзя недооценивать опасности атомного оружия и ослаблять или пренебрегать борьбой за эффективные формы контроля над атомной энергией, за

---

¹ См. M. Werner, A Bomb will bring War but never a Victory, «National Guardian», 1949, No 8; Blackett, op. cit., p. 74, 179.

² См. «The New Statesman and Nation», March 20 and 27, 1948.

запрещение атомного оружия в международном масштабе. До тех пор пока это оружие остается в неконтролируемых руках — в руках империалистов, существует опасность его применения в какой-либо военной авантюре.

Воля миллионов людей на всем земном шаре, нашедшая свое выражение в Стокгольмском воззвании и в решениях Второго Всемирного конгресса сторонников мира, состоявшегося в ноябре 1950 г. в Варшаве, — таков лучший залог того, что можно предупредить такую авантюру и осуществить контроль и запрещение атомного оружия.

«Строгий контроль над всеобщим разоружением и атомным оружием технически возможен, — говорится в исторических документах Варшавского конгресса мира. — Надо только этого пожелать».

Этого желают миллионы людей, жаждущих мира. Они достаточно сильны, чтобы претворить в жизнь свое стремление к миру.

Глава вторая

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОБЛЕМЫ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Устав Организации Объединенных наций датирован 26 июня 1945 г. К его составлению было приступлено, конечно, значительно раньше. Не удивительно поэтому, что Устав не содержит специальных статей, касающихся атомной энергии, первое применение которой в военных целях — после опыта в пустынях Нью-Мексико¹ — имело место лишь 6 и 9 августа 1945 г., когда с сверхмощных американских «летающих крепостей» были сброшены бомбы на Хиросиму и Нагасаки.

Непосредственные и немедленно последовавшие результаты этой бомбардировки по своему размаху, по силе уничтожения, по смертоносности превзошли все то, что когда-либо ранее наблюдалось после налетов авиации.

В Хиросиме было убито около 80 тысяч человек, ранено — втрое больше. Зона разрушений достигала 4 кв. миль. В Нагасаки, уступающем по своим размерам Хиросиме и географически более защищенном, погибло около 40 тысяч человек, площадь разрушений составила 1,5 кв. мили*.

По официальному заявлению Трумэна, понадобилось бы сбросить 20 тыс. тонн взрывчатых материалов, чтобы получить такие же результаты, какие дала бомба, сброшенная на Хиросиму². Для того чтобы представить себе

---

¹ Этот опыт был проведен в окрестностях Аламогордо 16 июля 1945 г.

* Как указывает автор на стр. 50, цифры эти явно преувеличены. — *Прим. ред.*

² См. The Effects of the Atomic Bombs on Hiroshima and Nagasaki. Report of the British mission to Japan, London, 1946, part VI, p. 4, а также Assessing the damage, by dr. J. Bronowski, Atomic Energy (Canad. Broadcasting, 1947).

такое количество, достаточно вспомнить, что в битве под Ватерлоо было израсходовано 37 тонн взрывчатых веществ, за всю англо-бурскую войну — 2800 тонн, столько же, сколько расходовалось в среднем за один ночной налет в последней войне. По утверждению генерала Лесли Гроувса, понадобилось бы 2 тыс. сверхмощных «летающих крепостей» с полным грузом взрывчатых веществ, чтобы причинить ущерб, равный разрушениям, вызванному действием одной из атомных бомб, сброшенных на Японию ¹.

Сейчас еще трудно в точности определить непосредственные и более длительные результаты действия атомных бомб. Но уже почти точно установлено, что на территории, пораженной радиоактивным действием, в течение определенного времени невозможна нормальная жизнь, что там может частично исчезнуть органическая жизнь, а в сфере действия его луча не исключено даже полное ее уничтожение.

Объем разрушений, которые может причинить атомная энергия, используемая в военных целях, можно определить формулой, предложенной французским физиком лауреатом Нобелевской премии де Бройль, по вычислениям которого отношение силы ранее известных взрывчатых веществ к силе атомной энергии равно отношению: один к миллиону.

Во всех этих утверждениях, разумеется, немало преувеличений, предназначенных возможно сильнее запугать результатами применения атомных бомб.

Даже судя по официальным английским и американским донесениям, потери в Хиросиме и в Нагасаки — как в людях, так и в строениях — были бы значительно ниже, если бы в этих городах существовали соответствующие убежища, а здания были бы построены так, как строятся дома в Калифорнии, при сооружении которых предусматриваются специальные меры предосторожности в связи с частыми землетрясениями. В Хиросиме уже через два дня после атомной бомбардировки можно было проложить узкоколейную железную дорогу и приступить к наиболее неотложным работам ².

---

¹ См. E. M. Friedwald, *Man's last choice*, London, 1948, p. 82.

² См. Blackett, *op. cit.*, p. 39—40.

Помимо мер пассивной обороны, существуют также средства активной самозащиты от атомных бомб. Это признают и некоторые американские специалисты. Большинство из них так красноречиво расписывает страшные последствия атомной бомбардировки отнюдь не для того, чтобы рассказать о способах предупреждения или недопущения бомбардировок, а с совершенно иными политическими намерениями — вызвать военную истерию, создать благоприятные условия для дальнейшего обогащения монополий, производящих атомное оружие¹.

Однако уже тот несомненный факт, что атомное оружие является орудием войны, и притом орудием массового уничтожения, придает проблеме атомной энергии значение, выходящее далеко за рамки заинтересованности какого-либо государства или группы государств, придает ей прежде всего международный характер. Эта проблема приковывает к себе внимание всех людей, осуждающих войну и средства массового уничтожения. Международный характер проблемы атомной энергии объясняется огромными возможностями использования этой энергии также и для мирного строительства, ибо атомная энергия может быть не только фактором смерти, но и фактором жизни. По словам профессора Ланжевена, применение атомной энергии в мирных целях может оказаться еще более важным для развития цивилизации, чем открытие паровой машины или двигателя внутреннего сгорания.

Даже на конференции, состоявшейся в Америке в марте 1944 г., по вопросу о роли инженера после войны некоторые из ораторов, в частности О'Нейл, указывали, насколько легче, прекраснее и совершеннее стала бы жизнь среднего человека в результате подлинной промышленной революции, явившейся следствием применения атомной энергии.

Но уже тогда, выступая на конференции, профессор Линд показал, какую серьезную опасность для науки и техники в области использования атомной энергии в мирных целях представляет политика крупных капиталистических монополий. Напомнив о том, как американские стальные тресты, оберегая свои прибыли, не допускают

---

¹ One world or none, p. 32.

применения новых форм и методов производства, искусственно тормозя рационализаторские мероприятия и практически утаивая ценные изобретения, профессор Линд подчеркнул, что того же, но в неизмеримо больших размерах, следует ожидать при любых попытках применения атомной энергии для нормальных нужд народного хозяйства ¹.

Не удивительно поэтому, что, по мнению упоминавшегося выше профессора Шенберга, виды на использование атомной энергии для мирных целей весьма незначительны в условиях капиталистического строя, разьедаемого экономическими противоречиями, конкуренцией, безработицей, борьбой за рынки сбыта и за прибыли частных предпринимателей. Лишь в социалистических государствах, говорил Шенберг, где производство подчинено интересам общества, а не интересам предпринимателей, где усовершенствования, рационализация и реконструкция промышленности не угрожают безработицей, не пугают возможными убытками от прекращения выпуска одних видов продукции в пользу других, где капиталовложения имеют одну цель — поднять жизненный уровень широких народных масс, — лишь в социалистическом государстве, говорит Шенберг, существуют серьезные шансы использования атомной энергии в мирных целях ².

В Советском Союзе и в странах народной демократии, где правительство заботится не о защите хищнических интересов маленькой горстки богачей, а о нуждах трудящихся масс, иначе говоря, огромного большинства общества, всего народа, — там невозможно то беспокойство, какое в монополистических кругах Америки вызывает любая попытка использовать атомную энергию для экономики мирного времени, беспокойство, так ярко изображенное американским ученым Робертом Поттером в его труде «Атомная революция».

Поттер признает, что использование атомной энергии для нужд народного хозяйства вполне осуществимо. И хотя он поддерживает нынешнюю официальную аме-

---

¹ См. М. Рубинштейн, Новая энергетика и старые иллюзии, «Новое время», 1945, № 14/24.

² См. М. Рубинштейн, Монополистические тресты — хозяева атомной энергии, «Новое время», 1946, № 14.

риканскую политику, как известно, отнюдь не склонную к переводу атомной промышленности на рельсы мирного времени, он все же не может скрыть того факта, что если бы деньги, расходуемые на производство атомных бомб в США, использовались в мирных целях, проблема применения атомной энергии в народном хозяйстве была бы уже давно и успешно разрешена.

Для иллюстрации отношения американских властей к вопросу об использовании атомной энергии в мирных целях достаточно отметить следующий факт: когда заводы в Монсанта потребовали кредитов для этой цели, то с трудом получили 3,5 млн. долларов, то есть около полупроцента той суммы, которая идет на производство атомных бомб, и, разумеется, значительно меньше полупроцента, если сопоставить полученные ими кредиты с общим бюджетом американских вооружений, поглощающим, как известно, свыше одной трети всего бюджета.

Стремление американских промышленников использовать атомную энергию исключительно в военных целях объясняется теми колоссальными прибылями, которые они извлекают из гонки вооружений вообще, а в частности и в особенности из производства атомной энергии.

Мы уже отмечали выше это обстоятельство. Разумеется, при переходе на производство атомной энергии для мирных нужд о таких прибылях — и к тому же быстро реализуемых — не может быть и речи. Это явствует из содержания опубликованного в ноябре 1949 г. открытого письма, подписанного инженерами Даниэльсом и Болдестромом к делегатам Генеральной Ассамблеи ООН. Из объяснений авторов этого письма вытекает, что, например, заводу, производящему продукцию для медицинских и других научных целей, потребовалось бы 20 лет для того, чтобы обеспечить получение ничтожной части тех прибылей, которые предприятия с несколько большим объемом капиталовложений приносят почти немедленно после начала выпуска продукции, предназначенной для военных нужд.

Не удивительно поэтому, что капиталовложения американских монополистов в предприятия и лаборатории, использующие атомную энергию в мирных целях, не пре-

вышают 3 процентов объема капиталовложений в предприятия, рассчитанные на производство атомной энергии для военных целей.

Не удивительно также, что Р. Хефстедт — член американской атомной Комиссии и глава отдела по разработке проектов строительства реакторов — утверждает, что надо дважды, а может быть, и трижды хорошо подумать, прежде чем принимать какое-либо решение относительно использования существующих запасов атомного сырья не только для нужд мирной промышленности, но и для каких-либо иных военных целей, помимо столь рентабельного производства бомб. Из этого утверждения, которое цитирует в одной из своих статей профессор Бернал и на которую ссылается министр иностранных дел Советского Союза Вышинский в речи в ООН 12 декабря 1950 г., естественно вытекает, что использование атомной энергии в мирных целях должно остаться «недостижимой мечтой» — разве что будет найден новый способ разрешения проблемы атомного сырья, новое, более плодотворное решение вопроса о получении необходимых для этого материалов.

В свете всего изложенного ясно, почему именно (как засвидетельствовал один из очередных руководителей американской атомной комиссии Пайк) научно-исследовательская работа в области атомной энергии проводится в Соединенных Штатах исключительно под углом зрения военных нужд и почему в США непрерывно занимаются производством и накоплением атомных бомб.

Пайк указывает, что Соединенные Штаты стремятся, таким образом, обладать возможно большим количеством атомного оружия и возможно более эффективным атомным оружием, нежели любой эвентуальный их противник.

Но многословный Пайк предпочитает не говорить, кто же является этим противником, равно как и не говорит о том, что принесли его доверителям «непрерывные работы в области атомного оружия». Если бы он был в этом вопросе так же откровенен, как и в вопросе о том, чем занимаются американские монополисты, то он должен был бы признать, что не существует противника, который угрожал бы Америке, и что вымышленный образ такого противника нужен крупному монополистическому

капиталу США лишь для того, чтобы обеспечить себе дивиденды, о которых уже шла речь, чтобы осуществить политику агрессии, на которой, как на дрожжах, растут эти дивиденды.

Для того чтобы замалчивание этих вопросов не было слишком явным, Пайк осмеливается утверждать, что он принадлежит к сторонникам применения атомной энергии в мирных целях и что именно этим целям служит производство атомного оружия: он не считает, что производство атомной энергии развивалось бы значительно быстрее, если бы не велись работы в области атомного вооружения.

Этот тезис подхватывается и другими чрезмерно усердными пропагандистами войны и производства атомного оружия.

Здесь уместно напомнить об одном из главных представителей американской энергетики Дэвидсоне, о котором в той же речи говорил А. Я. Вышинский¹.

Инженер Дэвидсон — сотрудник «Консолидейтед Эдисон компани оф Нью-Йорк», работающий также в области атомного производства, выступая на состоявшемся в июле 1950 г. в Лондоне энергетическом конгрессе, заявлял, что, с точки зрения экономической, производство атомной энергии для мирных целей может быть выгодным и может развиваться только при условии использования отходов от производства атомных бомб.

Иначе говоря, чтобы развешивать производство атомной энергии для нужд жизни, необходимо прежде использовать ее для сеяния смерти.

Позиция Дэвидсона, как это убедительно показал министр иностранных дел СССР Вышинский, отражает официальную позицию американских правящих кругов. Занятые в настоящее время исключительно производством атомной энергии для целей агрессии, они, конечно, не прочь бы использовать ее также и для мирных нужд, но при одном условии: чтобы им сперва удалось установить свое господство над всем миром в связи с чем отпала бы для них необходимость осуществлять агрессию против уже поработанной ими жертвы.

---

¹ См. речь А. Я. Вышинского в Генеральной Ассамблее ООН 12 декабря 1950 г., «Правда», 16 декабря 1950 г.

Мы уже говорили выше об опасениях профессора Линда, связанных с перспективой использования атомной энергии в Америке в мирных целях, и указали на ряд причин, из-за которых возможность такого использования в условиях господства монополий фактически сведена к нулю.

Тот же инженер Дэвидсон достаточно откровенно и недвусмысленно заявил, что использование атомной энергии для мирных целей только потому и возможно в «некоторых», как он говорит, условиях — условиях подготовки к войне и использования отходов от производства атомного оружия, — что заводы атомной промышленности для мирных целей могут стать рентабельными лишь через много лет.

В управляемой монополиями Америке не может быть и речи о развитии, например, энергетических предприятий, построенных на использовании атомной энергии, если такие предприятия на протяжении нескольких десятков лет не могли бы конкурировать с предприятиями, работающими на каменном угле или на ином виде горючего, либо при помощи гидроэнергии.

Но американские монополисты не только стремятся избежать нерентабельных инвестиций у себя дома, — они вообще хотят предотвратить возможность создания таких предприятий, которые могли бы с ними конкурировать. Они стремятся также к тому, чтобы и в будущем капиталовложения в существующие ныне и рентабельные энергетические предприятия не приносили им убытка. Все это лишний раз подтверждает, до каких пределов американские монополии тормозят развитие творческих сил, консервируют устаревшие, отмирающие, обреченные на гибель формы производства.

Но при этом они думают не только о собственной национальной экономике. Они хотят, концентрируя все свои усилия на производстве атомного вооружения, принудить к этому и другие страны, они раздувают военный психоз, организуют гонку вооружений, чтобы таким путем не допустить возникновения в других странах таких отраслей промышленности, которые ограничивали бы экспансию США, стали бы их конкурентами и вытеснили их с мировых рынков.

Впрочем, американские монополисты заняты исклю-

чительно производством вооружения не только в области атомной энергии; они боятся как бы социалистические страны не превысили их экономический потенциал.

В упомянутой уже нами речи А. Я. Вышинский неопровержимо доказал это. Он цитировал статью дипломатического корреспондента Ассошиэйтед Пресс Хайтауэра, который заявил, что «серьезный атомный конфликт между Советским Союзом и Западом заключается в будущих возможностях атомной энергии... Существует, — так пишет Хайтауэр, — твердое убеждение, что русские рассматривают атомную энергию как трамплин, который позволит им нагнать Запад в области промышленного развития».

Газета «Нью-Йорк пост» утверждает то же самое, заявляя: «С точки зрения Белого дома и государственного департамента в деле урегулирования атомного вопроса существует еще одно препятствие — это намерение Советского Союза создать сеть атомных станций для мирных целей».

«Таким образом, — говорит автор этой статьи, — перешагнув через век пара и электричества, русские намереваются сразу превзойти Запад».

Но этого-то, как указал А. Я. Вышинский, и боятся американские монополисты¹.

Возможности Советского Союза в мирном соревновании перегнать Америку и весь капиталистический мир являются источником ненависти монополистов к Советскому Союзу и к делу мира, которое он защищает, источником их политики разжигания новой мировой войны, политики, направленной на то, чтобы парализовать развитие атомной энергии в мирных целях и развивать ее исключительно для нужд войны.

Политика эта принимает формы, столь грубые и циничные с точки зрения международного права и морали в отношениях между странами, также и потому, что Советский Союз не скрывает своей заинтересованности в сохранении мира и в таком развитии своей национальной экономики, которое позволило бы ему не только догнать, но и перегнать капиталистическую экономику, тем

---

¹ См. речь А. Я. Вышинского в Генеральной Ассамблее ООН 12 декабря 1950 г., «Правда», 16 декабря 1950 г.

более, что Советский Союз не скрывает того, что уже добился в этой области огромных и все возрастающих успехов. Все это лишает сна капиталистов, которые не в силах скрыть процесса разложения и упадка своей экономики.

Вот почему в буржуазном мире сейчас так настойчиво пропагандируются одна за другой всевозможные псевдонаучные теории, задача которых доказать невозможность политического соглашения в области международного контроля над атомной энергией. Авторы этих «теорий» «доказывают» необходимость отказаться от применения этого открытия в мирных целях. Они провозглашают тезис о неизбежности войны, несущей гибель цивилизации. Они стремятся обосновать необходимость вооружений, особенно в области атомного оружия. Они пропагандируют мысль о неизбежности жертв и покорения народных масс политике, ликвидирующей их экономические, социальные и политические завоевания, политике, которая морально и идейно подготавливает их к участию в якобы неизбежном конфликте.

Родство этих теорий с «доктриной» гитлеровского национал-социализма едва ли может вызвать сомнение.

Известный американский социолог Льюис Мэмфорд в своей статье в «Эйр Афферс» исходит из предпосылок, которыми столь печально прославился канонизированный в роли философа гитлеризма небезызвестный Освальд Шпенглер — автор «Заката Европы». Для того чтобы парализовать сопротивление народных масс военной истерии и наступлению на их гражданские права и уровень жизни, Мэмфорд рисует утопию о возвращении человечества к пещерной жизни в убежищах как единственной возможности спастись от атомных бомб. Эта картина понадобилась ему для того, чтобы заранее утверждать неосуществимость достижения соглашения в вопросе о международном контроле над атомной энергией. Таким образом, по Мэмфорду, величайшее изобретение науки может служить только одному — сеянию смерти. Мэмфорд высказывается в пользу доктрины о запугивании контрагентов атомными бомбами и молниеносным нападением на них — разумеется, без предупреждения, — чтобы таким путем при помощи «превентивного блицкрига» гарантировать свою безопасность.

Родственный Мэмфорду по духу профессор Гарвардского университета Кэйверс в «Бюллетене ученых-атомников» без обиняков говорит о необходимости запретить использование атомной энергии в мирных целях, утверждая, что Америка не заинтересована в эксплуатации атомной энергии и охотно согласилась бы на отказ от строительства промышленных предприятий для ее производства. Не удивительно поэтому, что известный физик Моррисон назвал американскую науку, построенную на таких предпосылках, наукой смерти¹.

Совершенно иначе эта проблема рассматривается в Советском Союзе. Общественный строй этого государства устранил социально-экономические препятствия, которые крупные капиталистические монополии ставят на пути развития научных исследований вообще и особенно в области использования атомной энергии для мирных целей.

Плановое хозяйство Советского Союза уже давно предусмотрело крупные капиталовложения для изучения перспектив использования атомной энергии в промышленности, на транспорте и т. д. В соответствии с планами гигантских строек — назначение которых поднять жизненный уровень советского народа и создать условия для его перехода к коммунизму — такие исследования проводятся в области техники, энергетики, биологии, медицины и многих других научных дисциплин. Особое внимание при этом уделяется исследованиям в области проблем органического синтеза, технологии металлов, производства искусственных удобрений и т. д. Таким образом, изучение атомного ядра предназначается здесь не для извлечения прибылей или для военных целей, а исключительно для раскрытия в интересах всего общества новых энергетических источников, новых сил и необычайных возможностей качественных изменений материи и энергии. Уже сейчас ясно, что всего этого, как пишет советский знаток проблемы М. Рубинштейн, не в силах осуществить капиталистическая наука, которая служит эгоистическим интересам монополий, наука, ставшая орудием монополистов в их погоне за прибылями и

---

¹ См. М. Рубинштейн, Идеология атомного империализма, «Новое время», 1948, № 41; Blackett, op. cit., p. 93, 96.

подготовке новой агрессивной войны. Реализовать эти возможности может только социалистическая наука и техника, социалистическая экономика, которая служит интересам народных масс, идущих по пути к коммунизму¹.

Вот почему так убедительно прозвучали слова министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского в Специальном политическом комитете ООН 10 ноября 1949 г., когда он заявил, что «мы в Советском Союзе используем атомную энергию не для того, чтобы накапливать запасы атомных бомб... Мы поставили атомную энергию на выполнение великих задач мирного строительства, мы хотим поставить атомную энергию на то, чтобы взрывать горы, менять течение рек, орошать пустыни, прокладывать новые и новые линии жизни там, где редко ступала человеческая нога»².

Эти слова А. Я. Вышинского отражают действительность. Сооружение каналов, которым предстоит обводнить песчаную пустыню Каракум, превратить ее в плодородные земли, мощные ирригационные работы для предотвращения засухи на плодородных землях Украины, наконец, огромные работы по возведению величайших в мире электростанций на Волге и Днепре и канала, который свяжет Волгу с Доном, — все это ускорит построение коммунизма, все это сооружения сталинской эпохи покорения природы, для осуществления которых мобилизуются все самые совершенные технические средства, в том числе и атомная энергия.

Все это стало возможным благодаря тому, что советская наука и техника используют расщепление атома прежде всего как источник энергии, при помощи которой можно двигать вперед индустриализацию страны и осуществлять гигантский план построения коммунизма.

Итак, в то время как для империалистической науки атомная энергия является средством массового уничтожения людей, советские ученые направляют все свои усилия на то, чтобы наиболее полноценно использовать атомную энергию для блага человечества, для создания

---

¹ См. М. Рубинштейн, Наука и техника в период перехода от социализма к коммунизму, «Вопросы экономики», 1948, № 2.

² «Правда», 17 ноября 1949 г.

лучших условий человеческого существования. Используя атомную энергию для мирных целей, Советский Союз дает миру еще одно доказательство превосходства своего строя, превосходства социализма над капитализмом, а вместе с тем и доказательство того, что только в условиях этого строя наука и техника могут беспрепятственно служить прогрессу человеческой цивилизации.

Из всего сказанного, однако, не следует, что проблема применения атомной энергии может интересовать современные государства только какого-либо одного строя. Напротив, все вышеизложенное еще убедительнее подчеркивает международный характер этой проблемы в целом.

В свете хотя бы только что приведенных нами данных становится понятным, почему именно проблема атомной энергии, этого возможного источника как самых трагических несчастий, так и неограниченных благодетей для всего человечества, выходит за рамки компетенции какого-либо одного государства и становится проблемой, представляющей жизненный интерес для всего человеческого общества.

Международный характер придает этой проблеме также и ее производственная сторона, причем, быть может, не столько вопрос о способе производства атомной энергии и о связанных с ним при современном состоянии науки и техники денежных затратах, сколько вопрос об источниках сырья.

До настоящего времени известны два естественных источника атомной энергии — уран и торий, причем залежи последнего богаче, чем залежи урана; третьим источником — искусственным — является плутоний, в естественном виде пока еще не известный и получаемый в процессе превращения урана. При этом торий без урана как материал для производства атомной энергии не представляет никакой ценности¹.

---

¹ Уран встречается в природе в виде различной смеси так называемых изотопов урана, отличающихся числом нейтронов в ядрах. Так, U-234, U-235 и U-238 содержат соответственно 142, 143 и 146 нейтронов. Плутоний является продуктом превращений U-238. Торий в комбинации с соответствующим количеством U-235 дает возможность получить не встречающийся в естественном виде изотоп урана U-233, обладающий теми же свойствами, что U-235.

Однако залежи урана и тория не ограничены пределами какого-нибудь одного государства, напротив, они имеют чрезвычайно широкое географическое распространение¹. Руды этих минералов разбросаны по всему земному шару, а залежи, особенно неразведанные, наиболее важного в данном случае минерала — урана — имеются в США, Канаде, Центральной Америке, Франции, Великобритании, Индии, на острове Мадагаскаре, в Конго, Австралии, Бразилии, на Скандинавском полуострове, в Португалии, Германии, Польше, Чехословакии и (главным образом) в СССР. В этих условиях претензии с чьей-либо стороны на право использования в рамках только одного государства урана, который считается вдвое более распространенным в мире, чем цинк, в четыре раза более, чем олово, и почти в тысячу раз более, чем золото, не могут быть принимаемы всерьез. Факт повсеместного нахождения уранового сырья предreshает сам по себе возможность повсеместного его использования, а принимая во внимание огромное значение получаемой из него атомной энергии — также и несомненное его международное значение.

Открытие Фредерика Жолио-Кюри, которому в январе 1939 г. удалось впервые расщепить ядро атома урана и раскрыть тайну цепного процесса, его превращений, как и любое научное достижение, было бы невозможно без усилий десятков других ученых, принадлежащих к самым различным нациям, а потому это открытие является достоянием всего человеческого общества.

Имена Анри Беккереля, Пьера Кюри, Марии Складовской-Кюри, Резерфорда, Юкавы, Андерсона и многих других французов, немцев, русских, американцев, англичан, шведов, норвежцев, поляков, швейцарцев и т. д. связаны с различными ступенями, поднимаясь по которым

Задача состоит в расщеплении ядра атома на соответствующие осколки и нейтроны и в освобождении энергии, возникающей в цепном процессе происходящих превращений. Расщепление ядра атома и использование возникающей при этом энергии пока что возможно только при использовании изотопов урана U-235, U-233 и плутония, который получается из урана U-238 под действием нейтронов. См. A. Boyd, *Arms and the atom*, London, 1947, p. 11—12.

¹ International Control of Atomic Energy, *Growth of a policy*, Washington, Department of State, 1940, p. 1—2, 18.

наука о радиоактивности прошла путь от ее зачатков до современного состояния знаний в области атомной энергии.

Поэтому было бы несерьезным думать, что существует хотя бы минимальная возможность изолирования на длительное время использования только в рамках какого-нибудь одного государства достижений науки вообще и особенно в такой важной ее области, как изучение атомной энергии.

Даже государственный департамент США признал, что ни одно государство не было бы в состоянии сохранять в течение сколько-нибудь продолжительного времени монополию в области производства атомного оружия и быть монополистом в области применения атомной энергии в мирных целях.

В своем заявлении сенату 14 февраля 1946 г. военный министр США Паттерсон отметил, что в военном министерстве еще задолго до того, как были сброшены атомные бомбы, отдавали себе отчет в том, что методы их производства не могут остаться навсегда исключительной собственностью США и что рано или поздно другие страны также будут в состоянии использовать атомную энергию. В неопубликованном научном докладе военного министерства США говорится, что если США в данное время и владеют монопольно средствами и методами производства атомных бомб, то монополия эта может носить только временный характер¹.

Признание международного характера атомной проблемы в целом и прежде всего убеждение, что применение атомной энергии не может являться монополией какого-нибудь одного государства, легли в основу Вашингтонского соглашения 15 ноября 1945 г., заключенного между США, Великобританией и Канадой.

В этом соглашении впервые был выдвинут вопрос о создании при Организации Объединенных наций особой комиссии по вопросам атомной энергии. В нем также констатировалось, что не существует способов защиты от атомных бомбардировок, как не существует и возможности у какой-нибудь страны обеспечить себе исключи-

---

¹ International Control of Atomic Energy, Growth of a policy, Washington, Department of State, 1946, p. 1, 4, 6.

тельное право обладания методами использования атомной энергии для каких бы то ни было целей.

Само собой понятно, что те, кто подписал соглашение 15 ноября 1945 г., руководствовались не заботой о предупреждении последствий атомных бомбардировок для других и не желанием облегчить другим развитие техники производства.

Однако не подлежит никакому сомнению, что США, которые, повидимому, первыми создали атомную бомбу и уже несомненно первыми применили ее в военных целях, никогда не согласились бы добровольно отказаться от такой важной монополии, если бы она фактически могла им принадлежать. Только полная уверенность в том, что атомным оружием могут располагать, а может быть уже располагают, также и другие государства, послужила мотивом к постановке этой проблемы в международном аспекте Соединенными Штатами и ближайшими их союзниками. Прямым подтверждением этого служит, принятое в целях маскировки, содержание статьи 1 упомянутого выше Вашингтонского соглашения, в которой констатируется, что ни одна нация не может претендовать на монополию в области атомной энергии. Следовательно, когда США выносили проблему атомной энергии на международную арену, то, как это вытекает из всей совокупности вашингтонских постановлений, они (США) руководствовались не столько соображениями собственной безопасности и, косвенно, безопасности коллективной, сколько желанием закрепить за собой путем международного соглашения на возможно более продолжительный срок преимущество, которое, как они думали, дает им первенство для использования атомной энергии в военных целях. Таким образом, уже с самого начала США заботились не столько о немедленном установлении эффективного всеобщего контроля над атомной энергией, сколько об обеспечении себе возможности осуществлять этот контроль в отношении других стран. Поэтому они стремились обосновать перед общественным мнением как собственной страны, так и всего мира необходимость сохранения тайны производства атомного оружия. Вместе с тем США настаивали на выявлении всех существующих источников атомного сырья, имея в виду подчинить их своему влиянию.

В этом отношении не оставляют никаких сомнений постановления ст. 6 Вашингтонского соглашения, в которых хотя, с одной стороны, и признается необходимость обмена информацией, с другой — говорится, что распространение информации, касающейся практического применения атомной энергии, вредно. Следует иметь в виду, что Вашингтонское соглашение было заключено непосредственно после окончания военных действий и приступа к работам по организации мира в рамках Организации Объединенных наций.

Даже в 1945 г., когда еще казалось, что нет почвы против тезиса о монополии США в области атомного оружия, нельзя было и думать о том, чтобы предпринять какие-либо шаги в этом направлении, игнорируя при этом общественное мнение и мощь СССР. Уже тогда становилось очевидным, что нельзя разыграть атомный козырь.

Для того чтобы скрыть это обстоятельство, был пущен в ход атомный шантаж, который в свою очередь породил атомную дипломатию, то есть дипломатию, направленную на то, чтобы под угрозой применения атомной бомбы навязать условия мира, угодные США. Соединенным Штатам нельзя было чуть ли не на следующий день после окончания военных действий выступить в роли инициатора такой политики. Вот почему Трумэн, Эттли и Маккензи Кинг выступили 15 ноября 1945 г. с декларацией. В силу этой декларации США взяли себе в компаньоны по части проведения своего политического курса Великобританию и Канаду. Выслуживаясь перед монополистами, правительства этих стран без сопротивления согласились с требованиями США, хотя ничего взамен не получали. Их надежды на то, что они будут допущены к секрету производства атомного оружия и снабжены атомными бомбами, были развеяны еще до Вашингтонской конференции. 27 октября 1945 г. Трумэн определенно заявил, что дискуссия «не будет касаться процессов производства атомной бомбы». Конференция нужна была ему лишь для того, чтобы обосновать свою точку зрения, которую 3 октября 1945 г. он объяснял тем, что она вызывается «внутренним и внешним положением страны», а также позицией Великобритании и Канады. Речь шла о том, чтобы оправдать отказ от раскрытия «секрета», то есть оправдать дальнейшие работы по производству атомной

энергии исключительно в военных целях, дальнейшее производство атомных бомб и гонку вооружений. Речь шла о том, чтобы, пользуясь аргументом силы и военного превосходства, ставить ультимативные требования именно тогда, когда мир, только что избавившись от подобных же требований со стороны разгромленного фашизма и от грохота орудий войны, спровоцированной для осуществления таких требований, был по горло сыт всевозможными ультиматумами и жаждал лишь одного — мира и соглашения для своего успокоения¹.

Не считаясь с тем, чего жаждали миллионы людей во всех странах мира, и выполняя лишь волю своих доверителей — американских монополистов, Трумэн, пытаясь под фальшивыми мирными фразами Вашингтонской декларации скрыть стремление к военному превосходству и к его использованию для осуществления своих задач, откровенно признал, что США, как он надеется, сохраняют секрет производства атомного оружия.

«Мы считаем, — сказал он, — обладание этим новым могучим средством уничтожения нашим священным вкладом» (sacred trust). О том, какова «святость» этого вклада, каково его фактическое назначение и какова роль союзников Трумэна, рассказала на следующий день после Вашингтонской декларации газета «Нью-Йорк геральд трибюн»:

«Великобритания и Соединенные Штаты не выступили в роли хранителей депозита этого страшного оружия, а уступили искушению считать его козырем, чтобы при его помощи изменить в свою пользу равновесие сил».

Плохо скрытые цели Вашингтонского соглашения в декларации трех держав, инициаторов атомной политики — США, Великобритании и Канады — оказались тяжелым бременем для всех дальнейших работ ООН в области атомной энергии. Оставаясь в силе, эти цели и сейчас препятствуют общему соглашению по вопросу, который затрагивает самые жизненные интересы всех народов и разрешение которого имеет громадное значение для дела упрочения мира.

---

¹ Desanti i Ch. Haroche, Bomba czy Pękój Atomowy, Warszawa, 1950, str. 32—35.

Но будущее не может принадлежать тем, кто является врагом мира. Будущее принадлежит тем, кто защищает мир и кто достаточно силен, чтобы защитить мир и отстоять его.

«Будущее не будет принадлежать стране, которая создаст больше атомных и водородных бомб, чем другие страны. Будущее будет принадлежать стране, которая первой использует атомную энергию для мирного прогресса своего народа». Эти слова одного американского ученого были процитированы А. Я. Вышинским в его речи 23 октября 1950 г. в Политическом комитете Генеральной Ассамблеи ООН¹.

Такой страной является Советский Союз. Ставя атомную энергию на службу мирных нужд своей экономики, первое в мире социалистическое государство действует в интересах не только развития своих собственных народов и их лучшего будущего, но и в интересах дела мира, дела социализма, дела всего человечества.

---

¹ «Правда», 27 октября 1950 г.

Глава третья

АТОМНАЯ ПРОБЛЕМА В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Вашингтонская декларация правительств США, Великобритании и Канады от 15 ноября 1945 г., ввиду попытки придать ей характер компромисса и ее формулировок, направленных к сокрытию действительных целей режиссеров, была не лишена некоторых правильных положений. К последним, несомненно, относится указание основы, на которой возможна надежная защита от опасности применения атомной энергии в разрушительных, военных целях. Это указано в ст. 3 декларации, гласящей, что такая защита может быть осуществлена только путем предупреждения самой войны.

Действительно, только укрепление демократического мира может оградить человечество от последствий применения как атомных бомб, так и других, не менее опасных видов оружия, производство которых может оказаться возможным в виду развития военной техники.

Задача коллективной безопасности составляет единое и неделимое целое с проблемой атомной энергии и не может быть отделена от нее ни формально, ни по существу. Понятно поэтому, что именно такой была позиция действительного защитника дела коллективной безопасности — Советского Союза. Понятно поэтому, что советские предложения уже на осенней сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1946 г. исходили из указанного положения, и уже тогда В. М. Молотов заявил, что наступило время осуществить ограничение вооружений, не исключая атомного оружия¹.

---

¹ В результате саботирования американско-английским большинством резолюций Генеральной Ассамблеи ООН 24 января и 14 декабря 1946 г. по вопросу об ограничении вооружений и вооруженных

Проблема атомной энергии — проблема не только техническая, научная или правовая, но прежде всего политическая. Она касается в первую очередь безопасности всех существующих государств, установления правового порядка в отношениях между ними, устранения угрозы войны.

Ясно, что такая угроза, так же как и угроза возможного применения атомного оружия с целью провоцирования войны или ее ведения, не может обладать даже видимостью легальности.

С точки зрения международного права в настоящее время не может быть никаких сомнений относительно квалификации правительства, которое применило бы первым это атомное оружие. Правовая квалификация применения атомного оружия, как международного преступления, не требует с точки зрения международного права новой правовой конструкции или нормирования. Такая квалификация находит свою опору уже в действующем праве. Она вытекает из норм, запрещающих агрессию, предусматривающих наказуемость военных преступлений, преступлений против человечества и преступлений, состоя-

---

сил Комиссия обычных вооружений, вслед за приостановлением деятельности Комиссии по атомной энергии, также приостановила свою деятельность с августа 1949 г. В течение пяти лет эти две комиссии существовали отдельно, и все попытки СССР объединить их для комплексного рассмотрения проблемы разоружения, из которой нельзя выделить вопрос об атомном разоружении, не дали результатов. В речи Трумэна, произнесенной в так называемый день ООН на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1950 г., неожиданно была выдвинута мысль о целесообразности возвращения к жизни обеих комиссий по разоружению в новом виде, как объединенной комплексной комиссии по разоружению для выполнения работ «по техническим вопросам проблемы разоружения». Бешеный темп вооружений, который имеет место в настоящее время в США, не оставляет сомнения в том, что Трумэна интересовала в основном та же цель, на которую был рассчитан французский проект, внесенный в Комиссию по разоружению осенью 1949 г., то есть цель создания под личиной интереса к разоружению разведывательного органа, что было разоблачено 1 августа 1949 г. на заседании этой комиссии советским делегатом Царапкиным. Характерно, что это новое предложение об объединении Комиссий по атомной энергии и обычным вооружениям исходит от Америки, которая в течение ряда лет самым решительным образом не допускала их объединения. По общему мнению, это служит еще одним доказательством официального признания того, что атомная монополия США бесспорно отошла в прошлое.

ших в массовом уничтожении людей. Она вытекает из общих, давно уже принятых принципов ведения войны, в особенности из правил ведения воздушной войны, признанных действующим международным правом, как обычным, так и договорным.

Некоторые из этих правил, быть может, до сих пор недостаточно уточнены и разработаны. Однако они не могут вызывать никаких сомнений относительно содержания ограничений, которые они налагают на воюющие страны в отношении бомбардировки определенных пунктов или объектов ¹.

Термин — «умышленная бомбардировка открытых (незащищенных) мест» (*deliberate bombardment of undefended places*) впервые был применен в перечне военных преступлений, составленном так называемой «комиссией пятнадцати» по вопросам ответственности за войну, образованной мирной конференцией в Париже 25 января 1919 г. В ст. 19 этого перечня говорится о преступлении — «умышленная бомбардировка открытых мест». Эта формулировка была вызвана жалобами на последствия германских бомбардировок 1) в Гандаве и Экло 4 и 5 сентября 1914 г., 2) в Саутэнде, Лондоне, Холле (Гулле), Эдинбурге, Скарборо, Уитли и в Уэст — Хартлпуле 16 декабря 1914 г., 10, 20 и 31 мая 1915 г. и 2 и 3 апреля 1916 г. и 3) в Белграде, Шабатце, Лосницах и Битолии в течение 1914—1916 гг. ²

Во всех представленных жалобах содержались доказательства того, что бомбардировки производились сознательно, с целью поражения гражданского населения или

---

¹ Этим вопросом, наряду с другими, занималась Лондонская комиссия Объединенных наций по делам о военных преступлениях (*United Nations War Crimes Commission*) в связи с представленной в подкомиссию по Дальнему Востоку жалобой на японских виновников бомбардирования открытых (незащищенных) населенных мест в Китае. См. документы этой комиссии, в № III/78, 19 февраля 1947 г., I/82, 24 февраля 1947 г. и C/250, 10 марта 1947 г. Лондонская комиссия правильно сослалась в этом деле на работы Мирной конференции после первой мировой войны.

² См. *Conférence de la Paix 1919—1920. Recueil des Actes de la Conférence, Partie IV, Commissions de la Conférence (Procès-Verbaux). Rapports et Documents. B. Questions générales (2) Commissions des Responsabilités des auteurs de la guerre et sanctions.*

незащищенных объектов (при ясной погоде и хорошей видимости бомбардировке были подвергнуты церкви, школы, жилые дома и целые селения, не оказавшие никакого сопротивления), а потому явно носили характер умышленного нарушения действующих правил ведения войны, а следовательно, и признаки умышленно совершенного военного преступления, притом преступления несомненно международного характера.

Перечень военных преступлений, установленный комиссией об ответственности за войну (1919 г.), был принят за основу работ Лондонской комиссии по делам о военных преступлениях в последнюю мировую войну, согласно ее постановлению 2 декабря 1943 г. Приняв перечень, Лондонская комиссия констатировала (Doc. 1, § 4), что кроме него не существует какого-либо другого обязывающего перечня преступлений против международного права и что совершение действий, предусмотренных в этом перечне, к числу которых относится «умышленная бомбардировка открытых мест», составляет преступление, которое должно преследоваться каждым государством, признающим обязательства, вытекающие из международного права.

Остался, однако, открытым вопрос, на ком должно лежать бремя доказывания в тех случаях, когда происходит «умышленная бомбардировка открытых мест», какое место следует считать открытым местом, а также каковы должны быть правила производства такого рода дел.

Проблема бомбардировки трактуется в международном праве неодинаково ввиду различия принципов ведения войны — сухопутной, морской и воздушной.

Однако, если имеются точные правила, нормирующие бомбардировку с суши и с моря (артиллерийскую), то, как мы уже это отметили выше, мы не находим таким же образом точно сформулированных правил относительно бомбардировки с воздуха.

Ст. 25 Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны (приложение к конвенции IV, 1907 г.) содержит запрещение атаки и бомбардировки каким бы то ни было способом незащищенных городов, селений, жилищ или строений. Авторы конвенции 1907 г., дополнив ст. 25 Гаагской конвенции 1899 г. выражением «каким

бы то ни было способом», существенным образом изменили содержание этой статьи. Без сомнения, изменение это имело в виду распространение данного правила на бомбардировку с воздуха¹.

Ст. 26 (IV) конвенции 1907 г. обязывает командира атакующей воинской части сделать все, что в его силах, для предупреждения соответствующих властей о том, когда будет начата бомбардировка, за исключением случая, когда она связана с атакой. Согласно ст. 27, при осадах и бомбардировках должны приниматься все меры к тому, чтобы щадить насколько возможно храмы, здания, служащие целям науки, искусства и социального обеспечения, госпитали и другие места, где находятся раненые, при условии, чтобы такие здания или места не служили одновременно военным целям. При этом осажденные обязаны обозначать такие здания или места особыми видимыми знаками, о которых осаждающие должны быть заранее поставлены в известность. Аналогично решаются такие же вопросы и по отношению к морской войне.

IX Гагская конвенция содержит (ст. 1 главы I), кроме того, запрещение бомбардировки с моря незащищенных портов, деревень, селений, жилищ или строений, причем устанавливается, что это запрещение распространяется также на такие порты, в которых заложены автоматические подводные мины. (Впрочем, против этого последнего положения во время прений, предшествовавших принятию конвенции, были заявлены оговорки представителями Великобритании, Франции, Германии и Японии, считавшими присутствие мин доказательством защищенности портов; но это обстоятельство несколько не колеблет правового значения данного правила.) Согласно ст. 2 из действия вышеупомянутого запрещения изымаются только военные или морские учреждения, склады оружия или военных материалов, мастерские и приспособления, которые могут использоваться для нужд неприятельских флота или армии, и военные суда, находящиеся в порту. Бомбардировка таких объектов разре-

---

¹ См. J. M. Spaight, *op. cit.*, p. 42; Fauchille, *Traité de Droit International Public*, II, p. 614—616; Л. Оппенгейм, *Международное право*. Перев. с англ., М., Инноздат, 1950, т. II, полутом 2, стр. 78—79.

шается в тех случаях, когда невозможно применение других средств для их уничтожения; однако при этом требуется предварительное предупреждение противника и истечение установленного времени с момента такого предупреждения, в течение которого местные власти должны были принять, но не приняли мер к охране соответствующих объектов.

При соблюдении указанных выше условий вопрос об ответственности за те или иные последствия бомбардировки отпадает. В противном случае производящая бомбардировку сторона освобождается от ответственности только при условии, что выполнение тех или иных военных действий не терпело промедления, атакованный же объект относился к одной из категорий объектов, перечисленных в указанной ст. 2, и если притом командованием были предприняты необходимые меры для того, чтобы невоенные объекты пострадали возможно меньше.

Ст. 3 конвенции разрешает бомбардировку с моря и незащищенных (открытых) мест, но только в том случае, если местные власти на формальное требование о снабжении продовольствием находящихся перед их местом морских сил ответят отказом, и если при том это требование было предъявлено от имени начальника, соответствовало ресурсам данного места и сопровождалось обещанием уплатить за поставленные продукты или хотя бы дать расписку в их получении.

Во всех случаях, согласно ст. 4, воспрещается бомбардировка с моря открытых мест за отказ от уплаты денежных контрибуций.

Глава вторая Гаагской IX конвенции повторяет положения ст. 27 Гаагской IV конвенции с тем лишь различием, что в качестве критерия здесь должен приниматься не только факт незащищенности, но еще и отсутствие «военных объектов».

IX Гаагская конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны не получила силы действующего права в течение первой мировой войны, поскольку не все воюющие стороны к ней присоединились. Тем не менее в качестве подтверждения действующего обычного права она отразила те общепризнанные принципы, нарушение которых ни в каком случае не может быть признано соответствующим нормам международного права, между-

народным обычаям или повсеместно принятым в цивилизованных обществах правилам поведения¹.

Выше мы уже упомянули, что поправка к ст. 25 Гагской IV конвенции 29 июля 1899 г. имела своей целью распространить эту норму на бомбардировки с воздуха.

В декларации, принятой 18 октября 1907 г. на второй Гагской конференции, договаривающиеся стороны постановили подтвердить запрещение (воздушных бомбардировок) впредь до созыва третьей конференции мира. При этом было оговорено, что это запрещение потеряет силу, если во время войны, в которой будет участвовать одна из договаривающихся сторон, декларация эта будет нарушена каким-либо государством из числа участвующих в этой войне, но не подписавших декларации. Поскольку декларация 1907 г. была ратифицирована только некоторыми государствами, то содержащиеся в ней правила не получили общеобязательной силы и в первую мировую войну в принципе не признавались формальным источником международного права.

Однако попытки кодификации основных правил ведения воздушной войны не были оставлены; они неоднократно предпринимались также в период между двумя последними мировыми войнами. Результаты этих попыток придали действительное значение декларации 1907 г.

В 1923 г. комиссия из юристов шести государств, выделенная Вашингтонской конференцией 1922 г., выработала так называемые Гагские правила ведения воздушной войны (Hague Air Warfare Rules). Хотя правила эти не нашли своего отражения в какой-либо конвенции, однако нельзя отрицать их значения как норм обычного права. Ст. 62 этих правил устанавливает, что «экипаж самолета, принимающего участие в военных действиях, подчиняется правилам о войне и нейтралитете, обязательным для сухопутных войск». Таким образом, было признано, что независимо от свойственных воздушной войне специфических условий на нее распространяются общие правовые нормы, установленные для ведения сухопутной войны, а следовательно, и обязанность соблюдать элементарные принципы человечности вообще и, в частно-

---

¹ См. Л. Оппенгейм, Международное право. Перев. с англ., М., Иноиздат, 1950, т. II, полутом 2, стр. 73—75.

сти, считается с запрещением нападения на некомбатантов.

Ст. 22 запрещала воздушные бомбардировки, производимые с целью терроризирования гражданского населения, разрушения или повреждения его имущества, не имеющего военного значения, и нанесения ран некомбатантам. Ст. 23 содержала запрещение бомбардировок с целью понуждения к выполнению реквизиций или к уплате контрибуций. Ст. 24 устанавливалось, что бомбардировка допускается только в том случае, если она направлена на военный объект, то есть на такой объект, разрушение или повреждение которого несомненно может оказаться целесообразным с военной точки зрения.

К объектам, которые согласно этой статье могут подвергаться бомбардировке, отнесены только войска, военные укрепления, установки, склады, линии коммуникации и транспорта, заводы и другие центры производства оружия, военных припасов или других предметов явно военного снабжения при условии, что соответствующие объекты расположены так, что бомбардировка их не представит опасности для гражданского населения.

В соответствии с этим была запрещена бомбардировка городов, поселков, деревень, селений и строений, не находящихся в непосредственной близости к месту операций сухопутных вооруженных сил, за исключением случая, когда эти объекты служат местом сосредоточения войск.

Кроме того, была установлена ответственность воюющего государства за ущерб и убытки, причиненные частным лицам или имуществу в результате нарушения вооруженными силами указанных выше правил.

Из этих постановлений следует, что бомбардировка с воздуха является правомерной только во время оборонительной войны, причем исключительно по отношению к защищенным местам и к местам, заключающим в себе военные объекты¹.

В том же смысле была составлена резолюция Общей комиссии Конференции по разоружению (июль 1932 г.), содержащая категорическое запрещение воздушного нападения на гражданское население.

---

¹ См. Л. Оппенгейм, Международное право. Перев. с англ., М., Иноиздат, 1950, т. II, полутом 2, стр. 82—83.

Из того обстоятельства, что Гаагские правила ведения воздушной войны 1923 г., а также упомянутая выше резолюция 1932 г. не стали предметом международных соглашений, конечно, нельзя делать вывода, что эти правила не соответствуют нормам международного права, одной из основ которого является защита некомбатантов, при этом как от нападения с суши и моря, так и с воздуха¹.

Не удивительно поэтому, что смешанный греко-немецкий третейский суд в двух случаях (в 1927 и в 1930 гг.) вынес, в связи с делом о вознаграждении за бомбардировку Салоник в 1916 г., постановление о том, что жизнь и имущество некомбатантов пользуются защитой и что правила, действующие в этой области в отношении сухопутной и морской войн, подлежат аналогичному применению также и в отношении воздушной войны².

Женевская резолюция 1938 г.³, принятая Ассамблеей Лиги наций, кроме того, безоговорочно признала, что умышленная бомбардировка гражданского населения незаконна, что бомбардировка может быть направлена только на объекты, военный характер которых точно установлен, причем она должна вестись так, чтобы находящееся поблизости гражданское население не пострадало из-за непринятия (нападающим) необходимых мер предосторожности.

Определение бомбардировки гражданского населения как преступления вытекает также из введения к проекту конвенции об охране гражданского населения от действия новых видов вооружения, представленному 40-й конференции Ассоциации международного права в Амстердаме⁴.

Соответствующие параграфы этого проекта устанавливают, что военные действия могут происходить только между комбатантами и что хотя гражданское население

---

¹ См. Л. Оппенгейм, Международное право. Перев. с англ., М., Инноиздат, 1950, т. II, полутом 2, стр. 82.

² См. Annual Digest of International Public Law Cases, 1927—1928, Case No 389; 1929—1930, Case No 301.

³ League of Nations, Paper A 69, 1939, IX, 28—29, 1938, Protection of Civilian Population against Air Bombardment.

⁴ International Law Association, August 2nd — September 2nd, 1938.

косвенным образом может пострадать от военных действий, однако всякие действия, направленные непосредственно против него, составляют серьезное нарушение международного права и общепризнанных принципов человечности. С приведенной выше формулировкой согласуется совместная англо-французская декларация 2 сентября 1939 г., являвшаяся ответом на обращение президента Ф. Рузвельта. В ней утверждалась готовность обоих правительств вести войну так, «чтобы возможно лучше охранялось гражданское население, а также достижения человечества, ценные для всех цивилизованных государств».

Гитлеровская Германия тоже формально в целях маскировки приняла эту декларацию 17 сентября 1939 г. к сведению и дала заверение, что будет применять аналогичные принципы в своей военной политике при условии взаимности со стороны противника. Как известно, гитлеровская сентябрьская кампания в Польше и способы, которыми было осуществлено вероломное нападение на Советский Союз в 1941 г., самым резким и грубым образом нарушили это заверение.

Когда в мае 1940 г. Германия начала массовые налеты на Англию, английское правительство 10 мая 1940 г., ссылаясь на вышеупомянутую декларацию, заявило, что оно оставляет за собой право принять надлежащие меры в случае бомбардировки Германией гражданского населения союзных стран. Однако уже в декларации 18 мая того же года оно подтвердило свое решение не предпринимать умышленных бомбардировок исключительно гражданского населения, независимо от образа действия Германии.

Можно привести целые тома доказательств противозаконности воздушных нападений гитлеровцев, но практика другой стороны в течение последней мировой войны, за исключением СССР, точно придерживавшегося принципов, установленных как международным правом, так и международными обычаями, а равно и его собственными правительственными декларациями, нуждается в существенных оговорках. Так, не подлежит сомнению, что (это было подтверждено, между прочим, американским юристом Лестером Нуриком) бомбардировки Германии воздушными силами западных стран во многих случаях, вме-

сто того чтобы разрушать центры военной промышленности противника, странным образом почему-то поражали рабочие поселки или только те заводы, которые могли считаться возможными конкурентами английской промышленности; такие бомбардировки оставляли нетронутыми или только поверхностно повреждали промышленные центры, составлявшие благодаря картельным связям в той или иной своей части английскую собственность, или те предприятия, которые было признано желательным сохранить, имея в виду будущие хозяйственно-политические цели.

Не удивительно поэтому, что, как это следует из материалов, приводимых Нуриком, Черчилль предпочел в своем выступлении 7 июля 1944 г. уклониться от выражения своего мнения по вопросу о незаконности налетов на густонаселенные города ¹.

Этот факт еще сильнее подчеркивает значение законов и обычаев ведения войны, обязательность которых никто отрицать не может.

Хотя устав Международного военного трибунала, содержащий примерный перечень действий, составляющих нарушение законов и обычаев войны, не упоминает о бомбардировке незащищенных (открытых) мест, однако можно предполагать, что именно этот вид бомбардировки имелся в виду п. «б» ст. 6, в которой говорится о «бесмысленном разрушении городов и деревень разрушения «не оправданном военной необходимостью, и других преступлениях».

В соответствии с этим обвинительный акт (разд. III) по Нюрнбергскому процессу вменяет в вину обвиняемым, что они сознательно разрушали города, деревни и селения, а также совершали другие преступления без надоб

---

¹ См. American Journal of International Law, 1945, p. 680.

Этот вопрос был также освещен в докладе Августа Коньечного 23 марта 1951 г. в Берлине на Европейской конференции рабочих против ремилитаризации Германии. Делегат Коньечный в частности заявил: «Во время второй мировой войны американская и английская авиация разрушала рабочие кварталы в промышленных городах и в то же время щадила крупные немецкие заводы по производству вооружения. Характерно, что не были подвергнуты уничтожению заводы ИГ Фарбениндурии. Американцы и англичане стремились к тому, чтобы эти заводы снова могли служить для целей войны и эксплуатации» («Trybuna Ludu», 24/III 1951).

ности или военной необходимости. Такие действия составляют нарушения ст. 46 и 50 Гаагской конвенции 1907 г., других законов и обычаев ведения войны, а равно общих принципов уголовного права, вытекающих из уголовных норм, принятых во всех цивилизованных государствах, и уголовного права государств, в которых преступления были ими совершены, а также п. «б» ст. 6 устава Трибунала.

Правда, Нюрнбергский приговор в отношении Геринга обходит молчанием его ответственность за действия «Люфтваффе», высшим начальником которой он являлся, но это обстоятельство объясняется только тем, что Международный трибунал при вынесении приговора ограничивался и в других, не менее важных вопросах лишь согласованными основными пунктами обвинения.

Наконец, следует отметить, что Нюрнбергский трибунал, независимо от его определенных тенденций, решительно встал на ту точку зрения, что Лондонский протокол 1936 г. о правилах ведения подводной войны (London Protocol on Submarine Warfare), ратифицированный более чем сорока государствами еще в сентябре 1939 г., должен рассматриваться в качестве источника действующего международного права. Поэтому все, что имеет силу международноправовой нормы или обычая в отношении подводной войны, соответственно должно применяться и к войне воздушной, правила ведения которой, ввиду отсутствия специальных конвенций по этому вопросу, могут быть, за редкими исключениями, установлены только на основе принципов и норм, общепринятых во всех цивилизованных государствах.

Таким образом, единственный логический вывод, который может быть сделан из приведенных выше материалов, заключается в том, что «умышленная бомбардировка незащищенных мест» и прежде всего бомбардировка гражданского населения составляют нарушение международных законов и обычаев войны. Поэтому в случае установления факта такой бомбардировки она должна наказываться по всей строгости закона как военное преступление, предусмотренное в ст. 19 перечня военных преступлений, составленного комиссией по вопросам ответственности за войну и положенного также в основу работ Лондонской комиссии Объединенных наций по

вопросам о военных преступлениях, учрежденной в 1943 г.¹

В настоящее время виновниками подобных преступлений в Корее стали воздушные пираты США.

Правительство Корейской Народно-Демократической Республики неоднократно ставило в известность Организацию Объединенных наций и мировое общественное мнение о кровавых преступлениях, совершенных в Корее американскими империалистами, о зверском истреблении гражданского населения, женщин, детей и стариков, об издевательствах над ранеными и пленными и их уничтожении, а также о варварских бомбардировках городов и деревень, не имеющих никакого военного значения. Для правовой квалификации международных преступлений последнего рода, не являющихся беспрецедентными, может служить преступное поведение американцев в Корее, зафиксированное министром иностранных дел Корейской Народно-Демократической Республики Пак Хен Еном в его обращении по радио к ООН о налете 3 января 1951 г. на Пхеньян. В этом налете 82 самолета В-29, прикрываясь флагом Объединенных наций, по заранее разработанному плану совершили злодейское истребление гражданского населения и уничтожение открытого города, не имевшего никаких военных объектов и ранее уже превращенного в развалины. Этот налет значительно превосходил по своей жестокости все, что было предметом приведенных выше жалоб, вызванных бомбардировками, не только в первую, но и во вторую мировую войну; самолеты сбрасывали на остатки зданий — жилых, школьных и общественного пользования, не щадя госпиталей, — фугасные и зажигательные бомбы, преимущественно замедленного действия, с расчетом, что они будут взрываться в течение целого дня и в разных частях города, для

---

¹ См. E. Schwebb, цитированный выше документ UNWCC 111/178. Нюрнбергский трибунал, принимая во внимание опыт второй мировой войны, признал, что хотя нарушения постановлений Лондонского протокола являются военными преступлениями, тем не менее они не наказуемы, если такие же действия были допущены и другой стороной. Поэтому не случайно и в соответствии с современным уровнем развития международного права Стокгольмское воззвание указывает, что военным преступником будет считаться правительство, которое первым применит атомное оружие.

того чтобы затруднить спасательные работы и чтобы жители подожженных домов сгорали заживо¹.

Но если не может быть никакого сомнения в преступном характере таких бомбардировок, то могут ли быть сомнения в том, что атомная бомбардировка может быть лишь проявлением в сотни раз более зверского злодейства?

При бомбардировке с помощью атомного оружия не может быть речи о том, чтобы избежать преднамеренного разрушения незащищенных мест или мест, не содержащих военных объектов, равно как и о какой-либо охране жизни и имущества гражданского населения. По самому своему характеру атомное оружие является оружием тотальной войны, исключаям возможность защиты как некомбатантов, так и самых почитаемых мест и вообще какой бы то ни было фактической или правовой защиты, предусмотренной обязательными нормами.

Поэтому эвентуальное применение атомного оружия может быть квалифицировано лишь как военное преступление, предусмотренное п. «б» ст. 6 устава Международного военного трибунала, как нарушение законов и обычаев войны, направленное на бессмысленное разрушение населенных пунктов — городов или деревень — и бессмысленное уничтожение, не оправдываемое военной необходимостью.

Наказуемость этих преступлений подтвердили Нюрнбергский и Токийский судебные приговоры и ряд других приговоров, вынесенных согласно постановлению № 10 Междусоюзного контрольного совета в Германии и постановлениям отдельных стран; на основании этих постановлений были вынесены судебные приговоры над военными преступниками второй мировой войны.

Запрещение применения атомного оружия и наказуемость таких действий вытекают также из того факта, что такое применение неминуемо привело бы к преступлениям против человечности, указанных в п. «в» ст. 6 устава Международного военного трибунала, в частности к преступлениям массового убийства, к массовому и зверскому

---

¹ См. «Trybuna Ludu», cz. 9 stycznia 1951 r.

истреблению гражданского населения, на которое в первую очередь обрушивается действие атомного оружия¹.

Запрещение атомного оружия и наказуемость действий по его применению вытекают также из того факта, что совершение их, в особенности в отношении малых государств, могло бы дать полный состав преступления чело-векоубийства, приводя к массовому уничтожению членов этнической, национальной или расовой групп данного государства и к созданию условий, приводящих к их частичной или даже полной гибели².

Необходимость запрещения атомного оружия и наказуемости его применения вытекает из того факта, что это оружие может быть средством агрессии.

Для подтверждения этого положения можно сослаться на тот факт, что в составленном в 1923 г. Временной смешанной комиссией Лиги наций (*Commission temporaire mixte*) списке действий, которые должны рассматриваться как акты агрессии, особо упомянута — наряду с другими — атака с применением химического оружия³.

Нет никакого сомнения, что такого рода квалификация тем более относится к атомному оружию, пределы разрушительного действия которого гораздо шире, чем у химического оружия.

Наиболее содержательное определение агрессии, соответствующее современному уровню развития международного права, дается в исторических документах Второго конгресса мира в Варшаве.

По смыслу этих документов агрессором признается государство, которое первое под каким бы то ни было предлогом применит вооруженную силу по отношению к другому государству. Планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны исчерпывают признаки преступления против мира, караемого на основании п. «а» ст. 6 устава Международного военного трибунала.

---

¹ См. приложение 2.

² См. ст. 6 Конвенции о предупреждении и наказуемости чело-векоубийства, опубликованную в «Zbiorze Dokumentów», 1949, No 2.

³ См. Ray, *Commentaire du Pacte de la Société des Nations*, Paris, 1930, p. 364—365.

Угроза применения атомного оружия, эвентуальное его использование полностью подходят под определение преступления против мира.

Постановления Лондонского соглашения 8 августа 1945 г. «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси», в состав которого неотъемлемой частью вошел устав Международного военного трибунала, впервые поставивший агрессивную войну действительно вне закона, были утверждены Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1946 г. и получили обязательную силу общепризнанной международной нормы.

Равным образом устав Международного военного трибунала в Токио и суды, организованные на основании упомянутого уже закона № 10 Контрольного совета в Германии, устанавливают подсудность этому трибуналу и судам дел о преступлениях против мира¹.

Нюрнбергский приговор признал, что планирование агрессивной войны и война с нарушением международных договоров являются преступлением².

Такое же определение дают приговоры, вынесенные судами отдельных государств на основе внутригосударственного законодательства и в соответствии с обязательствами, содержащимися в Лондонском соглашении.

В преамбуле к уставу Организации Объединенных наций декларирована решимость избавить грядущие поколения от бедствий войны, утверждение вновь веры в основные права человека, в достоинство и ценность его личности, создание условий, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к договорам и иным источникам международного права.

Эти вступительные слова основного документа современного международного права (не говоря уже о других его источниках) служат наиболее решительным подтверждением того, что приведенные выше положения, которые являются обоснованием правовой квалификации угрозы и применения атомного оружия, как международного преступления и в особенности преступления

---

¹ См. «Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны», М., Военно-юридическая академия, 1949, стр. 214—219.

² См. «Правда», октябрь 1946 г.

против мира, вполне соответствуют современному уровню развития международного права. Обязывающая сила этих положений ничем не может быть поколеблена.

Очевидно, не требует доказательств и положение о том, что атомное оружие может быть средством агрессии. Оно может быть самым жестоким средством агрессии, средством запугивания людей самыми ужасными бедствиями войны, средством нарушения основных прав человека, в том числе его права на жизнь, средством, рассчитанным на поправление всех договоров и источников международного права, включая самые основные принципы человечности. Достаточно в этом вопросе сослаться на указанного выше Оппенгеймера, пользующегося большим авторитетом в Америке, который утверждает самым решительным образом, что атомные бомбы могут быть только орудием агрессии и массового уничтожения людей¹.

Для характеристики преступности применения атомной бомбы и подготовки при ее помощи агрессии не лишен значения процесс японских военных преступников, имевший место 25—30 декабря 1949 г. в Хабаровске.

В Хабаровске советский суд осудил 12 японских военных преступников, признанных виновными в изготовлении и применении бактериологического оружия. Суд исходил из существующих норм международного права, главным образом из IV Гаагской конвенции и Женевского протокола 17 июня 1925 г., категорически воспрещающих применение бактериологического оружия, как средства массового уничтожения людей.

Однако независимо от международноправовых норм, относящихся непосредственно к запрещению бактериологических средств ведения войны, суд сослался также на другие нормы, которые безусловно воспрещают применение средств массового истребления людей.

Тем самым Хабаровский процесс подтвердил еще раз то, что было установлено Нюрнбергским и Токийским процессами, а именно недопустимость подготовки и ведения войны при помощи каких бы то ни было средств мас-

---

¹ См. The Absolute Weapon, N. Y., 1947, p. 75; Kohn K., Die strafrechtliche Verantwortlichkeit nach Völkerrecht und die Wasserstoffbombe Trumans, «Neue Justiz», 1050, No 3.

сового истребления людей, а стало быть, также и при помощи атомного оружия.

Мы уже привели выше данные, иллюстрирующие разрушения, произведенные в Хиросиме и Нагасаки. Помимо громадного радиуса действия и колоссальности разрушений и жертв, а также длительного действия последствий атомной бомбардировки, вызывающих заболевания или смерть, — аморальность и тем самым нелегальность изуверского и бесчеловечного атомного оружия характеризуются, в частности, еще тем, что оно причиняет мучения и агонию жертв.

В свое время существовали «теории», представленные главным образом в лице Фаррера, которые оправдывали применение любого оружия, лишь бы оно сокращало продолжительность войны и причиняемых ею страданий. Атомное оружие в корне противоречит и этой цели.

В Хиросиме не только в течение ряда недель после взрыва атомной бомбы свирепствовали болезни, уносившие ежедневно свыше сотни жертв, но еще и сейчас отмечаются случаи специфических заболеваний, трудно поддающихся лечению, а то и вовсе неизлечимых и смертельных.

Одного этого обстоятельства достаточно для признания, что применение атомного оружия самым грубым образом нарушает основные положения международного права и человечности и содержит признаки того международного преступления, которое право называет преступлением против человечности.

Тенденция к гуманизации войн возникла еще на очень ранних ступенях развития цивилизации. Об этом говорят правовые памятники древности и средневековья¹, не говоря уже о принципах морали и даже религии, а также правовые нормы ведения войны, уточненные в XIX и XX столетиях; в свете этих источников применение атомного оружия представляется недопустимым и противоречащим принципам человечности и непосредственно уголовному праву².

---

¹ Jack A., Atomic, Biological, Chemical Warfare in International law, «Le Droit au Service de la Paix», revue de l'Association Internationale des Juristes-Démocrates, 1950, No 2.

² См. выступление на IV конгрессе Ассоциации юристов-демократов в Риме в 1949 г. советского делегата Е. Зейдина, напечатанное

Принципы, согласно которым военные действия могут вестись только способами, продиктованными военной необходимостью, рассчитанными на достижение ограниченных военных целей и направленными исключительно против вооруженных сил и военных объектов, имеют свою длинную историю. Естественно, что эти принципы исключают возможность пользования любым родом оружия, в особенности могущим поражать гражданское население и делающим невозможным гуманное отношение к раненым и пленным.

Принципы эти нашли свое выражение не только в доктрине, при этом не только начиная с доктрин Витториа и Гроция, но также в инструкциях, уставах и кодексах, гражданских и военных, различных государств. Они сформулированы в инструкциях для американских вооруженных сил 1863 г., известных по имени автора как инструкции Либера. Формально их повторяет американский военный регламент 1940 г. («US Basic Field Manual»), который в ст. 24 и 25 ясно указывает, что никакая военная необходимость (*military necessity*) не может оправдывать применения средств уничтожения, которые могут причинить лишние страдания гражданскому населению. Эти постановления связаны с принципами, которые нашли свое выражение в Петербургской декларации 1868 г., в так называемых Оксфордских правилах Института международного права 1880 г., в ряде конвенций, касающихся Красного Креста, в конвенциях гаагских и женеvских.

Запрещение атомного оружия как средства массового истребления гражданского населения — оружия, применение которого нарушало бы приведенные принципы, вытекает как из всех перечисленных документов, так и из Женевской конвенции 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения, хотя англо-американское большинство не согласилось включить в нее прямое указание на запрещение употребления оружия бактериологического, химического и атомного и не согласилось также на одновременное заключение отдельной конвенции о них.

под заглавием «Zotarice zakazu atomowe ZBRANE» (К запрещению атомного оружия), Prawnik, 1950, No 1, стр. 22, а также мой доклад на том же конгрессе, напечатанный в «Le Droit au Service de la Paix», 1949, No 1, под заглавием «The Problem of Atomic Energy for War Purposes».

Ст. 3 (п. 1) названной конвенции 12 августа 1949 г., которая говорит о гуманном обращении с лицами, не принимающими непосредственного участия в военных действиях, сложившими оружие либо неспособными к борьбе вследствие ран, болезней или по другим причинам, ст. 13, которая устанавливает общую защиту для населения от некоторых последствий войны, и, наконец, ст. 146, 147 и 148, обязывающие участников конвенции применять уголовные санкции за нарушение ее постановлений и издать для этого соответствующие законодательные акты, убедительно свидетельствуют о правовой обоснованности утверждения о том, что запрещение и наказуемость применения атомного оружия имеют силу действующей нормы.

Уже в преамбуле к Санкт-Петербургской декларации 1868 г. было сформулировано положение о том, что противоречит законам человечности употребление такого оружия, которое «без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает их смерть неизбежной» *.

Это положение было руководящим при принятии Женевского протокола 1925 г. о запрещении применения отравляющих газов, запретившего применение не только отравляющих газов, но и «всяких аналогичных жидкостей, веществ и процессов» и в особенности бактериологических средств ведения войны» **.

В соответствии с указанным принципом, постановления о запрещении применять оружие бесчеловечного характера, либо вызывающее массовые убийства, содержатся в различной форме в ст. 171 Версальского договора 28 июня 1919 г., ст. 135 Сен-Жерменского договора 10 сентября 1919 г., в Вашингтонской конвенции 6 февраля 1922 г. и в Лондонском протоколе 6 ноября 1936 г. о гуманизации подводной войны.

Конечно, в 1868 г., так же как и в 1925 г., не могло быть еще речи об атомном оружии, но если учесть

---

* Полное собрание законов 1869 г., т. XLIV, № 46675; Ф. Л и ст, Международное право в систематическом изложении, перев. с нем., изд. 3, 1912, стр. LXXXVI. — *Прим. ред.*

** Собрание законов СССР, 1928, отд. II, № 35, стр. 145; Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны, М., Военно-юридическая академия, 1949, стр. 351—353. — *Прим. ред.*

последствия его применения и руководящую мысль приведенных источников международного права, то применение аналогии в отношении запрещения атомной бомбардировки бесспорно вытекает из сказанного выше. Всякая иная позиция в этом вопросе была бы равнозначна полному отрицанию основных положений права народов, отказу от гаагских конвенций и всяких других норм и обычаев, обязательных для всех цивилизованных народов¹.

На указанные основные положения приведенных источников международного права, из которых с такой бесспорностью вытекает запрещение применения атомного оружия, неоднократно обращало внимание советское правительство в своих нотах и декларациях 1941—1942 гг., в связи с зверскими военными преступлениями гитлеровцев.

Позиция Советского Союза в этом вопросе оказала огромное влияние на образование последующих международноправовых норм, которые в интересах обеспечения мира легли в основу судебных приговоров, вынесенных над военными преступниками.

Под влиянием позиции СССР были подчеркнуты отмеченные нами стороны рассматриваемого вопроса в Сент-Джемской декларации 13 января 1942 г., в которой говорилось, что «насилия, учиненные над гражданским населением, не имеют ничего общего с понятием военных действий, как оно признается цивилизованными народами».

В том же направлении шли в Кембридже работы международной комиссии по реконструкции и развитию уголовного права в отношении наказуемости военных преступлений, а также возникшего под покровительством Лиги наций «Лондонского международного собрания» по этим же вопросам и, наконец, комиссии Объединенных наций по делам о военных преступлениях. Результатом этих работ были основные положения, в настоящее время уже нашедшие отражение в действующих правовых нормах, подтвержденные приведенными судебными пригово-

---

¹ J. M. Spaight, *op. cit.*, 275—277. То обстоятельство, что США не были участниками ни декларации 1868 г., ни протокола 1925 г., не имеет в данном деле существенного значения.

рами и постановлениями ООН и, в частности, установившие, что от уголовного наказания за совершение названных преступлений не освобождает ни факт выполнения их по приказу вышестоящей власти, ни факт выполнения при этом обязанностей главы государства или какой-либо иной высокой государственной или военной должности¹.

Эти положения совершенно исключают возможность того, чтобы правительство, которое первым применит атомное оружие, могло прикрыть такие действия видимостью легальности и избежать квалификации военного преступника.

Не удивительно поэтому, что Международный комитет Красного Креста в своем воззвании 3 мая 1950 г., указав, что применение так называемого слепого оружия влечет за собой массовые разрушения и массовую гибель людей и ставит под угрозу цивилизацию всего мира, призвал государства «дать торжественное обязательство безусловно воспретить применение такого оружия, а вместе с тем и применение в военных целях атомной энергии».

Опираясь на приведенные основные положения, Советский Союз уже в проекте резолюции о запрещении применения атомной бомбы, предложенном на втором заседании Комиссии по атомной энергии², потребовал также, чтобы нарушение запрещения применять атомное оружие было признано тяжким преступлением против человечества.

Равным образом в «Декларации об устранении угрозы новой войны и об укреплении мира и безопасности народов», внесенной советской делегацией на V сессии Генеральной Ассамблеи Объединенных наций, решительно подчеркнут преступный характер применения атомной бомбы, которое было названо «тягчайшим международным преступлением против человечества».

В речи, произнесенной 20 сентября 1950 г., А. Я. Вышинский призывал Генеральную Ассамблею принять «все зависящие от нее меры, чтобы претворить в жизнь уже

---

¹ См. «Panstwo i Prawo», 1948, No 3.

² См. United Nations, Doc. AEC/7, а также The United Nations Association Yearbook, 1947, p. 63, 64.

ранее одобренные ею мероприятия по этому вопросу, чтобы добиться безусловного запрещения атомного оружия и осуждения как военного преступника того правительства, которое первым применит атомное оружие против какой-либо страны». А. Я. Вышинский имел все основания заявить при этом, что «таковы требования миллионов и миллионов людей»¹, и мог также сослаться на принятые уже и имеющие обязательную силу постановления, в основе которых, как мы указали выше, лежат принципы, правовая сила которых не может быть поколеблена.

Но если в свете права применение атомного оружия является преступлением, то, согласно общим нормам уголовного права, состав преступления будет содержаться также в угрозе применения этого оружия, а также в каждом акте содействия подготовке либо попытке такого применения, равно как и в каждом сговоре, каждом соглашении, заключаемом с этой целью, безразлично, делается ли это для достижения определенных военных результатов или в целях шантажа².

Аргументы о том, будто указанные положения, так же как и правила ведения воздушной войны, не связывали Соединенные Штаты, ибо они их не ратифицировали, совершенно беспредметны, ибо речь идет о положениях, которые вытекают из норм, имеющих повсеместное действие, и на них опираются. Поэтому даже более видные буржуазные теоретики, многие из которых нами уже цитированы, не считают возможным поддерживать подобные аргументы, ибо они являются выражением такого циничного нигилизма, с каким не может согласиться никакая доктрина международного права³.

Эти аргументы не выдерживают критики, так же как и те, которые оспаривают незаконность применения атомного оружия на том основании, что по этому вопросу нет точных карательных норм, что нет вообще договорных

---

¹ «Правда», 22 сентября 1950 г.

² См. Н. Н. Полянск и й, Международный военный трибунал, 1946, стр. 16; А. Трайнин, Уголовная ответственность за пропаганду агрессии, М., 1943; S u r g i a n i S a w i c k i, Prawo Normy b e r s k i e, W., 1948.

³ См. А. Трайнин, Преступления американских агрессоров против человечности, «Новое время», 1951, № 3.

норм, непосредственно относящихся к атомному оружию, и что нельзя серьезно поднимать вопрос об ответственности за действия, которые в момент их совершения не были запрещены в ясных выражениях.

Выдвигая эти аргументы, обходят молчанием так называемую оговорку Мартенса, включенную во вступление к IV Гаагской конвенции 1907 г. Следует напомнить ее текст. Он гласит: «Впредь до того времени, когда представится возможным издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие стороны остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

Международные преступления действительно подлежат каре на основании международных договоров. Но и при отсутствии таких договоров их ненаказуемость недопустима — на основании ли соответствующих международных обычаев, либо по аналогии с договорными запрещениями подобных же фактических составов, либо во имя принципов международной морали, либо, наконец, только на основании уголовного права, действующего в отдельных государствах, но отвечающего тому уровню правовых понятий, который на данном этапе развития цивилизации признается повсеместно обязательным. Запрещение отдельных военных преступлений предусмотрено различными конвенциями часто в самой общей форме, но их наказуемость, основанием которой служат либо определенные обычаи войны, либо предписания внутреннего законодательства применяющих их стран, не возбуждает и не может возбудить никакого сомнения.

Версальский договор в своем постановлении о наказании германского императора ссылаясь на нарушение принципов международной морали. Постановления о наказуемости преступлений против мира основывались на международных обязательствах, содержавших осуждение только агрессивной войны. Преступления против человечности карались в связи с их запрещением карательными системами почти всех цивилизованных стран, хотя вопрос

о них не был точно урегулирован в международных договорах.

Международные организации и в особенности международные трибуналы неоднократно обосновывали свои решения и постановления, а в связи с этим и силу норм международного права, на признании повсеместности действия его принципов. В приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге ясно сказано, что материальные нормы, содержащиеся в его уставе, соответствуют общему уровню международного права, которое действовало уже в момент подписания Лондонского соглашения о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси.

Договоры служат хотя и главным, но, однако, не единственным источником международного права и не являются единственным правообразующим фактором в международных отношениях. Правила международного обычая, особенно прогрессивные и отвечающие общим принципам действующего договорного права, являются также источником права, на который делается четкое указание в п. 16 ст. 38 статута Международного суда. Обычай имеет тем большее значение, чем больше он соответствует содержанию аналогичного внутригосударственного законодательства демократических и прогрессивных государств, запрещающих и карающих фактические составы, опасные для международных отношений, хотя и не регламентированные еще никаким международным актом.

Расовая дискриминация не является еще международным преступлением в смысле ст. 6 устава Международного военного трибунала или каких-либо международных конвенций, но тем не менее ясно, что средством упрочения международной безопасности не может быть порядок, при котором в некоторых государствах вопрос о судьбе и жизни миллионов людей решает цвет их кожи или происхождение.

Проф. Трайнин поэтому очень метко заметил, что хотя уголовное законодательство отдельной страны, запрещающее расовую дискриминацию, еще не устанавливает состава такого международного преступления в формальном смысле, но, по существу, в материальном

смысле, оно опережает международное право и открывает для его развития новые перспективы¹.

До недавнего времени, например, не было конвенции о запрещении массового уничтожения людей (геноцид), но наказуемость этого международного преступления и при отсутствии конвенции не могла вызывать сомнений. Договорная норма установила природу этого нового типа международного преступления, уточнила его определение, образ действий и т. д., но понятие его как международного преступления в своих общих чертах было известно и раньше. Поэтому, согласно взглядам, изложенным в объяснительной записке генерального секретаря Специальной комиссии ООН по делам о геноциде, конвенция по вопросу об уголовной борьбе с этим преступлением исходит из ранее установленных положений действующего права, а не только явилась впервые подтверждением и развитием путем договора установленных ранее норм, повсеместное действие которых не вызывало сомнений².

Равным образом наказуемость применения атомного оружия уже сейчас имеет, согласно вышесказанному, прочную правовую основу по аналогии с правовыми постановлениями, регулирующими применение других видов оружия массового уничтожения, наказуемость военных преступлений против человечности, преступлений массового уничтожения людей и преступлений против мира, хотя формально нет еще договорного запрета применять атомную энергию в военных целях.

Положительное право, международная практика и доктрина доказывают несомненным образом, что международное преступление может возникнуть без формального нарушения конкретной договорной нормы международного права, если только инкриминируемое действие противоречит основным общепризнанным положениям права и, нарушая безопасность международного общения, превращается в угрозу либо посягательство на мир.

---

¹ См. А. Трайнин, Учение о составе преступления, М., 1946, стр. 181; J. Sawicki, Ludobojstwo, Kraków, 1949, str. 127—128.

² См. А. Трайнин, Борьба с геноцидом, как международным преступлением, «Советское государство и право», 1948, № 5 и Док. ООН Е/АС — 25/3 от 2 июня 1948 г.; Sawicki, op. cit., str. 134—135.

Было бы недопустимой ошибкой механически переносить все понятия уголовного права отдельных стран в международное право, даже в отношении отдельных составных элементов международного преступления, а также положений, касающихся вины и наказания. Хотя международное преступление является как бы только квалифицированным общеуголовным преступлением, т. е. преступлением по праву данной страны, нарушающим в то же время положения международного права, но разница между понятием преступления международного и общеуголовного очень существенна, даже и при аналогичности, а нередко и идентичности их составных элементов.

Международные преступления отличаются от общеуголовных не только по своему общественному значению, характеру, последствиям и субъективным особенностям, но и понятием совершения, совместного выполнения, различных форм соучастия, орудий преступления и общими положениями, которыми и определяется их юридическая квалификация и наказуемость¹.

Для обоснования того, что угроза и применение атомного оружия являются международными преступлениями, было бы абсурдно разыскивать договорную норму, которая ясно указывает, какое грозит за него наказание.

В области общеуголовных преступлений, действительно, первенствующее значение имеет положение, в силу которого недопустимо наказание за действия, которые не были запрещены под угрозой кары в момент их совершения. Но применение этого положения к международным преступлениям не обосновано никаким положительным предписанием международного права и привело бы к последствиям, в корне противоречащим этому праву и логике.

Небезызвестный реакционный французский юрист проф. Донндье де Вабр считает, что действительным препятствием для признания ответственности индивидов за международные преступления является положение «*nullum crimen sine lege*» («нет преступления без указания в законе») и что для привлечения к уголовной ответственности всех лиц, виновных в военной агрессии, а стало быть,

---

¹ См. Muszkat, *Zagodnién Miedzynarodowego Prawa Karnego*, «Panstwo i Prawo», 1949, No 3, str. 39—40.

и в угрозе применения атомного оружия, как исключительно агрессивного оружия, отсутствуют особые уголовные нормы, которые предусматривали бы относящиеся сюда конкретные фактические составы и соответствующие им наказания¹.

Впрочем, аргумент гитлеровской защиты, основанный на принципе «*nullum crimen sine lege*», мог выдвигаться только из демагогических соображений. Для его опровержения достаточно припомнить хотя бы только содержание постановлений Женевского протокола 1925 г., который ясно устанавливает запрещение агрессии². Беспредметна также ссылка на отсутствие точного определения преступления.

Этот аргумент много раз выдвигался защитниками военных преступников перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Но Трибунал правильно перешел, минуя этот аргумент, к повестке дня. Устав предоставил Трибуналу судить без всяких ограничений во времени, уполномочивая Трибунал самому определить круг преступлений, подлежащих его компетенции. Ибо международное преступление не перестает быть преступлением только потому, что еще не уточнена в договорном порядке соответствующая уголовная норма, поскольку, конечно, данное действие нарушает общепризнанные положения права и поскольку оно угрожает прежде всего миру.

Общеуголовные преступления обычно точно определяются; это вызывается стремлением каждого законодателя определить, по крайней мере более или менее точно, фактические составы преступлений, подлежащих подавлению в интересах господствующего в данном государстве класса. Но для наказуемости преступного применения атомного оружия нет надобности добиваться точного

---

¹ См. Donnedieu de Vabres, *Des principes modernes du droit pénal international*, p. 416.

² Не имеет также никаких оснований ссылка в этом деле и на правило «*nulla poena sine lege*» («нет наказания без закона»). Оно вообще неизвестно международному праву и не имеет всеобщего применения даже в уголовном праве буржуазных государств. Во Франции, например, элементы государственной измены и уголовные санкции устанавливает в каждом отдельном случае парламент, а конституция Соединенных Штатов относит к компетенции конгресса определение и наказание преступлений против международного права.

определения этого преступления, ибо в определениях международных преступлений вообще не может быть точности. Даже при наличии договорного регулирования точное нормирование таких преступлений затрудняется тем, что в них формально объединяется состав нарушения международной нормы с элементами общеуголовного преступления. В то же время необходимо дать такую формулировку нормы с ее материальной стороны, при которой сохранился бы ее действительный смысл, направленный на охрану мирных международных отношений¹.

Если мы учтем, что в настоящее время защита мира требует, ввиду агрессивной позиции империалистических государств, упорной борьбы, что вследствие этого нормы, служащие выражением защиты мира, не могут сложиться в атмосфере общей воли к сотрудничеству, а, напротив, складываются при наличии циничной активности поджигателей войны, направленной против СССР и стран народной демократии, то мы поймем, почему мы гораздо чаще оказываемся свидетелями борьбы, а не процесса образования путем международных актов точно сформулированных правовых норм, соответствующих указанной выше цели, и почему такие нормы, если дело доходит до соглашения, не могут быть признаны вполне удовлетворительными².

Поэтому ведущаяся борьба за уточнение договорным путем норм о наказуемости преступного применения атомного оружия выражает лишь стремление к формальному подтверждению того, что в свете принципов действующего международного права уже является непререкаемым и обязательным законом.

Этот вывод убедительно подтверждается приведенными выше теоретическими доводами. Красноречивым доказательством этого положения является также общественное мнение.

При установлении элементов общеуголовных преступлений действительно приходится руководствоваться пре-

---

¹ См. А. Трайнин, цит. соч.

² Типичными примерами таких международных актов, которые не могут удовлетворить прогрессивных деятелей и демократические государства, являются Международная декларация права человека, принятая на осенней сессии ООН в 1948 г., а также цитированная уже конвенция о борьбе с геноцидом и Женевские конвенции 1949 г.

жде всего содержанием закона государства. Теория и воззрения могут играть здесь известную роль только при истолковании воли законодателя, т. е. при выяснении классового политического содержания правовой нормы. Роль теорий при этом второстепенная, и поскольку речь идет не о концепциях, опережающих правотворчество и выражающих новые общественные отношения, теоретические построения складываются на основе уже действующих предписаний права и, очевидно, соответствующих им фактических составов.

Совершенно иначе стоит вопрос в международном праве, в области международных преступлений. Теоретические обоснования и общественное мнение здесь обычно опережают договорное право. Они, несомненно, выражают уже возникшие фактические составы, для охвата которых конвенциями приходится иногда еще вести упорную борьбу. Требования осуждения военных преступлений стали предъявляться доктриной и общественным мнением значительно раньше, чем эти требования получили отражение в международных обязательствах. Нужен был кровавый опыт многих войн, прежде чем на его основе могли сложиться теории о противоправности военной агрессии и о наказуемости преступлений против человечества — теории, которые опередили договорное урегулирование этих вопросов.

Только борьба рабочего класса против империалистической войны и победа Октябрьской революции, авторитет и влияние последовательной политики СССР в борьбе за мир оказались тем решающим фактором, благодаря которому могло возникнуть нечто в роде первого чернового наброска международного уголовного кодекса.

Таким «кодексом» в настоящее время можно признать устав Международного военного трибунала, определивший три повсеместно признанные в настоящее время категории международных преступлений: военные преступления, преступления против человечества и преступления против мира¹.

Нет никаких сомнений, что в свете этого Устава угроза применения и эвентуальное применение атомного оружия

---

¹ См. Muszkat, Pojęcie międzynarodowego przestępstwa, «Wojskowy Przegląd Prawniczy», 1949, No 2, str. 307f.

для военных целей подойдет лишь под одну, либо одновременно под все три категории названных международных преступлений.

Только таким способом, правильность которого не может быть ни с какой стороны опровержена, должен быть решен в свете международного права вопрос о запрещении и наказуемости как международного преступления угрозы применения и самого применения атомного оружия. Ясно, что такая позиция международного права в этом вопросе не дает покоя пропагандистам агрессии и одновременно защитникам интересов и идеологии их хозяев — американских монополистов, организаторов новой мировой войны.

Они не только стараются опровергнуть действующие нормы, касающиеся правовой квалификации бомбардировок гражданского населения и невоенных объектов, и доказать необходимость ревизии и отрицания обязательной силы этих норм, но одновременно стремятся подорвать основные положения международного права, притом не только по вопросу о неправомерности и наказуемости вообще военных преступлений, преступлений против человечности и преступлений массового уничтожения людей, но в особенности по вопросу о неправомерности и наказуемости преступлений против мира.

Руководящей мыслью всех действующих норм международного права, относящихся к условиям военного времени, является охрана жизни и имущества гражданского населения.

Однако «профессор» Стоуэлл на страницах «*American Journal of International Law*», ведущего американского журнала по международному праву, признает эти основные положения противоречащими здравому рассудку.

Он считает «неразумными положения об охране гражданского населения во время военных действий» и в своих «научных» выводах, между прочим, пишет: «Бомбардировкой железнодорожных узлов и промышленных центров достигаются чрезвычайно важные результаты. Вызываемые бомбардировкой убытки и страдания гражданского населения являются также достижениями военными, ибо ухудшают моральное состояние противника. В условиях современной войны старые положения, запрещающие применение отравляющих газов, а также конвенции, уста-

новившие это запрещение, утратили разумное основание»¹.

Профессор Колумбийского университета Теодор Розберри подошел к этому вопросу еще более цинично. «Какая разница, — заявил он, — умирает ли человек в страданиях или без них. Так или иначе, он должен умереть»².

Вслед за Стоуэллом и Розберри начальник службы информации американских вооруженных сил Эльмер Дэвис писал в «World Affairs» в августе 1949 г., что на него «вовсе не действует аргумент, будто атомная бомба — бесчеловечное оружие. Я лично, — заявил он, — за исключением цены и рентабельности, не вижу никакой разницы между атомной бомбой и обыкновенной пулей».

Через несколько месяцев в «Revue Générale de l'Air» «идейный» последователь Стоуэлла, Розберри и Дэвиса — Обер писал, что опыт последней войны побуждает к расширению свободы действий воюющих стран в выборе средств борьбы, а также к ограничению до минимума прав, стоящих на страже интересов гражданского населения и нейтральных стран. По мнению Обера, «дозволено все, что служит целям войны, победе над противником».

Но если на войне все дозволено, то становится понятным, почему едва ли не единственный «противник» атомного оружия в лагере американской реакции Р. В. Харвуд выступает за другие виды оружия. Делает он это, очевидно, не потому, что исходит из ограничений, налагаемых правом, а из больших материальных убытков, которые может причинить применение атомного оружия.

В «Milwaukee Journal» 6 августа 1950 г. названный Харвуд, вице-президент крупного американского треста «Кетлер Гаммер», пишет, что «атомное оружие — плохое оружие, ибо уничтожает слишком много материальных благ. Хотя это звучит беспощадно, но тип оружия, которым мы должны владеть, это оружие, которое будет уничтожать только людей. Такое оружие устранил (по Харвуду) после войны необходимость очень дорогих восстано-

---

¹ Эти людоедские высказывания встретили заслуженный отпор со стороны всего прогрессивного общественного мнения и науки. См. М. И. Рогинский и С. И. Розенблит, Процесс главных японских военных преступников, «Советское государство и право», 1948, № 7.

² «Trybuna Ludu», 29/XI 1950.

вительных работ, вызываемых производившимися до сих пор разрушениями».

Эти высказывания как бы непосредственно перекликаются с выводами, которые сделал из анализа военных действий во время второй мировой войны ген. Шассен на столбцах «Revue de Défense Nationale» в конце 1949 г. Совершенно не считаясь с действующими правовыми нормами, он констатирует, что в этой войне «не были применены достаточно действенные средства для массового убийства людей»¹.

Конечно, нет ничего удивительного в том, что когда американские монополии заняты способами производства оружия, могущего быть действенным средством «массового убийства людей», лженаука и публицистика, состоящие на службе империализма, обосновывают правомерность применения такого оружия.

В «American Scientific Yearbook» 1947 г. бактериологической войне был посвящен целый раздел, написанный неким Сиднеем Шалетом, по сути дела превозносящим незаконные способы массового уничтожения людей.

В «Chemical and Engineering News» Георгий Мерек, президент концерна, теснейшим образом связанного с родственной фирмой в Дармштадте, которая хорошо послужила Гитлеру изготовлением химического оружия, восхваляет допустимую с его точки зрения войну бактериологическими и химическими средствами².

Упоминавшиеся уже Пейдж Торнтон и проф. Броди высказываются не только за целесообразность, но и за правомерность молниеносного нападения с применением атомных бомб для уничтожения больших городов и промышленных центров.

Известный монополист из группы американской авиапромышленности Глен Мартин предлагает принять на во-

---

¹ См. Muszkat, Proces japońskich zbrodniarzy wojennych, «Polska Zbrojna», 1/I 1950.

² См. М. Рубиштейн, Под маской гуманизма, «Новое время», 1947, № 37. (Чрезвычайно характерно, что проекты химической войны выдвигались в Америке еще задолго до Гитлера. Договор США с Бразилией о деятельности американской военной миссии в Бразилии 12 ноября 1936 г. предусматривал в ст. 1, что члены этой миссии будут обучать молодежь в бразильских технических школах также основам химической войны, а в ст. 8 — что они будут также советниками по подготовке к химической войне.)

оружие в США аппаратуру для образования смертоносных радиоактивных туч, что, по его мнению, не может быть в какой-либо коллизии с правом и что вообще, говорит он, ничего общего с правом не имеет ¹.

Для того чтобы иметь возможность осуществить такую войну, какую пропагандируют Шелет, Броди и др., и «честно» заслужить похвалу мерексов и мартинов, американский генерал Аллен Уэллс, пренебрегая всеми запретами международного права, призывал Соединенные Штаты в начале 1949 г. максимально повысить производство всех средств массового уничтожения людей и заверял, что «в области бактериологического оружия мы уже превзошли все другие государства». Стремясь преодолеть сопротивление американского общества, возрастающее не только ввиду отвращения, испытываемого народными массами к организаторам новой войны, но и в связи с моральными переживаниями, с сознанием того, что производство средств массового уничтожения людей должно привести к конфликту с правом и к преступлениям, ассистент по бактериологии университета в Фордгем Чарлз Уилбер решил апеллировать к «разуму». «Я надеюсь, — заявил Уилбер, — что наши военные, наши ученые, наши законодатели, наше общественное мнение понимают, как много надо работать над проблемами, относящимися к бактериологической войне».

Исходя, очевидно, из предпосылки, что Уилбер убедил американцев и что нужно только рассеять сомнения правового порядка, директор Института международных отношений при университете в Хартфорде Альфред Циммерн заявил: «Нет времени, чтобы его тратить», оружие массового уничтожения людей уже готово, и его можно пустить в ход. «Нужно отбросить всякие колебания относительно правомерности или неправомерности применения силы» ².

Верхом цинизма, но и выражением действительных замыслов поджигателей войны являются недавние высказывания теперешнего ректора Вашингтонского университета и советника правительства США Артура Комптона по

---

¹ См. Muszkat, Medycyna w służbie zbrodni, «Problemy», 1948, No 8.

² См. «Trybuna Ludu», 29/IX 1950

вопросу о применении атомной бомбы в Корее и в особенности заявления ректора университета в штате Флорида д-ра Ненса и физика Ральфа Лаппа. Ненс, призывая к тотальной войне, заявил, что не должно быть никаких ограничений, если речь идет о применении оружия массового истребления, и что «следует вести войну бактериологическую, употреблять отравляющие газы, применять атомные и водородные бомбы и ракетные снаряды». Свои преступные, людоедские рассуждения д-р Ненс кончает заключением, что «защита во время войны госпиталей, храмов и научных учреждений — чистейшее лицемерие».

Со своей стороны Лапп, анализируя разрушительность действия водородной бомбы, над которой в США ведется в настоящее время работа и которая может служить исключительно для военных целей, без всяких возможностей использования ее в производстве мирного времени, заявил, что водородная бомба — весьма гигиеническое оружие и что Москва является единственной в своем роде целью для такой бомбы, а «для других советских объектов годятся урано-плутоновые бомбы».

Все эти заявления, направленные к подготовке общественного мнения к подготавливаемым империалистами преступлениям и «правовому» их обоснованию, знаменуют собою возврат к первобытному варварству и апофеоз зверства.

Неограниченная свобода убийства существовала только в самый первобытный и варварский период истории человечества. С развитием цивилизации свобода эта непрерывно ограничивалась, способы ведения войн делались более гуманными, и наконец дело дошло до формулировки не только моральных, но и правовых принципов и норм, которые уже в течение веков повсюду признаются обязательными.

Отрицая эти принципы и правовые нормы, империалисты обнаруживают свое подлинное лицо варваров, стремящихся всеми возможными способами, не считаясь ни с какими принципами и нормами и вопреки им, добиться господства над миром. Позиция, которую они заняли в отношении жалоб, принесенных против них в связи с совершаемыми ими в Корее военными преступлениями и преступлениями против человечности, свидетельствуют,

что приведенные выше высказывания носят официальный характер и находятся в тесной связи с их преступной практикой.

Тот факт, что британский делегат Джебб решился в 1950 г. во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН заявить в Политическом комитете, что «некоторое количество преступлений во время войны неизбежно», бесспорно доказывает стремление империалистических правительств к легализации преступлений как средства осуществления их политики и ниспровержения основных положений международного права.

Естественно, что с особым упорством империалисты обрушиваются на понятия преступления против мира.

Еще во время судебного процесса в Международном военном трибунале в Нюрнберге немецкий адвокат проф. Герман Ярейсс пробовал, правда, безуспешно, развить теорию ненаказуемости агрессивной войны. Трибунал перешел тогда к очередным вопросам порядка дня, минуя этот тезис, с которым, конечно, мог выступить только поборник гитлеризма. Геринг и его сообщники понесли тогда заслуженную кару именно на основании положения об ответственности за преступление военной агрессии. Нюрнбергский процесс четко установил, что те, кто подготавливает такую войну с ее неминуемыми и страшными последствиями, совершают преступление, что они не просто совершают преступление против международного права, но самое тяжелое международное злодеяние, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в концентрированном виде зло, заключенное во всех остальных преступлениях.

Тем не менее и сейчас нет недостатка в таких «юристах», которые вопреки положениям, установленным Нюрнбергским трибуналом, продолжают развивать гитлеровскую концепцию Ярейсса, являющуюся в настоящее время выражением официальной американской доктрины в этой области.

Так, пользующийся авторитетом в правительственных кругах США редактор упоминавшегося уже «The American Journal of International Law» Финч в статье под заглавием «Нюрнбергский процесс и международное право» (помещенной в № 1 этого журнала за 1947 г.) выступил

с утверждением, что Нюрнбергский процесс не является обязывающим, что он был не выражением справедливости по отношению к виновным, а лишь расправой победителей над побежденными.

Финч, несомненно подготовляющий будущим агрессорам отпущение грехов перед международным правом, напрасно, однако, тщится доказать, что агрессивная война — не преступление¹.

Положения Финча пытается подкрепить длинной исторической справкой профессор Лондонского университета и директор Британского института международных отношений д-р Шварценбергер, стараясь доказать, что объявление войны вне закона чуждо понятиям доктрины, политической и судебной практики в том виде, как они сложились на протяжении веков².

Однако он не учел того, что правовые понятия на протяжении веков менялись и то, что раньше запрещалось, сейчас иногда приобретает характер доблести, и наоборот. Агрессия же, как признал Нюрнбергский трибунал, была международным преступлением уже в момент ее совершения гитлеровцами, в соответствии с действовавшим в то время положительным правом народов.

Несмотря на это, позицию Шварценбергера, сформулированную в его работе «The Judgement of Nuremberg», горячо поддерживает профессор американского университета в штате Юта Ф. Б. Шик, который в цитированном уже выше американском журнале международного права прямо утверждает, что взгляд, «будто Нюрнбергский процесс установил прецедент, обязательный для будущих судов, должен быть признан совершенно ошибочным» и что положение, «будто агрессивная война есть преступление, следует отвергнуть».

Приведенные выше положения, которые, однако, являются выражением действующего права, британский автор Голланц признает «угрозой нашим традициям» в книге под таким именно названием, а другой британский автор в книге «Epitaph of Nuremberg» поет отходную обязательным для всех нормам, подтвержденным историче-

---

¹ См. А. Трайнин, Опасные концепции мистера Финча, «Новое время», 1947, № 46, стр. 15—17.

² См. «The Yearbook of World Affairs», 1946

ским Нюрнбергским приговором и постановлениями ООН¹.

Ясно, что в этом крестовом походе против обязательной силы правовых норм, устанавливающих запрещение агрессивной войны и других международных преступлений, Ватикан не мог не принять участия и притом в роли инициатора.

После первой мировой войны папа римский сделал все возможное, чтобы не допустить осуждения военного преступника Вильгельма II и других виновников войны и совершенных во время ее преступлений, утверждая, что их причиной была «достойная сожаления политика господствующего атеизма».

Попытки после второй мировой войны папы Пия XII спасти от суда и кары гитлеровских военных преступников и оправдывание им преступлений американского империализма в Корее сходны с аналогичной деятельностью папы Бенедикта XV после первой мировой войны².

В связи с формулой «безоговорочная капитуляция», которую союзники применили к побежденным фашистам, папа Пий XII счел возможным заявить в письме президенту Рузвельту, что декларация, требующая безоговорочной капитуляции, «не может согласоваться с христианским учением».

В статье, посвященной «Праву и политике в Нюрнбергском процессе», опубликованной на страницах теоретического органа Ватикана «*La Civiltà Cattolica*», иезуит С. Леснер пришел к выводу, что, «согласно международным нормам, война не есть и не может быть наказуемым преступлением, вследствие чего нельзя привлекать к уголовной ответственности виновников неизбежных при ее ведении преступлений».

Другой сотрудник того же органа, Дель Веккио, пошел еще дальше, утверждая, что «мир недостижим, пока на земле не установится справедливость, которую нередко можно достигнуть только при посредстве войны». Призыв к войне, по его мнению, выражает собой призыв к осу-

---

¹ См. Muszkat i Sawicki, Spisek agresorów, «Nowiny Literackie», 1948, No 46.

² См. М. Шейнман, Ватикан между двумя войнами, М., 1948, стр. 29—31.

ществлению справедливости¹. Что же удивительного в том, что Ватикан осудил проекты запрещения атомного оружия и на столбцах «Osservatore Romano», выступив в июле 1950 г. с тезисом, что «вооружения, в том числе вооружение атомное, бактериологическое и т. д., — единственный путь, который позволяет рассчитывать на избежание нового конфликта».

Это — тезис, распространения которого требуют интересы производителей оружия для массового уничтожения людей. Они пропагандируют его либо непосредственно, либо через своих слуг в профессорских тогах, в рясах духовных, в генеральских мундирах, в дипломатических фраках, в масках «социалистов», либо через незамаскированные выступления ренегатов вроде титовцев или иных глашатаев политики агрессии.

В 1950 г. на пятой сессии Генеральной Ассамблеи американская делегация, возражая против советского проекта определения агрессии, утверждала, что никакое определение агрессии не может быть исчерпывающим, так как каждый пропуск в таком определении может только поощрить агрессора.

Делегаты-титовцы ухватились за эту попытку создать для агрессоров как можно большее поощрение. Проект резолюции, представленный ими, предлагал, чтобы в случае агрессии агрессору предъявлялось требование об отзывании его войск с территории жертвы агрессии, но при условии, что «такие шаги при данных обстоятельствах практически возможны»².

Расшифровка того, к чему направлены титовские концепции агрессии, как и теории циммернов, стоуэллов, финчей, шиков и других «ученых» апологетов человекоистребления, не может вызывать сомнений.

В этих концепциях находит свое правовое обоснование ведущаяся в настоящее время в США пропаганда, стремящаяся разжечь пожар новой войны, притом войны средствами массового уничтожения, войны атомной, бактериологической, химической и биологической. Отрицая принципы права, запрещающие агрессивную войну и применение средств массового уничтожения людей, наемники

---

¹ См. № 2306, 20 июля 1946 г.

² См. «United Nations Bulletin», 1950, No II, p. 602—603.

империалистов стараются придать бодрость поджигателям войны и создать настроение, при котором их не пугали бы нюрнбергские виселицы. Они стараются также оправдать освобождение от вины и наказания всех тех военных преступников, которым удалось, благодаря покровительству со стороны империалистов, избежать гнева народов и которые сейчас, восстанавливаемые в высших должностях, становятся идеальной для империалистов резервной армией, готовой вновь идти дорогой злодейских фашистских преступлений.

Громкий отзвук в мировом общественном мнении получил приговор, вынесенный гитлеровским генералам 19 февраля 1948 г. американским трибуналом под председательством судьи Веннерштрума — по иронии судьбы также в Нюрнберге. В этом приговоре, который звучит издевательством над основными принципами международного права, признано «право» оккупационных властей казнить без суда гражданских заложников и партизан. А вслед за этим приговором началась открытая кампания спасания от заслуженной кары, амнистирования и даже реабилитации всяких категорий преступников, прекращение их выдачи и судебных процессов.

Слишком хорошо известны дела преступных гитлеровских генералов Кесселинга, Маккензена, Мельзера, Манштейна, Фалькенгаузена, Гальдера, Гудериана, полковника Скоженного и многих других, обогативших кровью миллионов жертв, а сейчас поступивших на службу к американским империалистам для ремилитаризации Западной Германии, восстановления «вермахта» и организации агрессивных вооруженных сил Атлантического союза. Подробнее останавливаться на них здесь не стоит.

На свободе снова не только Эрих фон-дер-Бах и Гейнц Рейнфарт, погромщики гражданского населения Варшавы и разрушители столицы Польши, ряд других гитлеровских военных и гражданских деятелей, руководителей и служащих концентрационных лагерей, а также те, кто финансировал гитлеризм и толкал его на агрессивную войну, рассчитанную на истребление целых народов.

Директор концерна «И. Г. Фарбениндустри» Фриц Тер-Меер, а также директора концернов Круппа, Флика и «Ферейнигте штальверке» — Пферденменгесс, Динкельбах, Хоудремонт, советник Гитлера по хозяйственным

делам Кепплер, автор расистских законов и глава ведомства юстиции в гитлеровском правительстве Шлегельбергер, бывший личный адъютант Гиммлера генерал СС Карл Вольф, второе после Геббельса лицо в министерстве пропаганды Отто Дитрих, заместитель Риббентропа в министерстве иностранных дел Вайцзекер и целый ряд других преступников подобного рода выпущены из тюрьмы «за хорошее поведение».

В 1945 г. орган американской армии «Army and Navy Journal» выражал беспокойство по поводу того, что главное командование и гитлеровский генеральный штаб могут быть осуждены как преступные организации¹.

Американские империалисты сделали все, чтобы эти опасения оказались напрасными. Поэтому 27 декабря 1950 г. американский наместник в Западной Германии Мак-Клой мог, нисколько не стесняясь, заявить, что гитлеровские солдаты «никогда не теряли своей чести». Это имело место уже после опыта преступлений, совершенных в Корее, на развалинах которой американские последователи методов гитлеровской солдатчины показали, что преступления против мира, преступления военные и преступления против человечности являются делом их собственной «чести».

Может ли после этого вызывать удивление, что охвостье гитлеризма добивается предания забвению всех совершенных ими преступлений, что конференция западногерманских международников, происходившая в 1950 г. под председательством проф. Лауна в Гамбурге, потребовала исправления «удара, нанесенного праву», которым в их понимании был нюрнбергский приговор, и что адмирал Готфрид Ганзен в своей речи в 1950 г. заявил: «Было бы невероятно, если бы от нас требовали исполнения нашей обязанности в то время, когда наши коллеги томятся в тюрьмах»².

Исполнение обязанности, о которой идет речь, означает новую войну, которая сама по себе противоречит праву, а по намеченным для нее средствам ведения являет

---

¹ См. Muszkat i Sawicki, Jazsce jedno rozczacowanie, «Nowiny Literackie», 1948, No 9.

² См. «За прочный мир за народную демократию!», 1951, № 2, стр. 4.

собой полный состав самых тяжких преступлений против человечности.

Но бесспорно, что ни Финч, ни Веннерштрум, ни Мак-Клой, ни другие поджигатели войны типа людоеда Ненса и других ему подобных лжеюристов, лжеученых, военных, политиков либо «духовных» лиц не смогут повернуть вспять — в интересах монополистов производства оружия — или лишить подлинного значения те нормы международного права, которые уже стали неотъемлемым достижением всего цивилизованного человечества.

В свете того, что было сказано выше, не может вызывать никакого сомнения положение о том, что преступлением является призыв к войне вообще, а к войне атомной, бактериологической или химической — в особенности. Равным образом правительство, которое первым под каким-либо предлогом применило бы в военных целях атомное оружие, не может быть квалифицировано иначе, как международный преступник.

Быть может, мы еще далеки от конвенции, которая точно сформулировала бы запрещение применения таких новых различных типов оружия массового истребления, как атомная и водородная бомбы. Но уже сейчас, в связи с осуждением, запрещением и наказанием преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности — в особенности на фоне борьбы лагеря прогресса и демократии за предупреждение новых преступлений, неизбежно сопутствующих каждой агрессивной войне, на фоне борьбы за укрепление мира, — не может быть никаких сомнений, что запрещение атомного оружия, хотя и не облеченное в форму конвенции, есть уже общеобязательная норма права, выражающая волю миллионов людей и отвечающая их самым жизненным интересам.

Договорное урегулирование этого вопроса будет иметь лишь декларативное, но не правообразующее значение. Задачей конвенции будет только подробное развитие норм, являющихся уже общеобязательными, и применение их к новому конкретному фактическому составу, поскольку такое новое оружие уже существует.

Запрещение аналогичных фактических составов, прецеденты из международной и внутренней судебной практики в отношении таких составов и, как правильно

отметил Притт, «существование международного обычая, а равно таких актов, как гаагские декларация и конвенции, мирные договоры и женеvские протоколы, установило с полной ясностью, что сторона, которая применит бактериологическое или химическое оружие, вызывающее излишние страдания, нарушит писанные и неписанные нормы права»¹.

Такие писанные и неписанные нормы права нарушит и та сторона, которая первой применит атомное оружие.

Запрещение атомного оружия опирается, стало быть, не только на моральные, но и на правовые основания. В настоящее время оно уже признано политическим фактом, и этого не может оспорить американская печать, в частности, «New York Herald Tribune»².

Это — заслуга могучего движения широких народных масс во всем мире, сплотившихся во все разрастающемся фронте борьбы за мир и, стало быть, также во фронте борьбы за действительное запрещение средств массового истребления людей.

Представляющий сотни миллионов людей Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира в ноябре 1949 г. в своем обращении, наряду с другими предложениями, призвал к немедленному сокращению вооружений и вооруженных сил и к немедленному объявлению вне закона атомного оружия.

Международная ассоциация юристов-демократов, объединяющая тысячи юристов всего мира, заявила, ссылаясь на это обращение, что виновники применения атомной бомбы подлежат наказанию на основании принципов, нашедших свое выражение в приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге и подтвержденных Генеральной Ассамблеей Объединенных наций.

Но наибольшее историческое значение в этом деле имеет опубликованное 1 апреля 1950 г. Стокгольмское воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

---

¹ См. D. N. Pritt, Le droit international et les armes atomiques, Association Internationale des Juristes-Démocrates, 1950, p. 4.

² См. речь А. Я. Вышинского на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 12 декабря 1950 г. «Правда», 16 декабря 1950 г.

Воззвание это гласит: «Мы требуем безусловного запрещения атомного оружия, как оружия устрашения и массового уничтожения людей.

Мы требуем установления строгого международного контроля за исполнением этого решения.

Мы считаем, что правительство, которое первым применит против какой-либо страны атомное оружие, совершит преступление против человечества и должно рассматриваться как военный преступник.

Мы призываем всех людей доброй воли всего мира подписать это воззвание»¹.

Историческое значение Стокгольмского воззвания заключается главным образом в том, что «впервые в истории человечества трудящиеся массы мира, минуя свои капиталистические правительства, взяли судьбы мира в свои руки и проявили инициативу в создании определенных международноправовых норм, направленных на решительную охрану мира»².

Требуя запрещения атомного оружия как средства массового уничтожения, Стокгольмское воззвание выразило международноправовую сознательность всего прогрессивного человечества, признающего преступником то правительство, которое первым применило бы атомное оружие и тем самым совершило бы преступление против человечества.

Стокгольмское воззвание выразило мнение сотен миллионов людей, не только признающих противоправным самое применение атомной бомбы, но равным образом осуждающих всякую деятельность империалистических государств, целью которой является подготовка новой агрессии и нового массового уничтожения людей.

Подписи одной четвертой части человечества, поставленные под Стокгольмским воззванием, а также исторические постановления Второго Всемирного конгресса сторонников мира, происходившего в ноябре 1950 г. в Варшаве, выразили не только стремление сотен миллионов людей оказать противодействие организаторам покушения

---

¹ «Сторонники мира», 1950, № 7.

² См. М. И. Лазарев, Международноправовое значение решений Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, «Советское государство и право», 1950, № 8, стр. 29.

на мир и других международных преступлений, но также стремление установить демократические нормы в области международного права, которые регулировали бы мирным путем отношения между всеми народами. Они подтвердили равным образом правовую основу и обязывающую силу юридических норм, которые выражают эти стремления. Они продемонстрировали те силы, которые сумеют обеспечить реализацию предъявляемых ими требований, а также уважение к принципам права, на которые они опираются.

В этом огромная роль Стокгольмского воззвания и постановлений Второго Всемирного конгресса мира.

Эти исторические документы — неотвратимый удар, направленный на поджигателей войны, на теоретиков и практиков массового уничтожения людей, из которых уже никто не сможет прикрываться тем, что он не был предупрежден о преступности их действий¹. Эти документы — верное оружие в борьбе за мир.

Действие этого оружия продолжает и дальше расширять фронт защитников мира и привлекать в его ряды даже далеко стоящих от него людей.

Оружие это не только поможет сорвать маску с каждого действительного преступника, который позволяет себе угрожать атомной бомбой. Оно помогает также срывать их преступные планы, обеспечить победу права над преступлением, победу мира над войной.

---

¹ Защитники гитлеровских военных преступников утверждали, что их подзащитные не были предупреждены о преступности совершаемых ими действий. Упомянутый уже французский реакционер Доннье де Вабр в своих гаагских лекциях в 1947 г. стал на позицию, что они были «плохо предупреждены» («mal avertis»). Стокгольмское воззвание и постановления II Всемирного конгресса сторонников мира в настоящее время известны всем. Поэтому циничный аргумент ярейссов и доннье де вабров потерял остатки своего шаткого обоснования. Отныне никто не сможет утверждать, что он был плохо предупрежден о преступном характере применения атомного оружия и вообще агрессии.

Глава четвертая

АТОМНАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА

С именем Бернарда Баруха связан не только циничный американский проект организации «международного» контроля над производством атомной энергии, который в действительности направлен на подчинение контролю американских монополистов всех других государств и, следовательно, на их порабощение мирными средствами. Барух принадлежит одновременно к числу главных пропагандистов новой войны. Еще в 1946 г. он заявил, что «мир кажется прекрасным в условиях нечеловеческих страданий войны, но по ее окончании становится просто ненавистным»¹.

Это заявление не блещет оригинальностью. Оно во многом напоминает то, что говорили на эту тему другие сторонники агрессии, в особенности такого покроя, как Гитлер и Геббельс.

Но смысл заявления Баруха указывает, какое огромное значение имеет положение о том, что призыв к агрессивной войне является в свете международного права таким же преступлением, как и самая агрессия. Смысл этого заявления показывает также, в связи с сказанным выше, то огромное значение, какое имеет, в соответствии с современным уровнем развития международного права, положение о том, что призыв к атомной войне является такого же рода международным преступлением, как и применение этого оружия для целей агрессивной войны.

Идея мира принадлежит к числу наиболее ненавистных идей для монополистов. Его ненавидит поэтому от всего

---

¹ См. D. Desanti i Ch. Haroche, *Bomba czy pokòj atomowy*, Warszawa, 1950, str. 43.

сердца и тот поборник этих интересов, бывший советник президента США по иностранным делам, который является автором империалистического, агрессивного плана в области атомной энергии, — Барух. Преступная баруховская пропаганда войны — лишь дополнение к его плану, задуманному как инструмент политики агрессии.

Но при новом соотношении сил на международной арене, которое сложилось после поражения, нанесенного СССР гитлеризму и японскому империализму, у которых Барух черпает свое вдохновение, путь от преступной пропаганды и проектов развязывания новой мировой войны к ее организации идет через все возрастающие препятствия, непреодолимые для империализма.

Первым таким препятствием является непрерывный рост на всем земном шаре сил лагеря мира. В настоящее время они опираются уже не только на мощь Советского Союза, но и на силу сотен миллионов населения Китайской Народной республики и все более крепнущих европейских стран народной демократии — Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании. К этим силам присоединился также немецкий народ, антифашистская миролюбивая Германская Демократическая Республика, которая решительно противится осуществлению в сердце Европы агрессивных планов американских поджигателей войны.

Но лагерь мира не является понятием географическим, государственным или отвлеченным. Он имеет миллионы боевых сторонников во всех государствах, на всех материках и среди людей различных слоев и национальностей, независимо от разделяющих их взглядов. Огромные источники его силы — революционное движение рабочего класса и национально-освободительное движение народов.

Стокгольмское воззвание, под которым поставила свои подписи четвертая часть человечества, и Второй Всемирный конгресс мира показывают, как неисчерпаемы источники этой силы. Эти источники являются не только выражением морального и правового осуждения агрессивной войны и преступных проектов применения атомного оружия, но также и свидетельством силы, непрерывно расширяющей сферу своего влияния и способной обезвредить заговор против мира.

Миф об атомной монополии уже сейчас отошел безвозвратно в прошлое. Тот факт, что СССР располагает секретом производства атомной энергии, хотя он и был использован империалистами для дальнейшего раздувания военной истерии, нанес удар — наряду с сопротивлением сторонников мира политике агрессии — и рассеял иллюзии о возможности безнаказанного применения атомного оружия; в связи с этим он стал одним из главных факторов банкротства политики атомного шантажа.

В империалистическом лагере в настоящее время не обманывают себя относительно того, что секрет производства атомной энергии известен кроме СССР также и другим странам из лагеря мира. Об этом свидетельствует предостережение известного французского публициста Жерома Кордо, который недавно заявил, что неправильно пренебрегать Китаем, считая, что его единственной силой являются неисчерпаемые людские резервы. «Китайцы, — говорит Кордо, — много вложили сил в исследования атомной энергии и, наверное, располагают атомной бомбой... Все те, которые требуют сбрасывания атомных бомб на Китай, должны хорошенько подумать... о возможности атомного бумеранга»¹.

Исполнению преступной угрозы Трумэна о применении атомного оружия против героического корейского народа помешали в равной мере всемирное движение сторонников мира, опасения тех, от кого исходит эта угроза получить квалификацию явных военных преступников и, несомненно, их страх перед атомным бумерангом, страх впутаться в авантюру, которая не может сулить никаких перспектив на победу.

Отсутствие таких перспектив в особенности ясно выявилося на фоне все более нагромождающихся трудностей и внутренних противоречий в стане непрерывно слабеющего лагеря поджигателей войны и краха его агрессивной политики.

Крушение планов американских агрессоров в Корее обнаружило во всей своей полноте давно назревающий кризис этой политики. Оно придало смелости начать ее критику даже самым верным слугам Уолл-стрита в

---

¹ См. J. Cordau, Le boomerang atomique, «La Tribune des Nations», 8 Novembre, 1950.

маршаллизованных странах Западной Европы, пораженным страшным видением того, к чему их могут привести военные авантюры Трумэна и Ачесона. Выражением этой критики является, между прочим, усиление стремлений к нейтральности и осуждение «механической солидарности» с США даже со стороны таких проамериканских фигур, как редактор французской официозной газеты «Монд», которая внезапно стала выступать против «безнадежных» нападений, инспирированных Америкой.

Нейтрализм — это идеологически путаное, политически непоследовательное, фальшивое и одновременно примитивно-рефлекторное движение некоторых кругов западноевропейского, главным образом французского, мещанства, движение, которое было вызвано боязнью перенесения в Европу через американских авантюристов трагического «эксперимента» в Корее. Но это движение, несомненно, выросшее под влиянием решений Второго Всемирного конгресса мира, отразившееся также на кругах, которые до сих пор были далеки от понимания советской политики охраны суверенитета народов и мира, лучше всего показывает, как американцы утрачивают недавно, казалось, еще прочные позиции среди своих сателлитов. При этом речь идет о единственных и последних позициях в этих странах, ибо народные массы и руководящие их борьбой за независимость и мир рабочий класс и его революционная партия занимают здесь позиции, давно уже вычеркнутые из актива баланса империализма¹.

Встреча, устроенная в Париже, Риме и других столицах Западной Европы в январе 1951 г. генералу Эйзенхауэру, главнокомандующему агрессивными вооруженными силами Атлантического союза, являющемуся, по выражению Трумэна, Макартуром Западной Европы, ясно показывает, что народы Европы не проявляют готовности оказать требуемую от них поддержку политике, проведение которой поручено им кругами крупного монополистического американского капитала.

Критика этой авантюристической политики ширится не только в европейских странах. Она ведется и в Аме-

---

¹ См. J. Berlioz, *Neutralisci francuscy a walka w obronie pokoju*, «Trybuna Ludu», 10, 1951.

рике, и притом с позиций не менее ожесточенных противников мира, чем те, которые выковывали существующие планы агрессии. Упоминавшееся уже выступление Гувера, а в особенности выступления посла Кеннеди, Тафта и других мнимых изоляционистов и их подпевал из различных кругов американских республиканцев вроде Дьюи свидетельствуют об углублении кризиса внешней американской политики и официальной военной доктрины. *

В этих условиях приобретает тем большее значение разоблачение всякого рода военной пропаганды, проводимой нередко именно под видом критики агрессивной политики Трумэна, раскрытие преступного характера этой пропаганды, ее расчетов на массовые убийства и ее материальной слабости.

Отсюда — огромная важность требования Второго Всемирного конгресса мира о запрещении всяких видов военной пропаганды, требования, которое направлено в Организацию Объединенных наций и парламентам всех государств и уже реализовано в демократических странах путем принятия специальных законов против военной пропаганды, законов о защите мира. Требование это к тому же имеет бесспорное правовое обоснование, вытекающее из повсеместно действующего принципа о наказуемости подстрекательства к преступлению и пособничества при его совершении. Важность этого требования подчеркивает тот факт, что империалисты продолжают призывать не только к новой войне, но и к применению бесчеловечного, преступного атомного оружия и после того, как козырь атомной монополии выпал из их рук.

Заявление Трумэна о возможности применения атомного оружия в Корее, вызвавшее возмущение прогрессивного общественного мнения во всем мире, не было и не является случайным голосом одного человека только потому, что исходит от президента Соединенных Штатов. Напротив, заявление Трумэна является характерным выражением вонне планов, вынашиваемых монополистическими кругами, правящими ныне в Америке и возглавляющими всю мировую реакцию, сосредоточенную в лагере агрессии и ненавидящую дело мира.

Этот взгляд разделяют не только американские агрессоры, но и их западноевропейские пособники. Так, извест-

ный «Международный комитет по изучению европейских проблем», в состав которого входят, наряду с другими, буржуазные политики такого калибра, как Поль Рейно во Франции, лорд Ванситтарт в Англии и Ван Зееланд в Бельгии, выпустил декларацию, в которой с открытым цинизмом заявил, что если Запад столкнется с азиатскими войсками, единственный путь спасения может заключаться в том, чтобы сбросить атомную бомбу¹.

Желание уберечь, по крайней мере вначале, от последствий применения атомного оружия страны Западной Европы, в которых авторы этой декларации все еще находятся у власти, и в связи с этим угроза этими последствиями — пока только по адресу «азиатов» — предприняли некоторое ограничение территории, отводимой для атомной войны. Приведенная декларация не скрывает, однако, стремлений названных политиков, которых надо квалифицировать как международных преступников ввиду их подстрекательства к совершению самого тяжкого международного преступления, именно преступления против человечества.

Преступность приведенной выше декларации и многих подобных других выявляется с полной ясностью в свете того неоспоримого факта, что атомное оружие, несмотря на всю свою разрушительную силу, не имеет стратегически решающей ценности с военной точки зрения, ибо не является средством, при помощи которого можно выиграть войну². Военная доктрина, опирающаяся на его применение, — только копия доктрины политических и военных банкротов, которые в лице германских фашистов были виновниками целого моря страданий, но не могли, однако, избежать окончательного поражения³.

К применению атомного оружия против «азиатов» в последнее время призывал также Ганс Шварц в «Die Nation» (Dezember 20, 1950) и «Economist» (December, 1950) в статье «Применение бомб», защищавшей заявле-

---

¹ См. выступление министра иностранных дел СССР Вышинского в Генеральной Ассамблее ООН 12 декабря 1950 г., «Правда», 16 декабря 1950 г.

² См. Blackett, op. cit., p. 190.

³ См. Muszkat, Doktryna wojenna politycznych bankrutów, «Polska Zbrojny», 11, 1950.

ние Трумэна о допустимости применения атомного оружия в Корее.

Каждый общественный строй имеет свою военную доктрину, которая является частью его идеологической надстройки и выражением его внешней политики, тесно связанной с политикой внутренней. Гитлеровский националистический шовинизм очень быстро перешел от борьбы за отмену ограничений, наложенных на Германию Версальским договором, к идеологии агрессии и созданию под эгидой третьей империи «нового» европейского порядка, как первого шага к установлению «нового порядка» во всем свете. Давая прекрасный пример соединения национализма с космополитизмом, гитлеризм создал военную концепцию, основанную на теории молниеносной войны.

В стремлении к всемирному господству через подчинение себе Европы, к порабощению одних народов путем либо агрессивных договоров, либо в форме протекторатов, губернаторств или колониальных владений, путем обречения остальных на полное истребление гитлеризм строил свои военные планы на основании преходящего перевеса в силах, на политическом и военном шантаже, на внезапности и авантюристических провокациях с оружием в руках. Он не считался и не мог считаться с постоянными факторами общественного развития, исключаящими возможность покорения надолго, а тем более навсегда целых жизнеспособных народов и превращения их населения в пушечное мясо, главным назначением которого должно быть слепое послушание империалистам, страдание и смерть в интересах последних. Поражение гитлеровцев, наряду с другими причинами, было следствием слабости их военной концепции, а ошибочность этой концепции была проявлением ошибочности империалистической политики, политики, которая не может быть проведена в жизнь, ибо она противоречит законам общественного развития, ведущим не к неволе народов под гегемонией одного государства, но к свободе и равноправию всех народов.

Стремясь разбить СССР, гитлеризм столкнулся с высшим типом общественного устройства и после временных успехов, вызванных моментом внезапности, понес позорное поражение. Перелом в ходе войны был, как то убедительно подчеркнул маршал Рокоссовский, результатом

преимуществ советского строя и гениальной стратегии И. В. Сталина ¹, стратегии, которая является лучшим выражением советской военной науки, доктрины о защите свободы народов и мира.

Казалось, что уроки второй мировой войны не должны пройти даром, в особенности потому, что они стоили миллионов человеческих жертв и огромных материальных и культурных потерь. Империализм не был бы империализмом, если бы он не искал новой добычи, не стремился к новому разделу мира, не видел выхода из своих экономических и социальных трудностей в новых военных планах, если бы он не стремился путем агрессии ниспровергнуть социалистический строй.

Когда германский фашизм и японский империализм были разгромлены Советской Армией и, в условиях нового соотношения сил, во главе капиталистического мира встали Соединенные Штаты, американский империализм, заняв в политике место империализма германского и японского, начал развивать дальше их несбыточные планы создания под своим руководством «нового» порядка во всем мире.

За океаном нашлись лица, уже забывшие о судьбе фюрера, наследники его идеологии, новые претенденты на мировое господство, на создание под гегемонией США всемирного правительства, которые в условиях нового соотношения сил стремятся восстановить антикоминтерновский пакт, названный на этот раз для дезориентации масс, которые правильно видят в СССР фактор защиты своих интересов, пактом Северо-атлантическим. Но существо дела здесь, конечно, не в названии, а в его действительном содержании, которое исчерпывается политикой подготовки и организации агрессии.

Естественно, что для этой политики, которая является только видоизменением политики гитлеровского империализма, должна была создаться военная концепция, аналогичная гитлеровской, опирающаяся на преходящие факторы, не берущая в расчет ни желаний и установок других народов, ни установок и желаний собственного народа, ни растущего экономического и военно-оборон-

---

¹ См. K. Rokossowski, Józef Stalin — największy strateg naszych czasów, «Polska Zbrojna», 21/XII 1949.

ного потенциала лагеря мира, во главе которого стоит мощный Советский Союз.

Концепция эта связана с гитлеровской теорией молниеносной (блицкриг) и тотальной войны, проводимой методом внезапного нападения на противника механизированными смертоносными видами оружия, с теорией, признающей правомерным любое средство войны и, очевидно, также такое средство массового истребления людей, как атомное оружие. Реализация американской концепции молниеносной и тотальной войны — «push-button war», «кнопочной» войны — предполагает организацию тотальной разведки и диверсий, придание вооруженным силам характера «полицейских сил», освобождение их от всяких ограничений предписаниями права и принципами морали, предоставление им тем самым полной свободы поведения в отношении гражданского населения и создание «областей пустыни» в районе их деятельности.

Корейский театр войны является трагической сценой, где делается проба претворения в жизнь указанной концепции, проба, которая не только напоминает до полного сходства гитлеровские образцы, но и превосходит их в отношении как степени преступности, так и бессилия.

Не оправдали надежд и отборные части американских вооруженных сил, насыщенные техникой, прикрываемые сокрушительным огнем воздушных армад, и наемные батальоны союзников по Северо-атлантическому пакту, и пятая колонна лисынмановских изменников; не дали результатов политика преступного стирания с лица земли городов, разграбление имущества, сотни тысяч жертв среди гражданского населения, изнасилование женщин, умерщвление детей и пытки, применяемые в концентрационных лагерях.

Концепцию ведения войны «нажимом кнопки», с уверенностью в неограниченные возможности военной техники и в особенности различных «секретных» видов оружия, породил страх империалистов перед человеком, страх даже перед зажатым в ежовые рукавицы армии и одураченным собственным солдатом, которого нет возможности вести к победе преступным путем.

Это доказал опыт гитлеровской армии, это доказали корейские события, это доказывают на протяжении истории агрессивных войн судьбы всех хотя бы наилуч-

шим образом оснащенных армий, которые не могли повернуть колесо истории вспять.

Профессор одного из американских университетов Петти не считает нужным принимать это во внимание. Он утверждает, что раз назначение американской армии в том, чтобы померяться силами с Советской Армией и выполнить роль всемирной полицейской силы, роль мирового жандарма, то надо использовать не только технику, но и центробежные силы каждого государства, направленные к перевороту, уловить их в сети тотальной разведки, завербовать на службу против собственного народа¹.

Эту же мысль постоянно повторяют все американские военные теоретики и политики, особенно оба Даллеса, испытанные в шпионаже; Джон Фостер Даллес в упоминавшемся уже своем выступлении 29 декабря 1950 г. посвятил этой стороне дела много внимания, исходя, очевидно, из предпосылки, что осуществление указанной мысли может сэкономить жизни американских солдат и облегчить закрепление на территориях, заранее подготовленных к захвату диверсиями и техникой, в том числе, очевидно, и атомной.

Но названные теоретики не учитывают ни судьбы Райка и Костова, ни повышения бдительности в лагере мира, ни полного банкротства чан кай-ши и ли сын манов. Не принимают они также во внимание, что за изменениями вроде Тито не стоят даже подвластные им армии².

Генерал Эйзенхауэр перед отлетом в Европу в январе 1951 г. для принятия командования вооруженными силами Северо-атлантического союза долго обосновывал на устроенной им по этому случаю пресс-конференции роль американского «руководства в атлантическом районе».

Через несколько дней президент Трумэн обратился к конгрессу с посланием «О положении государства», в

---

¹ См. S. Petty, Future of American Secret Intelligence, «Infantry Journal Press», October, 1946.

² См. Слободан Цекич, Югославская армия не будет орудием в руках американских империалистов, «За прочный мир, за народную демократию!», 1951, № 1/113, стр. 3.

котором обосновывал «правильность и справедливость» открытой агрессии, проводимой чудовищно-преступным путем против корейского народа, и необходимость продолжения политики подготовки новой агрессии в мировом масштабе и осуществления с этой целью вооруженной «готовности народа».

Трумэн при этом заявил, что «мы самое сильное государство этого [атлантического] союза и должны взять руководство в свои руки».

По мнению профессора американской военной академии полковника Германа Бенкэма, Соединенные Штаты вправе претендовать на это руководство благодаря той роли, которую сыграла их армия во второй мировой войне¹.

Конечно, сейчас было бы неуместно ссылаться для подкрепления этого тезиса на результаты американской интервенции в Китае и Корее, но можно ли обращаться по этому вопросу к военным аргументам, относящимся к периоду второй мировой войны?

Эти аргументы не менее абсурдны, чем аргументы о «превосходстве» Америки, взятые из области ее гангстерской культуры.

Проф. Бенкэм позволяет себе выдвигать такие тезисы потому, что он проходит мимо совершенно ничтожной роли, которую сыграла армия США во второй мировой войне, когда победа над объединенными силами фашизма была выкована на Восточном фронте в победоносных боях Советской Армии. Проф. Бенкэм не выявляет также цели, для которой в конце концов был открыт второй фронт, совершенно лишенный военного значения.

Между тем сейчас хорошо известно, что военно-политическая ситуация, которая сложилась к середине 1944 г., предreshала дальнейший ход и исход войны. Было уже совершенно ясно, как пишет маршал Рокоссовский, что Советский Союз был способен только одними своими силами окончательно разгромить фашистскую армию и освободить всю Европу от ярма фашизма. Этот факт понудил английское и американское правительства произвести летом 1944 г. десантную операцию в Европе. Смысл

---

¹ См. Columbia Journal of International Affairs, 1949, No 1.

этой операции был ясен. Целью десанта было спасение господства реакционных сил в Европе и обеспечение империалистам Англии и США реализации их собственных эгоистических интересов. Открытие второго фронта в Западной Европе не изменило соотношения сил на советско-германском фронте. Советско-германский фронт оставался и дальше решающим фронтом второй мировой войны. Всю тяжесть борьбы против фашистской Германии и дальше несли на своих плечах советские вооруженные силы¹.

Полковник Бенкэм предпочитает не замечать этого очевидного положения вещей, он замалчивает также и то, что в единственном настоящем бою с гитлеровцами — в Арденнах — англо-американские армии были позорно биты и были спасены только благодаря помощи, оказанной им Генералиссимусом Сталиным путем ускорения по просьбам Черчилля январского наступления 1945 г.²

Исходя из воображаемой роли американских вооруженных сил во второй мировой войне, Бенкэм делает с демагогическими и агрессивными целями ничем не обоснованный вывод, будто, признавая военное руководство Америки, западноевропейские народы тем самым признали ее политическое руководство.

Поскольку Америка стремится осуществлять политическое руководство странами западного мира, эти страны, по Бенкэму, должны сами подчиниться руководству армии, то есть подвергнуться полной милитаризации, в том числе милитаризации внешней политики. Ибо, полагает Бенкэм, только политика, опирающаяся на армию, политика фашизма, может выполнить историческую миссию защиты западноевропейских «традиций», то есть того, что гитлеровцы называли защитой «западной культуры», а Ватикан называет миссией «христианской культуры», но что в действительности является миссией мобилизации Западной Европы для агрессии против СССР и стран народной демократии.

Официальная американская военная доктрина, выразителем которой — и притом далеко не последним — яв-

---

¹ См. цитированную выше статью маршала Рокоссовского.

² См. Pritt, Zimna wojna, Warszawa, 1949, str. 32—34.

ляется полковник Бенкэм, не отступающий в своих установках ни от Эйзенхауэра, ни от Даллеса, — не выдерживает критики не только потому, что теория «первенства» американских вооруженных сил строится на циничной исторической фальсификации, не только потому, что западной культуре никто не угрожает и ее не от кого защищать, но и потому, что народы, предназначенные подчиниться военному руководству США, этого руководства не принимают.

Свои военные доблести американский солдат так убедительно продемонстрировал на полях Кореи, что нет надобности возвращаться к этому вопросу. Но ни один из американских политиков, даже принадлежащих к числу наиболее заклятых врагов СССР, не использует уже больше в качестве аргумента якобы имевшие место угрозы этого всецело миролюбивого государства по отношению к США.

В речи, произнесенной в январе 1951 г. в американском сенате, даже сенатор Тафт, хотя и выступавший как сторонник агрессии и требовавший усиления борьбы с коммунизмом, должен был все же признать, что «нет никаких убедительных доказательств, которые бы подтверждали, что русские хотят начать войну с Соединенными Штатами».

Миф о том, что США надо оборонять от СССР, недавно разоблачил также такой реакционный публицист, как Уолтер Липпман. Передавая в январе 1951 г. на страницах «Нью-Йорк гералд трибюн» свой разговор с неназванным им немецким генералом из окружения Гальдера, Липпман не смог подвергнуть сомнению заявление такого содержания: «Американцы вовсе не считают с опасностью нападения со стороны русских, а систематически готовят агрессивную войну... Если весь экономический и производственный потенциал предоставляется для дела вооружения, это не может быть объяснено иначе.

Кроме того, я знаю из моей предыдущей практики, что мы вовсе не имеем в виду ограничиться восьмью-десятью дивизиями. Эти дивизии рассчитаны скорее на то, чтобы быть кадрами будущих, гораздо более многочисленных войск. Так именно, а не иначе, выглядит фактическое положение вещей».

Это фактическое положение показывает — и даже слишком красноречиво, — что военная доктрина США — доктрина не обороны, а агрессии.

Что касается политического руководства США в Западной Европе, то даже в Америке все хорошо знают, что оно осуществляется путем террора, только при помощи совершенно изолированной общественной верхушки, предающей интересы своих народов крупной монополистической, а поэтому и космополитической буржуазии. Народные массы Западной Европы упорно борются под руководством коммунистических партий за сохранение политической независимости и мира; они борются, следовательно, с американским империализмом и с продавшимися ему собственными реакционными силами и неоднократно уже заявляли, что не дадут ни одного солдата ни на какие авантюристические походы против СССР. Впечатление, произведенное на Западную Германию обращением к главе марионеточного правительства Аденауэра премьера Германской Демократической Республики Гротевольда об осуществлении единства Германии и обеспечении ей мира, а также растущее в испанском подполье движение сопротивления доказывают, что и в этих странах не так много людей, на которых может рассчитывать американское «руководство».

Поэтому следует признать, что людские резервы Западной Европы — слишком сомнительный по своей ценности материал для руководства США. В игру здесь могут быть введены только общеизвестные международные преступники американской западногерманской колонии, палачи генерала Франко, остатки итальянских фашистов, массами выпускаемые Тито на свободу военные преступники и сброд изменников отдельных народов, давно уже, но без большой пользы для своих хозяев, состоящих на содержании у американской разведки. Элементы этого рода показали свою боевую ценность не только под Сталинградом и Берлином, но и в наемных бригадах во Вьетнаме, Малайе и Корее¹.

---

¹ Даже журнал «Economist» 16 декабря 1950 г. в статье «Who helped the United Nations» с грустью признал, что американцам фактически не на кого рассчитывать, если речь идет о том, чтобы выставить в Западной Европе армию для агрессивных целей. Этим подтверждаются одновременно жалобы американских реакционеров.

В американской военной доктрине играет значительную роль, по крайней мере как средство пропаганды, утверждение, что американское руководство, фактически, как мы видели, лишенное элементов, необходимых для действительного руководства, обеспечит высокоразвитой техникой и полной механизацией войны жизнь американского солдата и безопасность страны, которая никогда не испытывала и якобы не сможет испытать трагическую судьбу театра военных действий. Агрессия против корейского народа доказала, однако, что нет охотников для грязной работы в интересах монополистов даже в «атлантическом районе» и что рост дивидендов американской военной промышленности пришлось окупить могилами американских солдат.

Никто, конечно, не пожелает американскому народу испытать бедствия войны в своей стране, но нужно быть совершенно оторванным от действительности и не сделать никаких выводов из катастрофы гитлеровской Германии, чтобы верить, будто в настоящее время, в эпоху дальнобойного оружия и десантов, для которых и океан не может быть препятствием, Соединенные Штаты, основная база агрессии, могли бы остаться в стороне от военных действий, если вспыхнет пожар мировой войны¹.

Поджигатели войны, однако, используют для раздувания военной истерии в Америке возможность неблагоприятного для США оборота дела.

Каковы же главные элементы военной доктрины американского империализма? Это элементы, которые, как мы видим, почти без остатка перешли по наследству от обанкротившейся доктрины гитлеровских империалистов. В американском издании элементы этой доктрины также не могут уложиться в какое-либо логическое целое, способное выдержать деловую критику. При каждой попытке воплощения их в жизнь ясно видно, что они являются обманом. Их характеризуют ненависть и презрение к человеку, готовность совершить любое, хотя бы самое чудовищное преступление, нереальность поставленных целей и бессилие средств, опирающихся в значительной мере на шантаж, — средств, при помощи которых стремятся

---

¹ См. академик А. Д. Сперанский, Запретить варварское атомное оружие, «Новое время», 1950, № 18, стр. 4.

достигнуть целей, которые не могут быть реализованы.

Сознание солдата, который обязан воплотить в жизнь эту доктрину, должно быть затуманено. Он не может верить в справедливость дела, за которое ему приказывают биться, все чаще он дезертирует с поля военных действий, которые возникли вопреки его интересам, для обеспечения прибылей враждебных ему монополий.

Главные положения военной доктрины империализма лишены всяких реальных оснований. Об этом свидетельствует то, что доктрина эта построена также на мифах, в которые часто не верят даже сами их авторы, что она долго распространяла иллюзии об атомной монополии, а после того, как они рассеялись, стала распространять легенду об универсальных возможностях атомного оружия, открывающихся в особенности для того, кто первый врасплох нападает с этим оружием на своего противника, то есть кто первый ринется на путь военных преступлений.

Между тем уже в официальных американских докладах Комптона и Финлеттера, представленных еще несколько лет тому назад президенту Трумэну для обоснования требований об увеличении бюджетных ассигнований на обычные вооружения, в особенности для оснащения сухопутной армии и авиации, ясно было указано, что никаким оружием массового истребления нельзя окончательно выиграть войну и что возможности атомного вооружения в этом отношении очень ограничены¹.

Мы приводили выше аналогичные мнения по этому вопросу американского контр-адмирала Серсфильда, ведущего американского конструктора атомной бомбы д-ра Оппенгеймера, а также других американских военных, ученых и политиков. Немецкая военная доктрина, на которую опираются американские военные концепции, никогда не принимала всерьез планы покорения противника и овладения его страной путем воздушного нападения².

В Америке, однако, не перестали сочинять такие планы даже после официального сообщения о том, что Совет-

---

¹ См. Blackett, op. cit., p. 209.

² См. Liddel Hart, The Revolution in Warfare, London, 1946; Asher Lee, The German Air Force, London, 1946, цитировано также у Blackett, op. cit., p. 12.

ский Союз обладает атомным оружием. Эти планы продолжали и часто продолжают составляться в дальнейшем, чтобы замаскировать банкротство атомной военной доктрины, сохранить хорошую мину при плохой игре и серьезно подорванном авторитете и продемонстрировать пренебрежительное отношение к советскому сообщению об обладании атомным оружием.

С другой стороны, однако, на практике более трезвые представители американской военной доктрины признают полную нереальность и абсурдность приведенных выше планов и раскрывают другую цель, к достижению которой были направлены указанные доклады Комптона и Финлеттера, а именно обоснование необходимости общего вооружения. В пользу этого говорит также мнение командующего американским атлантическим флотом адмирала Блэнди, сторонника применения атомной бомбы, который, однако, считает, что атомные бомбы не могут дать абсолютной гарантии победы, в связи с чем, продолжая их производство, не следует ослаблять усилий по увеличению мощности обычных вооруженных сил: сухопутных, морских и воздушных.

Военно-стратегические возможности атомного оружия, которое до недавнего времени было главным элементом всех военных американских концепций, в действительности ограничены; это доказывается бесспорно рядом выводов, вытекающих из опыта хотя бы последней войны¹.

Немцы, как известно, не использовали бывшие в их распоряжении газы из боязни, что их применение может принести им самим больше вреда, чем выгоды.

Атомная бомба также во многих отношениях является опасным обоюдоострым оружием. Неприменение ее при каких-либо военных действиях может быть продиктовано если не боязнью последствий нарушения норм права или принципов морали вообще, то боязнью репрессий, т. е. теми же причинами, благодаря которым нам в известной мере удалось до сих пор избегать газовой войны.

Атомная бомба могла бы причинить обеим сторонам — и притом в значительно большей мере — огромные мате-

---

¹ См. G. S a d o u l, *Mystère et puissance de l'atôme*, Paris, 1947, p. 20—34.

риальные и людские потери, а также тяжелые, вызывающие болезни последствия, а может быть, вызвать и дегенерацию. Поэтому даже самый жестокий агрессор не сможет легко решиться на применение атомного оружия, (не говоря уже об уголовной ответственности), если захочет избежать ответных репрессий в тех или иных размерах, а также таких возможных последствий действия атомного оружия на территории, где он собирается его применить, которые поразили бы также и его самого. Это обстоятельство ослабляет возможность применения в целях войны атомного оружия и все основывающиеся на нем военные концепции.

Тотальная атомная война могла бы привести только к тотальному разрушению. В настоящее время она к тому же практически очень трудно осуществима ввиду огромной стоимости атомной продукции. Эта стоимость так несоизмеримо велика по сравнению с возможными военно-политическими эффектами, что даже такие видные специалисты в этой области, как Нильс Бор и генерал Мак-Ногтон, делегат Канады в атомной комиссии ООН (когда они еще не находились под непосредственным влиянием официальных американских представителей), заявили, что не верят в возможность использования атомного оружия в более или менее значительных размерах. В минуту откровенности они признали, что единственно правильное решение этой проблемы нужно искать в плоскости соглашения по вопросу о международном контроле¹.

За правильность такой позиции говорит, по их мнению, тот факт, что атомное оружие ни в коем случае не может быть признано такого рода средством, с помощью которого можно решить судьбу какой бы то ни было войны и предпринять победу.

В общих чертах мы выше отметили эту сторону проблемы. О ней говорят, в частности, отзывы самых выдающихся ученых мира, специалистов в области атомной энергии. В этих отзывах подтверждается, что никогда, при современном состоянии техники, оружие массового уничтожения не может решить само по себе исход войны. В осо-

---

¹ См. Spaight, op. cit., p. 218; Gen. Mc. Naughton, On control, «Times», May 11, 1948.

бенности оно не может быть эффективным в отношении таких стран, как СССР и США, где промышленные центры разбросаны на огромных пространствах целых материков. Атомное оружие представляет опасность только для высокопромышленных и густо населенных стран Западной Европы, даже если они не являются первоочередными объектами бомбардировок. Каков бы ни был окончательный исход атомной войны, странам Западной Европы она не могла бы принести ничего, кроме уничтожения культуры и цивилизации¹.

Этого мнения придерживаются не только многие ученые и военные специалисты. Многократные дебаты на эту тему в палате общин, а также выступления французских и других политиков красноречиво говорят о том, что в западноевропейских странах не существует иллюзий по поводу того, какая огромная опасность грозит прежде всего этим странам, если начнется война с применением атомного оружия. В ограниченных военных возможностях этого оружия там отлично отдают себе отчет. Это лучше всего подтверждается оценкой военных действий в период второй мировой войны как на европейском, так и на дальневосточном театрах.

Для разрушений, которые были произведены в Германии обычными бомбардировками, понадобилось бы употребить, по подсчетам специалистов, не менее 400 атомных бомб, расходы по производству которых в таком количестве поглотили бы, по данным этих специалистов, колоссальные суммы. А между тем война с немцами была выиграна не действиями авиации².

Бесспорно установлен и не оспаривается даже самыми заядлыми врагами СССР тот факт, что победа в Европе была одержана, как об этом уже говорилось, прежде

---

¹ См. Les Scientifiques et la Paix, «Atomes», 1948, No 28. См. также The Yearbook of World Affairs, London, 1947, p. 274, статья Massey. Атомная бомба не является эффективным средством против СССР либо Китая, армии которых к тому же располагают атомным оружием; атомная бомба может быть только оружием уничтожения для Западной Европы. На это обращает внимание M. Wernier, How strong is Russia, «Reynolds News», December 10, 1950.

² См. Schuman, Defeat in the West, London, 1947; автор утверждает, что победа над немцами, вопреки мнению о роли, приписываемой авиации западных союзников, была выиграна исключительно на территории восточного фронта.

всего на восточном фронте, главным образом в наземных боях, благодаря искусству командования Советской Армии, его безошибочной тактике и стратегии и координации различных родов войск и оружия, а также благодаря политической сознательности и героизму солдат и мощи общего экономического потенциала, который мог быть создан только в условиях советского строя.

Бомбардировки Германии, несмотря на большие разрушения, не смогли уничтожить до конца военный потенциал гитлеризма и подорвать моральное состояние его войск и гражданского населения страны. На протяжении 1942—1944 гг. германская военная продукция не только не уменьшилась, но даже увеличилась в два раза. Только после поражений, нанесенных гитлеровцам Советской Армией, и приближения советских войск к Германии в самом конце 1944 г. и особенно в начале 1945 г. наступил внезапный спад германской продукции и моральный крах войск и тыла. И это принесло окончательную победу.

Аналогичную картину представляло положение в Японии. Ибо поражение Японии следует приписать не атомным бомбам и не исключительно американским вооруженным силам, но главным образом победам Советской Армии, хотя Советский Союз объявил войну Японии только в последней фазе военных действий на Дальнем Востоке. Факты, однако, суть факты, и даже в официальном американском освещении не удастся утаить правды.

На конференции в Ялте Генералиссимус Сталин обещал западным союзникам, что через три месяца после разгрома Германии СССР будет в состоянии активно поддерживать их действия против японских агрессоров.

Советской Армии достаточно было трех месяцев, чтобы произвести перегруппировку и передвижения своих войск. Советское правительство известило союзников о своей готовности и решении выступить еще до назначенного срока.

Германия была побеждена в мае 1945 г., а уже 8 августа 1945 г. СССР объявил состояние войны с Японией.

В течение неполных двух недель Советская Армия, несмотря на потери, понесенные в Европе, сумела не только связать и окружить миллионные отборные японские войска, но и победить их, заняв всю Маньчжурию и

Южный Сахалин, захватывая в плен цвет японской армии и быстро продвигаясь вперед.

Под ударами Советской Армии не только рухнул весь аппарат коммуникаций и снабжения Японии и произошел полный ее отрыв от сырьевых баз, но и был ускорен распад всей ее экономической жизни и военной системы, наступил полный упадок морального состояния войск и укрепилось убеждение в безнадежности дальнейшей борьбы.

Подтверждение такого положения мы находим как в официальном американском докладе под заголовком *Report on the Pacific war prepared by The US Strategic Bombing Survey* и в выступлениях американского генерала Ченнолта, так и в оценках событий, данных видным английским военным специалистом Стратегикусом в его книге *The Victory Campaign*, а также в американском обзоре Нормана Кузена и Томаса Финлеттера, помещенном в «*Saturday Review of Literature*» 15 июня 1946 г.

Как при таких обстоятельствах объяснить факт сбрасывания американской авиацией на Хиросиму и Нагасаки атомных бомб, что повлекло за собой десятки тысяч жертв гражданского населения, гибель которых не вызывалась ни военными надобностями вообще, ни стратегическими в частности? Ведь вступление СССР в войну было заранее назначено на 8 августа 1945 г.; Япония, зная неизбежность поражения, искала только возможности конкретизировать условия, на которых могли бы быть прекращены безнадежные военные действия, и сделать, наконец, определенные предложения в этом направлении.

На поставленный вопрос мы находим исчерпывающий ответ, обобщающий указанные выше источники, в книге бывшего члена британской комиссии по атомной энергии, выдающегося специалиста в этой области, П. М. С. Блэккетта под заглавием «Военные и политические последствия атомной энергии». Блэккетт, опираясь главным образом на статьи бывшего военного министра США Стимсона, а также советников президента Трумэна, д-ра Комптона и Финлеттера, впоследствии крупного сотрудника администрации плана Маршалла, доказывает с совершенной бесспорностью, что сбрасывание атомных

бомб преследовало только определенную политическую цель и носило исключительно демонстративный характер.

Как известно, Трумэн демагогически заявил 9 августа 1945 г., что американцы решили сбросить атомные бомбы на Японию, чтобы ускорить агонию войны. Безоговорочная капитуляция Японии в результате ударов, нанесенных ей Советской Армией, наступила 14 августа 1945 г. Ясно, что для ускорения предрешенного уже конца войны, вести которую Япония далее уже не могла, не было необходимости применять атомное оружие. Это обстоятельство ясно подтвердил, не зная о заявлении Трумэна, упоминавшийся выше американский генерал Ченнолт, который по пути из Японии в Америку в первые дни августа 1945 г. дал интервью римскому корреспонденту «Нью-Йорк Таймс», опубликованное в этой газете 15 августа 1945 г. под характерным заголовком, подчеркивающим, что Советская Армия принудила Японию к капитуляции.

Как вытекает из выступлений в печати Стимсона и Комптона, американцы решили использовать атомное оружие в Японии не только без всякой необходимости, но и приняли это решение с бешеной поспешностью, несмотря на то, что речь шла о двух единственных бомбах, бывших в то время в их распоряжении, а также о полном изменении принятого ими самими до этого плана действий.

Они поступили так только для того, чтобы остановить победоносный марш Советской Армии, сделать ненужным ее вступление в Японию и одновременно продемонстрировать перед всем миром новое оружие массового уничтожения и дать новый козырь заинтересованным в его продукции монополистам.

«Предостережение (Японии перед сбрасыванием атомной бомбы), — писал Стимсон, — должно наступить до начала вторжения (на острова), раньше чем (Япония) будет доведена до фанатического отчаяния... Русское наступление — поскольку оно (во время объявления указанного предостережения) будет уже фактом — не должно пойти слишком далеко»¹.

---

¹ См. Stimson and Bundy, op. cit., p. 524.

Другую сторону этого дела раскрыл бывший начальник штаба президента США во время войны адмирал Леги. Его показания имеют тем большее значение, что носят печать официальности, ибо президент Трумэн снабдил их своим предисловием.

Леги не питает никаких иллюзий относительно характера атомного оружия. Он называет его «оружием нападения», «ужасным инструментом нецивилизованной войны», направленным на уничтожение женщин и детей. Он признает, что факт сбрасывания атомных бомб вернул американское правительство к временам и обычаям Чингисхана и средневекового варварства. Вместе с тем он сообщает, что Трумэн принял известие о применении атомного оружия с радостью и торжеством; он считал его удобным средством для открытия холодной войны, испытывав разочарование в Потсдаме, где убедился, насколько нереальны его планы навязывания американского руководства Европе, и где он должен был подписать соглашения, которые прокладывали дорогу к мирному сотрудничеству народов, а не к господству США над ними.

Оккупация Японии была произведена американскими вооруженными силами. Генерал Макартур, таким образом, получил все условия для превращения Японии в американскую колонию. Однако это положение становилось все труднее удержать, благодаря неуклонному развитию движения за мир и демократию в Японии, народ которой не желает больше проливать кровь ни в интересах своего императора, ни по заданиям американских крупнокапиталистических монополий. Свидетельством этому служат свыше семи миллионов подписей, собранных в Японии под Стокгольмским воззванием, несмотря на преследования и террор, направленные против защитников мира.

Но главная цель, к которой стремились империалисты, полностью провалилась. Сбрасывание атомных бомб только еще резче выявило те факты, которые действительно привели к поражению Японии, и еще сильнее подчеркнуло, как и на примере Германии, что судьбу войны нельзя решить только оружием, хотя бы и самым страшным.

Сбрасывание американских атомных бомб в Японии было, как правильно указывал Блэкетт, разве только

первым актом США в холодной войне, ведущейся ими до настоящего времени, против СССР¹.

В этом, впрочем, сходятся все мнения, даже и высказанные до опубликования работы Блэкетта.

Тот факт, что приказ об атомной бомбардировке был дан Трумэном в Потсдаме уже после решения о вступлении СССР в войну на Тихом океане и по сути дела втайне от СССР и при полной уверенности в близком и неминуемом поражении Японии, служит убедительным доказательством того, что косвенно этот шаг был направлен против СССР и рассчитан на устрашение правительства и армии СССР, а не на победу над Японией. Это определенно признает даже такой враждебно настроенный по отношению к СССР французский журналист, как П. Жеро-Жуве (в «Фигаро», 16 июня 1947 г.)².

В своем выступлении 16 августа 1945 г. Черчилль признал, что президент Трумэн принял в Потсдаме по согласованию с ним решение о сбрасывании атомных бомб на Японию для испробования нового средства разрушения («We approved the military plans to unchain the dread pent up force»)*. 17 июля, во время пребывания в Потсдаме, Трумэн и Черчилль узнали об удавшемся испытании атомной бомбы в пустыне Новой Мексики, и с этого момента их установка и планы на будущее подверглись полной перемене («From that moment our outlook on the future was transformed»).

Красноречивым подтверждением этого являются воспоминания Стимсона, военного министра США в 1940—1945 гг. По его словам, американское правительство было чрезвычайно обеспокоено ростом силы и международного авторитета СССР. Удавшийся эксперимент с атомной бомбой в пустыне Новой Мексики хотя и не мог иметь

---

¹ См. Blackett, op. cit., p. 33, 35, 36, 56, 121—122, 125, 209 и 242; Sadoul, op. cit., p. 25.

² См. Desanti i Haroche, op. cit., p. 11—12. Не лишено цинизма и пикантности, что американские атомщики получили от японских физиков поздравление по поводу успеха атомных бомб... сброшенных на Японию. Под маской «чисто научного» восхищения таким образом была выражена мысль о том, что атомная бомба «спасла» Японию от свободы, которую нес СССР.

* В буквальном переводе это изречение гласит: «Мы одобрили военный план — выпустить из заключения на волю страшную силу». — *Прим. ред.*

никакого существенного значения на последнем этапе войны, но был принят в правящих кругах Америки с величайшей радостью, как фактор, который в их понимании мог установить равновесие при новом, послевоенном соотношении политических сил во всем мире *. Стимсон и другие серьезные американские политики и военные никогда не обольщали себя мыслью о том, что атомная бомба может быть решающим военным или политическим оружием, но расценивали ее единственно и исключительно как оружие психологическое.

Американское правительство, как удостоверяет Стимсон, питало надежду, что при помощи этого психологического оружия удастся не только затормозить дальнейшее развитие влияния и значения СССР, но что угрозой его применения оно сможет принудить якобы истощенную войной страну к уступчивости и даже к отходу от основ своего общественного устройства.

Не веря в возможность мирного сосуществования с Советским Союзом и не желая этого, а стараясь лишь установить над ним господство, правительственная камарилья Америки в условиях завершающего этапа второй мировой войны искала предпосылок не для окончательного поражения фашизма, а прежде всего для подчинения первого в мире социалистического государства. Хотя это звучит парадоксально, но последняя глава воспоминаний Стимсона называется главой не «О мире с государствами оси», а «Об атомной бомбе и мире с Россией» ¹.

На пороге окончательной победы над силами, которые претендовали на господство над миром, американские крупнокапиталистические монополии приняли основные положения потерпевшего военный разгром фашизма, положения, воспроизводящие идеологию «народа господ» («Herrenvolk»), стремящегося к гегемонии над всеми народами мира также при помощи оружия массового уничтожения. Может ли новых, американских поборников

---

* Совершенно понятно, что разговоры о «равновесии» служили целям маскировки безудержного стремления американского империализма к мировому господству, для достижения которого заправилы Уолл-стрита делали ставку в первую очередь на атомную бомбу. — *Прим. ред.*

¹ См. Stimson, *op. cit.*, p. 630, 638—639, 641—642. Мысль, возникшая в конце войны, о начале борьбы с СССР в надежде, что он истощился в войне с гитлеризмом, не была чужда и Трумэну.

обанкротившейся идеологии ждать что-либо другое, кроме разочарования, которое постигло их предшественников? Должна ли атомная военная доктрина, внушенная военной доктриной гитлеризма и питаемая преступными иллюзиями, рухнуть только при трагическом испытании в новой мировой войне? Единственный правильный и отрицательный ответ на эти вопросы вытекает не только из того, что атомное оружие является оружием с ограниченными возможностями и к тому же не является монополией. Атомный шантаж, применяемый США в «холодной войне», не может дать никаких козырей поджигателям новых конфликтов прежде всего потому, что возможность приобретения этих преступных козырей срывается непрерывным ростом сил мира на всем земном шаре.

Впрочем, более серьезные исследователи атомной проблемы называют всю эту холодную войну с помощью атомного оружия не иначе как обыкновенным мошенничеством¹.

Они правильно считают, что несмотря на разрушительную силу атомной бомбы и страшные последствия ее возможного применения в военных целях, она не является монополией, исключительной собственностью и секретом только одного государства и ни в коем случае не может стать решающим фактором ни в военном, ни в политическом отношении.

Это убедительно подтверждает всю хрупкость военной доктрины, которая была основана на преходящем и в настоящее время уже совершенно несуществующем преимуществе — обладании секретом атомного оружия, доктрины, которую еще и сейчас хотят основать на этом оружии, невзирая на его весьма ограниченные возможности.

Мысль о том, что атомная бомба — оружие с ограниченными возможностями, была с предельной ясностью выражена в интервью, данном Генералиссимусом Сталиным еще в сентябре 1946 г. английскому корреспонденту Александру Верту 17 сентября 1946 г.² И. В. Сталин заявил тогда: «Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые полити-

---

¹ См. F. Borkenau, After the Atom, «Horizon», November 1947, p. 231.

² См. «Большевик», 1946, № 17/18, стр. 3.

ческие деятели. Атомные бомбы предназначены для устрашения слаонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб».

Говоря о средствах борьбы с угрозой атомной бомбы, И. В. Сталин не только подчеркнул роль запрещения применять это оружие, но уже тогда заявил, что «монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго».

В простых словах этих заявлений уже несколько лет назад была дана единственно правильная и гениально предвосхищенная оценка военной атомной доктрины США, полное банкротство которой сейчас, в свете последних событий, не может уже ни у кого возбуждать каких-либо сомнений.

Американская концепция «молниеносной» и «кнопочной» войны («Blitzkrieg», «push-button war») с применением атомного оружия утратила в настоящее время даже ценность инструмента политики шантажа — и не только потому, что, по недавно сделанному с грустью признанию реакционной английской газеты «Сендэй-таймс», сторонники мира в Европе так помогли Советскому Союзу в дискредитировании атомной бомбы, что сейчас ее уже нельзя применять.

Банкротство американской военной концепции — прежде всего следствие ее основных положений, позаимствованных из доктрины позорно провалившегося гитлеризма. Попытки сторонников этой концепции найти эффективное средство для установления господства над миром — такая же иллюзия, как и расчет на возможность образования всемирного правительства под эгидой США путем реализации плана «международного» контроля над производством атомной энергии.

Эту возможность признает иллюзией даже такой враг СССР и сторонник плана Баруха, как Нибур, притом на столбцах полуофициального органа государственного департамента¹.

Еще несколько лет тому назад проф. Г. Т. Робинзон, директор так называемого «русского института», а по существу — антисоветского центра при Колумбийском

---

¹ См. «Foreign Affairs», 1949, No 3.

университете, ректором которого состоит генерал Эйзенхауэр, писал, что Соединенные Штаты ожидает в 1949 г. кризис международнополитический, в 1950 г. — кризис военного снабжения, а в 1975 г. — кризис идеологии¹.

Такая оценка оказалась, однако, чрезмерно оптимистической. Экономический кризис на фоне непрерывно возрастающей безработицы, которую не в состоянии ликвидировать военная экономика, — общеизвестный факт с 1947 г. Банкротство плана Маршалла было официально подтверждено в 1949 г. Поражение Чан Кай-ши в Китае вырвало из орбиты американского империализма область влияния, не только наиболее важную, но и наиболее дорогую, наиболее богатую инвестициями, достигающими миллиардов и ныне безвозвратно утраченную. Идеология же всемирного господства не должна ждать оценки до 1975 г. История вынесла ей приговор еще в 1945 г. на развалинах Берлина. Ведущая свои корни от этой идеологии американская военная доктрина, людоедский характер которой так ярко раскрыла корейская авантюра, обнаружила свое полное ничтожество и полное бессилие уже в огне опыта последних лет, отделяющих нас от второй мировой войны.

Военные перспективы атомной доктрины и ограниченные со стратегической точки зрения возможности атомного оружия подчеркивают совершенно несомненно это бессилие.

Но несомненен также факт, что речь идет о страшном оружии массового истребления, которым потрясают люди, готовые ради прибылей пойти на любое преступление.

«Выбить из рук империалистических агрессоров атомное оружие — значит сохранить самый ценный капитал современной цивилизации: миллионы человеческих жизней. Этой задаче посвящают свои силы сторонники мира во всех странах»².

Эта задача должна быть и будет выполнена. Недостаточно доказать ничтожество людоедской военной доктрины. Она должна как можно скорее найти свое настоящее место — в мусорном ящике истории, дабы мир мог легче победить войну.

¹ См. «Foreign Affairs», 1949, No 4.

² См. цитированную уже статью академика Сперанского, «Новое время», 1950, № 18, стр. 3.

Глава пятая

АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ

В августе 1945 г. с разрешения правительства США был опубликован общий отчет о проведенных в 1940—1945 гг. работах по изысканию способов применения атомной энергии для военных целей; результатом этих работ явилось изготовление атомных бомб, сброшенных впоследствии на Японию. Отчет этот был составлен по предложению дивизионного генерала Гроувса, возглавлявшего в то время производство атомного оружия в США, видным американским специалистом в данной области проф. Г. Д. Смитом. Смит является деканом физического факультета университета в Принстоне, членом технологического корпуса США и консультантом так называемого Манхэттенского округа, то есть центра работ по атомной энергии в США. Как видно из содержания этого отчета, американские исследования в области атомной энергии прошли три этапа. Первый, самый длительный этап исследований дал возможность установить, что цепная атомная реакция может быть использована в технических целях. Работа на втором этапе была направлена на получение изотопа U-235 из ядерного горючего; третий этап был посвящен решению проблемы массового производства этого горючего и конструкции атомной бомбы.

В США все эти три этапа по необходимости следовали один за другим, с соблюдением вышеуказанной последовательности, между тем ученые других стран, особенно советские ученые, используя уже достигнутые успехи в области изучения атомной энергии, оказались в более выгодном положении, так как они имели возможность проводить свои исследования и соответствующие техни-

ческие работы одновременно в пределах каждого из вышеуказанных этапов; это значительно сократило промежуток времени от начала исследований до практического применения атомной энергии. Тот факт, что не только американские ученые овладели методом использования атомной энергии, конечно, не является результатом опубликования отчета Смита; это могут утверждать лишь злобствующие или попросту наивные профаны. Публикуя отчет, Смит и его начальник генерал Гроувс сделали все для того, чтобы свести его содержание к сообщению исключительно таких сведений, которые не составляли никакой тайны вообще и в частности военной. Конечно, не их вина, что наука вообще не терпит тайн и что американские исследования в данной области являлись только выражением достижений, в то время уже составлявших всеобщее достояние. Впрочем, и сам Смит признает, что основные положения в области исследований атомной энергии были достоянием научного мира всех стран уже в 1940 г. Преимущества американских ученых, по словам Смита, существовали только на начальном этапе работ, когда условия военного времени делали невозможным для многих государств продолжение исследований и дальнейшее развитие их экономического потенциала, необходимого для того, чтобы организовать производство атомной энергии для технического использования¹.

Война, несомненно, помешала получить практические результаты в данной области германским, французским, скандинавским ученым и, может быть, ученым еще какой-либо страны, но не могла затормозить развитие соответствующих работ в СССР, в котором на протяжении войны состояние экономического потенциала, а также научных исследований достигло наивысшего уровня.

Этого, конечно, не могли не сознавать не только Смит, но и другие американские ученые, а также политические и военные деятели. Поэтому предупреждение, сделанное генералом Гроувсом в написанном им введении к отчету Смита уже в августе 1945 г. (то есть непосредственно

---

¹ См. Smith, H. D. General Account of the Development of Methods of Using Atomic Energy for Military Purposes under the Auspices of the United States Government 1940—1945, London, H. M. S. O. 1945, p. 134.

после поражения государств оси), о том, что будет преследоваться как шпион всякий, кто откроет какие-либо дополнительные, сверх содержащихся в отчете, данные, касающиеся производства атомной энергии (хотя данные эти не могли составлять секрета), нельзя не признать по меньшей мере чрезвычайно характерным.

Это предупреждение генерала Гроувса показывает, что перед лицом победы и непосредственно после крушения фашизма стране, представляемой Смитом, не была чужда мысль о новой войне, что уже тогда у этой страны отсутствовало искреннее желание восстановить мир на основе взаимного доверия, соглашения и укрепления союза, выросшего в борьбе с самым заклятым врагом демократии.

Очевидно, в военном департаменте США в это время совершенно конкретно обсуждалась проблема будущей войны с одним из бывших союзников, причем для политической и пропагандистской подготовки ее, для подстрекательства к ней и для облегчения возможности ее спровоцирования было признано целесообразным создать хотя бы видимость превосходства США в области производства атомной энергии. Во имя сохранения видимости этого превосходства было выдвинуто с самого начала положение о необходимости обеспечить сохранение тайны путем угроз репрессиями — тайны, представлявшейся сомнительной даже в свете данных, содержащихся в собственных документах США. Это делалось для того, чтобы с помощью такой тайны без боя подорвать политический и экономический суверенитет отдельных государств, затормозить их развитие и попытаться путем международных соглашений, выгодных только для США, обеспечить возможность интервенции и распространения своей власти, несмотря на то, что такой образ действий является неконституционным.

Мысль эта, как мы уже говорили, не была чужда также и авторам Вашингтонской декларации 15 ноября 1945 г., мирной фразеологии которой, однако, трудно было поверить, поскольку чуть ли не на следующий день после поражения государств оси, декларация эта исходила уже из предпосылки опасности и вредности для дела мира обмена информацией по вопросам практического применения атомной энергии даже в рамках Организации Объединенных наций.

Совершенно иначе, как следствие позиции СССР, был задуман и ставился вопрос о международном контроле над атомной энергией на Московской конференции министров иностранных дел США, Англии и СССР, как это видно из проекта резолюции для Организации Объединенных наций 27 декабря 1945 г., в котором предусматривалось учреждение Комиссии по атомной энергии для разработки предложений по следующим вопросам:

а) распространение между всеми странами обмена основной научной информацией в мирных целях;

б) установление контроля над атомной энергией в объеме, необходимом для обеспечения использования ее только в мирных целях;

в) исключение из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения;

г) эффективные меры предосторожности путем обследования и применения других методов в целях защиты государств, соблюдающих условия, от риска нарушений и отклонений¹.

Проект этой резолюции, предусматривавшей создание Комиссии по атомной энергии, был единогласно утвержден 24 января 1946 г. на 17 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Тогда же было постановлено, что Комиссия по атомной энергии будет ответственна исключительно перед Советом Безопасности и что на другие органы ООН будет возложено рассмотрение только определенных вопросов, входящих в область нормальной их компетенции².

Таким образом, предпосылками резолюции Организации Объединенных наций, в основу которой был положен Московский проект, являлись: а) воля к достижению соглашения на основе взаимного доверия, б) всеобщее разоружение и прежде всего запрещение атомного оружия,

---

¹ «Внешняя политика Советского Союза, 1945 г.», Госполитиздат, 1949, стр. 165—166.

² См. Atomic Energy Commission Official Records No 1, 2, 3; Special Supplement, Report to the Security Council, Lake Success 1946, p. 2; Scientific and Technical Aspects of the Control of Atomic Energy, United Nations, 1946, p. 1/2. В первый состав Комиссии по атомной энергии вошли представители пяти великих держав — СССР, США, Англии, Франции и Китая, а также других государств, не яв-

в) установление системы контроля над атомной энергией в границах, необходимых для того, чтобы сделать невозможным использование ее в военных целях, г) отказ от монополистических тенденций и осуществление всеобщности и взаимности обмена информацией, д) единогласие великих держав и, до известной степени, доминирующее положение Совета Безопасности как органа этого единогласия, обуславливающего сохранение мира.

Однако американский проект международного контроля над атомной энергией, представленный Комиссии ООН, не только не соответствовал этим установкам, но был явно направлен на их обход. Он был рассчитан на достижение лишь тех целей, которые, может быть, как это мы уже отметили выше, соответствовали видам военного департамента, поскольку проект отражал политико-экономические интересы американского монополистического капитала и международных картелей; он ни в коей мере не отвечал задаче создания условий, необходимых для осуществления разоружения и особенно для отказа от атомного оружия, а следовательно, и для обеспечения мира. Потому-то американский проект и обходил полным молчанием вопрос о запрещении атомного оружия и в то же время выдвигал на первый план проблему установления контроля над атомной энергией; при этом контроль трактовался так, что на практике он не мог бы иметь международного характера, а оказался бы всецело в руках США, служа орудием господства этого одного государства над всеми остальными.

А. Американский проект контроля над атомной энергией и устав Организации Объединенных наций

Уже через несколько дней по окончании Московской конференции, а именно 7 января 1946 г., государственный департамент выделил специальный комитет по атомным

лывшихся в то время постоянными членами Совета Безопасности, а именно: Австралии, Бразилии, Египта, Голландии, Канады, Мексики, Польши. Первое заседание Комиссии состоялось 14 мая 1946 г. в Нью-Йорке. Комиссия выделила из своей среды целый ряд комитетов и подкомитетов. Был создан рабочий комитет для рассмотрения всевозможных предложений и выработки на их основе рекомендаций Комиссии. Для рассмотрения вопросов, связанных с контролем, был создан Комитет II. Кроме того, были еще образованы консультационно-правовой и научно-технический комитеты.

вопросам под председательством помощника государственного секретаря Ачесона, при котором состоял особый совет консультантов. Во главе этого совета, учрежденного 23 января 1946 г., был поставлен директор крупнейшего государственного американского предприятия «Теннесси Велли Осорити» Давид Лилиенталь, а в состав его вошли представители монополистического капитала в лице Бернарда, президента «Нью-Джерси белл телефон К°», д-ра Роберта Оппенгеймера из «Калифорния инститюшн», д-ра Томаса, вице-президента и технического директора «Монсанта кемикал К°», и Гарри Винне, вице-президента «Дженерал Электрик К°».

Разработанная этим советом схема организации международного контроля над атомной энергией, известная под названием доклада Ачесона — Лилиенталья, опубликованного в марте 1946 г., содержала директивы американской делегации в Комиссии по атомной энергии ООН, а также изложение основ проекта, представленного ее председателем Барухом 14 июня 1946 г.¹

Сущность этого проекта заключалась в том, что проблема атомной энергии в целом должна была быть изъята из компетенции Совета Безопасности и передана почти полностью специальному международному органу.

Начало деятельности этого международного органа приурочивалось уже к первому этапу введения в жизнь системы международного контроля. Этот этап был запланирован с таким расчетом, чтобы производство атомной энергии в США, а также имеющаяся у них информация в этой области не должна была подлежать надзору, в то время как источники сырья, а также технические атомные установки во всех других странах уже должны были ему подчиняться.

Этому международному органу предполагалось предоставить исключительное право проводить все сопряженные с опасностью для жизни атомные операции, к числу которых были отнесены все виды деятельности, касающейся атомного сырья, сооружения и эксплуатации заводов атомной энергии, а также проведение исследований в области взрывчатых атомных веществ.

---

¹ См. A Report on the International Control of Atomic Energy Prepared for the Secretary of State's Committee on Atomic Energy by a Board of Consultants. H. M. S. O., London, 1946.

Деятельность отдельных государств в области исследования атомной энергии должна была быть ограничена операциями, не связанными с опасностью для жизни. Таким образом, предметом этой деятельности могли являться только исследования в области промышленности, границы которых трудно, а вернее, невозможно установить ввиду сходства процессов применения атомной энергии в военных и в мирных целях. Впрочем, деятельность отдельных государств даже в такой ограниченной области должна была быть подчинена контролю международного органа, особенно во всем, что касается эксплуатации атомного сырья.

Первоначальный проект предоставления международному органу прав контроля и надзора был в дальнейшем расширен предоставлением ему права арендовать залежи атомного сырья и заводы по производству атомной энергии и управлять ими, а в конце концов проект был изменен в том направлении, что этот орган должен был стать собственником этих залежей и заводов и не только контролировать, но предоставлять концессии отдельным государствам; ему предоставлялось право выделять последним по собственному усмотрению те или иные источники сырья, продавать им атомные материалы, заведывать всеми складами сырья и атомных материалов, решать, какие залежи и где должны эксплуатироваться, а также где и какие именно заводы, производящие атомную энергию и атомные материалы, должны строиться.

Таким образом, проектируемая структура и компетенция международного контрольного органа придавали ему характер гигантского монополистического концерна, обладающего несомненно доминирующим положением по отношению к отдельным государствам.

Для политической оценки американского проекта особенно характерно предложение об отмене в отношении вопросов атомной энергии принципа единогласия великих держав. Нет нужды распространяться, насколько такая позиция расходится не только с руководящей идеей Московского соглашения по этому вопросу и резолюцией ООН об учреждении Комиссии по атомной энергии, но и с самыми основными положениями устава ООН и содержащимися в нем нормами, устанавливающими процедур-

ную и функциональную компетенцию отдельных ее органов.

Проблема атомной энергии, конечно, не только научная или техническая проблема. Это прежде всего политическая проблема, тесно связанная с проблемой мира, его укрепления и его защиты от нарушения и угроз, против него направленных, и против актов агрессии вообще. Поэтому вопросы об угрозе нарушения мира и об агрессии регулируются главой VII устава ООН и, в соответствии с ней, составляют предмет исключительной компетенции Совета Безопасности, выносящего свои решения на основе принципа единогласия великих держав. Этот принцип был установлен не случайно. В период сосуществования государств с различным строем и различными социально-политическими системами гарантией мирного улаживания международных споров может быть разрешение их не в порядке навязывания воли большинства, а путем достижения соглашения, удовлетворяющего прежде всего великие державы, олицетворяющие собой силу, способную устранить опасность войны. Возможность прибегнуть к принуждению по отношению к одному из этих государств путем принятия решений, вынесенных искусственно созданным большинством, подрывала бы главнейшие основы мирного общения содружества наций, а вместе с тем также и принцип универсализации международного права; последнее в этом случае вообще перестало бы быть таковым, так как оно выражало бы интересы только одной группы государств. Передача всех вопросов, связанных с атомной энергией, в ведение органа, стоящего вне Организации Объединенных наций или хотя бы только изъятая из компетенции Совета Безопасности, а следовательно, из действия принципа единогласия, явилась бы не шагом вперед на пути к сближению народов и к упрочению мира, а шагом назад даже по сравнению с уже имеющимися достижениями в этой области, отраженными в уставе ООН.

Напомним, что Совет Безопасности является именно тем органом, на котором, согласно ст. 24 устава ООН, лежит главная ответственность за сохранение международного мира и безопасности и который уполномочен на выполнение функций, связанных с этой задачей, от имени всех членов ООН.

В этой области Совет Безопасности поставлен выше Генеральной Ассамблеи ООН, которая хотя и может рассматривать вопросы поддержания мира и международной безопасности, но не имеет права выносить решения о применении мер, предусмотренных ст. 12 устава Организации Объединенных наций, каковое право предоставлено только Совету Безопасности, как органу ООН, наделенному исключительными полномочиями в этом отношении.

Поэтому обход Совета Безопасности или желание ослабить роль этого специального органа ООН по вопросам поддержания мира могли быть продиктованы при проектировании описанного выше решения атомной проблемы, проблемы по преимуществу мирной, какими угодно соображениями, но только не заботой о мире. В лучшем случае такая тактика может быть объяснена желанием предоставить дело мира случайной игре сил, а более вероятно — желанием не допустить положительного решения вопроса об эффективном контроле над атомной энергией, вопроса, без разрешения которого мир не может быть обеспечен. Трудно поверить якобы мирным намерениям американцев, когда США, предлагая уже 14 июня 1946 г. свой проект¹, поставили условием его принятия отказ великих держав от так называемого права вето: это требование было равносильно требованию, чтобы Советский Союз отказался от эффективного средства борьбы с односторонним навязыванием ему политики, опасной для сотрудничества великих держав, а тем самым и для сохранения мира.

На заседании Комитета I Генеральной Ассамблеи 21 января 1946 г. американский делегат сенатор Коннелли, формулируя позицию США, не только не возражал против принципа единогласия великих держав, но даже подчеркнул, что Комиссия по атомной энергии должна действовать в рамках устава ООН². Поэтому не подлежит никакому сомнению, что, выдвигая вопрос об отмене так называемого права вето по отношению к столь

---

¹ См. Address by the Hon. B. M. Baruch, U. S. Report to the Atomic Commission of the United Nations, June 14, 1946, p. 4.

² См. International Control of Atomic Energy, Growth of a Policy Washington, The Department of State, 1946, p. 128.

важной для дела мира атомной проблеме, делегация США намеревалась путем подавления мнения СССР голосами послушного им большинства подчинить своему влиянию также и Советский Союз, используя возможность широкого вмешательства в советскую экономику через посредство особого международного органа, наделенного огромными полномочиями. В случае отказа СССР совершить такого рода политико-экономическое самоубийство американцы решили вообще отказаться от международного соглашения и добиваться осуществления своих империалистических замыслов путем дальнейшего производства атомной энергии для военных целей.

Такие именно намерения не были чужды официальной позиции США, как видно из того, что вопрос о так называемом праве вето был выдвинут американцами в виде проблемы, которая должна была быть принципиально решена до установления формы контроля над атомной энергией, хотя право вето могло касаться нарушения только уже организованного контроля¹.

Об этом свидетельствует также тот факт, что автор американского проекта Барух тотчас же после того, как был поставлен вопрос об отмене права вето, пытался подкрепить свои предложения тем соображением, что любому государству, за исключением США, потребуется еще по меньшей мере несколько лет для изготовления атомной бомбы. Это было равносильно угрозе применения атомной бомбы. Позиция США, намеревавшихся постановкой вопроса об отмене права вето свести на нет усилия по заключению соглашения о международном контроле над атомной энергией, не разделялась даже государствами, связанными с США самыми тесными политическими узами, но имеющими свои особые экономические интересы. Эти государства заинтересованы в установлении подлинного международного контроля, исключаяющего монополистическое положение США. Притом эти государства руководствуются в одинаковой степени как соображениями собственной безопасности, так и стремлением занять положение участника международного содружества и не остаться в одиночестве с США.

---

¹ См. The United Nations Atomic Energy Commission, Carnegie Endowment for International Peace, No 430, New York, 1947, p. 16.

Поэтому на заседании рабочего комитета Комиссии по атомной энергии 27 декабря 1946 г. Барух предъявил в ультимативной форме требования к делегациям других государств, обычно наиболее согласных с требованием США, хотя бы формально настоять на поддержании выдвинутого им положения об отмене права вето. Со стороны указанных делегаций это был компромисс, вызванный нежеланием парализовать усилия, направленные на установление международного контроля над атомной энергией. Наиболее характерной в этом отношении была позиция Канады, лояльность которой по отношению к США, конечно, не подлежит сомнению. Канада, так же как и другие не менее сочувствующие США государства, согласилась на принятие рекомендаций, содержащихся в первом докладе комиссии Баруха только под нажимом, а именно только после подтверждения, что вопрос о так называемом праве вето не находится в непосредственной связи с проблемой контроля над атомной энергией, что он не имеет шансов на благоприятное разрешение и даже таит в себе опасность¹.

Свое предложение об отмене так называемого права вето Барух старался провести вопреки мнению не только ближайших своих союзников, но и наиболее видных американских ученых и политических деятелей. Даже Ли-лиенталь и его коллега по консультативному совету по вопросам атомной энергии д-р Бернар, а также проф. Шульц и ряд других авторитетных лиц предупреждали Баруха, что предложение об установлении атомного контроля в зависимости от отказа от права вето в отношении санкций против нарушителей международного договора о контроле явится препятствием на пути к соглашению. Однако позицию Баруха нетрудно понять, если принять во внимание, что он является представителем тех монополистических групп, для которых война—только средство реализации их интересов. Именно в результате защиты этих интересов он приобрел репутацию «верного человека Уолл-стрита» и прозвище финансового «вундеркинда»². Как Барух, так и другие члены делегации

---

¹ См. № 430 Carnegie Endowment for International Peace, p. 76, 191, 267—270 (заявление Баруха) и 271/2, заявление ген. Мак-Наughtона (McNaughton) в Комиссии по атомной энергии 30 декабря 1946 г.

² См. Desanti i Haroche, op. cit., p. 42—51.

США в Комиссии по контролю над атомной энергией и особенно Эберстад, Хэнкок и Суоп на протяжении 30 лет руководили американской организацией, имеющей своей задачей изучение хозяйства и естественных богатств США под углом зрения военных потребностей, причем они же и финансировали эту организацию. Эти исследования, конечно, не ставили своей целью служить делу борьбы с государствами оси, что видно из того, что они не были использованы даже после того, как США объявили войну Германии. Объясняется это тем, что и в период военного конфликта не были полностью ликвидированы картельные американо-германские связи, от которых никогда не отказывалась полностью также и финансовая организация Баруха. Последняя по окончании военных действий не интересовалась делом мира и его поддержания. Предметом исследований, проводившихся этой организацией, и ее основного интереса всегда был и остается теперь Советский Союз с его ресурсами, возможность его подчинения диктату монополий США. План Баруха представляет собой, по сути дела, проекцию намерений его финансовой организации на плоскость международной политики. Попыткам подорвать основы Организации Объединенных наций и подчинить господству американского капитала все страны мира путем угрозы применения атомного оружия сопутствовали с самого начала шаги, направленные на подготовку и осуществление этой цели путем агрессии¹.

Б. Доверие в международных отношениях как необходимое условие достижения соглашения

Одним из положений, нашедших свое отражение в Московской декларации и в соответствующей резолюции ООН по вопросу об атомной энергии, было требование, чтобы работа Комиссии по атомной энергии велась этапами и одновременно способствовала укреплению взаимного доверия, без которого трудно представить себе достижение окончательного соглашения. Ясно, что условием, наиболее благоприятствующим установлению атмосферы до-

---

¹ См. J. Złotowski, Zagadnienie Międzynarodowej Kontroli Energii Atomowej (Cz. III), «Przegląd Międzynarodowy», 1948, No 13, str. 7—10.

верия, могли бы в данном случае явиться прежде всего отказ от дальнейшего производства атомных бомб, уничтожение имеющихся их запасов и прекращение угроз войны.

Однако делегация США самым категорическим образом отвергала все предложения, отвечавшие этим требованиям. Позиция США по отношению к Комиссии по атомной энергии в данном вопросе была настолько непримиримой, что отказ делегации пойти на какие-либо уступки по сравнению с первоначальным предложением, а также выдвижение ею новых условий нельзя не признать рассчитанными только на то, чтобы производство атомного оружия как-нибудь не затормозилось из-за возможного компромиссного решения. На III сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1948 г. американский делегат Джессеп заявил во время дискуссии о проблеме атомной энергии, что «или мы принимаем американский план, или вообще не будет никакого плана и будет продолжаться гонка вооружений». В самом деле, трудно усмотреть в позиции США стремление к каким-либо мирным целям; больше того, нельзя не признать, что она противоречит интересам коллективной безопасности; эта позиция явно рассчитана не на осуществление эффективного контроля над атомной энергией в международном масштабе, а исключительно на осуществление определенных военных планов.

Впрочем, объяснить такую позицию США нетрудно. Общеизвестно, какие огромные прибыли выпали на долю американских монополий за время последней войны. Поэтому американские капиталисты могли бы отказаться от войны как от источника получения дальнейших прибылей только в том случае, если бы им удалось обеспечить себе эти прибыли путем мирного завладения всем миром. Основанный на такой предпосылке американский план не только не мог не возбуждать недоверия, но и устранял всякую возможность соглашения. В самом деле, этот план имел в виду обеспечить американской промышленности не только доступ к источникам атомного сырья во всем мире, но и владение ими, а следовательно, и возможность использовать их исключительно в своих эгоистических интересах. Поэтому первым этапом на пути к установлению международного контроля над атомной энергией, в представлении американских деятелей, должен

был явиться не всеобщий отказ от производства атомной энергии в военных целях, а отказ отдельных государств, и в первую очередь Советского Союза, от своих суверенных прѣв; в данном случае мы имеем в виду отказ СССР от права использовать имеющиеся у него запасы атомного сырья даже для мирных хозяйственных целей в пользу управляемого большинством международного органа. Организовать такое большинство исключительно в пользу американских концернов не составило бы для США затруднения. Только за эту цену американские концерны, особенно группа Моргана, действующая через посредство «Дженерал электрик К^о» и «Эдисон электрик инститюшн», монополизировавшая почти полностью американскую атомную промышленность, согласились бы отказаться от прибылей, получаемых ими от производства атомной энергии для военных целей. Аналогия с политикой Гитлера, соглашавшегося на отказ от военных действий только в том случае, если будут беспрекословно удовлетворены все его требования, напрашивается здесь сама собой. Не удивительно поэтому, что для осуществления такой политики и для ее обоснования сторонники ее не побрезговали даже самыми грубыми и циничными аргументами. Наиболее невинным из них является взгляд, что международный контроль над атомной энергией якобы может быть осуществлен только при условии создания всемирного правительства, то есть уничтожения независимости отдельных наций¹.

Но еще более характерным в этом отношении представляется заявление Гарольда Урэя о том, что якобы существует только один способ эффективного решения проблемы, как избежать опасности применения атомного

---

¹ См. Woodward, *Some Political Consequences of the Atomic Bomb*. Oxford Univ. Press, 1945, p. 19; см. также заявление членов английского парламента в ответ на воззвание, подписанное лордом Ванситартом и др. 22 декабря 1947 г. Под этим заявлением стоят подписи Сопера, членов парламента Убборна, Роджерса, Хауза, Коллинса, Миллингтона, Виллса и Айслеса. В заявлении подтверждается, что позиция СССР, отвергающая предложения Баруха, является обоснованной, так как американский план контроля над атомной энергией действительно неосуществим, но подчеркивается при этом, что коллективная безопасность может быть достигнута только при условии ликвидации суверенитета государств. См. также брошюру *One World or none*, National Committee on Atomic Information, Washington, 1947. Заглавие этой брошюры «Один мир или никакого» стало

оружия; этот способ — война, которая должна быть начата США, с тем чтобы завоевать весь мир и управлять им по своему усмотрению¹.

Такого рода заявления сопровождались не только разнужданной военной пропагандой, но также и соответствующими практическими действиями. Так, бывший государственный секретарь Бирнс заявил, что в случае непринятия СССР американского проекта контроля над атомной энергией, для США не останется ничего другого, как изготовлять атомные бомбы все в большем количестве и все лучшего качества; по существу то же самое сказал и член американской делегации в Комиссии ООН по атомной энергии Джон Хэнкок, заявивший, что он не возражал бы против применения атомных бомб с целью предотвращения агрессии и что сейчас нужно производить столько бомб, сколько Америка в силах произвести². О том же говорит и опыт с атомной бомбой так называемого «Operation Cross Road» в июле и августе 1946 г. на атолле Бикини. Отметим сообщение одного руководящего деятеля американской авиационной промышленности, Глена Мартэна, об опытах по вызыванию радиоактивной тучи, под действием которой якобы погибает все живое³. Мы имеем в виду опыт применения атомного оружия на атолле Эниветок в декабре 1947 г., а также ряд сообщений, касающихся производства атомного оружия в США.

Из сказанного следует, что в США развивается в самом широком масштабе военная промышленность, причем в особенности в области производства оружия массового уничтожения, то есть такого оружия, применение которого

своего рода ходячим словом, используемым для подогревания империалистических настроений в США. См. также открытое письмо советских ученых «О некоторых заблуждениях профессора Альберта Эйнштейна», «Новое время», 1947, № 48 и 1948, № 11.

¹ См. Friedwald, op. cit., p. 129.

² Цитируется по книге Burnes, Speaking Frankly, и заявлению Хэнкока на международной конференции по вопросу о минеральных богатствах в марте 1947 г. в Нью-Йорке. См. Złotowski, op. cit., str. 7.

³ См. M. Muszkat, op. cit., 52, str. 487. См. также главы «Implications of Biological Warfare», by George W. Merck, E. B. Fred, I. L. Baldwin and W. B. Sarles в The International Control of Atomic Energy, Scientific Information transmitted to the United Nations Atomic Energy Commission, Washington, Department of State, 1946.

запрещено международным правом. Проводимые в этой стране опыты имеют своей целью выявить степень эффективности этого оружия при вооружении им авиации и подводного флота. Сообщения о достижениях военной промышленности, а также о характере опытов с атомным оружием путем использования якобы смертоносных радиоактивных туч или установки особых подводных мин носят характер провокационных военных угроз и представляют собой самый обыкновенный шантаж, поддерживаемый постоянными ассигнованиями конгрессом огромных кредитов на производство вооружения всех видов.

Чрезвычайно характерным в этом отношении представляется изданный еще в 1947 г. университетом в Принстоне доклад Коула (Coale), секретаря комитета по общественным наукам того же университета.

Выступление Коула носило до некоторой степени официальный характер, хотя бы уже ввиду присутствия на его докладе и оживленного участия в прениях по нему не только видных в области общественных наук официальных американцев, но и упоминавшегося выше проф. Смита, ближайшего сотрудника генерала Гроувса и главного конструктора атомной бомбы в военном министерстве США.

В своих выводах Коул исходит из провокационной предпосылки о якобы существующей для США необходимости защитить себя с помощью атомного оружия от угрозы нападения. На этом основании он рекомендует, в соответствии, как он говорит, с принципами современной войны (вернее было бы сказать — с принципами тотальной войны, примененной гитлеровцами), направлять удары не только на промышленные центры противника, но и на гражданское население с целью его уничтожения. Для осуществления этой цели Коул призывает к дальнейшей гонке вооружений, в основном с применением атомной энергии, к приобретению баз, с которых было бы удобнее всего производить атомные бомбардировки и организовывать десанты на территории, уже заранее подготовленной к захвату путем предварительной бомбардировки атомными бомбами. Коул заходит в своих рассуждениях весьма далеко и даже заявляет, что для испытания эффективности атомного оружия может оказаться целесообразным производить в дальнейшем соответствующие опыты не на безлюд-

ных атоллах, а над промышленными густо населенными городами. По его мнению, лучшим средством защиты является расширение производства и накопление запасов атомных бомб с целью устрашения государства, которое решилось бы вступить на путь агрессии... «Это метод крепкой палки — говорит Коул. — Атомная бомба — самая толстая палка из всех, которые когда-либо применялись».

Официальные глашатаи американской политики, полуофициальным представителем которых является Коул, рассчитывают на возможность шантажировать этим путем СССР, а также страны народной демократии. С помощью этой палки, другого конца которой они не хотят замечать, они надеются не только удовлетворить американских монополистических производителей атомного оружия, но (и это главное) покорить без войны целые государства и континенты ¹.

Элементы шантажа в государственной пропаганде Америки, проявившиеся особенно ярко в связи с решением о производстве водородной бомбы, свидетельствуют о том, что цели, поставленные Коулом, не являются чем-то исключительным.

Характерно во всяком случае, что в то самое время, когда в 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН единогласно осудила пропаганду войны, американская пресса перестала замалчивать факт образования в Масквелл Филд центра военного обучения «специальной антисоветской стратегии». Известный издатель американского журнала «Форчэн» Джексон счел необходимым заявить, что «поскольку вовлечение в войну СССР в высшей степени сомнительно», то «американский народ должен овладеть всем комплексом стрелкового дела, и так как не СССР начал дело, то мы должны начать первыми».

Поэтому не удивительно, что в то время когда официальные представители США в ООН лживо провозглашали необходимость создания атмосферы взаимного доверия для заключения соглашения об уничтожении атомного оружия, то для облегчения создания такой атмосферы

---

¹ См. Coale J., The Problem of Reducing Vulnerability to Atomic Bombs, Princeton University Press, 1947, а также разбор этой книжки, сделанный М. Рубинштейном в журнале «Новое время», 1942, № 13 (151) под заглавием «Защитник поджигателей атомной войны».

издаваемый огромным тиражом «Нью-Йорк таймс мэгэзин» выражал сожаление, что в США «еще не существует достаточно подробных карт Советского Союза, которые дали бы возможность с успехом подвергнуть бомбардировке его территорию с американских самолетов».

«Такие карты надо как можно скорее получить, — начали голосить на страницах «Сачюрдэй ивнинг пост» известные братья Олсоп, — чтобы во всех деталях подготовиться к войне». А бывший председатель комиссии по иностранным делам Итон выдвинул вслед за этим на страницах «Америкэн мэгэзин» тезис, «что по отношению к СССР до сих пор еще не утратила смысла война нервов. Однако если такая война нам не удастся, мы должны уничтожить СССР при помощи оружия»¹.

Из приведенных выше выступлений, а также из доклада Коула нетрудно понять, в установлении какой именно атмосферы доверия и согласия на первом этапе работ в области международного контроля над атомной энергией были заинтересованы американцы.

Уголовная квалификация этих выступлений как явных фактов подготовки, подстрекательства и пособничества к совершению международного преступления, а следовательно, действий самих по себе уже преступных и подлежащих преследованию, может быть обоснована нормами как международного, так и уголовного права всех цивилизованных народов.

В. Проблема обмена информацией

Проблема практического использования атомной энергии, как мы выше показали, не составляет какой-нибудь научной или технической тайны. Сводится она по существу к вопросу об экономическом потенциале и степени индустриализации той или иной страны. Поэтому, если говорить о государстве, обладающем такими возможностями, какие имеются у СССР, то ничто не может помешать достижению таких же или еще лучших результатов, чем в США. Между тем американский план международного контроля над атомной энергией был построен так, как если бы США обладали монополией в области атомной

---

¹ См. «Trybuna Ludu», 29/IX 1950.

энергии и притом могли сохранить эту монополию навсегда. Сторонники этого плана признают, что это было сделано вполне сознательно, причем утверждают, что нельзя требовать от США, чтобы они отказались от своей позиции и изъявили готовность теперь же уступить владение атомной энергией хотя бы даже контролируемому ими международному органу; на это, по их мнению, едва ли изъявил бы свое согласие и конгресс¹.

В связи с этим американский проект умалчивает о рекомендации, содержащейся в резолюции ООН, относительно задач Комиссии по атомной энергии в области распространения научно-технических сведений и об обмене соответствующими информацией. Осуществление этих задач допускается, согласно проекту, только после завершения всех этапов организации международного контроля. Таким образом, в случае осуществления американского плана, уже на первом его этапе в руках международного органа, а фактически в руках США, оказались бы не только сведения об имеющихся у других государств залежах атомного сырья и о состоянии исследовательских работ в этой области, но и самые эти залежи, а также руководство поисками новых месторождений. Принцип *do ut des* (даю, чтобы ты дал) решительно чужд американскому проекту, в основе которого лежит стремление получить все и не дать взамен ничего. Эта мысль, между прочим, была высказана совершенно открыто в связи с прениями, происходившими в Комиссии по атомной энергии сената США в феврале 1947 г. Докладчик, уже упоминавшийся нами член Консультативного совета и заместитель председателя концерна «Монсанто кемикал К⁰» Томас открыто заявил, что проект Ачесона — Лилиенталя, одним из авторов которого он является, имеет своей целью обеспечить США контроль над атомным производством любого государства путем предоставления им права надзора за залежами урана и тория без уступки при этом своих собственных прав. В случае принятия этого проекта США была бы обеспечена, по словам Томаса, возможность не только осуществлять геологические инспектирования запасов атомного сырья во всем мире, но также владеть и распоряжаться ими, а следовательно, и возможность вмешиваться

---

¹ См. Friedwald, *op. cit.*, p. 118—119.

во внутренние дела любого государства с сохранением при этом за США в неприкосновенности атомных установок их промышленности, технических производственных секретов и т. д. Это выступление Томаса представляет собой самое удачное и искреннее определение позиции США по данному вопросу, что доказывается лучше всего историей отношения США к проблеме обмена информацией.

«Характерно, что уже в декларации трех держав проводилась резкая грань между информацией об атомной энергии чисто научного порядка и информацией промышленного характера», — пишет Зотовский. «Мы готовы, — гласила декларация президента Трумэна, премьера Эттли и премьера Маккензи Кинга, — поделиться, на основе взаимности, с другими Объединенными нациями подробной информацией, касающейся практического применения атомной энергии в промышленных целях, немедленно после того, как будут выработаны эффективные и могущие быть проведенными в жизнь формы защиты (отдельных стран) от применения этой энергии с разрушительными целями». Однако в декларации указывалось, что независимо от проектируемой системы контроля поддерживается принцип свободы научной информации: «Подтверждаем с самого начала, что в виде первого шага (к международному сотрудничеству) мы готовы приступить к основной научной информации в мирных целях с любой страной на началах взаимности». И далее: «Особенное внимание должно быть обращено на то, что Комиссия по атомной энергии должна заняться **прежде всего** [подчеркнуто автором] самым широким обменом учеными силами, а также научной информацией» *.

Действительно, вопрос об обмене научной информацией занимал первое место в ряду проблем, которыми должна была заниматься комиссия согласно схеме этой декларации. Поэтому казалось бы вполне естественным, что и три дальнейшие проблемы должны также рассматри-

---

* Следует отметить, что приводимые автором заявления глав трех держав носили, как показала вся практика этих держав на международной арене и как это убедительно иллюстрирует сам автор, чисто демагогический характер. Декларация 15 ноября 1945 г. преследовала своей целью замаскировать перед мировым общественным мнением реальное стремление заправил Уолл-стрита монополизировать атомную информацию. — *Прим. ред.*

ваться в порядке последовательности, указанной в той же схеме, а следовательно, вопрос об отказе от атомного оружия должен рассматриваться прежде, чем вопрос о введении в жизнь международной инспекции или каких-либо других методов осуществления контроля над атомной энергией.

Содержащиеся в декларации трех держав рекомендации правительств Англии, США и Канады были положены в основу проекта создания Комиссии ООН по атомной энергии, предложенного в декабре государственным секретарем США Бирнсом на заседании конференции министров иностранных дел в Москве. В. М. Молотовым было внесено несколько поправок, которые, с небольшими изменениями, были приняты американской делегацией. Делегация США признала правильным советское предложение, чтобы по всем вопросам, касающимся безопасности, Комиссия по атомной энергии подчинялась всецело Совету Безопасности. Только один пункт американского проекта вызвал более серьезную дискуссию. По мнению В. М. Молотова, вопрос о том, должна ли работа Комиссии вестись этапами, в порядке установленной очередности, или одновременно во всем объеме, должен был быть решен самой Комиссией. Несмотря на очевидную правильность позиции В. М. Молотова, Бирнс, как он сам говорит об этом в своих мемуарах, заявил, что концепция следующих один за другим, в порядке очереди, этапов «являлась основной частью всего проекта (американского) и что без нее (правительство США) не внесет (предлагаемой) резолюции». Идя навстречу разрешению проблемы контроля над атомной энергией, советская делегация не возражала против этого пункта американского проекта, что сделало возможным единогласное принятие резолюции Первой Генеральной Ассамблеи ООН в 1946 г. в Лондоне.

В противоположность декларации трех держав, проект резолюции ООН, выработанный в Москве, не предусматривал какой-либо очередности рассмотрения в Комиссии по атомной энергии затронутых проектом вопросов. Тем не менее как формулировка вопросов, так и порядок их последовательности, остались те же, что и в подписанной в ноябре 1945 г. Вашингтонской декларации. Это обстоятельство сильно встревожило реакционные круги

Америки. 28 декабря, то есть уже через два дня по окончании Московской конференции, сенатор Ванденберг дал следующее официальное толкование резолюции, принятой в Москве: «Государственный департамент довел до моего сведения, что хотя в коммюнике (Московском) и перечисляются четыре отдельные задачи, причем инспекция и контроль поставлены на последнем месте, однако это еще не означает, что задачи эти должны рассматриваться с соблюдением указанной очередности, а каждая из них должна быть дополнена гарантиями безопасности... а все вместе должно быть утверждено конгрессом».

Аналогичную позицию в этом вопросе занял государственный секретарь Бирнс. В своем отчете о Московской конференции, передававшемся по радио из Вашингтона 30 декабря 1945 г., Бирнс специально подчеркнул отсутствие в принятой резолюции каких-либо обязательств относительно очередности рассмотрения четырех основных проблем в области международного атомного контроля. Бирнс успокаивал своих доверителей из Уолл-стрита тем, что якобы «имелось в виду и подразумевалось само собой, что в связи с рекомендациями комиссии вопрос о методах контроля будет решаться на каждой стадии проблемы и на каждом этапе обсуждения».

Таким образом, важнейший для достижения международного соглашения вопрос об обмене научной информацией, занимавший ведущее место в декларации трех держав, в дальнейшем совершенно игнорировался. Менее чем через неделю после своего выступления по радио Бирнс торжественно заверял американское общественное мнение в том, что если бы Комиссия по атомной энергии даже и рекомендовала обмен информацией в области атомной энергии, то такая рекомендация подлежит утверждению Совета Безопасности; «в виду этого, — пояснял Бирнс, — без согласия США (которые в качестве одной из пяти великих держав обладают правом вето) рекомендация эта не может быть принята».

Ссылка в данном случае на право вето, которое так часто критиковалось представителями США, ясно указывает, пишет проф. Зотовский, на решительное намерение США не допустить осуществления главного шага в направлении международного соглашения по атомной энергии, а именно — свободного сотрудничества в науч-

ной области, основанного на обмене взаимной научной информацией между всеми странами¹.

Можно было бы привести бесконечное число примеров, когда такое научное сотрудничество, даже в самых слабых его проявлениях, ставилось именно в США в такие условия, которые приводили вследствие ограничения самой элементарной свободы к невозможности фактического осуществления сотрудничества².

Мы не будем останавливаться здесь на грубых угрозах преследования за шпионаж или обращения к комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, или на таких действиях, как клеветническая кампания против бывшего рузвельтовского министра внутренних дел Гарольда Икеса за то, что он возражал против проекта сенаторов Джонсона и Мэла, ратовавших за сохранение контроля над атомной промышленностью в руках военных; даже газета «Чикаго сан» признала, что эти проекты ведут к войне.

Но мы считаем уместным напомнить о предупреждении генерала Гроувса об ответственности за всякое распространение информации об атомной энергии, хотя бы эта информация касалась доступных всем вопросов; это предупреждение вызвало протесты всех научных учреждений Окриджа³.

Характерно, что когда еще в мае 1946 г. в «Popular Science» была напечатана статья об использовании атомной энергии для медицинских надобностей и когда редак-

---

¹ См. Z ł o t o w s k i, op. cit., cz. IV, «Przegląd Miedzynarodowy», 1948, No 16, str. 4—5.

² О свободе науки в Америке и особенно об отношении к атомным специалистам как к подозрительным элементам, подлежащим надзору, политическому принуждению и изоляции, см. статью проф. G. Santillana, *Le secret scientifique et les savants aux Etats Unis*, «Politique Etrangère», 1948, No 4, p. 346 etc. Апост проф. Гальперина, а также других ученых в Канаде и освобождение их через год под давлением общественного мнения, ввиду невозможности предъявить им хотя бы подобие обвинения, — факты, слишком хорошо известные из сообщений печати.

³ См. М. Р у б и н ш т е й н, Атомная политика и наука, «Новое время», 1946, № 6. О степени милитаризации американских университетов дает представление брошюра *Militarism in Education*, New York, 1950.

Большинство американских учебных заведений является собственностью американских монополий; заказ их выполняют такие лю-

ция хотела иллюстрировать статью фотоснимками, она не смогла сделать этого из-за запрещения военных властей. Протесты ученых, возмущение на страницах прессы (главным образом «Нэшн»), а также протест, заявленный по этому поводу выдающимся ученым в области атомной энергии, нобелевским лауреатом Жолио-Кюри, тоже остались безрезультатными¹.

Яркой иллюстрацией того, как именно американцы намеревались организовать обмен информацией и научно-производственное сотрудничество, может служить их сотрудничество в этой области с Англией.

Известно, что «еще до окончания военных действий (говорит Златовский) английские ученые были отстранены от сотрудничества в деле производства плутония и, несмотря на широковещательную декларацию «трех» (Трумэн, Эттли и Кинг) в ноябре 1945 г. о готовности их стран приступить на началах взаимности к обмену с другими странами информацией по вопросу об использовании атомной энергии в мирных целях, даже Англия и Канада оказались не в состоянии получить от Америки какую-либо техническую помощь в этой области». Поэтому, в связи с этими противоречиями английских и американских интересов в области атомной энергии, уже в марте 1946 г. лейборист Блекборн, критикуя американскую политику как враждебную Англии, вполне основательно подчеркнул ее империалистическую тенденцию. «Если говорить о применении атомной энергии для мирных целей, — заявил Блекборн, — то 90% вопросов связано с процессом получения плутония и только 10% — с выделением чистого урана-235. Английские ученые отлично знакомы с производством урановых бомб; поэтому линия поведения США, заключающаяся в том, чтобы не сообщать нам никакой информации, касающейся получения плутония, совершенно нелогична с точки зрения военной без-

---

ди, как генерал Эйзенхауэр, адмирал Нимитц, контр-адмирал Грасси и подобные «ученые», главной целью которых является поддержание военной дисциплины среди молодежи и рабочих. См. по этому вопросу статью М. Рубинштейна, Милитаризация американских университетов, «Новое время», 1950, № 32.

¹ См. М. Рубинштейн, Что мешает мирному использованию атомной энергии, «Новое время», 1946, № 19; см. также Blackett, *op. cit.*, p. 93—96.

опасности, так как мы умеем делать бомбы с помощью урана-235».

В действительности, как это утверждает Злотовский, позиция США по отношению к Англии в данном вопросе не могла определяться моментом военной опасности, а объясняется исключительно стремлением затормозить использование атомной энергии для промышленных целей каким бы то ни было государством, кроме США ¹, и сохранить в своих руках монополию в этой области.

Наконец, доказательством того, что американцы в действительности никогда серьезно не намеревались делиться с кем бы то ни было своими знаниями в области атомной энергии, а рассчитывали в дальнейшем осуществлять эффективный международный контроль в отношении ее, служит содержание американского «атомного закона». В этом законе не предусматривается, что все те его положения, которые могут оказаться противоречащими будущим международным соглашениям, а следовательно, и запрещение обмена информацией, теряют силу; не говорится в нем также и о том, что доступ к технико-научным материалам в области атомной промышленности должен быть обеспечен другим участникам этих международных соглашений. Для того чтобы такие материалы продолжали оставаться недоступными для неамериканских государств по формальноправовым основаниям и согласно их конституционным законам, американская делегация в прениях в ООН по вопросу о заключении соглашения относительно контроля над атомной энергией всегда внимательно следила за тем, чтобы речь шла не о конвенции, а лишь о договоре об обмене информацией.

Дело в том, что согласно американскому «атомному закону» обмен информацией мог бы осуществляться не иначе как на основании соответствующего совместного постановления сената и палаты представителей. Но даже ратификация такого договора сенатом не давала бы права правительству США сообщать сведения, касающиеся атомной энергии, другим государствам. Между тем при современном составе обеих палат конгресса США трудно себе представить, чтобы удалось, даже независимо от желания

---

¹ См. Złotowski, op. cit., cz. V, «Przegląd Międzynarodowy», 1948, No 17.

правительства, составить требуемое большинство, которое пожелало бы придать международным обязательствам в этой области силу внутригосударственного права США. В Америке всегда открыто заявлялось, что если международное соглашение даже и будет заключено в соответствии с планом США, то последние во всяком случае оставляют за собой право определить свое отношение к нему в будущем.

В докладе, сделанном 15 апреля 1946 г. в Институте национального комитета информации по атомному вопросу, заместитель Баруха, Джон Хэнкок, неоднократно подчеркивал, между прочим ссылаясь и на заявление Баруха, что если американский план будет принят ООН, то это не означает, что он будет обязательным для США, так как правительство США сохраняет, согласно своей конституции, право сказать свое последнее слово после того, как соглашение уже заключено¹.

Поэтому правовая формулировка данной проблемы в том виде, как она трактуется американским законодательством, является не только абсурдом с точки зрения международного права, как это считает американский авторитет в этой области — известный юрист Ньюмэн; она применена сознательно для того, чтобы Америка, получив все преимущества, не только не могла (при этом соблюдая собственный закон и действуя в соответствии с направлением своей политики) передать другим приобретенный ею опыт в области атомной энергии, но и вообще каким-либо путем отплатить в данном случае взаимностью. Нельзя более метко определить американский проект, чем это сделал уже упоминавшийся нами д-р Томас, назвавший участие Америки в составлении этого проекта «хорошим бизнесом»².

Г. Сущность американского проекта международного контроля над атомной энергией

В основу американского проекта международного контроля над атомной энергией положен план создания международного органа контроля над производством

---

¹См. International Control of Atomic Energy, p. 171.

²См. Złotowski, op. cit., cz. I i II, «Przegląd Międzynarodowy», No 11/12, str. 8—12 i 14—18.

атомной энергии «ADA» — International Atomic Development Authority. Этому органу предполагалось поручить проведение работ по производству и применению атомной энергии на всех этапах; нарушение полномочий этого органа должно было повлечь за собой немедленное применение карательных мер, причем отсутствие единогласия великих держав не должно было служить препятствием для вынесения постановления о применении этих мер.

Права и обязанности международного органа должны были заключаться в следующем:

1) в осуществлении постоянного надзора над мировыми запасами урана и тория и во вступлении во владение этим атомным сырьем;

2) в осуществлении контроля и управления главными заводами, производящими материалы, поддающиеся расщеплению, в размерах, угрожающих опасностью, а равно всеми заводами, работающими с ураном или торием, при достижении ими уровня производства, делающего возможным угрожающее опасностью использование продукции;

3) в исключительном праве проводить исследования в области атомных взрывчатых веществ, а также выдавать разрешения на проведение всех прочих исследований в этой области в отдельных государствах, с тем чтобы такие исследования проводились с использованием исключительно сырья, предоставляемого международным органом контроля;

4) в проведении децентрализации и стратегического размещения естественных запасов, а также главных складов и центров производства опасной продукции;

5) в гарантированной всеми государствами полной свободе осуществления надзора, то есть надзора в пределах, признаваемых необходимыми самим международным органом контроля.

По официальному заявлению главы американской делегации в Комиссии по атомной энергии, правительство США согласилось бы отказаться от дальнейшего производства атомного оружия и передать в распоряжение международного органа имеющийся у него запас атомных бомб, а также данные, касающиеся их производства, при условии получения в порядке, установленном конституцией США, разрешения на осуществление этого плана и

лишь после окончательного проведения в жизнь этапами предусмотренной системы контроля¹.

Выше уже говорилось о том, в каком виде рисуется возможность ратификации соответствующими органами власти США международного договора об атомной энергии, а также что именно, в понимании влиятельных американских деятелей, должно явиться содержанием первого этапа организации контроля. После того как выше были изложены полностью предусматривавшиеся проектом права и обязанности международного органа, становится ясным не только стремление США сохранить не существовавшую на самом деле монополию, но также и превратить то, что до сих пор было только видимостью, в действительность, а именно создать такие условия, при которых мнимая монополия в области атомной энергии стала бы реальным фактом.

На Московской конференции, так же как и в первой резолюции ООН по вопросу об атомной энергии, речь шла о контроле в таких границах, соблюдение которых необходимо для того, чтобы было невозможно применение атомной энергии в военных целях. Между тем американский проект, с одной стороны, не ставит никаких границ для вмешательства международного органа, а через его посредство и США, во внутренние дела стран всего мира и, с другой, ставит границы, перешагнуть которые не могло бы ни одно государство, кроме США. Принятие официального американского проекта было бы равносильно подчинению всех государств усмотрению США. Развитие техники и культуры определялось бы в этом случае исключительно моментом выгоды для американских концернов и обеспечило бы им такие прибыли, извлекать которые до сих пор они могли только из войны. Нельзя создавать себе иллюзий относительно того, к чему привела бы отмена права вето для санкций, подлежащих применению к тем государствам, действия которых были бы признаны нарушающими полномочия проектируемого международного органа. Как это показывает современная практика, для США не представило бы никакого затруднения подчинить своей воле большинство, которое выно-

---

¹ См. Baruch, op. cit., p. 5, и отчет генерального секретаря ООН, The United Nations Association Yearbook, London, 1947, p. 63.

сило бы решения, угодные его хозяину. Прав Блэкетт, когда в своей работе он говорит, что если, например, посол Буллит считает, что стремление Советского Союза увеличить производство стали преследует исключительно агрессивные цели (sic!), то большинство в «АДА» сочло бы всякое мероприятие, основанное на применении атомной энергии и направленное на улучшение бытовых условий широких масс в Советском Союзе, за нарушение принципов, на которых предполагается построить международный контроль над атомной энергией, за международное преступление, влекущее за собой применение санкций, может быть даже с использованием атомных бомб¹.

Аналогичное положение должно было бы создаться при рассмотрении международным органом вопроса о разрешении какому-либо государству использовать хотя бы для самых мирных целей принадлежащие ему запасы атомной энергии или использовать результаты собственных исследований в этой области для обыкновенных хозяйственных целей, но таких целей, осуществление которых могло бы создать конкуренцию американской промышленности. Уже не говоря о том значении, которое имел бы сам по себе факт получения международным органом в свое распоряжение всех мировых запасов атомного сырья и управления перерабатывающими его заводами, нетрудно себе представить, к чему свелись бы на деле децентрализация и стратегическое распределение центров производства атомной энергии и не ограничиваемый ничем надзор этого органа за атомными залежами и заводами в СССР и в странах народной демократии; они неминуемо привели бы к приостановлению развития этих государств и к подрыву основ, на которых зиждется их социально-экономический строй, к лишению их всякого политического значения и превращению в послушное орудие американского монополистического капитала.

Впрочем, нельзя упрекнуть авторов рассматриваемого проекта в отсутствии у них практического смысла. Несомненно, их план, как это доказывают также и другие отмеченные выше его предпосылки, был составлен не без задней мысли. Она заключалась в том, что если США не удастся навязать этот план всем государствам, то это

---

¹ Blackett, op. cit., p. 139.

развяжет США руки и даст «моральное» оправдание для организации бизнеса на почве использования производства атомной энергии исключительно для военных целей, даст им возможность продолжать военный шантаж и окончательно подчинить себе те страны, которые окажутся вынужденными принять этот план¹.

Доказательством этого может служить также внутренняя политика США в вопросах, связанных с атомной энергией. Эта политика ставит себе целью, во-первых, передать весь экономический потенциал атомной промышленности США в руки крупных концернов, издавна известных тем, что их деятельность сосредоточена в военном производстве, и, во-вторых, воспользоваться настроением, создаваемым искусственно, путем запугивания мнимой угрозой атомной войны, для ликвидации гражданских свобод.

«Атомный закон» США, для проведения которого пришлось прибегнуть к запугиванию мнимой необходимостью защищать безопасность западного полушария и к возбуждению настоящей военной истерии, предоставляет правительству не только широкие права в области контроля над атомной энергией и даже исключительное право производства атомных материалов, но также открывает правительству широкие возможности оказывать свое влияние через посредство армии. Однако эти права были предоставлены правительству США не для борьбы с захватническими тенденциями атомной монополистической промышленности, а с целью оказания ей поддержки и непосредственного ее финансирования за счет американского налогоплательщика. План Ачесона — Лилиенталя, положенный в основу правительственного проекта, в редакции Баруха должен был (согласно определению одного из его авторов — д-ра Винне из «Дженерал электрик К⁰») содействовать не международным центрам атомного производства, а частной инициативе в этой области.

«Дженерал электрик К⁰», «Келлог», «Юнион Карбид энд Карбон К⁰», «Вебстер энжиниринг корпорэйшн», «Дюпон де Немур», а также целый ряд фирм из группы

---

¹ В упоминавшемся уже нами докладе Хэнкока подчеркивалось, что США не только не надеются на скорое решение вопроса, но что никого не удивит, если предложенный ими план контроля будет считаться составленным с той задней мыслью, что он будет отклонен. См. *International Control of Atomic Energy*, p. 168.

концерна Моргана, выполняя правительственные заказы на постройку различных заводов, производящих атомную энергию, получали и продолжают получать огромные прибыли от военного производства, не создающего реальных ценностей. Производство атомной энергии для мирных целей еще не вышедшее из стадии опытов, не могло бы тогда обеспечить монополистам такие прибыли. Характерно, что когда «Монсанто кемикал К⁰» намеревалась развернуть свою работу в области применения атомной энергии в мирных целях, то договор с ней не был возобновлен и ей было отказано в предоставлении ядерного горючего. Может быть, при этом правительство США и руководствовалось военными соображениями, но не исключена и та возможность, что решающее значение имело в данном случае влияние конкурирующего концерна Моргана, который стремится монополизировать в своих руках всю атомную промышленность, но пока что заинтересован в использовании ее исключительно в военных целях.

Факт передачи государственной монополии на производство атомной энергии группе Моргана, имеющей многолетнюю традицию в области военной промышленности, знаменателен еще и в другом отношении. Эта группа является центром американского монополистического капитала, нераздельно владеющим американской электрической промышленностью. Она известна, между прочим, тем, что по ее настоянию в свое время были отклонены проекты использования источников дешевой электроэнергии¹. Поэтому от такой группы нельзя было ожидать особого энтузиазма в деле организации использования атомной энергии в мирных целях, так как такое производство могло бы оказаться опасным с точки зрения конкуренции для ее других производственных центров. Кроме того, крупные капиталовложения в совершенно новую отрасль промышленности не гарантировали бы их немедленную рентабельность.

Вопрос использования источников атомной энергии для нужд промышленности не имеет жизненного значения

---

¹ См. Złotowski, op. cit., cz. II, str. 16. Правильно указывается в цитированной уже выше книге Dessanti i Haroche, p. 27, что достаточно перенести в область международных отношений то, что делается в самой Америке в области атомной энергии, для того чтобы получить представление о сущности проекта контроля, предложенного США Комиссии по атомной энергии.

для Америки. США обладают запасами угля, которых им может хватить еще на несколько тысяч лет. Водная энергия используется в США для производства электроэнергии всего только на 30 %, а производство синтетического топлива легко может покрыть всю потребность страны в нефти.

При таком положении вещей само собой напрашивается предположение, что американский проект международного контроля над атомной энергией, который заведомо не может быть принят государствами, не желающими поступиться своим суверенитетом, имел своей целью не столько облегчить производство атомной энергии для мирных целей в США, сколько создать непреодолимые затруднения для ее производства в других странах. Тем самым имелось в виду парализовать усилия этих стран повысить свой промышленный потенциал, укрепить свою экономическую и политическую независимость и создать новый общественный строй.

Такое объяснение представляется нам единственно правильным еще и потому, что как возможная реализация проекта Баруха, так и его отклонение не лишили бы американский монополистический капитал возможности сохранить свои прибыли, так как они были бы обеспечены производством атомной энергии для военных целей. Хотя проект Баруха и предусматривал отказ от производства атомной энергии в военных целях, осуществление этого пункта проекта было отнесено в нем к последнему этапу организации системы международного контроля; осуществление этой системы было бы равносильно мирному порабощению стран всего света, которые в этом случае были бы лишены возможности противостоять любым посягательствам. С другой стороны, отклонение проекта Баруха могло бы быть использовано в качестве основания для расширения производства атомных бомб, платить за которые пришлось бы не только одним американским налогоплательщикам ¹.

---

¹ Эти скрытые цели проекта Баруха отвечали пожеланиям собственников крупнейших объединений американского финансового капитала, заинтересованных в атомной промышленности, и сулили также барыши собственникам залежей даже малоценной урановой руды благодаря ожидавшемуся повышению цен на них и на земельные участки.

Не меньшее значение для американского монополистического капитала имеет также и то обстоятельство, что план Баруха мог явиться орудием наступления на завоевания трудящихся масс путем ограничения конституционных политических прав и гражданских свобод.

Мы уже упоминали выше об угрозе генерала Гроувса преследовать как за шпионаж каждого, кто откроет секрет производства атомной энергии — секрет, который уже перестал быть секретом для широкого круга лиц, даже вовсе не являющихся специалистами в этой области. При такой установке можно угрожать смертной казнью даже в мирное время любому лицу, почему-либо неугодовному правительству, хотя бы это лицо вовсе не было посвящено в вопросы атомной энергии; кроме того, посредством ограничения свободы науки и техники можно также ограничить свободу слова, печати, союзов и т. д.

В упоминавшемся уже нами докладе Коула говорится о необходимости для США иметь сильное правительство в целях защиты от нападения с атомным оружием; оно должно ввести самые драконовские меры, направленные против гражданских свобод, без применения которых якобы не может быть устранена придуманная с реакционной целью угроза такого нападения¹.

В случае достижения международного соглашения надлежало бы отменить запрещение обмена информацией по вопросам применения атомной энергии. Это обстоятельство не может, как правильно отмечает американский юрист Ньюмэн, служить доказательством, что угроза гражданским свободам в США является лишь временной. К сожалению, как раз приходится считаться с возможностью длительного характера этой угрозы, поскольку американский проект контроля над атомной энергией умышленно составлен так, чтобы не иметь никаких шансов на успех. Безопасность народов и возможность мирного их развития не мирятся с содержанием этого проекта. Уверенность миллионов людей в своей силе, которую не смогли сломить орудия массового уничтожения (хотя и другого порядка), применявшиеся

---

¹ См. Coale J., The Problem of reducing vulnerability to Atomic Bomb, Princeton University Press, 1947.

гитлеровцами в лагерях смерти, служит порукой тому, что никому и никогда не удастся превратить замечательное достижение человеческого гения, могущее принести счастье человечеству, в орудие уничтожения и смерти¹.

Д. Американский проект контроля над атомной энергией и проблема всеобщего разоружения

Основной задачей Московской декларации, а также вытекающей из нее резолюции ООН об образовании Комиссии по атомной энергии являлось снятие с вооружения всех государств не только атомного оружия, но и других главнейших видов средств массового уничтожения.

Впрочем, было бы абсурдным считать, что можно обеспечить сохранение мира путем отказа от атомного оружия при сохранении всех прочих видов вооружения. Во время второй мировой войны странам Европы не пришлось испытать на себе действие атомного оружия; однако размеры разрушений и количество жертв были вследствие этого не меньше. Как уже было отмечено выше, вопрос об атомной энергии составляет лишь неотъемлемую часть более важной общей проблемы борьбы за мир, одним из условий которого является всеобщее разоружение.

Американский проект контроля над атомной энергией обходит молчанием эту проблему, трактуя ее в полном отрыве от общей проблемы сохранения мира. Предпринимавшиеся до сих пор попытки сосредоточить в одном международном органе ООН все вопросы, связанные с разоружением, в том числе и вопрос о запрещении атомного оружия, неизменно наталкивались на упорное сопротивление США. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1946 г. о необходимости всеобщего разоружения в окончательной ее редакции, принятой в связи с советским предложением, получила одобрение только благодаря совершенно особой трактовке задач Комиссии по атомной энергии². Позицию Америки ни-

---

¹ См. Złotowski, op. cit., cz. II, str. 16—17 и cz. I, str 9—11.

² См. The United Nations Association Yearbook, p. 155.

как нельзя объяснить стремлением обеспечить коллективную безопасность. Окончательное устранение угрозы миру невозможно, если даже атомное оружие будет запрещено, но гонка вооружений будет продолжаться и будут сохраняться запасы оружия, может быть и менее эффективного, но все же достаточно страшного, причем это оружие время от времени будет окружаться покровом тайны и в конечном счете будет использовано по своему назначению¹.

Сущность позиции США в данном вопросе выявилась особенно ясно во время прений, происходивших 10 августа 1948 г. в комиссии Совета Безопасности по вопросу о так называемых договорных вооружениях. Резолюция, принятая в этой комиссии по предложению Англии против голосов СССР и Украины, фактически сводила на нет резолюцию Генеральной Ассамблеи 14 декабря 1946 г. по вопросу о сокращении и ограничении вооружений.

Это объяснялось тем, что сокращение как вооружений, так и вооруженных сил в английском предложении искусственно ставилось в зависимость от образования вооруженных сил ООН, а также от введения международного контроля над атомной энергией, от разработки системы гарантий исполнения резолюций ООН и даже от заключения мирных договоров с Германией и Японией, то есть от разрешения целого ряда вопросов, по которым соглашение еще не было достигнуто.

Как известно, советское предложение 26 октября 1946 г. о всеобщем разоружении, единогласно принятое Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1946 г. и встреченное с большим удовлетворением общественным мнением всего мира, имело в виду постепенное действительное проведение сокращения и ограничения всех видов вооружения; к числу последних, конечно, относилось и атомное оружие, которое подлежало запрещению и снятию с вооружения государств, как оружие массового уничтожения и могущее быть использованным исключительно в целях агрессии, а не обороны.

Несмотря на то, что представители США тоже голосовали за советское предложение и во всех международных комиссиях всегда заявляли о своей готовности

---

¹ См. Złotowski, op. cit., cz. III, str. 9.

выполнить резолюции о разоружении, тем не менее государственные деятели США продолжали утверждать, что США не только не могут приступить к разоружению, но, наоборот, должны увеличивать свои вооружения, не исключая и производства атомного оружия. Вместе с тем, в то время как в Советском Союзе и в странах народной демократии были демобилизованы значительные контингенты призванных на военную службу во время войны и все усилия этих государств были направлены на восстановление их экономики и на дальнейшее ее развитие, конгрессу США продолжали предъявляться все новые и новые требования об увеличении ассигнований на вооружения и о призыве все новых контингентов новобранцев, причем на эти цели конгрессом отпускались и продолжают отпускаться миллиардные суммы. Эти факты, очевидно, не говорят о намерении США сократить или ограничить вооружения, в том числе и атомное вооружение.

Описанные факты только подтверждают выводы, сделанные нами из других предпосылок американского плана международного контроля над атомной энергией.

Яркий свет на намерения авторов этого плана бросает упоминавшийся нами выше доклад Коула. В нем предусматривались два варианта защиты от явно выдуманной с демагогической целью опасности атомного нападения на США.

Первый вариант исходит из предположения о том, что соглашение о международном контроле над атомной энергией будет достигнуто.

Коул считает, что такое соглашение будет непрочным и что рано или поздно оно будет нарушено. В связи с этим, для того чтобы подготовиться к неизбежной, называемой им «последоговорной», атомной войне, он призывает к заблаговременной (то есть еще во время действия соглашения о контроле) подготовке всех видов вооружения, к мобилизации живой силы, а также прочих военных ресурсов и особенно к накоплению атомных материалов, а равно к расширению заводов по производству атомной энергии, для того чтобы оно обеспечивало то количество атомных бомб, которое может понадобиться.

Второй вариант предусматривает отсутствие такого соглашения. В этом случае, по мнению Коула, беспере-

бойное производство атомных бомб должно вестись в неограниченных размерах, чтобы обеспечить возможность массового их применения в нужный момент. При таких условиях не будет необходимости прибегать к маскировке производства атомных бомб и создавать видимость соблюдения соглашения о контроле, как это пришлось бы делать, если бы такое соглашение было заключено, хотя бы на короткий срок.

Само собой понятно, что оба эти варианта имеют в виду исключительно интересы владельцев монополистических предприятий по производству атомной энергии в США; оба варианта отражают не только те тенденции, для осуществления которых американская делегация саботировала все попытки достигнуть соглашения в области атомной энергии, но и сводят на нет принятые ранее и обязательные и для США резолюции ООН о разоружении вообще.

Не удивительно поэтому, что американский проект контроля над атомной энергией, возникший на описанном выше столь своеобразном политическом фоне, никак не может служить основой для достижения полного соглашения по этому вопросу. Для достижения хотя бы даже частичного соглашения на основе американского проекта в нем недостает главного, а именно положительного отношения к предложению о снятии с вооружения атомного оружия и о запрещении его применения.

Этот вопрос, как известно, является узловым в позиции Советского Союза. До тех пор пока атомные бомбы не будут уничтожены, не может быть устранена опасность их применения; в этом случае не только не может быть речи об упрочении мира, но, наоборот, будет существовать постоянная опасность его нарушения путем международной авантюры. Поэтому Советский Союз настаивал на том, чтобы прежде всего были уничтожены имеющиеся запасы атомного оружия и было запрещено его применение и только уже после этого была введена соответствующая система контроля над производством атомной энергии.

На последней стадии борьбы, разыгравшейся на почве обсуждения этой проблемы, Советский Союз, желая во имя коллективной безопасности достигнуть хотя бы компромиссного решения и выражая этим свою добрую

волю, отказался от прежней своей позиции и предложил, чтобы были приняты одновременно решения об уничтожении атомного оружия и о заключении двух соглашений — о запрещении применения атомного оружия и о международном контроле над производством атомной энергии.

Однако в ООН большинство, идущее на поводу у США, отклонило и это новое советское предложение, настаивая на том, чтобы сначала был согласован вопрос о контроле и только после этого был решен вопрос о запрещении атомного оружия, причем предлагался такой порядок проведения международного контроля над производством атомной энергии, который на практике свелся бы к осуществлению Соединенными Штатами Америки контроля над всеми остальными государствами.

В этой взаимосвязи полагаем уместным сделать еще несколько замечаний по вопросу о запрещении атомного оружия, особенно потому, что, как это уже нами неоднократно подчеркивалось, мы считаем, что применение атомного оружия, как оружия агрессии и массового уничтожения прежде всего гражданского населения и невоенных объектов, противозаконно. Оно противоречит нормам действующего в настоящее время права и может представлять собой либо только преступление против мира и преступление против человечества (в случае развязывания агрессии с применением атомного оружия), либо преступление против человечества и военное преступление (в случае применения атомной бомбы уже после того, как агрессия была начата с помощью другого вида оружия).

Мы уже указывали выше на то, какое огромное значение для коллективной безопасности имело бы уничтожение запасов атомного оружия; этим была бы устранена возможность авантюризма в международных отношениях и осуществления политики военного шантажа, препятствующей упрочению мира. Вместе с тем запрещение атомного оружия путем заключения соответствующего ясного и точного соглашения имело бы также чрезвычайно важное значение. Существенно то обстоятельство, что пока формального соглашения о запрещении атомного оружия не существует, можно говорить о

его недозволенности только по аналогии с другими международными обязательствами или в связи с существом норм обычного и договорного права, особенно законов о ведении войны, а также с правовыми принципами, признаваемыми во всех цивилизованных странах, а в особенности в связи с Стокгольмским воззванием и постановлением II Всемирного конгресса мира, который явился выразителем воли миллионов людей.

Еще до начала второй мировой войны большинство государств отказалось от войны как средства разрешения международных споров. Со своей стороны, Советский Союз в борьбе за мир в междувоенные годы прилагал все усилия к тому, чтобы не только было осуществлено разоружение и были созданы еще и другие положительные предпосылки для безопасности, но также было уточнено понятие агрессора и чтобы агрессия была признана преступлением против международного права. Это было осуществлено, хотя и со ссылкой на право, действовавшее уже в момент начала гитлеровской агрессии, но, к сожалению, только Нюрнбергским приговором, вынесенным, как известно, уже после трагических событий военного времени.

Происходящая сейчас борьба за официальное запрещение атомного оружия во многом похожа на борьбу, которую вел Советский Союз перед войной, за уточнение определения понятия агрессии и установление принципа ее наказуемости, но вместе с тем и отличается от нее в принципиальном отношении.

Принципы, провозглашенные Нюрнбергским приговором, имеют не только декларативный, но частично и правообразующий характер, чем они отличаются от пакта Келлога. Конвенция о запрещении применения атомного оружия должна еще в большей степени обладать таким правообразующим характером; это необходимо особенно потому, что в данном случае речь идет до известной степени об установлении новых фактических составов, связанных с новым видом оружия, объявлении его вне закона. Таким образом, отличие от пакта Келлога состоит здесь не только в том, что сегодня Советский Союз в своей борьбе уже не одинок, что в одном ряду с ним стоят страны народной демократии и кроме них еще сотни миллионов людей, жаждущих мира. Это отличие вытекает

прежде всего из огромного авторитета Советского Союза, завоеванного им во всем мире благодаря победе над гитлеризмом, а также из современной роли СССР как знаменосца мира; это происходит в новой обстановке — с одной стороны, непрерывного роста сил мира и, с другой — неуклонного ослабления лагеря подстрекателей к новым конфликтам, лагеря, раздираемого непреодолимыми внутренними структурными затруднениями, которые испытывает каждый из его участников, и противоречием их интересов. Различие это вытекает также из того факта, что экономический потенциал Советского Союза, которому главным образом мы обязаны крушением гитлеровских планов господства над миром, а также потенциал Народного Китая и других миролюбивых государств служат и сегодня прочной гарантией того, что любые планы новых агрессоров покорить мир не смогут быть ими осуществлены.

Отсюда вытекают новые аспекты борьбы за мир, также путем запрещения атомного оружия.

В этой борьбе речь идет уже не только об уточнении ответственности эвентуальных агрессоров, которые могут применить атомное оружие, но и об оказании конкретного сопротивления их планам, а также о недопущении на законных основаниях каких-либо попыток агрессии, причем не только путем аргументов, основанных на силе или на призыве к морали и разуму, но также посредством ссылки на точные международные обязательства; принятие таких обязательств удовлетворило бы всех жаждущих мира и создало бы для них уверенность в защите их самых жизненных интересов, доказательством чего служат подписи под Стокгольмским воззванием и энтузиазм, с которым были приняты постановления II Всемирного конгресса мира.

Таким образом, политический смысл борьбы за запрещение атомного оружия заключается в том, что она является фактором, мобилизующим общественное мнение народов всего мира на поддержание мира, ослабляющим силы лагеря поджигателей войны и укрепляющим силы лагеря мира. Эта борьба имеет важное политическое значение также и для дела разоружения, в самом широком смысле этого понятия, как реальной гарантии сохранения мира.

Позиция СССР, настаивающего на том, что соглашение о запрещении применения атомного оружия должно предшествовать договору о контроле над производством атомной энергии или должно быть заключено хотя бы одновременно с последним, обусловлена стремлением не упустить из виду ни одного обстоятельства, которое оправдывало бы применение атомной бомбы. Советский Союз ставит конкретно вопрос о коллективном разоружении, причем в той его области, которая наиболее угрожает мирным международным отношениям. Поэтому в советском проекте говорится о запрещении применения атомного оружия вообще, а не только в качестве орудия агрессии. Устанавливая, что атомное оружие не должно применяться «ни при каких обстоятельствах», советский проект связывает это положение с существующим запрещением пользования отравляющими и другими газами; при этом проект подчеркивает, что запрещение атомного оружия и квалификация его применения как тяжкого преступления против человечества в еще большей степени отвечают стремлениям и совести человечества.

Не следует забывать, что изъятие атомного оружия и запрещение его применения привели бы не только к существенному ограничению возможности военных авантур, но и к реальному созданию как формальных, так и фактических условий, необходимых для упрочения коллективной безопасности.

Американский проект, в противоположность проекту советскому, выдвигает на первое место проблему контроля и отодвигает на задний план вопрос об уничтожении запасов атомного оружия и запрещении его применения. Таким образом, этот проект имеет в виду сохранение опаснейших элементов угрозы миру; он направлен на подрыв самой существенной гарантии укрепления мира, которую может создать только разоружение и, прежде всего, уничтожение такого агрессивного по своей природе и жестокого оружия, как атомная бомба.

Американский проект, отвергая разоружение, тем самым поощряет политику вооружений, а потому никоим образом не может способствовать поддержанию мира и отвечать интересам содружества наций и гарантировать безопасность любому из его членов. Отражая стремления

только узкой общественной группы одной страны, этот проект направлен на узаконение ее деятельности, рассчитанной на расширение экспансии США путем подчинения более слабых государств, на дальнейшее усиление военного шантажа и на саботирование разоружения¹, а равно других мероприятий, имеющих своей целью заложить основы прочного мира.

---

¹ Ярким образчиком призыва к гонке вооружений на фоне вымышленной с провокационной целью неизбежности атомной войны является книга Мерзе Тейта (Merze Tate, *The United States and Armaments*, Cambridge, 1948). В качестве поджигателя войны выступает в данном случае не профессиональный политик, а историк международных отношений, доктор философии и литературы; в сочиненном им памфлете, между прочим, делается попытка доказать необходимость проведения интенсивных научных исследований в области атомной энергии, явно преследующих исключительно военные цели.

Глава шестая

АТОМНАЯ ПРОБЛЕМА И ПОЗИЦИЯ СССР

В странах Запада сплошь и рядом — в явно демагогических целях — утверждают, что американский план контроля над атомной энергией, то есть план подчинения всего мира воле США, был составлен и принял такой характер из-за якобы экспансионистской политики Советского Союза, из-за мнимой военной угрозы, содержащейся в коммунистической идеологии, и как выражение «исторической» миссии США предотвратить эту угрозу...

Там, на Западе, говорят также (разумеется, с целью оправдать стремление США к установлению своего господства над миром), что нет иного средства отстоять «свободу», то есть капиталистические порядки, перед лицом «советской опасности», как путем использования превосходства — мнимого — США в области производства атомной энергии и развязывание превентивной войны до того, как, по предположениям американских политиков, СССР достигнет в этой области того же уровня, что и США.

В наиболее циничной и откровенной форме эту «идею» изложил вождь французских фашистов де Голль. Перифразируя по сути дела аналогичное высказывание генерала Эйзенхауэра, де Голль заявил на пресс-конференции 16 марта 1950 г., что лучше воспользоваться атомной бомбой и уничтожить миллионы невинных людей, чем потерять «демократию» и «свободу» — разумеется, американскую «демократию» и капиталистическую «свободу», то есть свободу неограниченной эксплуатации своих собственных народных масс и поработанных народов колоний.

Американский империализм уже с давних пор ставит перед собой такие цели. Некогда эпитафией к внешней политике США служили слова Теодора Рузвельта: «Говори мягко, но держи в руках крепкую палку» (*Speak softly and carry a big stick*). Сегодня дипломатия американских монополистов отбросила всякую видимость изящества и учтивости в своих высказываниях, открыто угрожая палкой, которую держит в своей руке. Сегодня американская дипломатия все более откровенно раскрывает свои цели и намерения. В 1945 г. государственный секретарь Бирнс заявил: «Соединенные Штаты в настоящее время являются бастионом демократии и частного предпринимательства. Но во многих странах мира наш политический и хозяйственный символ веры вступил в конфликт с идеологиями, отвергающими оба этих принципа»¹.

Утверждая далее, безо всяких к тому оснований, что подобное положение вещей должно неизбежно привести к вооруженным конфликтам, американская политика приняла форму насилия, шантажа и подготовки агрессии, а также навязывания своего «руководства» другим народам во имя захвата власти над миром и развязывания с этой целью новой войны.

Еще в 1946 г. президент Трумэн говорил: «Соединенные Штаты в настоящее время — сильная нация, и нет никого сильнее нас... Это означает, что, будучи такой силой, мы должны взять на себя руководство и ответственность. Мы трагически пренебрегли бы своим национальным долгом и международным доверием, если бы сознательно или по легкомыслию позволили себе быть неподготовленными к несению этой ответственности. Нам предстоит еще многое сделать. Мы полны решимости оставаться сильными»².

О том, что именно осталось Америке сделать и для чего понадобилось ей воспрепятствовать разоружению, то есть упрочению мира, и с помощью немецких империалистов вести так называемую «махтполитик», то есть политику силы и сохранения силы, к которой относится,

---

¹ См. Statement by the Secretary of State Byrnes, August 21, 1945, Department of State Bulletin XIII, p. 279.

² Address by President Truman, Chicago, Army Day 6, 1946, «New York Times», April 7, p. 29.

очевидно, и атомное оружие, — все это, пожалуй, еще отчетливее и яснее расшифровал начальник американского генерального штаба Маршалл. Он сказал:

«Я не могу не прийти к заключению, что возможно-сти, открывшиеся перед нами в результате взрыва атомной бомбы, более категорически, чем когда-либо, предписывают Соединенным Штатам сохранить свою вооруженную силу и использовать эту силу для поддержания мирового порядка, опирающегося на сотрудничество»¹.

План Маршалла, план ликвидации суверенитета западноевропейских государств и подчинения их США, Северо-атлантический пакт, открытый агрессивный разговор против СССР и стран народной демократии в не меньшей степени, чем план Баруха о «международном контроле» над производством атомной энергии, ясно и отчетливо показывают, какое именно сотрудничество имел в виду Маршалл.

Мы уже говорили коротко о том, чего стоят с чисто военной и общественной точки зрения и как преступны планы насильственной задержки естественного развития общества, планы установления гегемонии США над другими народами, а следовательно, и спасения капитализма при помощи атомного оружия.

Мы обрисовали также конкретные мотивы, коренящиеся в весьма материалистических подсчетах различных концернов. Эти концерны руководствуются исключительно стремлением увеличить свои дивиденды, получаемые от производства атомной энергии в военных целях, сроками погашения уже сделанных инвестиций, стремлением обеспечить свои прибыли путем подавления конкуренции, которая может стать для них весьма опасной в случае применения атомной энергии в мирных целях. Но и фальшивые аргументы о необходимости для США защитить себя от угрозы военного нападения со стороны СССР или от растущего во всех странах рабочего и национально-освободительного движения стоят не больше, чем аргументы в пользу выполнения США «исторической» миссии по руководству другими народами и о неизбежности вооруженных конфликтов в результате различия идеологий.

¹ Address by the Chief of Staff of the US Army, October 29, 1946, «New York Times», October 30, 1946, p. 6.

Все это не что иное, как пустая демагогия, и серьезные политические деятели не принимают ее всерьез¹.

На самом деле, конечно, правда совсем в ином. Не СССР и не революционное рабочее и национально-освободительное движение, являющиеся основной силой мирового движения защитников мира, угрожают войной; источником опасности для дела мира во всем мире является исключительно империализм; смертельный враг мира — это только американские империалисты и различные их союзники.

В то время как они толкуют о неизбежности вооруженных конфликтов в результате существования двух социальных систем, политика Советского Союза исходит из возможности и целесообразности мирного сотрудничества и мирного соревнования этих систем.

В то время как план Баруха является планом поддержки развития и прогресса, планом установления гегемонии США над всем миром и подготовки насильственного его покорения, советский проект решения атомной проблемы проникнут стремлением к прогрессу и развитию, стремлением обеспечить каждому народу равную возможность извлечь пользу из великого научного открытия и тем самым упрочить свой суверенитет; советский проект проникнут также верой в возможность мирного сотрудничества всех государств и наций и волей создать наилучшие условия для такого сотрудничества.

Марксистско-ленинское учение никогда не замалчивало противоречий между капиталистической и социалистической системами.

Опираясь на частную собственность на средства производства, капитализм пришел в своем развитии к господству монополий и финансового капитала. Высшей и последней империалистической фазой развития капитализма является фаза господства монополий и финансового капи-

---

¹ Выше мы уже приводили ряд высказываний американских политиков, весьма враждебных по отношению к СССР, в том числе, например, Тафта, которые называют блефом всякие разговоры об угрозе нападения СССР на США. Основная мысль речи Тафта, произнесенной в январе 1951 г., совпадает с тем, что он говорил в 1949 г.: «Никто не думает, что Россия намерена напасть на Западную Европу, и поэтому смешно посылать вооружение в Западную Европу, коль скоро Россия не собирается ее покорить». См. *Desanti i Nagoche*, op. cit., p. 91—92.

тала, когда «приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»¹. В этой фазе соперничество монополий, особенно за рынки сбыта, сферы влияния и районы господства, достигает такого напряжения, что оно ведет к вооруженным конфликтам. Крупные капиталистические объединения, различные тресты финансово-промышленные холдинг-компании, синдикаты и другие формы объединений вообще не в силах устранить эту конкуренцию; как указал В. И. Ленин, они существуют над ней, рядом с нею, являясь причиной трений и противоречий, а также ожесточенной борьбы отдельных монополистических групп за расширение своих владений. Отражением этой борьбы является борьба отдельных представляющих их интересы империалистических государств.

Сосредоточение в руках монополий гигантских капиталов, которые в рамках капиталистической системы не могут быть соответствующим образом использованы на собственных национальных рынках, толкает эти монополии к помещению своих капиталов там, где они сулят большие прибыли, то есть толкает их на путь овладения все более обширными пространствами как путем мирной экспансии, так и при помощи войны.

Открытый В. И. Лениным закон неравномерности развития капитализма, в силу которого отдельные предприятия, отдельные отрасли промышленности и целые страны развиваются неравномерно, скачкообразно, обуславливает также различный уровень развития этих стран. В свою очередь, эта разница в уровнях порождает среди наиболее развитых в экономическом отношении стран тенденцию подчинить себе страны менее развитые и прежде всего подчинить себе колонии, как источники дешевой рабочей силы и дешевого сырья. Эта разница порождает также стремление подчинить себе страны ранее независимые, но экономически разорившиеся, ослабевшие либо отставшие в своем развитии. Все это ведет, естественно, к конфликтам, в конечном счете разрешаемым путем войны.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 253.

Итак, угроза делу мира коренится в империализме, в том, что Соединенные Штаты, в скачкообразном своем развитии опередившие другие капиталистические страны, угрожают независимости народов и порабащают их; но прежде всего США стремятся сокрушить Советский Союз и другие государства, преградившие путь хищнической экспансии американских монополий, превратившие суверенитет своих народов в неприступную для финансового капитала крепость и самым своим существованием показавшие, что народы могут жить и не выкармливая монополии, не изнывая от труда ради интересов капитализма.

В империализме также корень американского плана «международного контроля» над производством атомной энергии, то есть плана контроля США над всеми другими государствами, плана передачи управления ими в руки американских монополий, плана подготовки агрессии против СССР и стран народной демократии.

В империализме, особенно в присущих ему и от него неотъемлемых качествах — паразитизме, загнивании, социальной реакции, упадке культуры и цивилизации и отсталости содержатся те элементы плана Баруха, которые так откровенно враждебны развитию науки и техники и стремятся затормозить их, воспрепятствовать использованию атомной энергии в народнохозяйственных и мирных целях и применить ее исключительно в военных целях.

Охваченные жаждой наживы, монополии являются смертельным врагом технического прогресса. Страх потерять прибыльные сейчас капиталовложения в случае перехода к использованию атомной энергии для мирных целей, боязнь потерять огромные прибыли от производства атомных бомб — вот что заставляет американские монополии сопротивляться проектам запрещения атомного оружия, проектам эффективного международного контроля над производством атомной энергии, задача которого — предотвратить использование этой энергии в военных целях. Здесь действуют те же причины, что и при уничтожении в капиталистических странах сырья и готовых продуктов, при консервации многих важных патентов, при противодействии обновлению промышленного оборудования и применению в производстве новых

открытий и усовершенствований, в то время как население испытывает товарный голод, в народных массах царит нужда и миллионы безработных бесплодно обивают пороги предприятий в поисках заработка.

Подобно тому как американский план контроля атомной энергии можно понять только разглядев его империалистические корни, точно так же нельзя понять отношения СССР к этой проблеме, не уяснив себе, что оно возникло на базе социализма.

Из закона неравномерности развития капитализма В. И. Ленин сделал свой гениальный вывод, целиком подтвержденный опытом Великой Октябрьской социалистической революции и стран народной демократии, о возможности победы и построения социализма сначала в нескольких и даже в одной, отдельно взятой стране. Прорыв фронта капитализма оказался возможным в результате непрерывного его ослабления, особенно рельефно проявившегося и продолжающегося проявляться в войнах, порожденных непримиримыми противоречиями капитализма и подтачивающего его всеобщего кризиса. Пролетариат использует развязываемые империализмом войны, чтобы пробить в нем брешь. Но, твердо зная законы общественного развития, ведущие к неизбежной гибели империализма, пролетариат не ищет войны как средства, которое должно обеспечить ему окончательную победу. Правда, марксизм-ленинизм учит, что нельзя установить вечный мир, пока существует империализм, то есть пока рождаются и развиваются силы, для которых война является нормальным, «естественным» состоянием. Но теории научного социализма чужд какой бы то ни было догматизм, фатализм и пораженчество. Напротив, это теория творческого воздействия человека на ход истории. Это теория, построенная на знании законов человеческого развития, стремящаяся дать этому развитию наиболее полезное для человечества направление, именно то, в каком движется процесс исторического развития, направляемый рукой его сознательного творца — человека.

Теории о неизбежности войн, невозможности мирного сосуществования двух систем — это теории реакционные, теории врагов социализма и человечества. Нет для социализма ничего более ненавистного, более враждебного,

чем война. Социализм считает войны не естественным, а социальным явлением, которое можно и должно устранить. Ибо войны — это источник наживы и грабежа для горстки монополистов-олигархов, тогда как для народных масс войны являются источником личных несчастий и материальных потерь.

Социализм — это теория самого революционного класса, являющегося носителем общественного прогресса, поборником культуры и цивилизации. Оружие социализма — это наука. Ибо нельзя без помощи науки и знаний просветить миллионные массы людей, а без активного участия масс нельзя построить лучший мир — мир социальной справедливости.

«...Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, — говорит И. В. Сталин, — самым ценным и самым решающим капиталом являются люди...»¹. Социализм — это строй, ставящий своей задачей максимальное развитие творческих сил. Социализм выступает против всего, что угрожает существованию человека, он борется против разрушителей созидательных сил, он борется, таким образом, за мир.

Основой социализма является общественная собственность на средства производства, рассчитанная не на извлечение прибыли, а на удовлетворение нужд всех граждан, на мирное сотрудничество всех существующих центров производства, обмена и сбыта.

Из положения марксизма-ленинизма о том, что, до тех пор пока существует капиталистическое окружение, Советский Союз не может не опасаться, что империалистические государства возобновят вооруженную интервенцию против страны социализма и предпримут попытку ее ликвидировать, поджигатели новой войны, желая обмануть общественное мнение, делают тот вывод, что Советский Союз будто бы является сторонником войны с капиталистическими государствами.

Между тем коммунистическое движение и III Интернационал возникли в борьбе против сил войны, в борьбе за мир и против тех, кто стремился продолжать первую мировую войну. В условиях этой борьбы революционное движение мобилизовало силы, обеспечившие победу

---

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 491.

в Октябре; тотчас после победы Октябрьской революции никто решительнее В. И. Ленина не выступал за необходимость мирного этапа, когда наряду с государствами капиталистическими будут существовать также государства социалистические. И никто так твердо — и в теории и на практике — не отстаивал тезис о необходимости мирного сосуществования двух систем, как И. В. Сталин, верный ученик и продолжатель дела В. И. Ленина. Именно тем, что этот тезис стал основой внешней политики СССР, политики борьбы за демократический мир, И. В. Сталин объясняет популярность Советского государства. Еще в 1924 г., на XIII съезде партии, он указывал, что эта политика должна продолжаться при всех условиях. «...Ничему так не обязана Советская власть своей популярностью, — сказал И. В. Сталин, — как политике мира, честно и мужественно проводимой ею в трудных условиях капиталистического окружения». И. В. Сталин подчеркнул, что съезд обязал партию «и впредь проводить политику мира, политику решительной борьбы против новой войны, политику беспощадного разоблачения всех и всяких сторонников или потатчиков новых вооружений, новых столкновений»¹.

В 1925 г., поддерживая предложение Фрунзе об усилении Советской Армии, армии защиты социализма и мира, И. В. Сталин не преминул подчеркнуть, что «наше знамя остается по-старому знаменем **мира**»².

В беседе с первой американской рабочей делегацией в сентябре 1927 г. И. В. Сталин, указывая на стремление Советского Союза упрочить мир, решительно подчеркивал, что сосуществование двух противоположных систем, социалистической и капиталистической, не исключает их экономического сотрудничества в области торговли и дипломатических отношений и заключения соответствующих договоров и соглашений, которые не только возможны, но и целесообразны в условиях мирного развития³.

Несколько месяцев спустя, выступая с докладом на XV съезде партии, И. В. Сталин точно так же указывал, что основой отношений Советского государства с капита-

---

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 239, 240.

² Там же, т. 7, стр. 14.

³ См. там же, т. 10, стр. 123.

листическим окружением является допущение сосуществования двух противоположных систем¹.

И. В. Сталин неоднократно высмеивал распространяемый буржуазной пропагандой вздор об «экспорте революции». Так, например, в беседе с американским журналистом Рой Говардом 1 марта 1936 г. И. В. Сталин, опровергая гнусную ложь о том, будто СССР организует революцию в других странах, заявил, что «американская демократия и советская система могут мирно сосуществовать и соревноваться»².

Особенно большое значение приобрело сотрудничество СССР с капиталистическими государствами в условиях второй мировой войны, в условиях борьбы против общего врага. Еще в период военных действий, а также после их окончания, И. В. Сталин неоднократно, по разным поводам, подчеркивал, что, по его мнению, различия в идеологии и в государственном строе не могут служить препятствием на пути к упрочению мирных отношений между СССР и капиталистическими государствами.

В ноябре 1944 г. И. В. Сталин указал, что «задача состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны...»³ В этих словах нельзя не видеть как бы продолжения того, что было сказано И. В. Сталиным десятью годами раньше, в 1934 г., когда он утверждал, что «СССР не думает угрожать кому бы то ни было и — тем более — напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира»⁴.

Эта мысль содержится и в выступлении И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г., и в обращении к народу 9 мая 1945 г., где говорится:

«Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития»⁵. Она звучит и в речи И. В. Сталина на предвыборном собрании в феврале 1946 г., и в ряде более поздних выступлений.

---

¹ См. И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 289.

² «Большевик», 1936, № 6, стр. 7.

³ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1950, изд. 5, стр. 165—166.

⁴ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 438.

⁵ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1950, изд. 5, стр. 193—194.

Когда в беседе И. В. Сталина со Стассеном 9 апреля 1947 г. последний стал утверждать, что уже перед войной в Советском Союзе неоднократно подчеркивали невозможность мирного сотрудничества между социализмом и капитализмом, И. В. Сталин ответил, «что он никоим образом не мог сказать, что две разные системы не могут сотрудничать. Впервые мысль о сотрудничестве двух систем была высказана Лениным. Ленин — наш учитель, — говорит И. В. Сталин, а мы, советские люди — ученики Ленина. Мы никогда не отступали и не отступим от указаний Ленина. Возможно, что он, И. В. Сталин, сказал, что одна система, например, капиталистическая не хочет сотрудничать, но это относилось к области желаний, а не возможностей сотрудничать. Что же касается возможности сотрудничать, то он, И. В. Сталин, стоит на точке зрения Ленина о возможности и желательности сотрудничать между двумя экономическими системами. Равным образом, что касается желания народа и коммунистической партии в СССР сотрудничать, то такое желание у них имеется. Бесспорно, такое сотрудничество будет лишь полезно обеим странам»¹.

Основную мысль, изложенную в этом ответе, И. В. Сталин подчеркивал неоднократно в качестве главы Советского государства и руководителя его внешней политики. После войны, еще до беседы со Стассеном, И. В. Сталин говорил об этом в сентябре 1946 г., отвечая на вопросы московского корреспондента «Санди таймс» Александра Верта², далее, в ответе на вопрос руководителя американского агентства печати Юнайтед Пресс Хью Бэйли в октябре 1946 г.³ и на вопрос Эллиота Рузвельта в декабре 1946 г.⁴ Эту мысль он развивал и позже в ответе на открытое письмо Уоллеса⁵ в мае 1948 г. и в ответе на вопросы генерального европейского директора американского агентства Интернэйшнл Ньюз Сервис Смита⁶ в январе 1949 г., в телеграмме президенту Пику и премьеру Гротеволу в связи с образованием Германской

---

¹ «Правда», 8 мая 1947 г.

² См. «Большевик», 1946, № 17/18.

³ См. там же, № 6.

⁴ См. «Правда», 23 января 1947 г.

⁵ См. «Большевик», 1948, № 10.

⁶ См. «Правда», 31 января 1949 г.

демократической республики 13 октября 1949 г.¹, а также в ответе на предложение Неру по вопросу о мирном урегулировании корейского конфликта в 1950 г. Эта же мысль лежала в основе доклада А. А. Жданова на первом информационном совещании представителей некоторых компартий в Польше в сентябре 1947 г., когда он сказал, что советская внешняя политика исходит из факта сосуществования на длительный период двух систем — капитализма и социализма. Развивал это положение и Г. М. Маленков в своем докладе, посвященном 32-й годовщине Октября. В. М. Молотов и А. Я. Вышинский неоднократно разоблачали в ООН империалистических политиков, лицемерно повторявших клеветнические измышления, будто СССР угрожает делу мира. Глубокая вера в возможность и целесообразность мирного сотрудничества двух систем имеет не только теоретический характер, — она отражает повседневную практику, ту политику борьбы за мир, которую Советское государство ведет с момента своего возникновения.

От Декрета о мире, плана разоружения, представленного в Генуе в 1922 г., от проектов разоружения и постепенного сокращения вооружений, выдвинутых в 1927 и 1932 гг., прямая дорога ведет к проектам, предложенным советскими делегатами в ООН, выступающими за сокращение обычных вооружений, за запрещение атомного оружия и заключение Пакта Мира.

От вступления СССР в Лигу наций в надежде превратить ее в инструмент защиты мира прямой путь ведет к участию СССР в борьбе за превращение Организации Объединенных наций и ее важнейшего органа — Совета Безопасности в орудие предупреждения войны.

От разоблачения буржуазных «пацифистов» в период 1927—1930 гг., авторов политики «невмешательства» в испанские дела в период 1936—1938 гг. и «умиротворителей» фашизма, мюнхенцев и их социал-демократических слуг, проложивших путь гитлеровской агрессии, прямая дорога ведет к тому сопротивлению, которое советская политика оказывает современным их продолжателям, англо-американским поджигателям войны, авто-

---

¹ См. «Правда», 14 октября 1949 г.

рам агрессивных блоков и пактов и фабрикантам, производящим оружие массового уничтожения во имя осуществления космополитической идеи некоего подчиненного США «мирового правительства» — идеи, представляющей угрозу свободе народов и их мирному сотрудничеству.

Ог пактов о взаимной помощи и ненападении в 1924, 1932, 1935 и 1937 гг. прямой путь ведет к советскому проекту Пакта Мира. Из развитого И. В. Сталиным марксистско-ленинского принципа о праве наций на самоопределение вытекает советская политика защиты суверенитета наций, их равноправия в международных отношениях, политика, признающая законность национально-освободительной борьбы и выступающая за создание условий, благоприятных для политического, экономического и культурного развития каждой нации.

В борьбе за реальные международные гарантии прав человека, за эффективное противодействие преступлениям против мира и человечества, военным преступлениям, массовому уничтожению людей и расовой и национальной дискриминации советская политика опирается на обогащенное И. В. Сталиным учение марксизма-ленинизма.

Не из страха перед капиталистическим миром, а из желания избавить человечество от страданий и жертв советские люди стремятся к устранению вооруженных конфликтов и к уничтожению оружия массового истребления людей, к мирному сосуществованию двух систем.

«Советские люди, — говорит Г. М. Маленков, — не боятся мирного соревнования с капитализмом. Поэтому они выступают против новой войны, в защиту мира, хотя твердо знают и абсолютно уверены в своей несокрушимой силе»¹.

Не забывая, что политика — это дело рук человеческих, выражение воли, советские люди всегда выступали и выступают за то, чтобы международное соревнование облекалось в наименее вредные для жизни человека и для развития его культуры формы, в мирные формы.

---

¹ Г. М. Маленков, 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, доклад 6 ноября 1949 г., Госполитиздат, 1949, стр. 16.

Стремясь обеспечить мир, упрочение которого, по их мнению, — вещь вполне достижимая и желательная в условиях сосуществования различных социальных систем, советские люди боролись и борются за то, чтобы к тому же стремились и правительства капиталистических государств, чтобы эти правительства согласились отказаться от войны как средства политики.

Советские люди отлично знают, что, несмотря на все трудности, победа нового, прогрессивного над старым неизбежна, что в силу законов диалектики неизбежна победа социализма над капитализмом¹.

И только помня обо всем этом, можно правильно понять позицию СССР в вопросе об атомной энергии. Эта позиция является еще одним убедительным доказательством мирного характера советской политики и ее глубокой гуманности, ее стремления к развитию и прогрессу цивилизации, но также и доказательством ее силы. Ибо, полностью отдавая себе отчет в своем могуществе, правительство СССР изъясняло и продолжает выражать, обладая атомным оружием, свою готовность к деловым соглашениям в этой области, таким соглашениям, которые базировались бы на искренней воле к упрочению мира и предупреждению войны, разумеется — прежде всего войны с применением такого жестокого оружия, каким является атомная бомба. Советский Союз готов идти на любую форму контроля, но при единственном условии: равенство прав и обязанностей.

Отвечая на вопрос президента американского агентства Юнайтед Пресс г-на Хью Бэйли в октябре 1946 г.², в беседе с Эллиотом Рузвельтом в декабре 1946 г.³, а также в беседе со Стассеном⁴ И. В. Сталин неизменно подчеркивал, что не сомневается в возможности соглашения о международном контроле над атомной энергией.

Вопрос Эллиота Рузвельта гласил: «Если Вы считаете, что Объединенные нации должны контролировать атомную бомбу, то не должны ли они это делать путем инспекции, установления контроля над всеми исследова-

---

¹ М. Muszkat, Wielki chorąży sprawy pokoju, «Sprawy Międzynarodowe», 1949, No 3—4.

² См. «Большевик», 1946, № 6.

³ См. «Правда», 23 января 1947 г.

⁴ См. там же, 8 мая 1947 г.

тельскими институтами и промышленными предприятиями, производящими вооружение всех родов, и мирным использованием и развитием атомной энергии?»

«Конечно, — ответил И. В. Сталин. — На основе принципа равенства для России не должны делаться никакие исключения. Россия должна подчиняться тем же правилам инспекции и контроля, как и любые другие страны»¹.

Политика, проводимая Советским Союзом в Комиссии по атомной энергии ООН, целиком соответствует этому высказыванию.

Лучшим доказательством этого может служить содержание советских проектов контроля над атомной энергией.

Как известно, план международной инспекции, выдвинутый Советским Союзом, по мнению всех специалистов, в полной мере отвечает тем задачам, которые были поставлены основной резолюцией, принятой Генеральной Ассамблеей 24 января 1946 г. по вопросу об образовании Комиссии по атомной энергии.

Достаточно сослаться хотя бы на заявление такого авторитетного для американских властей учреждения, каким является Комитет по атомной энергии так называемого Фонда по поддержанию мира Карнеги.

В этом заявлении указывается, что лучшим средством не только против незаконного использования атомной энергии, но и против всяких других попыток использовать ее в области вооружений, является система международного контроля². В таком же духе определили целесообразность его введения и виднейшие английские ученые³.

Не удивительно поэтому, что даже американский радиокомментатор и небезызвестный журналист Болдуин, столь далекий от каких-либо симпатий к Советскому Союзу, призывал к тому, чтобы понять советскую позицию в этом вопросе вообще и советский проект контроля в частности⁴.

---

¹ «Правда», 23 января 1947 г.

² Doc. AEC/26, p. 115; цит. по First Report of the Carnegie Commission to study the Organization of Peace.

³ Złotowski, op. cit., cz. V (Przegląd Międz., No 17), str. 11.

⁴ «New York Times», October 22, 1945.

Но как только Советский Союз, руководствуясь интересами коллективной безопасности, совершенно чуждыми интересам авторов американских проектов, высказался за систему инспекции, она перестала удовлетворять правительственные круги США. Эти круги стали выдвигать все новые предложения, пока не решили потребовать таких форм контроля, которые лишили бы все государства (по существу, кроме США), и в первую очередь СССР, возможности применять атомную энергию, ибо отнимали у этих государств право собственности на все материалы и промышленные установки, передавая их в распоряжение международного органа, где хозяйничали бы по своему усмотрению исключительно американцы¹.

Советский проект, направленный на создание реальных условий сотрудничества в интересах мира, то есть в интересах коллективной безопасности всего человечества, исходит прежде всего из стремления к соглашению во имя мирного сосуществования народов. Этот проект ссылается, таким образом, на правовой порядок, на правовую квалификацию возможного применения атомной энергии в военных целях; эта квалификация является выражением международноправовых норм, уже принятых и обязательных для всего цивилизованного общества. В силу норм этого права, которое в настоящее время уже не является только обычным правом, не только агрессивная война стоит вне закона и представляет собой преступление. Вне закона стоит также как незаконное, как международное и общеуголовное преступление — применение средств массового уничтожения людей; к числу таких средств относится в первую очередь атомное оружие, ведущее к затяжке конфликта, увеличению объема разрушений, жертв и страданий, в то же время исключая возможность соблюсти принцип охраны невоюющего, то есть неповинного гражданского населения, а также открытых мест, не имеющих никаких военных объектов.

Представители СССР, выдвигая уже с самого начала именно эту мысль, должны были исходить и исходили из правильных и логически бесспорных предпосылок, с по-

---

¹ Złotowski, op. cit., cz. III, str. 8.

мощью которых легче всего прийти к соглашению; это последнее может быть достигнуто уточнением вопросов, принципиально уже согласованных, не вызывающих возражений с точки зрения правовой и для принятия которых требуется лишь наличие доброй воли.

К числу таких вопросов нельзя не отнести не только декларации об отказе от использования атомной энергии как средства войны, о признании незаконным эвентуальное его применение в военных целях, но, следовательно, и уничтожение запасов атомного вооружения.

Сохранение этих запасов могло бы привести лишь к одному результату — к преступлению, то есть к такому использованию, от которого нельзя не отказаться, если стоять на почве интересов коллективной безопасности.

Именно в этом духе, во всяком случае отвечающем резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН 24 января 1946 г., и был разработан советский «Проект международной конвенции о запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии в целях массового уничтожения», представленный советским делегатом А. А. Громыко уже на втором заседании Комиссии по атомной энергии 19 июня 1946 г.¹

Главные его принципы таковы:

1. Запрещение производства и применения атомного оружия.

2. Уничтожение в трехмесячный срок со дня вступления в силу конвенции всех запасов атомного оружия.

3. Признание, что факт нарушения запрета применять атомное оружие является тяжким преступлением против человечества.

4. Суровая наказуемость нарушения конвенции в соответствии с содержащимися в ней положениями, а также согласно уголовному законодательству каждой из держав, ее подписавших, что должно быть предусмотрено соответствующими нормами данной конвенции.

5. Неограниченный срок действия конвенции, которая вступает в силу после утверждения ее Советом Безопасности и после ратификации ее не менее чем половиной государств, подписавших ее, включая всех постоянных членов Совета Безопасности.

---

¹ См. «Правда», 23 июня 1946 г.

6. Обязательность для всех государств, независимо от того, являются ли они членами ООН или не являются, соблюдения принципов конвенции.

В целях возможно более быстрой реализации задач, поставленных Генеральной Ассамблеей перед Комиссией по атомной энергии, советский делегат предложил также учредить два комитета, в состав которых вошли бы представители государств, представленных в Комиссии.

Первый комитет должен заняться вопросами обмена научной информацией. В его задачи входит, между прочим, разработка рекомендации практических мер для обмена информацией по следующим вопросам: а) открытия в области расщепления атома, а также другие открытия, связанные с получением и использованием атомной энергии, б) технология и организация технологических процессов производства и применения атомной энергии, в) организация и методы промышленного производства атомной энергии, г) виды, источники и размещение атомного сырья.

Перед вторым комитетом была поставлена задача подготовить рекомендации, необходимые для предотвращения применения атомной энергии во вред человечеству, а именно:

1. Подготовка проекта международного договора об объявлении вне закона оружия, основанного на использовании атомной энергии, и о запрещении производства и применения этого оружия, равно как и аналогичных средств массового уничтожения.

2. Разработка эффективных методов для проведения в жизнь запрещения производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии, а также для предотвращения применения такого оружия и аналогичных средств массового уничтожения.

3. Разработка системы и средств организации контроля над использованием атомной энергии с целью обеспечить соблюдение вышеизложенных принципов международного соглашения об объявлении атомного оружия вне закона.

4. Разработка средств борьбы с незаконным использованием атомной энергии.

В начальной фазе работ Комиссии по атомной энергии, охваченных так называемым первым отчетом, пред-

ставленным Совету Безопасности 31 декабря 1946 г., почти совершенно не был принят во внимание советский проект, который прежде всего был направлен на укрепление мира и в связи с этим на запрещение использования атомного оружия. Дискуссия по поводу этого проекта, а также советские предложения, сформулированные в виде поправок и дополнений к этому первому отчету, были включены лишь во второй отчет, представленный Совету Безопасности 11 сентября 1947 г.

Второй отчет был представлен в связи с резолюцией Совета Безопасности 10 марта 1947 г., рекомендовавшей Комиссии по атомной энергии продолжать свою деятельность в целях устранения расхождений между позициями советской и американской¹.

Вследствие неуступчивости американской делегации эти расхождения не могли быть устранены в течение последнего года работы комиссии. Во втором отчете эти расхождения изложены в виде следующих дополнений и изменений, включения которых в первый отчет требовала советская делегация².

1. Эффективность контроля над атомной энергией зависит от эффективного контроля над производством и применением урана, тория и тому подобных поддающихся расщеплению веществ. Контроль, необходимый для предотвращения недозволенной переработки и тайного производства и применения, включая соответствующее ведение книг и инспекцию, должен применяться на различных стадиях производственного процесса, начиная от добычи руды и до выработки ядерного горючего и возможности его применения.

Право собственности международного органа контроля на рудники, а также на не добытую еще руду не является обязательным. Органы контроля и инспекции, действующие по поручению международного органа, должны иметь доступ ко всем существующим предприятиям по производству готовых атомных материалов (горючего) тотчас же после вступления в силу соответ-

---

¹ United Nations Doc. AEC/26, а также S/283, где опубликованы замечания советской делегации к первому отчету.

² United Nations Weekly Bulletin, March 4, 1947, p. 189—196; Doc. AEC/26, p. 74—88.

ствующей или соответствующих конвенций и образования международного контрольного органа.

2. Эффективная система контроля над атомной энергией должна иметь международный характер и должна опираться на разработанную многостороннюю конвенцию, применение которой должно быть обеспечено в рамках компетенции Совета Безопасности.

3. Международный договор, объявляющий вне закона производство, владение и применение атомного оружия, должен составить основную часть каждой системы международного контроля над атомной энергией. Конвенция, чтобы быть эффективной, должна быть дополнена положением о системе полного международного контроля, предусматривающей средства инспекции, могущие обеспечить соблюдение статей конвенции и защиту соблюдающих ее государств от возможного нарушения или обхода конвенции.

4. Цели системы международного контроля должны отвечать задачам, ради которых была образована Комиссия по атомной энергии и которые были указаны в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1946 г. по вопросу о принципах общего вооружения.

5. Организация системы международного контроля над атомной энергией, а также определение объема и задач этой системы должны быть осуществлены путем конвенции, в силу которой все государства — члены Объединенных наций допускаются к участию в ней на равных правах и с равными обязанностями.

Система международного контроля должна вступить в силу после того, как те члены Организации Объединенных наций, участие которых в системе контроля необходимо для обеспечения его успеха, возьмут на себя обязательство путем подписания и ратифицирования соответствующей конвенции одобрить и поддерживать эту систему. Необходимо также урегулировать вопрос об участии в системе контроля и тех стран, которые не являются членами ООН.

6. Конвенция должна предусмотреть также образование в рамках Совета Безопасности Международной контрольной комиссии, имеющей своей задачей эффективное выполнение ее постановлений и располагающей правами для быстрого их выполнения. Конвенция должна точно

определить компетенцию и объем ответственности и прав комиссии. Права ее должны быть достаточно широки и гибки, чтобы она была в состоянии справиться с задачами, которые могут возникнуть в связи с новыми открытиями в области атомной энергии. В частности комиссия должна всякими способами облегчить взаимный обмен между странами основной научной информацией о применении атомной энергии в мирных целях. В ее задачи входит также предупреждать возможность применения атомной энергии в военных целях и поощрять ее развитие в интересах населения всех государств. Органы контроля и инспекции должны выполнять свои задачи в соответствии с их собственным статутom, который должен предусматривать принятие решений в определенных случаях большинством голосов.

7. Конвенция должна постановить о запрещении производства, владения и применения атомного оружия всеми подписавшими ее государствами и их гражданами.

8. Конвенция должна предусмотреть уничтожение запасов изготовленного, а также не законченного еще производством атомного оружия.

9. Конвенция должна точно установить способы определения фактов ее нарушения, рассматриваемых как международные преступления, а также мер наказания в отношении лиц и государств, виновных в такого рода нарушениях.

Судебный или иной порядок такого определения нарушений конвенции, а также соответствующих мер наказания должен быть скорым и четким. Государства — участники конвенции, а равно Совет Безопасности должны быть без промедления осведомляемы о фактах серьезных нарушений конвенции.

10. Следует принять во внимание, что эвентуальное серьезное нарушение конвенции может оправдать использование права на необходимую самооборону, признанного на основании ст. 51 устава Организации Объединенных наций.

11. Конвенция должна охватить всю программу проведения в жизнь системы международного контроля над атомной энергией, а также план его полного и эффективного применения по истечении определенного переходного

периода и постепенной, а также регулярной его реализации с общего согласия сторон.

12. В целях возможно более скорого проведения в жизнь вышеизложенных требований и рекомендаций, равно как и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1946 г. по вопросу о принципах регулирования и общего сокращения вооружений, Совет Безопасности должен признать срочным рассмотрение проектов конвенции о запрещении атомного оружия и всех других основных видов вооружения, могущих служить средствами массового уничтожения.

Таким образом, основное расхождение между проектом большинства Комиссии по атомной энергии и позицией СССР вытекало из справедливого утверждения СССР, что эффективный международный контроль над атомной энергией в интересах коллективной безопасности требует: 1) чтобы, в соответствии с уставом ООН организация контроля опиралась на Совет Безопасности (принцип единогласия великих держав), 2) чтобы атомное оружие было объявлено вне закона, его производство запрещено и запасы уничтожены, 3) чтобы была создана система контроля, имеющая своей задачей только воспрепятствовать использованию атомной энергии в военных целях и, следовательно, не отчуждать вообще у отдельных государств месторождений урана и других видов атомного сырья. Но Советский Союз не ограничился только замечаниями по поводу отчета большинства комиссии, построенного почти целиком на американском проекте.

Советский делегат еще 11 июня 1947 г. предложил вполне обоснованный и конкретный проект международного контроля над атомной энергией¹.

В соответствии с приведенными выше замечаниями, сделанными ранее в связи с первым отчетом комиссии (американский проект), и желая пойти навстречу некоторым требованиям США, СССР включил в свой проект определенные ограничения так называемого права вето (замечание 6) и даже возможность действия вне рамок Совета Безопасности (замечание 10).

По советскому проекту контроль должен был иметь

---

¹ См. Приложение 6.

своей целью обеспечить использование атомной энергии исключительно в мирных целях, а также воспрепятствовать нарушению конвенции о запрещении атомного оружия. Ввиду этого проект предусматривал установление строгого международного надзора одновременно над всеми предприятиями по добыче атомного сырья и по производству материалов и атомной энергии.

Советский проект предусматривает в связи с этим создание специальной Международной контрольной комиссии в составе представителей государств, делегаты которых заседают в Комиссии ООН по атомной энергии, действующей в рамках Совета Безопасности и наделенной большими контрольными правами, на основе специальной конвенции, которая должна быть подписана одновременно с конвенцией о запрещении атомного оружия. Предусматривается, что Международная контрольная комиссия будет располагать персоналом международного характера, полномочным производить инспектирование всех центров добычи сырья и производства материалов, а также атомной энергии. В задачи комиссии должно войти также обследование во всем их объеме предприятий по добыче сырья и производству атомной энергии и, следовательно, ведения книг, складов, производственных процессов, условий технической эксплуатации, учет сырья, материалов и полуфабрикатов, а также представление рекомендаций по всем этим вопросам отдельным правительствам и Совету Безопасности, равно как и ведение расследования в тех случаях, когда возникает подозрение в обходе или нарушении правил конвенции о контроле и запрещении атомного оружия. Международной контрольной комиссии должен быть обеспечен доступ ко всем атомным предприятиям, возможность обследования технологии производства и проведения обмеров или анализов и право требовать необходимых разъяснений.

Однако предполагалось, что Международная контрольная комиссия не может лишать отдельные государства права на ведение самостоятельных научных исследований для использования атомной энергии в мирных целях. Напротив, проводя научные исследования в рамках своей компетенции, эта комиссия должна была бы сотрудничать в этом вопросе с национальными организа-

циями и облегчить им работу, установив самый широкий обмен информацией, консультацию и конкретную техническую помощь силами своих собственных испытательных станций, лабораторий и предприятий.

Одним словом, советский проект ставил своей целью обеспечить путем создания Международной контрольной комиссии эффективное выполнение тех задач, ради которых и была создана Комиссия по атомной энергии ООН.

Основное внимание в советском проекте уделялось вопросу об устранении опасности, которая могла бы возникнуть в результате использования атомной энергии в военных целях. Для того чтобы свести к минимуму эту опасность или же полностью ее устранить, в проекте указывалось на готовность подвергнуть суверенитет всех государств принципиальным и существенным ограничениям, без чего международный контроль вообще не может быть реализован.

С другой стороны, Международная контрольная комиссия мыслилась как такого рода международный орган, который должен стать орудием развития науки и техники вообще и, таким образом, может сыграть также роль фактора, способствующего экономическому развитию всех государств, как больших, так и малых.

Советский проект был разработан в соответствии с принципами соглашения на Московской конференции 27 декабря 1945 г. и с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 24 января 1946 г. Вот основные положения этого проекта:

1. Запрещение применения и производства атомной энергии в военных целях, немедленное уничтожение всех имеющихся для военных целей запасов атомного оружия и применение атомной энергии исключительно в мирных целях, а также эффективная система строгого международного контроля и инспекции для реализации вышеизложенных целей.

2. Соблюдение принципов устава Организации Объединенных наций и компетенции отдельных органов ООН, в особенности Совета Безопасности, как органа, на который прежде всего ложится ответственность за поддержание международного мира и безопасности, и образование международного контроля и инспекции в соответствии с этими принципами.

3. Коллективная безопасность, которая может быть обеспечена исключительно путем соблюдения принципа единогласия великих держав в вопросе о средствах защиты мира и прежде всего в Совете Безопасности, как органе этого единогласия, преимущественно перед всеми другими международными органами, и, следовательно, и запроектированным органом контроля.

4. Соблюдение суверенных прав всех народов и их сотрудничество в мирном развитии путем создания благоприятных условий для использования атомной энергии при помощи возможно более широкого международного обмена информацией и освобождения от бремени вооружений.

5. Воля к соглашению и взаимному доверию путем отказа от применения атомной энергии в военных целях и уничтожение оружия, могущего служить этим целям.

Стремясь к упрочению мира и к созданию для этого международного контроля над производством атомной энергии и к облегчению соглашения по этому вопросу, Советский Союз пошел на далеко идущие уступки, согласившись принять ряд американских предложений. Эти предложения касались готовности признать право контрольной комиссии в некоторых случаях принимать решения обыкновенным большинством голосов, а также применять ст. 51 устава ООН о самообороне без предварительного принятия решения Советом Безопасности, равно как в некоторых случаях, хотя и не являющихся актами вооруженной агрессии, нарушения конвенции о контроле. Эти предложения касались также создания системы инспекции, наделения контрольной комиссии правом производить различного рода обследования и т. д.

Советский Союз отказался, кроме того, от своей первоначальной позиции, в силу которой заключение конвенции о контроле над производством атомной энергии должно было предшествовать заключению конвенции о запрещении применения атомного оружия, и согласился на одновременное подписание обеих конвенций.

Советские уступки не повлекли за собой, однако, никаких уступок с американской стороны; как мы видели, американцы не только придерживались выдвинутых ими жестких условий, но и стремились заменять их другими и все более отдаляли возможность соглашения.

Что касается технических сторон советского проекта, то, как явствует из цитированных уже нами источников — как американских, так и английских, предложенная Советским Союзом система инспекции была признана наиболее целесообразной, способной наиболее эффективным образом обеспечить осуществление тех именно задач, ради которых Комиссия, собственно, и была создана.

Здесь следует подчеркнуть, что предлагая свой построенный на приведенных выше принципах проект Комиссии международного контроля над атомной энергией, Советский Союз наилучшим образом показал, насколько его политике чуждо стремление к изоляции; он показал также готовность открыть перед контролем свою страну, ее колоссальные природные богатства и огромный промышленный потенциал, если это может служить обеспечению мира и международному сотрудничеству, которого так жаждет человечество.

Тем не менее большинство Комиссии заявило, что советский проект не отвечает тем требованиям контроля, которые эта Комиссия признала обязательными на основе американского плана, утвержденного в качестве базы для дискуссии.

Весьма характерно, что, став на такую точку зрения, ни большинство Комиссии в целом, ни отдельные ее члены никогда не считали нужным объяснить, почему именно советский проект не может обеспечить эффективного контроля, каким именно ее требованиям и почему он не отвечает. Дискуссия по поводу советского проекта ограничилась лишь несколькими замечаниями, поскольку отрицательное отношение к проекту в целом было предрешиено, и члены Комиссии не давали себе труда вникать в его подробности¹.

Когда же большинство Комиссии по атомной энергии под давлением США 17 мая 1948 г. постановило приостановить свою деятельность под предлогом невозможности достигнуть соглашения и направило три своих предыдущих отчета на рассмотрение очередной (III) сессии Генеральной Ассамблеи ООН, советская делегация перенесла центр тяжести своей борьбы за запрещение атомного оружия и за эффективный контроль в другие органы

---

¹ Doc. AEC/26, p. 233—241.

ООН и прежде всего — в Генеральную Ассамблею и в Совет Безопасности.

Представленные III сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций итоги более чем двухлетних работ Комиссии по атомной энергии и причины их бесплодности убедительно охарактеризовал польский министр иностранных дел Модзелевский в своем выступлении 23 сентября 1948 г. Он заявил, что «мы приходим на эту сессию без всяких положительных результатов в этом важном деле» (общее разоружение) и что «достаточно взглянуть на непрерывно растущие военные бюджеты некоторых государств, на все растущие прибыли банкиров Уолл-стрита, заинтересованных в военной промышленности, чтобы объяснить все имевшие место неудачи».

Выступая 25 сентября 1948 г. на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций А. Я. Вышинский указал, что работы Комиссии по атомной энергии не могли принести результатов, так как правительство США уклоняется от разрешения основного вопроса — вопроса об изъятии атомного оружия из арсенала отдельных государств. А. Я. Вышинский указывал, что необходимость запрещения атомного оружия вытекает из самой природы этого вида оружия, которое может служить инструментом агрессивной войны и массового уничтожения городов и гражданского населения, и настаивал, в соответствии с советским проектом, на немедленном запрещении этого оружия и установлении строгого контроля над выполнением этого запрещения.

А. Я. Вышинский подчеркнул при этом, что против запрещения возражают исключительно те круги, которые хотят удержать в своих руках это оружие как средство задуманной ими агрессии, круги, которые последние свои надежды связывают с этим оружием, утешая себя иллюзиями, будто им удастся осуществить свои военные планы даже против воли своего народа или значительного его большинства. Вот почему представители США срываюи всякие попытки соглашения и разговорами о вопросах, даже уже согласованных, стараются замаскировать тот факт, что они вовсе и не стремятся к какому-либо соглашению об эффективных формах контроля. Они готовы

одобрить лишь такой вид контроля, который, не будучи международным, по сути дела позволил бы американцам вмешиваться во внутренние дела отдельных государств.

Обращая внимание на то, что в американском проекте совершенно обходится вопрос о запрещении применения атомного оружия и вопрос об эффективном контроле над предприятиями по атомной энергии, а делается ударение на проблеме контроля над сырьем, А. Я. Вышинский заявил, что цель этого проекта — обеспечить за США доступ к источникам сырья при сохранении за этой страной неограниченных возможностей производить атомные бомбы без какого бы то ни было контроля вообще. Вышинский отверг такого рода концепцию и настаивал на принятии советских тезисов, в силу которых контроль подлежит производство атомной энергии с момента добычи сырья и до выпуска готовой продукции. Рассматривая атомную проблему в общей связи с проблемой разоружения и борьбы за прочный мир, за устранение опасности войны в целом, советская делегация предложила III сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции следующего содержания:

«Отмечая, что до сего времени практически ничего не сделано по проведению в жизнь решения Ассамблеи от 24 января 1946 года по атомной энергии, а также решения от 14 декабря 1946 года «О принципах, определяющих всеобщее регулирование и сокращение вооружений»; признавая первоочередной задачей запрещение производства и использования атомной энергии в военных целях;

признавая, что всеобщее существенное сокращение вооружений отвечает задачам установления прочного мира и укрепления международной безопасности и соответствует интересам народов в облегчении тяжелого экономического бремени, ложащегося на них в результате чрезмерно больших и все возрастающих расходов на вооружение в различных странах;

учитывая, что великие державы — постоянные члены Совета Безопасности обладают подавляющей массой вооруженных сил и вооружения и несут главную ответственность за поддержание мира и всеобщей безопасности;

в целях укрепления дела мира и устранения угрозы новой войны, разжигаемой экспансионистами и другими реакционными элементами, —

Генеральная Ассамблея рекомендует постоянным членам Совета Безопасности — Соединенным Штатам Америки, Великобритании, Союзу Советских Социалистических Республик, Франции и Китаю — в качестве первого шага в деле сокращения вооружений и вооруженных сил все наличные сухопутные, морские и воздушные силы сократить на одну треть в течение одного года.

Генеральная Ассамблея рекомендует запретить атомное оружие, как оружие, предназначенное для агрессивных целей, а не для целей обороны.

Генеральная Ассамблея рекомендует для наблюдения и контроля за проведением в жизнь мероприятий по сокращению вооружений и вооруженных сил и по запрещению атомного оружия учредить в рамках Совета Безопасности международный контрольный орган¹.

Но с самого начала работ III сессии Генеральной Ассамблеи ООН американская делегация показала, что она и не собирается обсуждать предложения, направленные на упрочение мира. Она провела резолюцию в Политическом комитете о том, чтобы отчеты Комиссии по атомной энергии рассматривались до обсуждения советского предложения о сокращении вооружений великими державами на одну треть и о запрещении атомного оружия.

Ясно, что делегация США стремилась навязать американскую точку зрения на данный вопрос. Эта точка зрения, как известно, сводилась к тому, чтобы вместо резолюции о запрещении атомного оружия принять вытекающий из плана Баруха американский проект «контроля», то есть проект образования под наименованием Международного контрольного органа своего рода концерна, в котором все вопросы решало бы послушное США большинство и при помощи которого одной только Америке, продолжающей производство атомных бомб, был бы обеспечен, сверх того, контроль над атомным сырьем во всем мире.

Ввиду того, что советское предложение фигурировало в качестве второго пункта повестки дня, американский

---

¹ «Правда», 26 сентября 1948 г.

делегат Остин решил, что легче всего похоронить его, если начать с рассмотрения плана контроля. С великой поспешностью был сфабрикован проект канадской резолюции, о которой даже докладчик, генерал Мак-Ногтон, не мог сказать ничего иного кроме того, что она «отвечает в общих чертах позиции США в Совете Безопасности» и что «ввиду недостатка времени нельзя было избежать в ней неточностей и ошибок».

Канадский проект опирался на план Баруха. Обходя вопрос о запрещении атомного оружия и о необходимости возобновления работ Комиссии по атомной энергии для рассмотрения этого вопроса и выработки эффективных форм контроля, этот проект резолюции рекомендует создание международного контрольного органа в соответствии с пожеланиями американских монополистов.

Секретариат ООН не успел даже своевременно перевести этот проект на соответствующие языки, и текст его был роздан делегатам, вопреки регламенту, только на английском языке, и лишь по этой причине, в связи с протестом советской делегации, не был тотчас же принят путем приведения в действие послушной Америке машины голосования.

Уже самый факт составления проекта, рассчитанного на образование международного контрольного органа еще до того, как состоялись переговоры по вопросу о запрещении атомного оружия, изобличает цель авторов проекта. Представители всех демократических стран и, прежде всего, Советского Союза, выступая в Политическом комитете, вскрыли сущность проекта; хотя и замаскированный сложными формулировками, он был явно направлен против основных принципов устава ООН. Решительно высказываясь против канадской резолюции, а также против рекомендации о перерыве работ Комиссии по атомной энергии, как вредной для дела мира, А. Я. Вышинский заявил, что США, все еще настаивая на предоставлении им особых привилегий, напрасно тешат себя иллюзией, будто они могут сохранить за собой монополию в области атомной энергии. Американская делегация основывалась не на том, осуществлены ли ее требования, а исходила из стремления продлить состояние военного психоза, используя для этого канад-

ский проект, для которого, по словам Мануильского, характерны псевдонаучные подробности, запутывающие проблему в целом; при этом делегация не проявляла ни малейшей готовности искать соглашения на приемлемой для всех основе.

Наоборот, когда стало ясно, что советское предложение продолжить работы Комиссии по атомной энергии для изыскания дальнейших возможностей соглашения имеет явные шансы получить поддержку даже со стороны государств, всегда идущих слепо за Соединенными Штатами (что нашло свое выражение в поправках, внесенных делегацией Сирии), тотчас же нашлись средства воздействия на строптивых, и они были призваны к порядку.

О том, каким серьезным конструктивным вкладом в дело борьбы за мир было советское предложение, ясно свидетельствует тот факт, что даже делегат Австралии, несомненно под влиянием этого предложения, счел канадское предложение «слишком негативным» и предложил рекомендовать Комиссии возобновить работу «в целях устранения расхождений, существующих между меньшинством и большинством». За возобновление работ Комиссии по атомной энергии высказались, впрочем, также делегаты Венесуэлы, Индии, Новой Зеландии и других государств.

Не удивительно, что представитель Канады вынужден был в конце концов заявить, что он и не думал рекомендовать прекращение работ Комиссии, и голосовал за образование подкомиссии по этому вопросу.

О силе аргументации Советского Союза и поддерживающих его демократических стран свидетельствует дискуссия, развернувшаяся по этому вопросу в Политическом комитете. Характерен в этом отношении обмен мнениями между американским делегатом и верным его подголоском — лидером бельгийских правых социалистов министром Спааком.

Тщетно упрашивал Спаак американцев согласиться с тем, чтобы в вводную часть резолюции о создании подкомиссии для рассмотрения советского предложения (предусматривающего одновременное заключение конвенции об уничтожении существующих запасов бомб и конвенции о введении международного контроля над

производством атомной энергии) были включены совершенно невинные, казалось бы, слова: «в целях достижения общего соглашения».

Спаак придавал особое значение этим словам по двум соображениям: во-первых, потому, что ранее он публично высказался за их принятие, предварительно не проконсультировавшись со своими американскими хозяевами, и ввиду этого ему было бы неудобно отступить от раз занятой им позиции, так как этим он разоблачил бы себя как простого исполнителя приказов государственного департамента; во-вторых, потому, что Спааку легче было при помощи этих слов обмануть общественное мнение, создавая видимость, будто он готов достигнуть соглашения с СССР — и даже на базе предложений, отвечающих стремлениям многомиллионных народных масс во всем мире.

По предложению французского министра правого социалиста Рамадье, пришедшего на помощь Спааку, резолюция была принята без «опасных» слов. Но, как отчетливо подчеркнули министр Мануильский и посол Польши Ланге, речь шла именно лишь о возможности компромисса и соглашения относительно общей конвенции по вопросу об атомной энергии в целом.

Сопротивление американцев, таким образом, показало, что они боятся больше соглашения, чем самых атомных бомб, и отвергают самую возможность общего соглашения и примирения различных точек зрения.

Эта позиция англо-американских государств, а также поддерживающих их стран особенно ясно сказалась в ходе дискуссии по советскому предложению о сокращении вооружений великими державами на одну треть и о запрещении атомного оружия. Как указал А. Я. Вышинский, отклонение советской резолюции и выдвижение тезиса «сперва гарантии безопасности, а затем сокращение вооружений», по сути дела, есть не что иное, как возврат к формулам, провозглашенным еще 20 лет тому назад в Лиге наций Поль-Бонкуром, формулам, воплотившимся в Локарнском договоре.

Авторы гарантий безопасности, предусмотренных этим договором, как известно, держали экзамен в Мюнхене, где окончательно была проложена дорога для гитлеровской агрессии.

Англо-американский тезис о приоритете гарантий перед сокращением вооружений и ныне преследует лишь одну цель — саботировать сокращение вооружений и запрещение атомного оружия, а также при помощи таких договоров, как Атлантический пакт и опирающиеся на него военные союзы, готовить новую агрессию, а не укреплять мир.

Таким образом, этот тезис имеет в виду не общее соглашение, а соглашение, специально направленное против Советского Союза и стран народной демократии.

На заседании Генеральной Ассамблеи 4 ноября 1948 г. за советское предложение — несмотря на то, что ряд его тезисов в ходе дискуссии был поддержан делегатами нескольких стран, — было подано только 6 голосов; 5 делегатов воздержались, 40 — голосовали против. Этим же большинством в 40 голосов была утверждена канадская резолюция.

Совершенно так же отнеслись государства англо-американского блока к обсуждавшемуся в первом политическом комитете Генеральной Ассамблеи советскому предложению, на основании которого Генеральной Ассамблее поручалось рекомендовать Совету Безопасности и Комиссии по атомной энергии продолжать свои работы в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи 24 января и 14 декабря 1946 г. и составить проекты конвенций о запрещении атомного оружия и об установлении эффективного международного контроля и одновременного их подписания и проведения в жизнь¹.

Махинации империалистов вокруг атомной проблемы на III сессии Генеральной Ассамблеи метко охарактеризовал В. М. Молотов в своем докладе о 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Он сказал:

«Больше месяца обсуждался этот вопрос в Генеральной Ассамблее и ее комитетах. Под всякими предлогами великие державы не соглашались на сокращение своих вооруженных сил и вооружений, а также на запрещение атомного оружия и добились принятия Генеральной Ассамблеей угодной им резолюции.

---

¹ Annual Report of the Secretary-General on the Work of the Organization, July 1, 1948 — June 13, 1949.

Представители Соединенных Штатов и Англии особенно недружелюбно встретили наше предложение о запрещении атомного оружия. Они не могут опровергнуть бесспорное утверждение, что атомная бомба — это оружие агрессии, а не оружие обороны, что оно предназначено для массового уничтожения мирных жителей и, главным образом, больших городов, и что об использовании такого оружия могут мечтать только фашистские изверги, а не представители свободных народов. Но те, кого товарищ Сталин назвал послушными «учениками Черчилля по агрессии», ищут всяких поводов, чтобы не допустить запрещения преступного атомного оружия.

В этом отношении все более определяются два основных лагеря в общественном мнении.

В Соединенных Штатах Америки за запрещение атомного оружия выступила недавно возникшая прогрессивная партия и многие американские ученые и общественные деятели, не говоря уже о миллионах трудящихся, голос которых не находит отражения в купленных и наемных органах желтой буржуазной печати. Летом прошлого года в так называемом «рабочем комитете» при Атомной комиссии Совета Безопасности большинство государств, включая и Англию, высказались за уничтожение атомных бомб, хотя из-за давления со стороны США они недолго удержались на этой позиции. Давно известно, что многие английские ученые считают позицию Советского Союза в этом вопросе правильной. Нет сомнения, что в любой стране число сторонников запрещения атомного оружия составляет подавляющее большинство народа, хотя это и не находит своего отражения в Генеральной Ассамблее.

Чем упорнее будет сопротивление со стороны агрессивных элементов запрещению атомного оружия, тем все больше будет углубляться раскол между силами агрессии и империализма, с одной стороны, и силами, защищающими дело укрепления всеобщего мира и демократии, с другой стороны. Из этого следует, что с каждым днем будет расти изоляция сторонников атомного оружия в международном общественном мнении. Из этого также следует, что, возглавляя борьбу за запрещение преступного атомного оружия, Советский Союз стоит во главе

всех миролюбивых народов, во главе передовых людей всего мира»¹.

Когда в феврале 1949 г. Комиссия по атомной энергии возобновила свою работу и канадский делегат внес проект резолюции, по существу лишавшей Комиссию возможности выполнять такие ее задачи, как проведение в жизнь запрета применения и производства атомного оружия и создание эффективной системы контроля, Советский Союз еще раз подтвердил свою положительную и твердую позицию мира в вопросе об атомной энергии.

Желая точно определить сферу деятельности Комиссии по атомной энергии и обеспечить эффективное и полноценное выполнение ею задач, возложенных на нее резолюциями Генеральной Ассамблеи 24 января и 14 декабря 1946 г., Советский Союз выступил с конкретными предложениями как в Совете Безопасности (17 февраля 1949 г.), так и в Комиссии по атомной энергии.

Внесенное СССР 25 февраля 1949 г. предложение призывало Комиссию по атомной энергии:

«1) немедленно приступить к выработке проекта конвенции о запрещении атомного оружия и проекта конвенции о контроле над атомной энергией, исходя из того, что обе конвенции должны быть заключены и введены в действие одновременно.

2) Представить Совету Безопасности проекты упомянутых в пункте первом конвенций к первому июня 1949 года»².

Занятая Советским Союзом позиция не только разоблачала подлинные намерения атомных монополистов с Уолл-стрита и их подголосков, направленные на приостановку деятельности Комиссии но и — как подчеркнул советский делегат Малик — отражала то, чего требовали народы всего мира, совесть которых не может терпеть варварских планов тех, кто готовится применить оружие агрессии и массового уничтожения, каким является атомное оружие, и кто сопротивляется запрещению этого оружия.

Механическим большинством голосов Комиссия по

---

¹ В. М. Молотов, 31-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, доклад 6 ноября 1948 г., Госполитиздат, 1948, стр. 25—27.

² «Правда», 28 февраля 1949 г.

атомной энергии отклонила советские предложения, даже не подвергнув их обсуждению по существу, на том основании, что бессмысленно и бесцельно снова обсуждать предложения, ранее уже отвергнутые. Так снова отчетливо проявилось стремление превратить Организацию Объединенных наций в послушное орудие англо-американского империализма.

Последовательная и непреклонная позиция Советского Союза в вопросе о средствах массового уничтожения и агрессии не подверглась изменению и тогда, когда стало ясно, что не существует более секрета атомной бомбы и что Советский Союз уже в течение определенного времени владеет этим секретом.

В опубликованном 25 сентября 1949 г. сообщении ТАСС, подтверждавшем этот факт, делалось особое ударение на том, что данное обстоятельство не окажет никакого влияния на позицию Советского Союза в вопросе об атомной энергии. В сообщении ясно указывалось: «Следует сказать, что Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия.

Относительно контроля над атомным оружием нужно сказать, что контроль будет необходим для того, чтобы проверить исполнение решения о запрещении производства атомного оружия»¹.

В то время как атомные империалисты использовали сообщение ТАСС для еще большего разжигания военной истерии и оправдания своей политики тотальной военной подготовки, а объединенный комитет конгресса США по вопросам исследования атомной энергии заявил в декабре 1949 г., что «США должны производить больше бомб, более мощные бомбы и изготавливать их скорее», делегация СССР на IV сессии Генеральной Ассамблеи внесла от имени советского правительства проект резолюции, требующей, в числе другого, признать применение атомного оружия и другого оружия массового уничтожения противоречащим совести и чести народов и несовместимым с принадлежностью к Организации Объединенных наций, а также признать недопустимой

---

¹ «Правда», 25 сентября 1949 г.

дальнейшую оттяжку в принятии ООН решения о безусловном запрещении атомного оружия и введении строгого международного контроля.

Советский проект гласил:

«Первое. Генеральная Ассамблея осуждает ведущуюся в ряде стран, в особенности в Соединенных Штатах Америки и в Великобритании, подготовку новой войны, выражающуюся в поощряемой правительствами пропаганде войны, в гонке вооружений и раздувании военных бюджетов, ложащихся тяжелым бременем на население, в создании многочисленных военных, военноморских и военно-воздушных баз на территориях других стран, в организации военных блоков государств, преследующих агрессивные цели в отношении миролюбивых демократических стран, и в проведении других мероприятий с агрессивными целями.

Второе. Подобно тому как цивилизованные нации уже давно осудили как тягчайшее преступление против человечества использование ядовитых газов и бактериологических средств в военных целях, Генеральная Ассамблея признает противоречащим совести и чести народов и несовместимым с принадлежностью к Организации Объединенных наций использование атомного оружия и других средств массового уничтожения людей, считая недопустимыми дальнейшие оттяжки в принятии Объединенными нациями практических мер по безусловному запрещению атомного оружия и по установлению соответствующего строгого международного контроля.

Третье. Генеральная Ассамблея призывает все государства разрешать свои споры и разногласия мирными средствами, не прибегая к использованию силы или к угрозе силой. Генеральная Ассамблея, отмечая при этом непреклонную волю и решимость народов предотвратить угрозу новой войны и обеспечить сохранение мира, что нашло свое выражение в могучем народном движении во всех странах за мир и против поджигателей войны, и имея в виду, что главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности несут пять держав— постоянных членов Совета Безопасности, единодушно выражает пожелание, чтобы Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Китай, Франция и Советский Союз

объединили с этой целью свои усилия и заключили между собой Пакт по укреплению мира»¹.

Выдвигая предложение о заключении пятью великими державами — Советским Союзом, Соединенными Штатами, Великобританией, Францией и Китаем Пакта об укреплении мира, осуждающего оружие массового уничтожения, Советский Союз исходил из ленинско-сталинской концепции о возможности мирного сосуществования и соревнования государств с различными социально-экономическими системами. Тем самым, как подчеркивал Г. М. Маленков в своем докладе о 32-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Советский Союз еще раз доказал, что стоит на позиции мира и защищает мир.

Поджигатели войны отвергли и эту советскую мирную инициативу.

Не изменилась их позиция и на следующей сессии ООН. Они еще углубили пропасть, отделяющую их от народных масс в обстановке усиливающегося всемирного движения защитников мира, все более и более обнаруживая тем самым свою моральную слабость и изолированность как в мировом общественном мнении, так и среди собственных народов.

Осенью 1950 г., в самом начале V сессии Генеральной Ассамблеи ООН, государственный секретарь США Ачесон, прозванный отцом «плана Маршалла», цинично заявил, что главным препятствием на пути разрешения атомной проблемы является политика СССР. Недаром один из друзей Ачесона, говоря о нем, как о соавторе доктрины Трумэна, сказал, что «его (Ачесона) идеология — это ненависть к СССР». Известно также, что на свой пост он был назначен после долголетней службы в качестве советника наиболее агрессивных военных монополий США².

Ачесон повторил в своем выступлении на этой сессии Генеральной Ассамблеи то, что ранее неоднократно заявлялось от имени государственного департамента и что нашло свое наиболее отчетливое выражение в официальном документе этого ведомства от июля 1950 г., озаглавленном «Атомная энергия и внешняя политика».

---

¹ «Правда», 25 сентября 1949 г.

² См. Desanti i Haroche, op. cit., p. 46—47.

«В этом документе, — как указал в своем выступлении 12 декабря 1950 г. А. Я. Вышинский, — в совершенно искаженном виде изображалась позиция в этом вопросе Советского Союза, который якобы отвергает, как говорится в меморандуме, «идею сильной международной власти», имея в виду контрольную власть, и который будто бы стремится позволить «будущему нарушителю производить бомбы практически все время без страха быть обнаруженным»¹.

Из анализа американского проекта «контроля» над производством атомной энергии ясно видно, что лживое утверждение Ачесона и названного выше документа можно целиком отнести лишь к этому проекту — и притом без риска быть обвиненным в искажении его существа.

Из анализа советского проекта международного контроля над производством атомной энергии можно и должно видеть, что Советский Союз сделал все — и не без успеха, — чтобы разоблачить тех, кто заинтересован в дальнейшем производстве атомного оружия исключительно в агрессивных целях. При этом Советский Союз предложил план эффективного международного контроля, принятие которого могло бы сорвать осуществление этих целей.

Одобрение предусмотренных советским проектом правомочий Международной контрольной комиссии могло бы практически способствовать созданию сильного и эффективного международного органа власти с широкими полномочиями, особенно в области инспекции по отношению к отдельным государствам. Советский Союз доказал, что в интересах защиты мира он готов идти на создание такого органа, который обладал бы правом доступа в любую минуту к любому предприятию, занимающемуся добычей, производством и эксплуатацией атомной энергии.

Уточняя в письменном виде 5 сентября 1947 г. свою позицию в связи с сомнениями, высказанными по поводу советского проекта английским делегатом в Комиссии по атомной энергии Кадоганом, советское правительство подтвердило, что помимо периодического контроля и инспекции оно считает справедливым и правильным обложить Контрольную комиссию правом производить специальные

---

¹ «Правда», 16 декабря 1950 г.

исследования на основании: 1) сообщения одного или нескольких правительств, 2) решения Международной контрольной комиссии на основании несоответствия между наличием ядерного горючего и данными отчетности или сообщения инспекторов Международной контрольной комиссии¹.

Вот почему нельзя, не вступая в противоречие с истинной, утверждать, что СССР был когда-либо противником эффективного международного контроля над производством атомной энергии или же что он не проявлял доброй воли в вопросе о создании сильного международного органа власти для проведения такого контроля и связанной с ним инспекции; нельзя также бросить Советскому Союзу упрека в том, будто он не проявлял готовности идти навстречу американским требованиям.

Не помогла, однако, ни добрая воля к достижению соглашения, неизменно проявлявшаяся советским правительством, ни его готовность идти на уступки и фактический отход от некоторых ранее выдвинутых им условий, как, например, по вопросу о принятии Контрольной комиссией определенных решений большинством голосов, по вопросу об инспекции и т. д.

Напротив, чем больше Советский Союз стремился к тому, чтобы конкретно уточнить имеющиеся расхождения и путем дискуссии достигнуть соглашения и прежде всего фиксировать те моменты, в отношении которых достигнута полная договоренность, тем чаще американская делегация меняла свою позицию, выдвигая все новые требования, по которым оказывалось все труднее достигнуть соглашения.

Так именно обстояло дело, когда американская делегация потребовала передать проектируемому международному органу на праве собственности заводы по производству атомной энергии вместо права контролирования этих заводов. Так обстояло дело, далее, когда американская делегация прямо выступила против некоторых делегаций в вопросе о принципе единогласия великих держав в Контрольной комиссии, а также в связи с предложением уничтожить запасы атомного оружия; летом 1947 г. в течение некоторого времени с этим соглашались все делегаты, участники рабочего комитета Комиссии по

---

¹ См. выступление А. Я. Вышинского, «Правда», 16 декабря 1950 г.

атомной энергии, в том числе и представители Великобритании.

Можно без труда и с абсолютной достоверностью утверждать, что все без исключения адвокаты американского проекта, начиная от самого Баруха, не считали себя связанными раз выдвинутыми ими требованиями. Не соглашаясь никогда на их смягчение, они в то же время считали целесообразным расширять эти требования с явной целью не допустить соглашения, выдвигая все новые и все более трудные либо вообще совершенно неприемлемые для других сторон условия.

Не проявляя, таким образом, никакой готовности найти базу для сотрудничества, американские делегаты тем самым показали, что по существу они и не заинтересованы в развитии мирных международных отношений. Они вместе с тем показали, что стремятся вопреки интересам коллективной безопасности скрыть от всего света за настоящим железным занавесом состояние своих атомных вооружений, предназначенных исключительно для агрессивных целей.

В беседе с корреспондентом «Правды» 28 октября 1948 г. Генералиссимус Сталин, разъясняя на примере так называемого берлинского вопроса механику, применяемую империалистическими государствами в ходе переговоров, сказал:

«Дело в том, что вдохновители агрессивной политики в США и Англии не считают себя заинтересованными в соглашении и сотрудничестве с СССР. Им нужно не соглашение и сотрудничество, а разговоры о соглашении и сотрудничестве, чтобы, сорвав соглашение, взвалить вину на СССР и «доказать» этим невозможность сотрудничества с СССР. Поджигатели войны, стремящиеся развязать новую войну, более всего боятся соглашений и сотрудничества с СССР, так как политика соглашений с СССР подрывает позиции поджигателей войны и делает беспредметной агрессивную политику этих господ. Именно поэтому они срывают уже состоявшиеся соглашения, дезавуируют своих представителей, выработавших вместе с СССР такие соглашения, переносят вопрос в Совет Безопасности в нарушение Устава Организации Объединенных наций, где они имеют обеспеченное большинство и где они могут «доказать» все, что им угодно. Все это для того, чтобы «показать» невозможность сотрудничества с

СССР, «показать» необходимость новой войны и тем подготовить условия для развязывания войны»¹.

Слова эти можно целиком отнести и к характеристике отношения англо-американских государств и их подголосков к атомной проблеме.

Факты показывают, что не отсутствие со стороны СССР готовности подчиниться принципам так называемого международного контроля и не отсутствие доброй воли к достижению соглашения могло служить помехой для Комиссии по атомной энергии в разрешении Организацией Объединенных наций атомной проблемы в интересах мира.

Наоборот, именно отсутствие доброй воли со стороны США, готовность американских делегатов подчиниться только такому международному контролю, который обеспечил бы Америке монопольное положение и который, по сути дела, был бы не международным контролем, а контролем США над всем миром, — и должны были привести работы Комиссии в тупик. «Причина тупика, — указывал А. Я. Вышинский, — заключается именно в том роковом положении, при котором американские монополии и американское правительство, являющееся исполнительным комитетом американских монополистов, не желают запрещать атомного оружия и придумывают для этого всякого рода способы, чтобы уйти от необходимости заняться по-настоящему этим вопросом. Отсюда всякого рода поклепы на наш план, на советский план, который якобы никакой ценности не представляет». Но «предложения Советского Союза, его план отвечают полностью коренным жизненным интересам всех миролюбивых народов, всего человечества». И «только путь, намеченный Советским Союзом, путь безусловного запрещения атомного оружия и одновременного введения строгого международного контроля может обеспечить устранение угрозы новой войны и укрепление мира и безопасности народов»².

Вступление на этот путь требует международное движение сторонников мира, объединяющее сотни миллионов людей во всем мире, непрерывно расширяющее свои ряды и представляющее собой силу, способную разрушить планы тех, кто пытается преградить человечеству этот путь.

---

¹ «Правда», 29 октября 1948 г.

² Там же, 17 декабря 1950 г.

Глава седьмая

ПОЗИЦИЯ ПОЛЬШИ

Польская делегация одной из первых подняла на Генеральной Ассамблее Объединенных наций вопрос о том, чтобы направить все усилия международной организации на использование атомной энергии в мирных целях, для нужд восстановления и дальнейшего развития послевоенной экономики всех стран. В этом бесспорная заслуга Польши.

На заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций 24 января 1946 г. министр иностранных дел Народной республики Польши Модзелевский требовал, чтобы атомная энергия, как впрочем и другие научные открытия, применялась только в интересах повышения жизненного уровня всех народов, для улучшения условий созидательной работы и жизни трудящихся масс¹.

У польского народа немало оснований высказать свое авторитетное мнение по вопросу об атомной энергии.

Вспомним, что одним из основателей и виднейших деятелей науки о радиоактивности была Мария Кюри-Скłodовская. Вспомним и то, что прежде всего на польском народе — в Майданеке, в Освенциме, в Треблинке и в бесчисленных других лагерях смерти — испытал гитлеризм средства массового уничтожения. И разве страдания и героизм польского народа не служат лучшим доказательством того, насколько близоруки и обманчивы планы молниеносной войны, хотя бы и с помощью самого жестокого и самого разрушительного оружия! Уже самый ход второй мировой войны на польских землях, причинив-

---

¹ См. International Control of Atomic Energy, Washington, Department of State, 1946.

ший жертвы и разрушения, которые по своим трагическим масштабам во много раз превосходят все, что могли бы причинить атомные бомбы, — все это с наибольшей наглядностью показывает лживость всевозможных теорий, утверждающих будто существуют такие средства войны, при помощи которых можно приостановить действие естественного закона развития общества, сломить дух народов, борющихся за свободу, задуть их сопротивление гнету внутренней реакции и внешней экспансии, отпугнуть их от борьбы за политическую независимость и за более совершенные формы общественного устройства.

Неудивительно поэтому, что уже с самого начала мы заняли в работах Комиссии по атомной энергии ООН твердую позицию, невзирая на различного рода угрозы, — позицию, продиктованную исключительно стремлением упрочить международное сотрудничество и достигнуть соглашения, отвечающего интересам развития науки и техники и, тем самым, развития человеческой цивилизации, а также интересам нашего национального существования и, следовательно, интересам коллективной безопасности.

В официальных протоколах Комиссии по атомной энергии ООН можно найти ряд выступлений польских представителей, осуждавших угрозы принципам международного сотрудничества и делу упрочения мира¹.

Понимая, что нельзя укрепить мир, навязывая волю одного государства другому путем проведения механического голосования, мы упорно отстаивали принцип единогласия великих держав и соблюдения устава ООН, защищали авторитет международной организации, ее различных органов и их резолюций и постановлений². С самого начала мы выступали в Комиссии по атомной энергии ООН за запрещение применения атомной энергии в военных целях не только на основе международных конвенций, но и по законам отдельных государств.

Польское законодательство одним из первых предусмотрело наказуемость преступлений против мира. Вопрос о репрессиях за массовое уничтожение был поставлен как международная проблема также по инициативе польских

---

¹ См. выступление посла Ланге, Official Records, No 10, p. 158—161.

² Там же, стр. 163.

юристов. Требуя прежде всего объявления вне закона атомного оружия и уничтожения всех видов оружия массового истребления, в том числе, разумеется, и атомного оружия, мы исходили из наших давних прогрессивных традиций. Польский делегат в своем выступлении 8 февраля 1947 г. потребовал такого урегулирования проблемы атомной энергии, которое предусматривало бы:

1) использование всех научных открытий исключительно для блага человечества, а не для его уничтожения;

2) поддержку Организации Объединенных наций всеми государствами в ее деятельности по надзору за применением атомной энергии;

3) исключение атомного оружия и других видов массового уничтожения из вооружения отдельных государств и запрещение конституционными законами этих государств применять это оружие.

В соответствии с этими положениями польская делегация высказалась за составление такой международной конвенции, которая запрещала бы производство и применение атомного оружия, предусматривала бы уничтожение существующих запасов этого оружия, создание международной системы контроля и инспекции, а также учреждение международного органа для развития применения атомной энергии в мирных целях во всех странах¹.

К проектам международного контроля над атомной энергией мы подходили не только негативно, то есть с точки зрения предупреждения такого международного преступления, каким является использование научных открытий в военных целях. Мы хотели, чтобы эти проекты содержали также конструктивные экономические и общественно-полезные принципы применения атомной энергии в мирных целях.

Польша вышла из войны как одна из наиболее пострадавших от нее стран. Мы потеряли свыше трети нашего населения и более половины национального имущества. Развалины, в которые была превращена Варшава в 1945 г., во много раз превосходили разрушения, причиненные Хиросиме и Нагасаки. Уже в силу хотя бы этого, — но разумеется не только поэтому, — мы заинтересованы

---

¹ См. United Nations Weekly Bulletin, March 4, 1947, p. 189—190.

в том, чтобы использовать в нашей и в общей работе по восстановлению самые передовые достижения науки и техники. Эти достижения, несомненно, могут быть нам полезны, но, принимая во внимание наши потери, — только при наличии помощи извне, мы считаем, что на такую помощь мы вправе рассчитывать. Совершенно понятно, что речь может идти только о такой помощи, которая строилась бы на принципах нормального международного сотрудничества, на уважении нашего экономического, общественного и политического суверенитета. Разумеется, более уже невозможны такие формы сотрудничества с иностранным капиталом, какие у нас существовали до войны, когда Польша являлась лишь колониальным рынком сбыта и объектом эксплуатации, местом использования капиталовложений на условиях, выгодных лишь международным монополиям.

Работы по ликвидации экономической отсталости нашей страны, отсталости, сложившейся между прочим и по вине иностранного капитала, работы по восстановлению разрушений военного времени и дальнейшему развитию страны могли бы быстро продвигаться вперед, если бы нам удалось использовать для этого атомную энергию.

В силу этих соображений мы готовы поддержать любой проект международного контроля над атомной энергией, который способствовал бы условиям коллективной безопасности и служил предпосылкой для использования атомной энергии в мирных целях как в интересах всего человечества, так и каждого народа в отдельности.

По этим же соображениям мы, естественно, являемся противниками любого проекта, который ставит какой-либо народ в преимущественное положение и тем самым угрожает всем остальным. Мы также против любого проекта, который, ссылаясь на отсутствие доверия в международных отношениях, стремится затормозить развитие науки и ее техническое использование в мирных целях в отдельных государствах.

От воли человека зависит — будет ли наука служить делу уничтожения и смерти или же станет исключительно орудием блага.

В этом именно духе проблема была поставлена польским делегатом в Организации Объединенных наций 16 июля 1947 г. Выступая во втором комитете Комиссии

по атомной энергии, он показал те гибельные для развития науки последствия, какие может иметь попытка хранить в секрете какие бы то ни было научные открытия, и иллюзорность надежд тех, кто полагает, будто можно всерьез и на длительный срок монополизировать научные и технические достижения.

Указывая на колоссальные мирные перспективы использования атомной энергии в промышленности, польский делегат требовал соблюдения принципов свободы научных изысканий и обмена научной информацией, создания наиболее благоприятных для них условий как в общих интересах, так и в интересах каждого народа в отдельности. Именно поэтому он так энергично возражал против тенденций ограничить эти исследования в отдельных государствах, монополизировать их в руках одного государства либо одного, пусть и международного, органа и запретить такие исследования, которые могли бы оказаться опасными¹.

Ясно, что те, кто осуждают научные открытия только потому, что они могут представить опасность, являются вообще врагами прогресса. Человечество и по сей день не вышло бы из первобытного состояния, если бы из страха перед уничтожающей силой огня люди загасили первый искусственным образом добытый огонь. И подобно тому как огонь перестал быть опасным, как только все узнали его свойства, так и в области атомной энергии одно из главных условий безопасности заключается в том, чтобы сделать ее всеобщим достоянием, то есть обеспечить абсолютную свободу науки и техники, отказаться от всяких тенденций монопольного характера и проводить возможно более широкий обмен научно-технической информацией.

Разумеется, мы не можем согласиться ни с каким планом, который предусматривал бы запрещение обмена этой информацией на тот или другой срок, либо ставил такой обмен в зависимость от отказа от права собственности на свои естественные богатства и промышленные предприятия, либо, наконец, вообще стремился ограничить научные исследования в отдельных странах.

---

¹ См. DOC. AEC/26, p. 108—166, выступление профессора Зловтоского, а также Smyth, op. cit., Part 13, § 3.

Запрещение научной работы в определенных областях в тех или других странах может вызвать лишь недоверие и разногласия, обход законов и конфликты. Для того чтобы те или другие исследования не могли быть использованы в военных целях, достаточно вести наблюдение за ними, контролировать их, обеспечить эффективный инспекторский надзор. Это относится и к месторождениям, и к техническому оборудованию предприятий по производству энергии. Передача этих исследований международному органу не может быть ничем мотивирована, если принять во внимание интересы безопасности и развития производства в мирных целях, а не исходить из эгоистических интересов тех, кто распоряжается этим органом.

Вот почему польская делегация в Комиссии по атомной энергии ООН всегда выступала против предоставления международному контрольному органу монопольного права на производство исследований. Наша делегация заявляла, что этот орган может располагать в этой области не более широкими правами, чем права соответствующих учреждений отдельных государств, кроме тех случаев, когда речь идет об исследованиях, имеющих целью воспрепятствовать использованию атомной энергии в военных целях¹.

Польская делегация указала также, что поскольку международный контрольный орган должен служить только делу защиты мира, нет надобности отступать от системы инспекции, предложенной ранее, и добиваться для него прав собственности с отменой суверенных прав отдельных наций².

Проект, который предусматривает, что международный орган должен быть хозяином рудников и заводов, их администратором и руководителем с производственными, исследовательскими и сбытовыми функциями, а сверх того также инспектором и контролером,— такой проект, по сути дела, явился бы проектом коммерческой организации.

Такая коммерциализация не могла бы полностью устранить элементы конкуренции, хотя бы и скрытой. Она

---

¹ Дос. АЕС/26.

² См. официальные протоколы Комиссии по атомной энергии, первый доклад Совету Безопасности 31 декабря 1946 г., стр. 12, § I, пп. а, б.

не могла бы также способствовать согласию и укреплению сотрудничества между народами, а, напротив, явилась бы причиной споров и конфликтов и, в конечном счете, даже прямо поставила бы под угрозу международную безопасность¹.

Равным образом мы считали, что всякие предложения о предоставлении международному органу исключительных прав в отношении воздушного сообщения и выбора методов инспекции противоречат интересам безопасности и принципам государственного суверенитета. (Предполагалось, что это будет проводиться без какого-либо соглашения с заинтересованными сторонами, без соответствующей рекомендации со стороны Совета Безопасности, а лишь на основе предписаний Международного суда, хотя последний учрежден только для отправления функций, предусмотренных уставом ООН, а не для выполнения задач, подлежащих рассмотрению исключительно Советом Безопасности²). Отдавая себе отчет в том, что одной только системы инспекции было бы в ряде случаев недостаточно, чтобы предотвратить применение атомной энергии в военных целях, мы поддерживали проект, предлагавший дополнить систему инспекции международным соглашением о разделе (квотах) сырья и атомных материалов, так же как мы высказывались в пользу всяких

---

¹ Характерно, что в соответствии с американским проектом большинство комиссии, как это явствует из документа AEC/L2/44, Rev. 2, сознательно пошло на то, чтобы придать указанному выше органу коммерческий характер и сделать его способным конкурировать с отдельными государствами. Иначе говоря, речь шла о создании еще одного международного сверхконцерна в борьбе за раздел сырья и рынков, то есть за раздел мира и установление таким путем мирового господства.

² В данном случае делегация США ссылалась на истолкованные по-своему принципы «свободы воздуха», как на принципы ограничения и ликвидации суверенных прав государства на воздушное пространство над его территориями. Прибегая к аргументации в обратном направлении Гроция о «свободе морей», американцы под понятием свободного воздушного пространства отнюдь не разумеют также права других государств на свободные перелеты над территорией США, а лишь монопольное право для своей авиации летать над чужими территориями. См. O. J. Lissitzyn, *International Air Transport and National Policy*, New York, 1942, а также Черномордик, *Воздушное пространство в международном праве* Известия Академии наук СССР, отдел экономики и права, 1948, № 4.

других предложений, если только их целью было достижение взаимопонимания.

Позиция Польши в вопросе о международном контроле над атомной энергией совпадала с позицией СССР и других демократических стран, а также с позицией демократических организаций и организаций сторонников мира и всех миролюбивых людей на земном шаре. Ибо мы руководствовались общими интересами, интересами укрепления международной безопасности, интересами упрочения мира.

Это совпадение стало бы всеобщим, если бы все страны стремились к той же цели, к которой и мы стремимся. Достижению этой цели, собственно говоря, и призвана служить Комиссия по атомной энергии ООН: в ее задачи входило разработать в рамках устава ООН предложения об изъятии атомного оружия, о контроле в области атомной энергии, об обмене информацией между всеми народами и о мерах, которые позволили бы предупредить обход или нарушение международных соглашений по этому вопросу. Но трудно добиться соглашения, коль скоро механически сколоченное большинство в органах ООН стремится сохранить атомное вооружение, затормозить в отдельных государствах научные исследования и всякую деятельность в области атомной энергии вообще, лишить эти страны даже имеющихся у них запасов сырья и заводов, отменить обмен информацией, обеспечить лишь за одним государством во всем мире исключительное право располагать атомной энергией.

На всех сессиях Генеральной Ассамблеи польская делегация выступала против подобных предложений и со всей энергией сторонников честного сотрудничества и прочного мира защищала принципы, которые должны привести к столь необходимому соглашению.

В своем первом выступлении 23 сентября 1948 г. на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи польский делегат Модзелевский ясно указал, кто именно несет ответственность за приостановку работ Комиссии по атомной энергии и невыполнение резолюции ООН 14 декабря 1946 г. по вопросу об общем разоружении. Опровергая заявление банкиров Уолл-стрита, заинтересованных в прибылях от производства оружия и потому распространяющих лживые теории, будто война неизбежна, министр

Модзелевский призывал Генеральную Ассамблею ООН подвергнуть изучению всю проблему вооружений, в том числе и проблему атомного оружия, и принять по этому вопросу ясные и твердые рекомендации.

В выступлении польской делегации в Политическом комитете ООН 1 октября 1948 г. упоминалось предложение, внесенное Модзелевским еще на первой сессии Генеральной Ассамблеи по вопросу об издании отдельными государствами законов, запрещающих использовать атомную энергию в каких-либо иных целях, кроме мирных. В этом выступлении указывалось также, что Комиссия по атомной энергии, признавая бесплодность своих усилий, до сих пор еще не рассмотрела должным образом такие важнейшие вопросы, как обмен научной информацией, система инспекции, возможность запрещения производства атомного оружия и уничтожения его запасов, проблема объявления этого оружия вне закона. Польский делегат не преминул подчеркнуть абсолютную реальность советских предложений. Он напомнил, что СССР согласился с тем, чтобы некоторые решения в проектированном органе контроля над атомной энергией принимались простым большинством голосов, чтобы этот орган устанавливал контингенты в области производства и потребления атомной энергии в отдельных странах и в то же время охватил бы своим контролем не только лишь отдельные этапы процесса производства атомной энергии, но и все его фазы на всех предприятиях, ее вырабатывающих. Таким образом, Советский Союз предлагал конкретные основы действительно эффективной системы международного контроля и инспекции. Возражая против американского проекта, польский делегат разъяснил, что наше несогласие в этом вопросе объясняется лишь тем, что этот проект не дает никаких гарантий эффективного контроля: ведь еще Бирнс заявил, что США сами решат, независимо от каких бы то ни было резолюций ООН, как им поступить со своими атомными бомбами¹.

Касаясь в ходе дискуссии на III сессии Генеральной Ассамблеи проекта канадской резолюции, целиком основывавшейся на американском проекте, польская делегация отмечала ее туманную формулировку, ее несовмести-

---

¹ Выступление польского делегата Кац-Суши 1 октября 1948 г.

мость с предыдущими резолюциями ООН, а также с основными принципами устава ООН, особенно по вопросу об уважении суверенных прав отдельных наций, так как канадская резолюция ставила своей целью обеспечить монопольное положение Соединенных Штатов Америки в области производства атомной энергии¹.

Когда во время прений об атомной проблеме в Политическом комитете ООН стало очевидным, что, — несмотря на механическое большинство голосов, — проект канадской резолюции фактически рекомендующий прервать работы Комиссии по атомной энергии, вызывает беспокойство среди большинства государств, и когда представитель Канады внес очередную поправку к тексту своей резолюции, польский делегат указал на действительный смысл этой поправки, одобряющей, на этот раз уже без всяких оговорок, американский план контроля и рассчитанной — в новом издании — на уловление голосов этих обеспокоенных государств².

Как известно, проект «исправленной» канадской резолюции был принят во время III сессии ООН Политическим комитетом и передан на рассмотрение Генеральной Ассамблеи.

Позиция англо-американского блока во время этого обсуждения показала, что у него одна цель — саботировать любые предложения, которые могли бы подвинуть вперед разрешение атомной проблемы и способствовали бы международной безопасности и упрочению мира. Убедительным свидетельством такой позиции было отношение англо-американского блока к компромиссному предложению, сделанному польской делегацией 24 октября 1948 г. по вопросу об общем сокращении вооружений.

Внесенный польской делегацией проект резолюции гласил:

«Генеральная Ассамблея, принимая во внимание резолюцию Генеральной Ассамблеи, касающуюся регулирования сокращения вооружений и вооруженных сил, а также решение, относящееся к созданию комиссии по вопросам вооружения обычного типа,

учитывая, что в интересах мира и цивилизации надлежит избавить мир от опасности, являющейся следствием

---

¹ Выступление польского делегата Кац-Сухи 6 ноября 1948 г.

² Его же выступление 19 октября 1948 г.

гонки вооружений, а также укрепить чувство доверия и безопасности, что является задачей ООН,

учитывая, что надлежит приступить к сокращению вооружений и вооруженных сил,

учитывая, что современное положение требует быстрого разрешения этой проблемы,

рекомендуя всем постоянным членам Совета Безопасности проявить инициативу в области сокращения вооружений путем уменьшения на одну треть в течение одного года всех сухопутных, морских и воздушных сил, какими они располагают, взяв за основу уровень их вооруженных сил и вооружений на 1 января 1948 г.,

рекомендуя запретить атомное оружие, как оружие агрессии, предназначенное для массового уничтожения гражданского населения;

постановляет:

1) образовать в рамках Совета Безопасности орган международного контроля для надзора и контроля над проведением мер по сокращению вооружений и вооруженных сил, с тем чтобы в Совете Безопасности не требовалось совпадение голосов всех его членов для принятия предписаний органу международного контроля по вопросу о средствах проверки и инспекции,

2) международный орган контроля должен получать официальные и исчерпывающие сведения о вооружениях и вооруженных силах постоянных членов Совета Безопасности — Соединенных Штатов, Великобритании, Советского Союза, Франции и Китая;

заявляет, что настоящая резолюция будет сообщена Совету Безопасности и всем членам ООН».

Польская делегация внесла свое предложение, стремясь избежать окончательного тупика и найти реальный путь к созданию базы для соглашения по столь важному вопросу, как проблема вооружений вообще и проблема атомного оружия в особенности. Тем не менее представители США и Великобритании заранее решили свести на нет эту инициативу, проведя голосование противоречащей польскому проекту бельгийской резолюции. Но они все же не смогли полностью сковать волю большинства членов соответствующей подкомиссии, которая не решилась совершенно уклониться от рассмотрения польского предложения.

Нет сомнения, что — как то было подчеркнуто польским делегатом Кац-Суши — текст польской резолюции, составленный в духе примирения всех точек зрения, создавал предпосылки для принятия подкомиссией единодушного решения, невозможного на базе бельгийско-французской резолюции, изобиловавшей ни к чему не обязывающими общими местами. Установление даты 1 января 1948 г., а не 1945 г. (как того требовала делегация Ливана) в качестве критерия для разоружения, объяснялось тем, что после 1945 г. многие страны провели демобилизацию, а потому считать 1945 г. исходной точкой для разоружения значило по сути дела отказаться от всякого разоружения вообще.

За польский проект в целом, представлявший собой нечто среднее между проектами советским и бельгийским, голосовал, однако, помимо Польши, лишь делегат СССР. Франция, Австралия и Ливан от голосования воздержались и таким образом голосами США, Великобритании, Бельгии, Бразилии, Сальвадора и гоминдановца польское предложение было отклонено.

Насколько искусственным, однако, было сколоченное Америкой для срыва соглашения большинство, отлично показывают настроения как в подкомиссии, так и в Политическом комитете, куда все дело было возвращено перед его передачей в Генеральную Ассамблею, а также маневры канадского делегата. Этот делегат, вносивший все новые и новые поправки в свой первоначальный текст, предлагая пятый вариант, прямо заявил, что, учитывая пожелания некоторых делегаций, он вносит новый пункт, призывающий Комиссию по атомной энергии к возобновлению работ, но при этом — параллельно с совещаниями, которые, по его проекту, должны проводить великие державы и Канада. Совершенно ясно, что этот якобы новый пункт не имел никакого практического значения, — поскольку на базе американского плана контроля над атомной энергией перспектива соглашения между великими державами остается нереальной. Согласие Уоррена Остина на возобновление работ Комиссии по атомной энергии при условии согласия с планом Баруха не только не означало какого-либо шага вперед в этом вопросе, как то справедливо отметил советский делегат Малик, но и показывало, что США стремятся, опираясь на свое большинство в

ООН, еще настойчивее добиваться от других государств признания их монопольного положения и в будущем.

Принятая канадская резолюция, таким образом, не только не учитывала заявлений ряда делегаций, высказывавшихся против приостановки — даже временной — работ Комиссии по атомной энергии, но и отразила нежелание англо-американского блока возобновить работы этой комиссии в целях добиться соглашения с Советским Союзом. Эта резолюция углубила тупик, усилила недоверие и кризис, господствующие в международных отношениях; более чем очевидно, что она являлась шагом назад по сравнению с принятыми в декабре резолюциями Генеральной Ассамблеи, в которых все же говорилось об изъятии атомного оружия. Ибо канадская резолюция, как указал Мануильский, не только не запрещает атомного оружия, но, обходя вопрос о запрещении его применения и о контроле над его производством, в известном смысле даже санкционирует производство атомных бомб, изымая его из-под всякого контроля.

Министр Модзелевский, резюмируя 13 декабря 1948 г. дискуссию в Политическом комитете, справедливо указал, что только демократические страны во главе с Советским Союзом совершенно четко обнаружили свое стремление к миру и свою волю упрочить его на основе уважения принципов устава ООН, внося исключительно реальные и вполне конкретные предложения, в том числе и предложения по вопросу о разоружении вообще и о запрещении атомного оружия в частности. При этом демократические страны не были изолированы — они пользовались поддержкой неизменно растущих прогрессивных и миролюбивых сил всего мира.

С момента своего освобождения Польша, встав на путь строительства социализма, заняла свое место в ряду демократических стран.

Возрожденная народно-демократическая Польша, как указывал глава нашей делегации на VI сессии ООН Вербловский, «выступала и будет выступать решительно против гонки вооружений, против преступного оружия массового уничтожения — атомной бомбы, против бактериологической войны»¹.

---

¹ «Zbiór dokumentów», No 12/1949, str. 1135.

Именно поэтому Польша выступает против американских проектов разрешения атомной проблемы, цель которых — гонка вооружений, подготовка новой агрессии и применение — либо в ходе войны, либо для ее провоцирования — оружия массового уничтожения, атомных бомб и бактериологических средств. Поэтому Польша поддерживает советские предложения, направленные на сокращение вооружений, на изъятие из их числа и объявление вне закона атомного оружия, химических, бактериологических и других средств массового уничтожения.

Именно поэтому, как справедливо подчеркнул посол Нашковский 8 ноября 1949 г. в Политическом комитете *ad hoc* по вопросу о запрещении атомного оружия, «польский народ, который потерял шесть миллионов своих граждан в период второй мировой войны и который ныне могучим усилием восстанавливает из развалин свою столицу Варшаву, единодушен в осуждении планов агрессии, вынашиваемых империалистическим лагерем, и решительно требует запрещения атомного оружия и других средств массового уничтожения». И поэтому «польский народ домогается установления эффективного контроля над атомной энергией — контроля, который сделал бы невозможным применение атомной энергии в преступных военных целях и который обеспечил бы использование атомной энергии для блага и благополучия всего человечества»¹.

5 декабря 1949 г. в своем выступлении на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о разоружении польский делегат Вербловский подверг уничтожающей критике позицию американской делегации. Он указал на тщетность ее надежд ввести в заблуждение общественное мнение относительно подлинного содержания советской резолюции, поддержанной также Польшей и другими миролюбивыми народами и преследующей одну только цель — коллективную безопасность и обеспечение прочного мира².

Наша делегация осталась верна своей позиции, отвечающей интересам и воле польского народа, и на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся в 1950 г. Эта позиция нашла свое отражение в выступлении Верб-

---

¹ Там же, стр. 1235.

² Там же, No 1/1950, стр. 8.

ловского о разоружении и обеспечении мира вообще, а также в выступлении Кац-Суки 13 декабря 1950 г., посвященном специально проблеме атомной энергии и поддержке внесенных советской делегацией предложений. Эти предложения содержат единственно возможные реальные и конкретные указания для разрешения этой проблемы в духе принятых уже обязательств и остающихся в силе принципов международного права и интересов защиты мира.

В настоящее время идет борьба за мир и за международный контроль и инспекцию над атомной энергией и за устранение влияния фабрикантов оружия на решение этой проблемы. Среди пионеров исследований в области радиоактивности, на базе которой родилась современная наука об атомной энергии, были наши соотечественники, и мы не только не сожалеем, но, напротив, гордимся этим. Темпы нашего восстановления вообще — включая и область науки и техники — в условиях планового народного хозяйства, служащего нуждам и интересам широчайших народных масс, позволяют нам верить, что не далеко время, когда мы сможем использовать атомную энергию для совершенствования нашего мирного творческого труда и для повышения жизненного уровня всего народа.

В международной организации Польша отстаивает справедливое дело мира и в области проблемы атомной энергии. Нет оснований сомневаться, что наша роль в борьбе за общее соглашение на принципе эффективного международного контроля будет не менее значительной, чем роль, какую польские ученые сыграли в развитии той науки, которую они считали орудием прогресса человеческой цивилизации, инструментом мирного сотрудничества всех наций.

Основанием такого убеждения служит наше участие во всемирной борьбе за мир, возглавляемой героическими советскими народами.

В одном из самых древних городов Польши—во Вроцлаве — в 1948 г. состоялся конгресс работников умственного труда всех стран земного шара. Этот конгресс стал началом величайшего движения современности. Его обращение явилось выражением крепнущего движения защитников мира и провозвестником его перехода на новую, более высокую ступень.

Громким эхом отозвались среди народных масс Польши решения Первого Всемирного конгресса защитников мира, состоявшегося в 1949 г. в Париже и Праге. Кампанию за подписание Стокгольмского воззвания, охватившую весь земной шар, польский народ поддержал с тем единодушием, которое выковалось в огне упорной и успешной политико-воспитательной работы, когда был нанесен сокрушительный удар по совершенно изолированной горстке недобитого классового врага и агентов американского империализма и Ватикана.

В ходе этого движения многомиллионные массы членов партии и беспартийных, жителей городов и сел, женщин и молодежи стали активными и сознательными борцами за дело мира, за национальную независимость, за дальнейшее укрепление союза с непреклонным поборником мира — Советским Союзом.

18 миллионов подписей — то есть подписи почти всего взрослого населения нашей страны — это не только убедительное выражение протеста всего народа против политики поджигателей войны и сторонников применения атомного оружия, но и выражение решимости дать отпор этим планам, сорвать их.

Сопутствовавшие сбору подписей производственные обязательства не только рабочих, но и — во все большей степени — также крестьянства и трудовой интеллигенции отражают стремление народа укрепить наше народно-демократическое государство — несокрушимое звено в лагере мира — свидетельствуют о глубокой политической сознательности народа, его стремлении делом служить интересам мира.

Благодаря этому подъему политической сознательности и сложилась в общественных кругах та замечательная атмосфера, в условиях которой состоялся Второй Всемирный конгресс сторонников мира в Варшаве.

Польский народ полон гордости тем, что исторические решения этого конгресса были приняты в Варшаве, в этом поднимающемся из развалин городе, символе жизненных сил народа, которого не смогли ни уничтожить, ни поработить никакие преступники против человечества.

Возрождение и развитие Варшавы показывают всем последователям гитлеризма, что никакими жестокостями не повернуть вспять движение истории, прогресса и сво-

боды; с Варшавой связаны отныне навеки документы, ставшие надеждой и знаменем победоносной борьбы народов мира.

«Польша, — сказал президент Берут, — рассматривает как вопрос чести внесение своего величайшего вклада в эту общую борьбу. С неослабевающей энергией и бдительностью будем мы и впредь беспощадно бороться против всяких врагов мира, всяких явных и скрытых агентов зверского империализма».

Под руководством Советского Союза, опираясь на его мощь, в сотрудничестве со всеми народами, верными делу мира, обуздаем убийц народов и добьемся того, чтобы великое открытие служило человеку, чтобы оно перестало быть для него источником опасности, но стало источником счастья.

Глава восьмая

ИТОГИ РАБОТЫ КОМИССИИ ПО АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ ООН

Весь ход работ Комиссии по атомной энергии ООН позволяет уже сейчас говорить о трех самостоятельных периодах, трех различных фазах позиции американской делегации в области атомной проблемы. Эти фазы полностью соответствуют отдельным этапам американской внешней политики, отличающимся по своей тактике, но представляющим нечто единое, поскольку дело касается цели, которые эта политика преследовала начиная с момента окончания второй мировой войны и преследует вплоть до сегодняшнего дня.

Первая фаза деятельности Комиссии заканчивается принятием так называемого плана Маршалла. Характерными чертами ее являются непрерывное усиление политики шантажа как средства захвата мирового господства демонстрацией силы и невоенной экспансией, которая поддерживается угрозой применить атомное оружие с подчеркиванием монополистического положения США в области этого вооружения.

Конец второй фазы совпадает с поражением интервенции в Китае. Для этой фазы характерно понимание необходимости отказаться от мысли, будто можно запугать Советский Союз атомным оружием и подчинить «мирным» путем господству США как Советский Союз, так и страны народной демократии. В этот период США удовлетворяются пока что наступлением, направленным против суверенитета капиталистических государств, и готовятся к новому разделу мира путем новой агрессии, несмотря на крах мифа об атомной монополии.

В третьей, ныне еще продолжающейся, фазе Соединенные Штаты все более обнажают свое лицо — лицо врага

мира и человечества, цинично саботируя всякие попытки международного соглашения и упрочения коллективной безопасности, наращивают темпы вооружения, особенно в области оружия массового уничтожения людей, переходят к авантюристическим агрессивным действиям на Дальнем Востоке, направленным своим острием прежде всего против корейского народа и против Китайской Народной Республики, с явным намерением расширить экспансию в сторону провоцирования новой мировой войны.

Сейчас уже совершенно очевидно, что если в течение первой фазы внешней политики США государственный департамент и поддерживал деятельность Комиссии по атомной энергии, то он поступал так исключительно в надежде, что она станет орудием, при помощи которого США смогут навязать всем государствам план Баруха, и что тем самым эта Комиссия станет средством осуществления широкого плана установления политического и экономического господства США над всем миром. Как справедливо подчеркнул М. Рубинштейн, монополисты Уолл-стрита рассчитывали на то, что Комиссия поможет им «захватить в свои руки источники атомного сырья, производство атомного горючего и научно-исследовательские работы в области атомной энергии и все это использовать для подготовки новой агрессивной войны»¹.

В этот именно период — как, впрочем, и позднее — правительство США, пытающееся при помощи плана Баруха создать благоприятные условия для неограниченного экономического и политического вмешательства во внутренние дела других государств, срывало все попытки соглашения с Советским Союзом, твердо стоящим на точке зрения незаконности всякого вмешательства, признания права народов на самоопределение и суверенитет всех государств и наций.

Поскольку Советский Союз категорически возражал против интервенционистских и экспансионистских планов США, добивающихся гегемонии над миром, и тем самым не позволил им навязать миру план Баруха, империалисты сочли целесообразным изменить свою первоначальную

---

¹ М. Рубинштейн, Поражение атомной дипломатии американских империалистов, «Большевик», 1950, № 6, стр. 42.

тактику. Они начали искать пути, для того чтобы навязать свой план своим возможным «мирным» жертвам при помощи Организации Объединенных наций и вопреки принципам ее Устава и собственным обязательствам, саботируя тем самым деятельность Комиссии по атомной энергии. Вначале американские империалисты питали надежду, что они смогут применяемой ими политикой силы принудить Советский Союз к уступчивости, а затем и к принятию их плана контроля над атомной энергией. Когда же они убедились в беспочвенности этих расчетов, то Комиссия по атомной энергии, хотя по самой своей сущности и не обладающая большой силой, все же оказалась препятствием для американских монополий, откровенно вставших на путь подготовки новой агрессии любыми средствами, в том числе и усовершенствованием и накоплением атомного оружия. Тогда американские монополии решили устранить это препятствие.

30 марта 1948 г. Второй комитет (по вопросам контроля) Комиссии по атомной энергии ООН прервал свою деятельность на неопределенное время, решив большинством голосов, что дальнейшее обсуждение вопроса о создании международного органа или комиссии по контролю бесцельно, поскольку не удалось достигнуть политического соглашения относительно круга ее деятельности.

Вслед за тем 5 апреля 1948 г. наиболее важный — рабочий — комитет этой Комиссии тем же большинством принял аналогичную резолюцию, делая при этом ударение уже не на политической, а на технической стороне вопроса. Рабочий комитет нашел, что продолжение дискуссии о советских предложениях следует считать беспредметным, поскольку эти предложения — по мнению большинства комитета — не содержат какой-либо основы для технического осуществления эффективной системы контроля над атомной энергией.

Полтора месяца спустя, 17 мая 1948 г., Комиссия по атомной энергии, на этот раз вновь ссылаясь на трудности — прежде всего политического характера, — постановила приостановить свою деятельность во всем ее объеме и представить отчет о проделанной ею работе. В резолюции Комиссии подчеркивается, что осуществление контроля зависит от того, имеется ли политическое сотрудничество, а отсутствие соглашения по атомному вопросу яв-

ляется результатом ситуации, выходящей за пределы компетенции Комиссии, и, следовательно, продолжение дискуссии в существующих условиях не может дать никаких результатов.

Резолюция Комиссии предусматривает, что перерыв в ее деятельности должен продолжаться до тех пор, пока Генеральная Ассамблея не установит, что общая ситуация изменилась, либо до тех пор, пока постоянные государства — члены (большая четверка и Канада) — не создадут в результате предварительной консультации достаточной базы для соглашения.

Когда 11 июня 1948 г. резолюция Комиссии была представлена Совету Безопасности, американская делегация предложила утвердить все предыдущие отчеты Комиссии по атомной энергии и содержащиеся в них рекомендации, основанные, как известно, на американских проектах организации международного контроля над атомной энергией.

Таким образом, американское предложение в конечном счете рекомендовало представить Генеральной Ассамблее первый отчет Комиссии по атомной энергии, но с одобрения Совета Безопасности.

Обосновывая свое предложение, американский делегат заявил, что Генеральная Ассамблея должна знать, что существуют только два пути: либо соперничество в области атомного вооружения, либо международный контроль над атомной энергией по американским планам; такой контроль, как мы уже видели, сводится к признанию американской монополии. О третьем пути эффективного международного контроля над атомной энергией на базе разоружения всех государств в соответствии с советским проектом американский делегат в своем предложении, разумеется, не считал нужным и даже упомянуть.

Не удивительно поэтому, что последовавший советский протест, которого, впрочем, США в данном случае только и добивались, устранил еще одну попытку рекомендовать Объединенным нациям такой путь, который отвечает исключительно интересам одного из членов ООН, но противоречит интересам всей международной общественности и не имеет ничего общего с делом обеспечения мира. Не случайно приостановка работ Комиссии по атомной энергии совпала по времени с принятием весной 1948 г. кон-

грессом США закона о плане Маршалла. Нельзя назвать случайностью и тот факт, что именно в этот период возник так называемый «Западный союз», созданный для проведения в жизнь этого агрессивного плана и являвшийся первым этапом на пути к Северо-атлантическому пакту. С этого времени атомная дипломатия начинает свою деятельность в области увеличения военных бюджетов, создания во всех частях земного шара американских военных баз, реализации доктрины Трумэна, все большего ущемления суверенных прав маршаллизованных стран и милитаризации их экономики, превращения их в военные базы и принуждения правительств этих государств отказаться от заключения международных соглашений — прежде всего в области общего, а затем и атомного разоружения.

Позднейшие попытки возобновления деятельности Комиссии по атомной энергии не дали никаких конкретных результатов. Когда на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН Советский Союз, в согласии со своей мирной политикой, потребовал продления работ Комиссии по атомной энергии для выработки проекта конвенции о запрещении атомного оружия и об эффективном международном контроле над атомной энергией, то это предложение Советского Союза вызвало большое замешательство в лагере империализма: советский проект был диаметрально противоположен проекту, представленному США, которые добивались санкционирования приостановки работ Комиссии по атомной энергии.

Но советский проект получил настолько широкую поддержку мирового общественного мнения, что это заставило инспирированную американцами канадскую делегацию видоизменить, как уже было сказано, свой противостоящий советскому проекту, внеся поправку, предусматривающую возобновление работ Комиссии.

Когда же, в соответствии с резолюцией, опирающейся на этот проект, Комиссия по атомной энергии собралась в феврале 1949 г., стало очевидным, что правительство США не намерено ни в коем случае отказаться от своей прежней позиции, что оно стремится направить работы Комиссии по выгодному для него пути. Оно продолжало саботировать Комиссию по атомной энергии и ее деятельность, четко очерченную резолюциями Генеральной Ас-

самблеи 24 января и 14 декабря 1946 г. Это сказалось во вторичном принятии большинством Комиссии канадской резолюции, предлагающей секретариату ООН подготовить:

1. Меморандум, касающийся рекомендаций по вопросу о контроле над атомной энергией и о запрещении атомного оружия, принятых Генеральной Ассамблеей.

2. Сравнительные таблицы, показывающие различие точек зрения отдельных государств на рассмотренные до сего времени проблемы, связанные с атомной энергией.

3. Указатель ко всем трем докладам Комиссии по атомной энергии, равно как и ко всем отчетам заседаний других органов ООН, на которых подвергалась рассмотрению проблема атомной энергии.

Принимая бессодержательное по существу канадское предложение, которое, собственно говоря, ограничивало работы Комиссии исключительно процедурно-техническими вопросами, большинство Комиссии решило одновременно передать предложение Советского Союза на рассмотрение рабочего комитета Комиссии по атомной энергии. Этот комитет в конце концов принял две резолюции: первая, 15 июня, гласит, что нет надобности возвращаться к рассмотрению ранее отклоненных советских предложений; другая резолюция, 29 июля, указывает, что не следует продолжать дальнейшую работу в рамках Комиссии до тех пор, пока государства — инициаторы резолюции Генеральной Ассамблеи 24 января 1946 г. не придут к соглашению.

Переговоры пяти постоянных членов Комиссии по атомной энергии и Канады не могли из-за позиции США привести к какому-либо соглашению. Одним из главнейших пунктов, в отношении которого оказалось невозможным прийти к соглашению, явился вопрос о компетенции международного органа контроля по отношению к отдельным государствам. Советский Союз стоял на позиции уважения суверенитета стран и возражал против создания «атомного органа» в виде некоего сверхгосударственного треста, которому принадлежало бы как право собственности на сырье и установки для производства атомной энергии, так и исключительная монополия на ведение исследований в этой области.

Но был еще один момент, осложнявший работу Комиссии в последующее время, а именно присутствие в Комис-

сии представителя гоминдановской клики, не представляющей китайского народа, и отказ империалистов допустить в Комиссию делегата Центрального народного правительства Китайской Народной Республики как единственного законного представителя китайского народа.

29 июля 1949 г. Комиссия по атомной энергии приняла американский проект резолюции, содержавшей клеветнические выпады против Советского Союза и возлагавшей на него ответственность за непроведение в жизнь контроля над атомной энергией. Эта резолюция предусматривала одновременно приостановку работы Комиссии и приглашала государства, состоящие постоянными членами Совета Безопасности, достигнуть соглашения путем консультаций.

Таким образом империалистическое правительство США еще раз показало, что оно стремится сорвать всякую возможность соглашения, отвечающего интересам разоружения и делу мира, но невыгодного и нежелательного для США, осуществляющих лихорадочные военные приготовления.

Каков же баланс более чем трехлетних работ Комиссии по атомной энергии, обсуждение которых было главным предметом дискуссии на последней сессии ООН? К каким заключениям приводит рассмотрение создавшегося положения в этом вопросе и на ком лежит ответственность за это положение? В чем причина отсутствия соглашения, которого не удалось достигнуть ни на Генеральной Ассамблее, ни в других органах ООН?

Достаточно хотя бы бегло ознакомиться с протоколами заседаний Комиссии по атомной энергии и сопоставить советский проект с американским, чтобы дать исчерпывающий ответ на все эти вопросы.

Работы Комиссии показали, что существует вполне реальная возможность достигнуть соглашения, но что для этого недостает лишь доброй воли США. Советские поправки к первому отчету Комиссии уже показали, что по существу позиция СССР по вопросу о контроле над производством атомной энергии отнюдь не расходится в конечном счете с первой редакцией американских тезисов, отличаясь от них лишь в самом отношении к проблеме запрещения применения атомного оружия. Ведь не кто иной, как полуофициальный Атомный комитет Института

Карнеги заявил тотчас же после опубликования советских поправок, что они во всяком случае не так безоговорочно негативны, как то изображалось в ежедневной печати, и по ряду существенных пунктов соглашение все еще возможно и что для дальнейшей работы имеется достаточно конструктивных оснований; надо лишь точно определить границы такого соглашения.

В таком же духе расценило советские поправки и Британское общество научных работников, которое нашло в них «далеко идущее совпадение» с американскими требованиями, позволяющее приступить немедленно к созданию контрольного органа, хотя бы на уже согласованных принципах.

В специальном меморандуме английских ученых, посвященном проблеме атомной энергии, говорится:

«Советский Союз ставит планы контроля в зависимость от предварительного заключения конвенции об абсолютном запрещении использования атомной энергии в военных целях.

Такую конвенцию мы считаем во всех отношениях желательной, и трудно оправдать отрицательное к ней отношение со стороны Великобритании и Соединенных Штатов»¹.

Это замечание целиком подтверждает наше положение о том, что ответственность за отсутствие результатов и за приостановку работ Комиссии по атомной энергии прежде всего лежит на правительстве США, проект которых не содержит оснований ни для технического, ни для политического соглашения и при этом полностью игнорирует соответствующие предпосылки, содержащиеся в советском проекте.

Разумеется, атомную проблему нельзя рассматривать в отрыве от прочих проблем общей политики, важной частью которых она является.

Отсутствие согласия в этой части, как и во многих других, отнюдь не является результатом неодолимых трудностей; оно является исключительно результатом отсутствия доброй воли. Оно проистекает из стремления господствовать над другими государствами и находит свое воплощение в американской политике военных угроз, невы-

---

¹ Z ł o t o w s k i, op. cit., cz. V, str. 11.

полнения международных обязательств и одностороннего их нарушения в тех случаях, когда третьи стороны отказываются признать американскую гегемонию над ними. Можно привести этому бесчисленное множество примеров. 21 мая 1947 г. Мак-Магон заявил в американском сенате, что отказ Советского Союза одобрить американский план контроля должен быть квалифицирован как акт агрессии, полностью оправдывающий превентивную войну против СССР с применением атомного оружия. Мак-Магону вторил Эрл, который считает, что каждый народ обязан подчиниться принципам американского проекта контроля и инспекции под угрозой подвергнуться бомбардировке.

Американский план контроля над атомной энергией, план Баруха, задуманный прежде всего с целью затормозить экономическое развитие Советского Союза и других стран, особенно стран народной демократии, и поработить их, не без оснований может расцениваться как предшественник и провозвестник политики, положенной в основу плана Маршалла¹. В этой политике нашли свое яркое выражение два наиболее характерных момента американского проекта разрешения проблемы атомной энергии: явное стремление господствовать над всем миром и представление о своем превосходстве, призванном оправдать это господство.

Это было изложено без всяких стеснений президентом Национального управления союза промышленников США (NAM) Вирджиллом Джорданом. Свой проект он сформулировал следующим образом:

«Во-первых, мы должны предоставить весь наш экономический потенциал делу восстановления любой страны, которая согласится отменить все расходы на вооружения и провести разоружение вплоть до рядового полицейского. Во-вторых, мы должны потребовать неограниченного права постоянной инспекции и контроля над каждым предприятием или производственным процессом, над политической деятельностью, хотя бы в малейшей степени связанной с вооружениями каждой страны и подготовкой к войне. В-третьих, мы должны производить, улучшать и накапливать самые лучшие,

---

¹ См. Blackett, op. cit., p. 7, 136, 144, 146, 177.

самые крупные атомные бомбы, и притом в максимальном количестве, для этой главной цели. Подвесим их — в принципе — над каждым клочком земли на земном шаре, где, как мы имеем повод подозревать, не выполняются принятые обязательства, и обрушим их немедленно и без стеснения всюду, где этими обязательствами пренебрегают»¹.

Этой программе вполне отвечает так называемый план Маршалла или его дальнейшее продолжение в виде незамаскированного по своей агрессивности Североатлантического договора и всяких его военных и политических придатков.

Таким образом, отношение американских монополистов к Комиссии по атомной энергии с того момента, как эта программа была сформулирована и навязана капиталистическим государствам под вывеской так называемого плана Маршалла, приобрело открыто агрессивный характер. Американские монополисты понимают, что попытка навязать социалистическим государствам план Баруха равнозначна войне. Не желая отказаться от целей, ради которых Барух выступил со своим планом, стремясь к войне, американские монополисты на протяжении второй фазы существования Комиссии делали все что могли для ликвидации ее деятельности и, при помощи разных соглашений, в обход ООН и в прямом противоречии с ее принципами, для подчинения себе капиталистических государств. При этом американские империалисты исходят из возможности скорого начала вооруженного конфликта.

В этот именно период начинается вмешательство США под разными формами — вплоть до вооруженной интервенции — во внутренние дела других государств Европы и вне Европы, усиливаются темпы организации американских военных баз даже в наиболее отдаленных от США уголках света. Американский империализм реабилитирует гитлеровских и японских военных преступников и милитаристов, грубо нарушает обязательства

---

¹ См. цитированную выше публикацию Carnegie Endowment for International Peace, p. 194; Złotowski, Przegl. Miedzyn., No 17, str. 11, а также Д. Марион, Базы и империи, перевод с англ., М., Издательство иностранной литературы, 1947.

об образовании единого демократического германского государства, создает марионеточное «правительство» в Бонне и совершает целый ряд аналогичных противозаконных действий, противоречащих интересам мира и международным обязательствам.

Все труднее и труднее становилось прикрывать эту столь явно направленную против принципов устава ООН деятельность словами о готовности вести в Комиссии ООН переговоры по поводу атомного разоружения. Судьба этой Комиссии была окончательно решена после краха агента американских империалистов Чан Кай-ши, когда особенно отчетливо сказалась слабость империализма в условиях обострения его противоречий и поисков выхода из них на путях войны. Проявлением прогрессирующей слабости империализма явился рост его захватнических тенденций. Факт потери огромных капиталовложений в Китае, вместо того чтобы отрезвить империалистов и побудить их отказаться в пользу мирного сотрудничества от бесперспективной интервенции, был использован для перехода от подготовки к организации новых конфликтов с тем, чтобы использовать в этих конфликтах атомное оружие.

Грубая агрессия американских монополистов против Кореи и Тайвана рельефно обнаружила корни политики США в вопросе об атомном разоружении; она показала, почему именно была прекращена работа Комиссии по атомной энергии, потерявшей всякий смысл с точки зрения политики. Американская политика уже не ограничивается демонстрацией силы и планированием агрессивной войны, но переходит к ее осуществлению.

Казалось бы, что с того момента, как лопнул миф об американской атомной монополии в связи с заявлением Трумэна о том, что СССР располагает атомным оружием, и опубликованием сообщения ТАСС 25 сентября 1949 г., свидетельствовавшем о банкротстве американской военной атомной доктрины, — такая политика теряла свой смысл или должна была быть изменена.

Но этого можно было бы ожидать лишь в том случае, если бы американское правительство хоть в малой степени действительно проявляло добрую волю для достижения международного соглашения и предупреждения конфликтов.

Но правительство США заинтересовано в противоположном — в том, чтобы не довести дело до соглашения, чтобы подготовить конфликты, отвечающие интересам фабрикантов оружия.

Заявление президента Трумэна 23 сентября 1949 г. о том, что Советский Союз располагает атомным оружием — что, впрочем, было уже известно общественному мнению в течение нескольких лет и официально подчеркнуто В. М. Молотовым в его речи 6 ноября 1947 г., — вовсе не имело своей целью создать атмосферу, подходящую для соглашений. Напротив, Трумэн сделал свое заявление для того, чтобы помешать всему, что могло бы создать условия, способствующие соглашению. Заявление Трумэна было сделано демонстративно, для достижения конкретных целей, связанных с политикой дальнейшего вооружения и дальнейшей подготовки новой агрессии, для того чтобы получить формальный повод заменить уже давно развеянный миф об американской монополии в области атомной энергии не менее вздорным мифом о монополии на водородную бомбу и продолжать шантаж при помощи оружия нового вида для массового уничтожения людей. Все это подтверждается неоспоримыми фактами.

Советский Союз в течение ряда лет проводит исследовательскую работу в области использования атомной энергии для хозяйственных целей. Советской науке, как известно, принадлежит приоритет в области исследований атомной энергии. Нельзя поэтому считать американцев обладающими монополией, как сказал В. М. Молотов в своей речи на Генеральной Ассамблее ООН 29 октября 1946: «...ученых не запрешь в ящик и не посадишь на ключ»¹.

В. М. Молотов в своей речи 6 ноября 1947 г. и А. Я. Вышинский в своей речи 1 октября 1948 г. подчеркивали, что нет никаких оснований утверждать, будто американцы обладают монополией на секрет производства атомного оружия.

Что же в таком случае побудило Трумэна в сентябре 1949 г. внезапно сообщить миру то, что каждый трезво

---

¹ В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, Госполитиздат, 1948, стр. 262.

мыслящий человек знал уже задолго до этого и на что указывали, как было сказано выше, не только западно-европейские и американские ученые, но и многие видные политики и военные деятели? Нет надобности задумываться над этим; сошлемся на достаточно красноречивые факты.

В связи с мощным ростом всемирного движения защитников мира, все более эффективно выступающих против происков военного империализма, мировая общественность ожидала новых конкретных советских предложений на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о разоружении и обеспечении мира, предложений, совпадающих с требованиями сторонников мира уже потому, что они исходят от государства, которое возглавляет борьбу за мир.

Империалисты рассчитывали, что если они официально признают факт обладания Советским Союзом секретом атомного оружия, то тем самым они выбьют из рук советских делегатов возможность выступить с требованием разоружения и прежде всего в области атомного оружия.

Но они грубо просчитались, так как Советский Союз, последовательно продолжая свою мирную политику, и на этот раз не изменил своей позиции, продолжая настаивать на уничтожении запасов атомного оружия, на запрещении его производства, на установлении эффективного международного контроля над этим производством.

На решение Трумэна выступить 23 сентября 1949 г. с декларацией повлияли также и соображения внутренней политики, а равно связанные с ними соображения политики внешней, нашедшей свое выражение в Северо-атлантическом пакте.

В этот именно период Трумэн стремился провести через конгресс закон о военной помощи странам Западной Европы и требовал в связи с этим для себя широких полномочий. Он никогда не смог бы их получить, не развязав военной истерии, так как под давлением возбужденного общественного мнения, сопротивлявшегося дальнейшему взвинчиванию военного бюджета, даже такие поджигатели войны, как Ванденберг, Фостер Даллес, Тафт и другие, вынуждены были играть в оппозицию перед органами администрации.

Трумэн, конечно, «не собирался сеять элементы беспокойства в рядах поджигателей войны». Как справедливо подчеркнул в своем выступлении 7 октября 1949 г. Морис Торез, Трумэн хотел лишь оказать давление, чтобы получить крупные кредиты, необходимые для вооружения Соединенных Штатов и маршаллизованных стран Западной Европы. Он хотел также подготовить конгресс к принятию военного бюджета США на 1951 г., бюджета гигантских вооружений и уже осуществляемой агрессии. Трумэн хотел компенсировать фиаско в области атомной дипломатии, выдвигая предпосылки для ее продолжения уже в форме дипломатии водородной¹.

Эту сторону вопроса подчеркнул А. Я. Вышинский на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН. «Для того, — сказал он, — чтобы навязать свою волю, чтобы иметь, как они воображают, успех в такой политике, они стараются вооружиться с головы до ног. Упали в течение многих лет на атомную бомбу — и провалились в этом вопросе. Теперь уповают на водородную бомбу. Можно заранее сказать: провалитесь, господа, и на этом вопросе»².

Именно поэтому Ачесон мог заявить на пресс-конференции 18 января 1950 г., что «нет никаких оснований менять в чем-либо политику США в области атомной энергии».

Именно поэтому Трумэн считал нужным тогда же, в январе 1950 г., сообщить о начале работ по производству водородной бомбы, еще более «эффективной», чем атомное оружие. Тем самым Трумэн выполнил волю крупнейших американских военных монополий, работающих на войну и извлекающих гигантские прибыли из своих предприятий.

По данным органа этих монополий «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», производство водородной бомбы превращает «атомную промышленность в крупнейшее предприятие Соединенных Штатов». Это полностью подтверждается фактами. Так, например, один только концерн «Дюпон де Немур» в 1950 г. приступил к сооружению предприятий для производства нового во-

---

¹ См. Desanti i Haroche, op. cit., стр. 91—95, 102—103.

² «Правда», 25 октября 1950 г.

оружия; в это предприятие вкладывается более четверти миллиарда долларов. Общая же сумма инвестиций в этой области в США в течение 1950 г. достигла 4,5 миллиарда долларов¹.

На покрытие этих инвестиций идут гигантские бюджетные ассигнования, оплачиваемые народными массами Америки и народными массами других стран, эксплуатируемых американскими империалистами. Таким образом, империалисты США богатеют не только за счет прибылей от производства оружия, но и от производства «средств обороны».

В конце февраля 1950 г. в Чикаго состоялась специальная конференция по этому вопросу. Монополисты потребовали на этой конференции миллиардных сумм на изготовление «средств обороны», сооружение подземных заводов, городов, убежищ и т. п. для спасения США от несуществующей угрозы воздушного нападения.

«Решение правительства США о развертывании работ по созданию водородной бомбы носит явно провокационный характер и неопровержимо свидетельствует о стремлении нарочито раздуть военный психоз и гонку атомных вооружений»².

Это решение имеет тем более провокационный характер, что в данном случае речь ведь идет еще о несуществующем виде оружия — оружия, относительно которого даже такой поджигатель войны, как Джон Фостер Даллес, в своей речи 29 декабря 1950 г. указывал, что «не следует надеяться на оружие такого рода, которое, собственно, еще и не производится».

Производство водородной бомбы и начавшаяся в связи с этим новая фаза шантажа — шантажа водородного, исходящего из беспочвенных, демагогических предпосылок, так позорно провалившихся в период атомного шантажа, дает, однако, представителям агрессивной империалистической политики, по их собственному выражению, передышку («breathing space») после того, как они должны были в конце концов признать, что СССР обладает секретом атомного оружия. Передышка эта понадобилась им для того, чтобы после банкротства атомной

---

¹ См. М. Рубинштейн, Ученые разоблачают атомный шантаж американских империалистов, «Новое время», 1950, № 16, стр. 16.

² «Большевик», 1950, № 6, стр. 49.

доктрины найти достаточно «аргументов» и не дать введенным ими в заблуждение массам трезво оценить положение, создавшееся в связи с крушением легенды о военном «превосходстве» и атомной монополии США. Но водородный шантаж, надо сказать, стоит не большего, чем шантаж атомный.

Даже цитированный уже нами американский журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» совершенно определенно заявил, что идея водородной бомбы не нова и что общие принципы ее конструирования давно известны ученым всех стран. В переданном недавно для печати сообщении Ассоциации американских ученых подчеркивается, что «всякие расчеты на то, что Соединенные Штаты сумеют удержать монополию на водородную бомбу, являются чистойшей иллюзией».

Концепция водородной бомбы имеет уже свою историю. Еще до создания атомной бомбы французский физик-атомник Ланжевен заявлял, что независимо от источника энергии, получаемой в результате расщепления атома, существует и другой ее источник, который может быть создан путем ядерного синтеза.

Проблема эта приобрела более конкретные формы с тех пор, как после войны началось более широкое производство изотопа H^3 и было доказано, что наилучшим источником новой энергии является реакция между водородом H^2 и водородом H^3 .

Этот процесс не имеет цепного характера и потому требует очень сильных детонаторов. Ввиду этого производство водородной бомбы зависит не только от владения изотопами тяжелого водорода, но прежде всего от владения соответственно сильными детонаторами, способными обеспечить необходимую для взрыва температуру (около 20 миллионов градусов).

В связи с этим возникает необходимость применять в качестве детонатора для водородной бомбы плутоновую или урановую бомбы, поскольку лишь деление урана 235 или плутония может дать указанную выше температуру.

В то время как цепной характер процесса расщепления атомных ядер допускает контроль над всем этим процессом и, кроме того, позволяет сделать его достаточно длительным, водородный ядерный синтез происходит

в форме мгновенного взрыва. Ввиду этого водородная энергия, в отличие от атомной, не может быть использована в промышленных целях. Отсюда ясно, что водородная бомба имеет исключительно разрушительный характер и совершенно не может служить мирным целям¹.

В свете изложенного очевидно, что водородное оружие является оружием противозаконным и что правительство, которое первым его применит, еще в большей степени, чем правительство, первым применившее атомную бомбу, должно рассматриваться как военный преступник.

В меморандуме американских ученых подчеркивается бесспорно противозаконный характер водородного оружия. В меморандуме говорится, что водородная бомба «не является военным оружием, а лишь средством истребления населения целых областей» и что применение такой бомбы «представляло бы собой нарушение всех принципов морали и всей христианской цивилизации».

Бывший руководитель Калифорнийского технологического института лауреат Нобелевской премии Милликен заявил недавно публично, что он вовсе не убежден в том, что США будут в состоянии производить водородную бомбу. Другие американские ученые заявили на страницах американского «Бюллетеня ученых-атомников», что для Советского Союза не составило бы никакой трудности перегнать США в производстве водородного оружия; этим еще отчетливее подчеркивается цель, которой руководствовались американские монополисты, пускаясь на шантаж с водородной бомбой².

Американский империализм ставит в качестве одной из главных своих целей продолжение политики шантажа и устрашения Советского Союза и, тем самым, принуждения его принять американский план контроля над атомной энергией. Но водородная бомба эту роль не выполнила и выполнить не могла. Советское правительство, однако, ни на минуту не дало себя спровоцировать очередным шантажом, противопоставляя новому пугалу и

---

¹ Złotowski, Bankructwo polityki atomowej, «Sprawy Międzynarodowe», 1951, No 1—2.

² См. М. Рубинштейн, «Новое время», 1950, № 16, стр. 17.

развернувшейся в связи с ним военной истерии свою последовательно мирную позицию; оно ясно и убедительно доказало это своими предложениями на V сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций осенью 1950 г.

Советские предложения не были, однако, поддержаны большинством ООН, послушным американским монополиям.

Если бы со стороны США была проявлена добрая воля к урегулированию всей совокупности проблем международной политики в духе обеспечения и упрочения мира, то этой воли было бы достаточно для разрешения атомной проблемы и США не стали бы распространять иллюзии о водородной бомбе.

Однако, как известно, атомная проблема еще и до сих пор не разрешена в интересах мира, а этап атомного шантажа сменился этапом шантажа водородного, этапом, в условиях которого существование Комиссии по атомной энергии стало анахронизмом. Ибо империалисты, верные себе, сделали все от них зависящее, чтобы устранить всякие препятствия, мешающие проведению их политики, отличительной чертой которой является именно отсутствие желания ослабить напряжение в международных отношениях и, вместе с тем, стремление создать условия, которые позволили бы им осуществить свой заговор против мира.

Нет сомнений, что проявлением такой доброй воли в интересующем нас сейчас вопросе должен был бы служить прежде всего отказ от применения атомной энергии для военных целей и уничтожение атомных бомб либо использование их для мирных целей.

Советский проект, построенный на этих принципах, не был принят ибо для достижения соглашения не хватало доброй воли со стороны США. Они готовы проявить «добрую волю», но лишь после того, как все другие государства разоружатся. Сами же они намерены сохранить свое вооружение, включая и атомное оружие, считая даже целесообразным одновременно расширить производство атомного и водородного оружия. Что же касается аргументов, в силу которых будто бы нельзя согласиться с запрещением атомного оружия до введения контроля над его производством, то они совершенно

неубедительны и никого не могут ввести в заблуждение относительно действительных намерений империалистов.

Между тем не следует забывать, что ни одна система контроля над атомной энергией не может иметь реальной ценности, если все стороны не проявят решительно своей готовности строго ее соблюдать. Мы уже упоминали о тезисах доклада Коула, утверждавшего, что даже американский план органа атомного контроля не дает абсолютных гарантий, исключающих возможность его нарушения. Но и в первом докладе Комиссии по атомной энергии ООН, в целом основывающемся на американском проекте, отчетливо указывается, что государство, которое решилось бы нарушить соглашение о контроле, все же, вопреки всем запрещениям и всевозможным санкциям за незаконный захват сырья или установок, могло бы уже через несколько месяцев обладать атомным оружием и стать угрозой безопасности.

Самой реальной гарантией перед лицом угрозы использовать в военных целях атомную энергию может, таким образом, быть лишь наличие доброй воли сторон, так как техника не обладает такими средствами, которых не могли бы обойти злая воля и стремление к агрессии.

Не удивительно поэтому, что как только речь идет об эффективности системы контроля, все авторитетные круги оказывают предпочтение не проекту образования коммерческого органа, а советскому проекту системы инспекций. Сторонники этой системы имеются далеко за пределами Восточной Европы. Сошлемся хотя бы на английского делегата в Комиссии по атомной энергии Майлса, который 18 марта 1948 г. так энергично оспаривал тезисы делегата Украинской ССР Тарасенко, выразившего мнение, что официальная точка зрения английской делегации не отражает взглядов английского народа: даже Майлс не смог отрицать, что советские проекты пользуются поддержкой, в числе других, также важнейшей английской научной ассоциации¹.

---

¹ См. United Nations Bulletin, April, 1948, p. 264.

См. также отчет о трудах Римского конгресса межпарламентского союза; на этом конгрессе нехватило лишь нескольких голосов для принятия резолюции, призывающей к объявлению атомного ору-

Даже такие враги Советского Союза, как, например, член палаты общин Блэкборн, признали правильность советского плана контроля. Подчеркнув свою антисоветскую позицию, Блэкборн считал все же необходимым заявить, что советский план — это план конструктивный и рациональный; он сказал, что «в советских предложениях содержатся также положения о том, что я мог бы назвать инспекцией без предупреждения; другими словами, при условии, если со стороны любого государства будут выдвинуты достаточные основания в соответствии с советскими предложениями, международным инспекторам будет предоставлена возможность выезжать и инспектировать заводы, не посылая предварительного специального уведомления государству, ставшему предметом подозрений»¹.

Советские предложения в значительной мере отвечали также точке зрения многих крупнейших американских ученых, в частности Института Карнеги, в том числе мнению профессора Оппенгеймера, члена американского консультативного совета по атомным вопросам².

Но правительство США, желая подчеркнуть, что его проект удовлетворяет будто бы всех, кроме СССР, неоднократно ссылалось на результаты голосования в Комиссии по атомной энергии. Но не говоря уже о приведенных выше аргументах, свидетельствующих об обратном, необходимо помнить, что это большинство внутри самой Комиссии складывалось, как уже нами неоднократно указывалось, искусственным образом, под давлением политических соображений, и ему всегда сопутствовали угрозы экономического давления.

Мы уже говорили о так называемом вето примени-

жая вне закона. Расхождения внутри англо-американского блока по вопросу об атомной энергии проявились на этом конгрессе особенно отчетливо. Член палаты общин Элвин Джонс, представлявший на конгрессе Великобританию, энергично, хотя и бесплодно, старался повлиять на своих американских коллег, добиваясь от них согласия с таким элементарным политико-правовым требованием, как запрещение применения атомного оружия.

¹ Цитируется в речи А. Я. Вышинского 23 октября 1950 г. на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН, «Правда», 26 октября 1950 г.

² См. Док. АЕС/26, р. 115.

тельно к международному атомному органу¹. Но не только Советский Союз и Польша возражали против американских требований о лишении отдельных государств — в пользу этого органа — почти всех прав в области управления и владения сырьем и атомными установками, о передаче этому органу исключительного права на проведение исследований и инспектирование источников атомной энергии на всем земном шаре и, следовательно, права на исследования и поиски не открытых еще месторождений и наблюдение за открытием новых источников урана. Этим требованиям воспротивились вначале также делегации Великобритании, Канады и Австралии. Советский проект уничтожения атомных бомб вначале также пользовался поддержкой всех государств, за единственным исключением — США².

Если эти расхождения среди так называемого большинства Комиссии по атомной энергии в позднейшей стадии ее работ больше не проявлялись, то это следует приписать отнюдь не образованию единодушного большинства. Отдельные государства очень скоро убедились, в чем заключаются цели американских планов контроля. Им стало также ясно, что реализация этих планов невозможна без очень серьезных политических уступок со стороны Советского Союза, на что, конечно, они рассчитывать ни в коем случае не могли. В создавшихся условиях этим государствам было выгоднее вообще отказаться от всякой оппозиции США, дабы не подвергать себя неприятностям, справедливо надеясь, что и без того американский план, направленный против их национальных интересов, будет отвергнут благодаря Советскому Союзу. По сути дела Советский Союз защищал не только свои суверенные права, но и права всех стран, не исключая и тех, которые в том или ином отношении полностью подчинились экономическому и политическому диктату США.

Благодаря позиции Советского Союза американцы не смогли навязать свой план Организации Объединенных

---

¹ О расхождениях по этому вопросу между позицией США, с одной стороны, и позицией Канады, Франции и Голландии, с другой стороны, см. цитированную публикацию Carnegie Endowment for International Peace, No 430, p. 151.

² Doc. AEC/26, p. 203, а также Złotowski, op. cit., cz. V.

наций. Однако лишь в Советском Союзе и в странах народной демократии Соединенные Штаты раз навсегда лишились возможности оказывать воздействие на экономику этих стран и тем самым на промышленное использование атомной энергии. В противоположность этому, западноевропейские государства, которые в силу плана Маршалла и Северо-атлантического пакта оказались в подчинении у империалистов Уолл-стрита, не имеют возможности предпринять какие бы то ни было работы в области атомной промышленности. Все робкие попытки этих государств освободиться от американской зависимости оставались безрезультатными.

Примерами таких неудавшихся попыток освободиться от давления американских монополий явились заявление бельгийского премьера Спаака, подвергнувшего сомнению право США на монопольную эксплуатацию урановых рудников в Конго * и попытки австралийского правительства сохранить независимость в области производства атомной энергии. Бесплодными были также усилия Великобритании, которая в конце 1949 г. обратилась к США с просьбой предоставить ей более значительные квоты урановой руды и посвятить в тайну производства атомных бомб. Однако под давлением США правительство Великобритании на конференции в так называемом «Блейр хауз» в начале 1950 г. отказалось не только от своего первоначального требования, предъявленного в июле 1949 г. на конференции в Вашингтоне о предоставлении 25% квоты бельгийской урановой руды, но отказалось и от производства атомного оружия и исследований в этой области. В ходе этих переговоров правительство США сослалось на американский закон 1946 г., запрещающий передавать кому бы то ни было тайну атомного оружия, и на этом основании отклонило требование Великобритании о допуске к технической документации, относящейся к производству атомной энергии. Правительство Соединенных Штатов, будучи не в силах помешать применению атомной энергии для мирных нужд в СССР и в других демократических государствах, сделало все, что было в его силах, чтобы сохранить свое монопольное положение в отношении производства и

---

* Бельгийская колония. — *Прим. ред.*

применения атомной энергии, хотя бы среди капиталистических государств.

Особенно характерным примером вмешательства американских империалистов во внутренние дела других государств с целью упрочить «монопольное» положение США, явилось отстранение по приказу государственного департамента профессора Фредерика Жолио-Кюри от поста Верховного комиссара Франции по делам атомной энергии.

Это решение могло быть осуществлено только путем реализации плана Маршалла и Северо-атлантического пакта, которые, в сущности, содержат принципы плана Баруха, но, разумеется, только применительно к капиталистическим государствам. Речь идет о принципах, гарантирующих США абсолютный контроль над деятельностью западноевропейских государств также и в области атомной энергии.

Решающим поводом для отстранения Жолио-Кюри с поста Верховного комиссара Франции по вопросам атомной энергии, несомненно, явилось то положение, которое он занял во всемирном движении защитников мира и притом в связи с тем фактом, что в январе 1950 г. он получил первый миллиграмм плутония от первой в капиталистическом европейском государстве атомной установки, притом пущенной в действие без участия США и вопреки их рекомендации. Неудивительно поэтому, что еще до решения французского правительства 28 апреля 1950 г. о Жолио-Кюри американский еженедельник «Ньюс уик», в номере 14 января 1950 г. мог сообщить, что вопрос об отставке Жолио-Кюри предрешен. Прислужники американцев во французском правительстве не могли перенести заявления, сделанного профессором Жолио-Кюри 15 апреля 1950 г. на конгрессе коммунистической партии Франции.

Руководитель Всемирного движения защитников мира сказал тогда:

«Борясь против готовящейся агрессивной войны, я думаю об ученых, чья наука служит народу, дающему нам пример, заслуживающий подражания. Я думаю о всех тех новых людях, которые уже однажды спасли человечество и которые являются надеждой всего света. Именно поэтому прогрессивные ученые, ученые комму-

нисты, не уделят даже малейшей частицы своих знаний для военных приготовлений, направленных против Советского Союза. Мы будем тверды и непреклонны, мы отдаем себе отчет, что тем самым мы служим Франции и всему человечеству...»

В январе 1951 г. от работ в Верховном комиссариате Франции по делам атомной энергии была отстранена жена профессора Жюлио-Кюри, выдающийся ученый, лауреат Нобелевской премии, также активный участник всемирного движения защитников мира проф. Ирен Жюлио-Кюри.

Оба эти примера показывают, к чему ведет план Маршалла — в данном случае в области атомной проблемы, какие грозные последствия для дела культуры и мира на всем земном шаре имело бы осуществление плана Баруха, из которого исходят план Маршалла и Северо-атлантический пакт.

Эти план и пакт служат экономическим, политическим и военным рычагом, «с помощью которого империалисты США подчиняют своему контролю и диктату экономику Западной Европы, стремятся превратить ее в колониальный придаток Соединенных Штатов Америки»¹.

Эти стремления и эта позиция, особенно в отношении атомной проблемы, были продиктованы правительству США монополиями, которые не хотели допустить использования атомной энергии в мирных целях и все свои усилия направляли на усовершенствование атомного оружия. И если в сентябре 1947 г. правительство США предоставило европейским ученым небольшое количество радиоактивных изотопов, то единственно для того, чтобы в максимальной степени использовать опыт и знания западноевропейских ученых в работах над усовершенствованием атомной бомбы.

Об этом откровенно заявил видный американский физик-атомник Оппенгеймер. Он сказал, что при таком «сотрудничестве», «если в Европе будут сделаны какие-

---

¹ М. Су слов, Защита мира и борьба с поджигателями войны. Доклад на Совещании информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 года, Госполитиздат, 1949, стр. 7.

либо открытия, то американцы благодаря более высокому уровню американской технологии и хорошей организации» будут в лучшем положении с точки зрения возможности использования этих открытий, чем европейцы.

Реализация Соединенными Штатами плана Баруха в капиталистических странах путем лишения членов Северо-атлантического пакта права вести самостоятельно исследования и производство в области атомной энергии, не могло, разумеется, ни в малейшей степени способствовать достижению соглашения об эффективном международном контроле над производством атомной энергии с целью не допустить ее использования в военных целях и поощрить производство атомной энергии во всех государствах для хозяйственных, исключительно мирных нужд.

В конечном счете проблема развития работ в целях использования атомной энергии для хозяйственных нужд является в настоящее время — за исключением СССР и стран народной демократии — проблемой не только организации промышленного производства, но и снабжения атомным сырьем, главным источником которого для западноевропейских государств является пока почти исключительно Бельгийское Конго.

План Маршалла лишил возможности охваченные им страны не только восстановить их промышленность, но и произвести капиталовложения в новое строительство. Американский закон о выполнении этого плана, особенно его статьи, касающиеся стратегического сырья, поставил под контроль США не только сами европейские страны, но также и их колониальные владения. Это особенно ясно подчеркнуто пунктом четвертым «доктрины» Трумэна. План Маршалла отнял у этих стран возможность промышленного использования атомной энергии и необходимого для этого сырья.

Проведенный в обход Организации Объединенных наций применительно к капиталистическим государствам план Баруха не только нанес смертельный удар по их суверенитету и перспективам развития, но также углубил межимпериалистические противоречия, так как чувствительно задел интересы некоторых внеамериканских капиталистических монополий.

Как известно, противоречия между американским империализмом и американскими картелями и концернами, с одной стороны, и — особенно — британским империализмом, британскими картелями и концернами, с другой, явились источником трений в области нефти и связанной с нею политики империалистов на Ближнем и Среднем Востоке, а также в отношении других видов сырья в разных странах. Эти противоречия не могут, естественно, не проявиться и в сфере отношений, связанных с атомной энергией.

Великобритании, Франции и другим странам Западной Европы, располагающим либо достаточным техническим оборудованием для использования атомной энергии в промышленных целях, либо доступом к соответствующему сырью, даже относительная экономическая самостоятельность в области атомной энергии сулит выгоды не только в государственном, но и в международном масштабе. Но самостоятельность этих государств и освобождение их от американского контроля нанесли бы ущерб экономике США, не только привели бы к крушению планов потенциальной экспансии США, но нарушили и нарушают непосредственные их интересы, приобретенные в силу навязанных Европе плана Маршалла и Североатлантического пакта. Таким образом, утверждать, что США сознательно и преднамеренно проводили политику срыва международного соглашения о контроле над производством атомной энергии исключительно по чисто военным соображениям, значило бы, несомненно, упрощать вопрос.

Американские монополисты оказались вынужденными отказаться от мысли невоенными средствами осуществить свои планы в отношении всего мира. Сейчас они занимаются тем, что пожирают капиталистическую часть мира, то есть государства, которые из-за предательства своих буржуазных правительств теряют остатки своего суверенитета и служат укреплению американского потенциала, лихорадочно создаваемого для вооруженного нападения на социалистические страны, отказавшиеся капитулировать перед США. Но не так-то просто переварить эти поглощаемые Америкой государства. Эта политика поглощения государств и ликвидации их независимости изнутри подрывает империалистический лагерь,

ослабляет отдельные его звенья и ведет к дальнейшим трещинам, открывающимся под успешными ударами борцов за национально-освободительное и социальное освобождение, под ударами борцов за дело мира. Борьба с поджигателями войны, борьба с варварами, угрожающими бесчеловечным атомным и водородным оружием, борьба за подлинно международный эффективный контроль над производством атомной энергии, запрещение применения атомного оружия и уничтожение его запасов — все это не только борьба за мир, но и борьба за прогресс человечества.

Мы уже указывали на то огромное значение, какое имело бы применение атомной энергии для всеобщего прогресса, для преобразования всех достижений цивилизации, для ее революционизирования в духе идей, рожденных самыми великими, самыми передовыми умами.

Паровая машина, двигатель внутреннего сгорания, электричество, радио и т. д. подвинули человечество на много веков вперед, подняли уровень нашей жизни, сделали ее более легкой и содержательной, менее подверженной опасностям со стороны природных стихий.

«Страна, которая первой применит атомную энергию в промышленности,— сказал однажды известный английский физик проф. Олифант,— опередит все остальные страны в такой мере, в какой эпоха стали опередила эпоху обтесанного камня».

Сейчас есть страна, которая идет этим путем. Эта страна — Советский Союз, где новейшие технические изобретения применяются в гигантских масштабах на строительстве гидростанций, каналов, шахт, при взрывных работах и прокладке нового ложа для рек и озер, на работах, превращающих пустыни в цветущие края, на сооружениях приближающейся там эпохи коммунизма.

Высвобождение атомной энергии, возможность применения ее в народнохозяйственных целях может способствовать быстрому продвижению вперед на пути к полному покорению природы, к такому ее использованию на службе человечества, что эксплуатация человека человеком стала бы абсурдом.

Но именно прекращение такой эксплуатации противоречит намерениям современных владык капиталистиче-

ского мира, желающих сохранить свои привилегии. Они напрягают все усилия не только для того, чтобы сохранить социальный строй, гарантирующий им эти привилегии, но и для того, чтобы затормозить развитие тех стран, которые уже преодолели общественно-хозяйственные формы капитализма и потому могут стать примером для других.

Эти усилия не должны непременно вылиться в форму военного конфликта: война вообще может лишь ускорить конец монополистического капитализма, разлагающегося от внутренних противоречий, но все еще господствующего над значительной частью света. Даже некоторые круги капиталистического мира начинают отдавать себе в этом отчет. Политический шантаж стал одним из факторов американской политики с того момента, как она встала на путь военных авантур — перешла к осуществлению агрессии.

Видный американский промышленник Додж раскрыл другую сторону вопроса, заявив недавно публично в Детройте, что «просперити» (процветание) в США является следствием плохих отношений с СССР. Улучшение этих отношений означало бы сокращение расходов на вооружение и, следовательно, ухудшение экономического положения.

Вот почему не приходится удивляться заявлению Даллеса, утверждающего, что американские политики стремятся к тому, чтобы война не сходилась с повестки дня¹.

«Холодная война» — вещь хорошая и мы должны ее продолжать, заявил вслед за Даллесом один из воспитателей американской молодежи, профессор Гарвардского университета Самнер Стайлс. Но «холодная война» оказалась недостаточной пищей для аппетитов американских монополистов, и они перешли к войне горячей, пока что — в Корее.

Разумеется, американский план контроля над атомной энергией в том виде, в каком его пытаются проташить в Комиссии ООН и в каком он сейчас выдвигается

---

¹ См. L'Action, 13 et 19 Octobre, 1948; в частности, статью «Guerre froide et prospérité», а также статью «What atom means» «Observer», October 10, 1948.

Генеральной Ассамблеей, то есть в облике неприкрытого орудия господства капитализма вообще и американского монополистического капитализма в особенности, разрабатывался в течение долгого времени, прежде чем его авторы решились без стеснения представить его на суд собственного и мирового общественного мнения. На первом этапе деятельности ООН еще выражалось желание достигнуть соглашения. В одном из неопубликованных докладов по этому вопросу указывается, что окончательное разрешение проблемы контроля над атомной энергией возможно лишь путем урегулирования международных отношений вообще. Уволенный в отставку американский военный министр Паттерсон, учитывая эти настроения, особенно распространенные в армии, рекомендовал проведение политики международного контроля над атомной энергией. Для этого прежде всего должно быть объявлено вне закона использование атомной энергии в военных целях и должен быть обеспечен широкий обмен информацией по вопросу о применении этой энергии для промышленных и других мирных целей.

По тем же причинам в своем послании к конгрессу 3 октября 1945 г. президент Трумэн лицемерно выразил надежду, что путем международного соглашения будет гарантирован отказ от производства и применения атомных бомб. В своем послании 14 января 1946 г. Трумэн декларативно заявил, что при посредстве ООН удастся договориться о запрещении, объявлении вне закона и предотвращении применения атомной энергии в целях разрушения¹.

Результатом такой же политической обстановки явилась Вашингтонская декларация 15 июля 1945 г., то есть соглашение о повестке дня Московской конференции и относительно первой главной резолюции ООН о создании Комиссии по атомной энергии. Полезно еще раз напомнить о повестке дня этой конференции. Она предусматривала: а) обеспечение обмена информацией, б) контроль над атомной энергией с допущением ее в пределах, необходимых только для применения в мирных целях,

---

¹ См. уже цитированное выше издание, International Control of Atomic energy, p. 2, 4, 16 and 29.

в) снятие с государственного вооружения атомного оружия и других средств массового уничтожения, г) гарантию выполнения принятых решений.

Однако никакого соглашения плана работ Комиссии по атомной энергии не было достигнуто.

Проект Баруха, то есть проект, отражающий интересы крупного финансового капитала США, на первое место выдвинул вопрос о гарантиях, которые он видит в международном атомном органе: разрешение проблемы атомного оружия этот проект отрывает от проблемы общего разоружения. Проект предусматривает контроль над всеми видами научно-технической деятельности, а вопрос об обмене информацией ставит на последнее место, считая, что такой обмен может быть осуществлен лишь после разрешения остальных вопросов. Проект полностью обходит вопрос об уничтожении запасов атомного оружия и о запрещении его применения.

Не удивительно поэтому, что трудно было достигнуть в Комиссии по атомной энергии положительных результатов, поскольку США отошли от основных положений, согласованных во время предварительных переговоров, имевших обязательную силу. Неудивительно также, что это привело Комиссию ООН в тупик и что в балансе ее работ, еще раньше чем они были приостановлены, оставался один лишь пассив. Американский план международного контроля над атомной энергией, который построен на предпосылках, идущих вразрез с обязательными для всех сторон решениями, не только опасен для дела мира, но попросту нереален. Гарантией того, что любая попытка реализовать этот план обречена на провал, служит не только рост движения защитников мира на всем земном шаре, не исключая и той его части, где еще до сих пор хозяйничают сторонники реакции, готовые толкнуть человечество на путь военных авантур; гарантией является также непрерывный рост сил тех государств, которых ни поделить, ни поработить, ни как-либо иначе подчинить себе империализм более не в силах. О том же свидетельствует все сильнее обнаруживающаяся моральная слабость и материальное разложение раздираемого взаимными противоречиями лагеря интервентов, поджигателей войны.

Провал американского плана неизбежен также вследствие его нереальности: никакая сила не сможет надолго остановить прогресс человечества или уничтожить его волю к миру. Лишь отдавая себе в этом отчет, можно без труда понять ход борьбы за международный контроль над атомной энергией как в Комиссии по атомной энергии, так и на последних сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, равно как и в той борьбе, которую ведут за мир миллионные массы людей на всем земном шаре, в борьбе, которая неизбежно должна привести к крушению плана Баруха. Крах плана Баруха облегчит достижение тех целей, во имя которых и была создана — в числе других — Комиссия по атомной энергии ООН.

Глава девятая

БОРЬБА ЗА РАЗРЕШЕНИЕ АТОМНОЙ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Анализируя предложения англо-американского блока на III сессии Генеральной Ассамблеи ООН, глава польской делегации министр Модзелевский в речи, произнесенной в Политическом комитете 13 октября 1948 г., подчеркнул, что позиция этого блока, в противоположность позиции демократических государств, носила разрушительный характер, отражала их злую волю в вопросах мира и политику дискриминации и являлась, таким образом, выражением предпринятого этим блоком нападения на мирное сотрудничество народов и на их равенство.

Эта характеристика не требует дополнений и применима к позиции империалистов как на IV так и на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1950/51 г. и к проводимой ими международной политике вне ООН.

На протяжении нескольких последних лет политика империалистов развивалась лишь в одном направлении — в сторону дальнейшего углубления ее разрушительных для дела коллективной безопасности тенденций. Она разоблачила кровавый империализм, который уже перестал прикрывать свое лицо ввиду понесенных им поражений и не сдерживаемого ничем стремления спастись от гибели путем развязывания новой агрессии.

Одновременно с явно прогрессирующим ослаблением лагеря империализма, с ростом его внутренних противоречий и потерей даже всякой видимости устойчивости растет и его агрессивность. Политики империалистического лагеря уже не могут пользоваться своей привычной дипломатической маской; такие маски потеряли для них свою ценность теперь, когда, желая приостановить

процесс своего распада, они переходят от подготовки новой войны уже непосредственно к развязыванию и ведению самой войны.

Современный этап борьбы за разрешение атомной проблемы можно понять только в связи с общим международным положением. Наиболее яркими чертами его со времени победы китайского народа является рост сил лагеря мира, с одной стороны, и непрерывный процесс разложения империалистического лагеря — с другой.

На этом этапе американский империализм, получая удар за ударом, все более обнажает свое лицо — лицо хищного зверя, врага всего прогрессивного, всего, что может служить развитию человечества и его мирному существованию; он прибегает к наиболее свирепым и кровавым методам политики, свойственной периоду зарождения государства-гангстера, и судорожно хватается за атомное оружие в надежде, что оно позволит ему возродить и навязать режим реакции и бандитизма всему миру, задушить свободу всех народов и господствовать над ними.

Но на этом этапе крепнут силы лагеря демократии и мира, добивающегося успеха на фронте мирного строительства; колониальные народы сбрасывают с себя ярмо империалистической неволи, рабочий класс, увлекая за собой широкие массы народа, срывает военные планы империалистов; с невиданным в истории человечества размахом разворачивается движение сторонников мира, и, что важнее всего, все более мощным становится потенциал Советского Союза и других социалистических государств и все более реальной перспектива краха империалистических планов применения атомного оружия в военных целях, а вместе с тем перспектива осуществления планов использования атомной энергии в мирных целях лагерем демократии.

Историческая победа китайского народа и образование народно-демократического Китая при одновременном нарастании национально-освободительной борьбы народов всей Азии означали для империалистов не только потерю одного из звеньев в империалистической системе окружения Советского Союза, но и прежде всего потерю стратегически чрезвычайно важных как военных, так и экономических баз, которым предстояло сыграть весьма существенную роль в подготовляемой антисовет-

ской войне. Этот факт чувствительно ударил по интересам американских монополий, инвестировавших в Китай миллиарды долларов, и показал также безрезультатность и неэффективность американской военной помощи, которую США предоставляли в целях интервенции и подготовки непосредственной агрессии.

Другим событием, также означавшим ослабление лагеря войны, являлось создание Германской Демократической Республики, которое, как указал Генералиссимус Сталин, представляет собой поворотный пункт в истории Европы. Образование Германской Демократической Республики своим острием было направлено также против американских империалистов и помешало им превратить всю Германию в орудие агрессии или вовлечь ее в агрессивный Северо-атлантический пакт.

Чувствительным ударом по планам американских империалистов следует признать также бесспорно выявившееся банкротство их военной доктрины, необходимость официально сознаться в том, что они перестали быть монополистами в области атомного оружия.

Кроме того, жизнь опровергла «теорию» о техническом «превосходстве» империализма, подлинную ценность которой показали его поражения на полях Кореи.

Американское правительство, как исполнительный орган монополистов, не извлекло, однако, никаких уроков из создавшегося положения. Напротив, дальнейшие приготовления к расширению военных действий и связанная с ними гонка вооружений — вот что характеризует в настоящее время все действия этого правительства как в области внутренней, так и внешней политики.

Размеры военных приготовлений, проводимых американскими империалистами, можно лучше всего выяснить при помощи цифр, которые иллюстрируют не только их агрессивный характер, но и бессилие предотвратить новый экономический кризис, который все сильнее охватывает своими клещами экономику США, несмотря на ее переход на военные рельсы.

Вторая мировая война обострила в США основное противоречие капитализма, противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения его результатов, то есть противоречие, лежащее в самой основе экономических кризисов

перепроизводства. Развязанная американскими империалистами в Корее агрессия не только не ликвидировала это противоречие, но, наоборот, значительно его углубила.

Реальная заработная плата в США уже в 1948 г. была на 20 % ниже уровня заработной платы 1939 г. С тех пор заработная плата систематически падала, особенно в результате ее «замораживания» правительством Трумэна при помощи антирабочего законодательства, применения известных фашистских законов Тафта — Хартли и Маккарена; это законодательство было направлено против экономических и политических выступлений рабочего класса, имевших место в результате судебного процесса против руководителей коммунистической партии и усиления антинегритянского террора, введения «чрезвычайного положения» и тому подобных фашистских мероприятий. Снижение реальной заработной платы принадлежит к числу наиболее характерных черт современной американской экономики. Если еще учесть существующую в США инфляцию, незаинтересованность по существу и невозможность практически стабилизировать цены на промышленные товары, цены, растущие именно по воле правительства, которое оберегает лишь интересы своих доверителей, то станет ясно, как сильно падает покупательная способность многомиллионных масс рабочих, крестьян и трудящейся интеллигенции. Идущее параллельно росту доходов монополистов, это падение покупательной способности населения неуклонно подрывает американскую экономику, стремительно приближая кульминационный пункт кризиса, быстро развивающегося в условиях послевоенного периода уже с 1948 г.

В то же время доходы американских монополий увеличились даже по сравнению со сказочными их прибылями в военные годы. В период послевоенной инфляции 1947 и 1948 гг. эти прибыли достигли 19,1 и 21,2 млрд. долларов — против 10,6 и 10,8 миллиардов в 1943 и 1944 гг. и 8,4 и 5,0 миллиардов долларов в период мирной конъюнктуры в 1929 и 1930 гг.

На фоне этих цифровых данных особенное значение приобретает тот факт, что общая сумма реальной заработной платы рабочего класса США составила по сравнению с 1944 г. в 1945 г. — 86 %, в 1946 г. — 74 %, в

1947 и 1948 гг. — 77%, а в 1948 г. — едва 72%. Таким образом, за несколько послевоенных лет американские концерны в среднем удвоили и без того гигантские свои прибыли, тогда как реальные заработки рабочих были урезаны более чем на одну четверть.

По данным американского федерального резервного бюро, в 1947 г. восьмая часть всех семейств в Америке (13%) зарабатывала менее одной четверти прожиточного минимума, более одной пятой всех семейств (21%) получала доход, составлявший менее половины необходимого прожиточного минимума, доход 22,3% всех семейств составлял менее трех четвертей необходимого прожиточного минимума. Таким образом, почти три четверти всех американских семейств жили в нужде. Эти цифры далеко еще не дают подлинной картины падения покупательной способности американских народных масс, а между тем в этом главная причина нарушения равновесия американской экономики и стремления ее хозяев путем войны сохранить свои прибыли и спастись от надвигающегося краха¹.

Гигантские военные приготовления, предпринимаемые империалистами в этих целях, не могут и не могли полностью предотвратить углубление кризиса, точно так же как не может принести спасения империалистическим бандитам и сама война; достаточно сослаться в качестве примера на судьбу гитлеризма.

Несмотря на невиданное расширение военного производства, общий уровень американского производства в 1949 г. упал на 22% по сравнению с 1948 г. В 1950 г., то есть в год начала агрессии в Корее и гонки вооружений европейских сателлитов и войск интервенционистов в разных странах Азии, отдельные отрасли военной промышленности в Америке действительно значительно расширили свое производство, но остальные отрасли, особенно занятые выпуском продукции для гражданского населения, были охвачены серьезным кризисом, усугубленным результатами аграрного кризиса.

В то самое время, когда миллионы людей голодали и не могли удовлетворить свои самые элементарные

---

¹ См. «Обнищание трудящихся в капиталистических странах», «Новое время», 1950, № 33, а также Н. Вейцман, Балансы американских монополий, «Новое время», 1950, № 34.

нужды, в США были уничтожены миллиарды яиц, миллионы тонн картофеля, сотни тысяч тонн других продуктов, а на складах накапливались огромные массы самых различных товаров, которые нельзя было сбыть в рамках плана Маршалла.

Американский монополистический капитал, не извлекая никаких уроков из аналогичного опыта гитлеровских монополий, усматривал и усматривает единственное средство для предупреждения экономического краха в гонке вооружений и в войне.

Расходы на армию и флот в США поглотили в 1948/49 г. уже 35% бюджета, то есть почти в 12 раз больше, чем в 1937/38 г. Если же учесть суммы военных налогов, возмещенных Трумэном монополиям, то эти расходы составят 71% всех государственных расходов.

Американский бюджет на 1950/51 г., утвержденный еще до начала агрессии в Корее, предусматривал военные расходы в объеме 32 млрд. долларов из общей суммы расходов в 42 млрд. долларов.

После начала военных операций в Корее американский конгресс ассигновал на военные цели дополнительно 16,8 млрд. долларов. Введение «состояния военной готовности» в январе 1951 г. позволило Трумэну увеличить военный бюджет 1950/51 и 1951/52 гг. до общей суммы в 140 млрд. долларов, что в пять раз превышает сумму, которая предназначалась на военные цели в 1941 г., и на 30% превышает сумму, израсходованную на военные нужды в 1942 г.

Эти гигантские суммы вкладываются в военную монополистическую промышленность, обеспечивая ей — за счет жизненного уровня ограбленных народных масс как в собственной стране, так и в других поработанных странах — не только сохранение прибылей на существующем уровне, но и дальнейший их рост. Эти прибыли особенно стремительно увеличились после начала спровоцированной американскими монополистами агрессии в Корее, углубляя, однако, в то же время противоречия империалистов и создавая для них новые неразрешимые трудности¹.

---

¹ См. М. Рубинштейн, Экономика США на службе поджигателей войны, «Большевик», 1951, № 2, стр. 30—31.

Пренебрегая ими, не желая видеть грозных симптомов, американский империализм, как о том свидетельствует проташенная им с провокационной целью позорная резолюция ООН о признании Китая «агрессором», упорно продолжает двигаться по пути к новой войне во всемирном масштабе, по пути, на котором американских империалистов может ожидать лишь неизбежная катастрофа.

Но империализм не был бы империализмом, если бы он не пошел этим путем.

«Империализм есть прогрессирующее угнетение наций мира горсткой великих держав, есть эпоха войн между ними за расширение и упрочение гнета над нациями...»¹

Но американский империализм, который при помощи плана Маршалла, доктрины Трумэна, Северо-атлантического пакта и связанных с ними военных соглашений, при помощи политики ремилитаризации Германии и Японии угнетает все капиталистические государства и их колониальные владения, стремится не только упрочить свои владения, но и расширить их. Американский империализм стремится прежде всего к уничтожению социалистических государств во главе с Советским Союзом, чтобы тем самым обеспечить себе господство над всем миром.

Господство над миром является целью империалистической политики и ее продолжения — империалистической войны.

Эту политику, ради которой они не хотят отказаться сейчас от атомного оружия и других средств массового уничтожения, американские империалисты проводят уже давно.

История правящих кругов США — это история страшной, бесчеловечной эксплуатации собственных народных масс, истребления и ограбления чужих народов, это история кровавых расправ с рабами и собственным рабочим классом, история грубого вмешательства во внутренние дела других государств и народов, это агрессивные войны, это прямое или косвенное финансирование и провоцирование на вооруженные выступления вся-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 373.

кого рода реакционеров, авантюристов, врагов прогресса и мира.

Истребление индейцев, жестокие мучения негров, организованные военные перевороты почти во всех превращенных в колонии странах Латинской Америки, нападение на Мексику, на Филиппины, резня в Гаити, Гватемале, Никарагуа, на Карибских островах и во многих других соседних странах — это лишь кровавое начало той обогрешенной человеческой кровью политики, которая со времен Теодора Рузвельта и Вильсона, через годы первой мировой войны, зверской интервенции против молодой Советской Республики, ведет к финансированию гитлеризма, к интервенции в Китае, к Мюнхену и ко второй мировой войне и, далее, к организации новой мировой войны тотчас после окончания военных действий, которые Америка финансировала в качестве банкира и поддерживала в качестве закулисного вдохновителя и режиссера.

С особой жестокостью обрушились американские захватчики после первой мировой войны на Советскую Россию, чтобы организацией голодной блокады, массовыми расстрелами гражданского населения, концентрационными лагерями и другими утонченными средствами террора задушить революцию рабочих и крестьян¹.

Те же методы расправы с революционным движением и сторонниками мира они рекомендуют применять своим агентам в составе правительств империалистических государств, сами же проводят такую расправу повсеместно, где только ступает сапог их собственной солдатчины.

«Конечно, возможны *временные* соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашение *европейских* капиталистов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе»².

Образцами такого рода соглашений являются: план Маршалла и Северо-атлантический пакт, санкционирую-

---

¹ См. П. Н. Поспелов, В 27 годовщину смерти Ленина, «Большевик», 1951, № 2; Корионов, Кровавый американский империализм, «Правда», 8 февраля 1951 г.; Е. В. Тарле, Из истории антисоветской политики американского империализма, «Большевик», 1951, № 1.

² В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 310.

шие вмешательство США во внутренние дела поработанных ими при помощи таких соглашений стран — вмешательство не только ради непосредственных и немедленных прибылей американских монополистов, но и во имя общих интересов всех союзных с ними капиталистов в их борьбе против рабочего класса, против государства, где рабочий класс завоевал власть.

«Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково, — писал Ленин тридцать лет тому назад, — единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»¹.

Таково подлинное содержание, значение и смысл развертываемой ныне американскими империалистами новой войны, таким было содержание всех военных планов, которые американские империалисты осуществляли с конца XIX в. и вплоть до агрессии в Корее.

В ходе военных действий в Корее, сопровождающихся самым грубым попранием принципов и норм международного права, уничтожением гражданского населения, казнями заложников, больных, пленных и раненых, бомбардировками открытых городов и селений, уничтожением объектов, не имеющих никакого военного значения, особенно рельефно проявились методы, которые уже издавна прославлялись в США как методы организации крестового похода за господство над миром, методы, настойчиво применяемые и усовершенствованные; целью этого крестового похода стала, в числе других, ликвидация социализма.

Не случайно поэтому уже в 1899 г. правительство США уклонилось от подписания конвенции о запрещении пуль «дум-дум», в 1925 г. США отказались ратифицировать женеvский протокол, запрещающий применение отравляющих газов и бактериологических средств ведения войны, в 1945 г., уже на пороге окончания

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 11.

военных действий, правительство США испробовало силу атомного оружия на гражданском населении Хиросимы и Нагасаки, а теперь оно срывает возможность соглашения по вопросу о запрещении использования атомного оружия и других средств массового уничтожения людей. Не случайно и то, что «суд Линча» в Америке принимает характер систематического убийства людей, а война в Корее проводится способами, являющимися преступлением против человечества: политика американского правительства — это преступление против мира, и американские империалисты в качестве главных жандармов, служащих мировой реакции, возглавляют заговор против мира.

В свете приемов агрессии, примененных американскими убийцами в Корее, приемов, которые в том или другом виде никогда не были им чужды на протяжении всего существования американского империализма, можно понять отрицательное отношение американских империалистов к нормам и основным принципам международного права вообще, к целям, для которых создана Комиссия по атомной энергии ООН, в частности.

Американские делегаты в этой Комиссии неоднократно и в чрезвычайно циничной форме утверждали, что конвенция о запрещении атомного оружия не может иметь никакого значения. Тем самым они показали свое подлинное отношение к общепризнанным принципам права и к своим собственным обязательствам.

В своей речи 16 мая 1950 г. известный поджигатель войны Даллес заявил: «Нам не нужно больше международных комитетов, занимающихся только болтовней, комитетов, которые являются лишь препятствием на пути к действиям». Таким комитетом, в понимании Даллеса и государственного департамента, после начала «действия» в Корее стала также Комиссия по атомной энергии ООН, именно потому, что американские империалисты вынашивали планы использования атомного оружия, дабы поскорее осуществить это «действие».

Почву для такого решения должны были подготовить: выступление британского консерватора Робертса в палате общин, приведенные уже резолюции, осуждающие Стокгольмское воззвание, принятые Британским конгрессом тред-юнионов, и организованный Тито в

июле 1950 г. так называемый «Белградский конгресс мира». Эту же цель преследовали заявления комитета исследований европейских проблем о возможности применения атомного оружия в Корее и декларации подобных разбойничьих организаций. Одновременно были опубликованы в печати и оглашены в американском конгрессе высказывания в том же духе империалистических агентов в ООН и вне ее.

Вскоре после этого, на пресс-конференции 30 ноября 1950 г., президент Трумэн, как уже ранее об этом упоминалось, позволил себе официально угрожать атомной бомбой Корее, а американские палачи Ноулэнд и Истлэнд высказались за «атомизацию» Маньчжурии.

Мы уже говорили о той волне протестов и возмущения, которая поднялась в связи с заявлением Трумэна. Это заявление, как и предшествовавшие ему угрозы применить атомное оружие против корейского народа, вызвали острую реакцию и негодование даже в кругах, весьма далеких от всемирного движения сторонников мира, которое стоит на той отвечающей международному праву точке зрения, что правительство, которое первым применит атомное оружие в военных целях, является военным преступником.

12 сентября 1950 г. более 100 преподавателей британских университетов через депутата Вернона представили английскому парламенту петицию, предлагающую потребовать от Америки отказа от производства водородных бомб, решительно протестуя также против любых угроз применить атомное оружие. Против таких угроз выступили публично также «Объединение американских ученых», многочисленные круги видных общественных деятелей в Америке и в Европе и крупнейшие американские ученые, в том числе и такие выдающиеся физики, как Альберт Эйнштейн и Луи Бромфилд. Ряд известных английских деятелей — Джолиен Хаксли, лорд Бойд-Орр, Фрэнк Байерс, Фрэнсис Уиллиамс, Кингсли Мартин и другие обратились с соответствующим призывом к Организации Объединенных наций¹.

Более 200 членов английского парламента потребовали вывода английских войск из Кореи, если там будет

---

¹ См. Bulletin of the Atomic Scientifics, July 1950.

применено атомное оружие; французское правительство заявило, что обстановка в Корее не оправдывает применения атомного оружия.

Таким образом, если не считать гангстеров американского империализма или их щедро оплачиваемых кровавых слуг, то можно говорить об абсолютной изоляции атомных шантажистов, их моральном и фактическом бессилии.

Угрозы атомным оружием не могли, разумеется, поддержать национально-освободительную борьбу корейского народа и подавить в китайском народе волю оказать ему братскую помощь: эту помощь оказали отряды китайских добровольцев, ныне поддерживающие Народную армию Кореи в ее справедливой оборонительной войне против американских агрессоров. Но факт изоляции атомных поджигателей и срыва планов непосредственного применения атомного оружия в Корее бесспорно свидетельствует о силе и возможностях всемирного движения сторонников мира. Этот факт явился также свидетельством успехов борьбы против империализма, которую лагерь мира во главе с Советским Союзом ведет как в Организации Объединенных наций, так и вне ее. В ходе этой борьбы разоблачены цели атомных поджигателей и в корне подорваны их подлые намерения, которые они не могут реализовать, несмотря на попытки скрепить их противозаконными резолюциями ООН, противоречащими основным принципам международного права и устава этой Организации.

При помощи послушного им механизма голосования в ООН американские империалисты «легализовали» свои преступления против корейского народа. Стремясь расширить агрессию на Дальнем Востоке и развязать мировую войну, они протаскили резолюцию о признании «агрессором» Китайской Народной Республики, народ которой осуществляет свое неотъемлемое право самообороны и сопротивления подлинному агрессору. Создавая на основании постановлений, принятых послушным им в ООН большинством, незаконные комиссии и протаскивая таким же противозаконным способом на Генеральной Ассамблее решения по вопросам, подлежащим компетенции исключительно Совета Безопасности, в котором действует принцип единогласия великих держав,

американские империалисты нарушили самые основы Организации Объединенных наций, стремясь добиться того, чтобы она, говоря словами А. А. Громыко, превратилась «в своего рода филиал государственного департамента США, в послушное орудие политики американских правящих кругов, выступивших нарушителями мира»¹.

Эти попытки использовать ООН как орудие империалистической политики и в отношении атомного оружия проявились в поездке Эттли в Вашингтон, в выдвинутом в ООН «предложении», лживо названном «Для мира нужны дела», а также в меморандуме незаконно навязанного ООН генерального секретаря Трюгве Ли, оглашенном на пленарных заседаниях ООН, и в резолюции 13 декабря 1950 г., в силу которой после отклонения советских предложений была принята инспирированная США резолюция «восьми государств» по вопросу об атомной энергии.

Демагогическое предложение «Для мира нужны дела», как и меморандум Трюгве Ли, по сути дела поддерживали американский план контроля над производством атомной энергии и не предусматривали каких-либо решений относительно запрещения атомного оружия и уничтожения его «запасов».

Таким образом, оба эти «документа» касались контроля над тем, чего еще нет и — на основе этих документов — не могло быть, так как вопрос о запрещении использования атомной энергии для военных целей был в них обойден. Говоря об этих документах, министр иностранных дел СССР Вышинский в своей речи 18 ноября 1950 г. справедливо подчеркнул, что «такая постановка этого вопроса, которую мы находим в меморандуме генерального секретаря, не дает правильного направления усилиям Организации Объединенных наций в деле укрепления мира и безопасности народов. Наоборот, она служит только маскировке целей, не имеющих ничего общего с благородной целью укрепления мира. Такая постановка вопроса об атомной энергии направлена в действительности на то, чтобы прикрыть дальнейшее бесконтрольное производство атомного оружия»².

---

¹ «Правда», 4 июля 1950 г.

² «Правда», 21 ноября 1949 г.

Точно так же и «принятый» совместный проект резолюции по вопросу о контроле над производством атомной энергии, представленный 12 декабря 1950 г. на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи делегациями США, Великобритании, Франции, Австралии, Канады, Эквадора, Голландии и Турции, явно обходил наиболее важные стороны проблемы, а именно вопрос о запрещении атомного оружия. Эта резолюция принимала американскую точку зрения в соответствии с планом Баруха, то есть с планом обеспечить американским агрессорам монополию над производством атомной энергии, и не только монополию, но и полную гегемонию США.

Как видим, поездка премьера Эттли в Вашингтон не принесла того, чего требовали английский народ и народы других капиталистических стран, формально им представленных, а именно осуждения атомных угроз Трумэна.

Напротив, хотя в результате этой поездки остались и даже углубились противоречия в империалистическом лагере, она была все же использована империалистами для оправдания политики дальнейшей подготовки к войне и, следовательно, для дальнейших вооружений в том числе, конечно, атомных вооружений.

Продолжение этой политики нашло отражение также в поездке Эйзенхауэра в маршаллизованные страны Западной Европы в начале 1951 г., в Парижской конференции по вопросу о создании «объединенных вооруженных сил Европы», в поездке Плевена в Вашингтон, Даллеса — в Японию, в возвращении преступнику Круппу его военных заводов в Эссене, в ускорении темпов восстановления «вермахта» и сил японского милитаризма с использованием освобожденных из тюрем военных преступников, в усилении интервенции во Вьетнаме и в Малайе, в сколачивании при участии титовских лакеев и фашистов из Турции, Греции и Израиля агрессивного средиземноморского блока и в целом ряде других действий, рассчитанных на подготовку военной провокации в международном масштабе.

Этим провокациям, этой уже развязанной в некоторых пунктах мира агрессии, а также проводимой в целях ее расширения политике грубого нарушения элементарных принципов права и морали, опирающихся на между-

народные обязательства, которые сохраняют свою силу, и на Устав ООН, противостоит лагерь мира с могучим Советским Союзом во главе, лагерь, объединяющий сотни миллионов людей на всем земном шаре. Волю этих миллионов — сорвать планы агрессоров — не могли ни сломить, ни задержать никакое насилие, никакой террор, никакие преступления империализма.

В то время как империалистические правительства отказались рассмотреть или просто отвергли призыв Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о прекращении гонки вооружений, о запрещении атомного оружия и об отказе от вмешательства в дела других государств, народы этих стран солидаризировались с этим призывом, как выражающим их собственные стремления и требования. Тем самым народы демонстрировали свою силу, способность обеспечить претворение этого призыва в жизнь, дать ему силу договорной нормы права, — вопреки правительствам, без всякого основания пользующимся их именем в международных организациях.

Этот призыв встретил самый горячий прием в парламентах всех демократических государств. Польский сейм, приняв 7 марта 1950 г. Воззвание о мире, одобрил резолюцию, выражающую единодушную поддержку польского народа содержащимся в воззвании предложениям и уверенность, что «выполнение этих предложений необходимо для обеспечения мира и развития дружественного сотрудничества между народами» и что «Народная Польша будет последовательно бороться за их осуществление».

Подтверждая свою солидарность с Воззванием о мире, Верховный Совет СССР заявил 19 июня 1950 г. от имени советского народа «о своей готовности сотрудничать с законодательными органами других государств в разработке и проведении необходимых мер по осуществлению предложений Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира». При этом было подчеркнуто, что советское правительство «будет и впредь твердо и настойчиво проводить эту политику мирных и дружественных отношений между народами, принимать необходимые меры через Организацию Объединенных Наций

и использовать все другие пути для обеспечения всеобщего мира и международной безопасности»¹.

В соответствии с этим постановлением делегация СССР представила 20 сентября 1950 г. V сессии Генеральной Ассамблеи ООН приведенные выше конкретные предложения по вопросу о сохранении мира и международной безопасности, изложив их в «Декларации об устранении угрозы новой войны и об укреплении мира и безопасности народов».

«В деле устранения угрозы войны и укрепления мира, — заявил в своей речи 20 сентября 1950 г. А. Я. Вышинский, — исключительное значение имеет отказ от использования атомного оружия и установление соответствующего строгого международного контроля»². Не удивительно поэтому, что, выступая в ООН с Декларацией, советская делегация включила в нее в качестве составной, неразрывной ее части постановления, касающиеся запрещения применения атомного оружия в военных целях и признания военным преступником государства, которое первым нарушило бы этот запрет.

Выступая с этой Декларацией, Советский Союз исходил из того положения, что, несмотря на серьезные трудности и саботаж монополистических кругов, все еще можно прийти к соглашению.

Об этом свидетельствует вся предыдущая практика Организации Объединенных наций, которой удавалось добиваться согласия всех сторон и принимать имеющие огромное значение решения; для этого требовалось лишь наличие доброй воли. К числу таких решений относится резолюция 14 декабря 1946 г. о необходимости запретить применение атомного оружия и установить контроль над осуществлением этого запрещения. Сотни миллионов людей, подписавших Стокгольмское воззвание, требуют выполнения этой резолюции.

Яростные нападки на Стокгольмское воззвание поджигателей войны, одним из главных представителей которых в ООН был американский делегат Остин, не смогли уменьшить огромное историческое значение этого события.

Дышащие ненавистью нападки по адресу Стокгольм-

---

¹ «Правда», 21 июня 1950 г.

² «Правда», 22 сентября 1950 г.

ского воззвания свидетельствуют лишь, как метко подчеркнули А. Я. Вышинский и глава польской делегации на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН посол Вербловский, об огромном значении этого документа, который нельзя более игнорировать, и об исторической важности и силе объединившегося вокруг его требований всемирного движения защитников мира.

После того как советская резолюция была отклонена, делегат Советского Союза Малик внес ряд конкретных поправок к проекту резолюции семи государств, претенциозно названной «Объединенными действиями в пользу мира». Эти поправки предусматривали, что применение атомного оружия как средства агрессии и массового уничтожения людей несовместимо с членством в ООН и противоречит совести и чести народов. Поправки предусматривали также безоговорочное запрещение производства атомного оружия, эффективный международный контроль над выполнением этого запрещения, требование разоружения и признания военным преступником того правительства, которое первым использует атомное оружие или иное средство массового уничтожения людей.

Эти поправки не были, однако, приняты. Тем не менее даже послушное всегда американцам большинство в ООН из страха перед общественным мнением не рискнуло их игнорировать. Именно этот страх, как признался в том боливийский делегат, и побудил некоторых делегатов выступить с предложениями, которые — как указал А. Я. Вышинский в своей речи 28 октября 1950 г. — имели своей целью прикрыть пацифистской фразеологией свою оппозицию советским предложениям.

Но и к сфабрикованному с этой целью государственным департаментом проекту резолюции 3 ноября 1950 г. под названием «Объединенные действия в пользу мира» Советский Союз отнесся по-деловому, не отвергая его полностью и поддерживая те его части, которые как, например, призыв к укреплению сотрудничества отдельных государств с ООН — хотя бы в малой степени могли способствовать сохранению международного мира и безопасности.

18 ноября 1950 г. делегация СССР в ООН предложила переработать меморандум Трюгве Ли — так называемую «Двадцатилетнюю программу достижения мира» — с уче-

том дискуссии, которую этот документ вызвал. Делегация СССР предложила изменить те пункты «программы», которые касаются атомной проблемы, с таким расчетом, чтобы они предусматривали запрещение атомного оружия и других средств массового уничтожения людей и эффективный контроль над соблюдением этого запрета. Но и эти советские предложения не были приняты. Тем самым империалисты еще раз показали, что они стремятся помешать деятельности ООН по предупреждению войны и обеспечению мира, то есть той задаче, для которой она была создана; напротив, они добиваются превратить ООН в орудие, санкционирующее их агрессивную политику, угрожающую безопасности народов и миру.

Тем большее значение приобрело всемирное движение сторонников мира, требования которого совпадают с требованиями советских делегатов и представителей всего лагеря мира в ООН, требованиями, которые отражают интересы и волю пославших их демократических и миролюбивых государств, и не только этих государств, но и простых людей на всем земном шаре, ненавидящих войну и жаждущих мира.

Принятые Вторым Всемирным конгрессом мира в Варшаве в ноябре 1950 г. Манифест к народам мира и Обращение к Организации Объединенных наций особенно ярко отразили те требования, которые Советский Союз, поддержанный странами народной демократии, выдвигал в ООН, в частности требования, касающиеся запрещения атомного оружия и эффективного международного контроля над производством атомной энергии и необходимости разрешить эту проблему в интересах безопасности народов и мира.

«Вместе с 500 миллионами людей, подписавших Стокгольмское воззвание, — говорится в Манифесте, — потребуем: запрещения атомного оружия, всеобщего разоружения, контроля над этими мероприятиями. Строгий контроль над всеобщим разоружением и уничтожением атомного оружия технически возможен. Нужно только этого захотеть¹.

В обращении к Организации Объединенных наций подчеркивалось, что эта Организация не выполнила

---

¹ См. Приложение 9.

обязанностей, которые возложило на нее после второй мировой войны человечество всего мира. Особенно ярко это проявилось в вопросе об атомной энергии.

На протяжении более чем четырехлетней своей деятельности Организация Объединенных наций из-за позиции империалистов не смогла сделать ни одного шага по пути осуществления резолюции Генеральной Ассамблеи 14 декабря 1946 г. Эта резолюция, как известно, предусматривала запрещение и снятие с вооружений государств атомного оружия и других средств массового уничтожения и организацию в короткий срок международного контроля над производством атомной энергии и других представляющих угрозу делу мира открытий современной науки и техники и ставила своей целью обеспечить исключительно мирное их использование.

В этих целях Второй конгресс мира обратился к ООН с предложением, которое предусматривает:

«Безусловное запрещение всех видов атомного, бактериологического, химического оружия, отравляющих веществ, радиоактивных и всех прочих средств массового уничтожения.

Объявление военным преступником правительства, которое первым их применит»¹.

Таким образом, проблема запрещения атомного оружия, как, впрочем, и других средств массового уничтожения, введение системы строгого международного контроля над производством атомной энергии, а также требование признать военным преступником государство, которое первым применит оружие массового уничтожения людей, — все это было признано одним из важнейших условий сохранения мира во всем мире и восстановления международного доверия, без которого невозможно мирное сотрудничество между государствами с разным политико-экономическим строем. Но помимо того, все это приобрело ценность не только юридических фактов, но и фактов политических, которые приводят к подлинному, настоящему парламенту народов всего мира.

В свете решения Варшавского конгресса мира о возможности и целесообразности международного соглашения в интересах мира совершенно очевидно и бесспорно,

---

¹ См. Приложение 10.

что вся ответственность за то, что до сих пор нет такого соглашения, особенно по вопросу о контроле над атомной энергией и запрещении атомного оружия, падает на правительство Соединенных Штатов Америки. В противоположность Советскому Союзу, оно с самого начала заняло позицию навязанного диктата и своей воли другим государствам, чтобы в соответствии со своими космополитическими тенденциями создать под своей эгидой всемирное правительство во всемирном государстве рабов, подчиненных господам из Уолл-стрита.

С другой стороны, Варшавский конгресс мира доказал справедливость позиции, которую советское правительство заняло в вопросе об атомной энергии с первого дня существования Организации Объединенных наций. Конгресс показал также, что в то время как за американским планом контроля над атомной энергией скрывается группа упившихся человеческой кровью англо-американских монополистов, стоящих перед перспективой полного банкротства и лихорадочно ищущих спасения в омуте новой резни, советский проект запрещения атомного оружия и контроля над атомной энергией поддерживается миролюбивыми силами всего мира, ибо он отвечает интересам миллионных масс, большинства людей на всем земном шаре.

Предложения Советского Союза и стран народной демократии, а равно предложения, которые были сформулированы на Втором конгрессе мира делегациями всех стран, отражают подлинную волю народов; она проявляется также и в той части Обращения конгресса, которая призывает к образованию международного контрольного органа в рамках Совета Безопасности, следовательно с соблюдением ст. 24 устава Организации Объединенных наций, возлагающей на Совет Безопасности главную ответственность за сохранение международного мира и безопасности, то есть с соблюдением принципа единогласия великих держав, которые лишь совместными действиями могут устранить угрозу делу мира.

Этот орган — как того требует всемирное движение сторонников мира — должен располагать компетентной инспекцией и заниматься контролем над сокращением вооружений, а также проведением в жизнь запрещения

атомного оружия, бактериологических, химических и других средств массового уничтожения.

Советская делегация в ООН вносила такие предложения. Достаточно напомнить ту характеристику, которую дал А. Я. Вышинский системе контроля, опирающейся на инспекцию, в своей речи 23 октября 1950 г., чтобы видеть, что и в этом отношении советские требования пользуются поддержкой миллионов людей на земном шаре.

Особенно важное значение с точки зрения реализации решений Второго конгресса мира, в том числе и требований, касающихся атомной энергии, имеет факт образования Всемирного Совета мира, представительного органа, главная задача которого — призывать Организацию Объединенных наций действительно выполнить те обязательства, которые она взяла на себя во имя упрочения и развития мирного сотрудничества между всеми государствами.

Значение Совета мира — прежде всего в том, что он может обращаться, минуя правительства, непосредственно к самим народам, призывая их вынудить свои правительства — в частности тогда, когда те не выражают их волю — проводить политику мирного международного сотрудничества. Всемирный Совет мира, будучи представительным органом всех наций — как входящих в ООН, так и стоящих вне ее, — является организацией, призванной серьезно содействовать защитникам мира в их борьбе за упрочение мира и тем самым за запрещение атомного оружия и установление системы контроля над эффективным проведением в жизнь этого запрещения.

Народы всего мира связывают со Всемирным Советом мира свои надежды на срыв разбойничьих планов империалистических поджигателей войны и атомных шантажистов. Создание этого органа имеет исключительно большое значение для проблемы атомной энергии в рамках общей борьбы за мир.

В противоположность Организации Объединенных наций, которая и в вопросе о запрещении атомного оружия и установления международного контроля над атомной энергией стала орудием политики американских империалистов, Всемирный Совет мира представляет собой орган, который благодаря участию в нем подлинных представи-

телей народов, может обеспечить эффективное и безоговорочное осуществление выдвигаемого большинством людей земного шара требования о запрещении атомного оружия. Это запрещение, которое благодаря всемирному движению сторонников мира стало неоспоримым политическим фактом, несмотря на отсутствие соответствующих конвенций, представляет собой норму международного права и благодаря Всемирному Совету мира имеет также шансы получить в недалеком будущем формальную санкцию в форме соответствующих договоров. Ибо, как заявил на Варшавском конгрессе профессор Жолио-Кюри, «теперь те, кто ставит или поставит вопрос о том, будут они или не будут использовать атомную бомбу, не должны ограничиваться только анализом докладов военных экспертов и исходить только из тактических и стратегических соображений. Они не смогут больше игнорировать то обстоятельство, что миллионы мужчин и женщин, которые в один прекрасный день могут стать их судьями, будут обсуждать их решение»¹.

Размах всемирного движения сторонников мира, та огромная сила, которую оно олицетворяет, важность принятых решений и их правотворческое и моральное значение — все это не могло, разумеется, не вызвать ярости в лагере поджигателей войны, нападок на организаторов этого движения, волны преследований и террора против все растущих рядов его сторонников. Это озлобление проявилось в тем более грубых формах, что империализму уже не удастся скрыть свое прогрессирующее ослабление в результате военных и политических поражений и роста взаимных противоречий в его лагере, и еще потому, что, как становится все яснее, всякая попытка привести в исполнение свои угрозы не останется безнаказанной для атомных шантажистов.

Уже после оглашения резолюций Второго Всемирного конгресса мира и Бюро Всемирного Совета мира американский конгресс утвердил новые кредиты на вооружения, в том числе и на атомное оружие, на сооружение заводов для экспериментального производства водородных бомб, а также объявил состояние «военной готовности» и «экономической мобилизации». Американский

---

¹ «Trybuna Ludu», 1950, № 36.

империализм усилил давление на своих сателлитов, толкая их на ускорение вооружения и на примирение с гитлеровскими преступниками, вернее — на их подчинение ему.

И, быть может, никогда более явственнее не обнажалась растущая слабость империалистов и их полная изоляция в мире и в собственной среде, их состояние ярости, говорящее о приближающейся агонии этих ужасных народоубийц, хватающихся за самые грязные средства ради осуществления своих преступных целей.

Удар, нанесенный движением сторонников мира, выбил из их кровавых лап атомную бомбу в Корее. Теперь они говорят, что не стоило использовать атомное оружие в Корее, поскольку с военной точки зрения, несмотря на большие потери в людях, при помощи атомной бомбы все равно не удалось бы сломить способность корейских войск к продолжению борьбы. И все же они продолжают производить атомное оружие, мечтают о водородной бомбе и о различных утонченных средствах массового уничтожения. По их представлению, «применение атомной бомбы будет оправдано, поскольку такие промышленно-развитые государства, как Советский Союз, Польша, Чехословакия и страны Западной Европы, представляют собой объект, уничтожение которого может принести большие военные выгоды»¹. Но они предпочитают, однако, молчать о том, в чем сами все больше убеждаются, а именно, что никакое оружие, никакие угрозы не смогут уничтожить не только боеспособность корейских войск, но и волю всех народов стоять на страже собственной независимости и мира во всем мире.

Фарисейски прикрываясь флагом Объединенных наций, американская империалистическая военщина совершает преступление за преступлением, терзает и подвергает массовым убийствам патриотов, стариков, женщин, детей, казнит людей без суда и следствия — в тюрьмах и публично, открыто и тайно.

Жертвам, число которых измеряется сотнями тысяч, зверски отрезают пальцы, кромсают лицо ножницами, сапогами топчут младенцев, скальпируют пленных. Уколами шильев умерщвляют беременных женщин, насилуют

---

¹ «Bulletin of the Atomic Scientifics» July 1950.

подростков, у арестованных отрезают языки, уши, носы, закапывают живьем в землю, топят в воде, морят голодом, обрекают на медленную, неслыханно мучительную смерть в лагерях истребления.

Ужасы Майданека, Освенцима, Бухенвальда и прочих гитлеровских концентрационных лагерей бледнеют перед испытаниями, выпавшими на долю корейского народа, перед страданиями, которые ему причиняют существа, претендующие на имя людей — и притом «высшей цивилизации», — на управление всем миром.

Но корейский народ доблестно продолжает борьбу, результаты которой не могут быть иными, чем результаты борьбы тех народов, с которыми не раз мерились силами неразборчивые в средствах американские преступники против человечества, их предшественники и их ученики, гитлеровские бандиты и японские империалисты.

Более четверти века тому назад американские империалисты пытались голодом, оружием, пытками и виселицами задушить революционную власть рабочих и крестьян России. С той же целью натравили они на нее свору гитлеровцев. Но тщетны были их усилия; они провалились, как 30 лет спустя провалились планы империалистов повернуть вспять стрелку часов истории в странах народной демократии Европы и в Китае. Точно так же должна потерпеть крушение и попытка потопить в крови Корею. Мир идет вперед, а те, кто становится поперек его пути, продолжая носиться с безумными планами Гитлера и Муссолини, не могут рассчитывать на лучший конец, чем конец их учителей, давно сгнивших на свалке истории.

Необозримо велики силы, защищающие ныне дело мира. В их числе — непоколебимые советские народы, народы стран народной демократии, Германской Демократической Республики, мужественные бойцы национально-освободительного движения на континентах Азии, Африки, могучий, окрепший в боях рабочий класс Европы и Америки, миллионы людей всемирного движения сторонников мира, охватывающего все страны всех континентов.

Те же, кто жаждет вновь потопить мир в море крови, — это лишь горстка преступников.

Миллионы людей, все более уясняя себе подлые, разбойничьи намерения этих преступников, бдительно следят за их происками. Эти миллионы достаточно сильны, чтобы раз навсегда выбить из их рук атомное оружие и другие подобные орудия смерти и отстоять великое дело независимости своих народов, их свободы и развития, столь дорогое им дело мира.

Лозунг «Хиросима никогда не повторится» должен и будет отражать действительность.

«Число честных людей во всем мире, — сказал на Варшавском конгрессе Жолио-Кюри, — несравненно больше, чем число людей бесчестных; именно потому, что мы сознаем, что действуем искренне и совершенно объективно в защиту мира, мы будем сильнее всего и нам удастся своевременно пробудить всемирное сознание, которое будет победоносно противостоять войне»¹.

Огромным вкладом в дело защиты мира и могучим стимулом к усилению борьбы для его сторонников является ответ Генералиссимуса Сталина 6 октября 1951 г. корреспонденту «Правды» насчет атомного оружия².

На очередном этапе своей военной пропаганды американско-английские империалисты, стремясь к еще большему раздуванию военной истерии, усилению психоза неизбежности войны и получению благодаря этому еще больших кредитов на вооружение и другие формы подготовки к агрессии, использовали факт производства в СССР и испытания отдельных видов атомной бомбы для того, чтобы взывать о новой угрозе безопасности США со стороны Советского Союза.

В Советском Союзе, заявил И. В. Сталин в указанном ответе, — «Действительно, недавно было проведено у нас испытание одного из видов атомной бомбы. Испытание атомных бомб различных калибров будет проводиться и впредь по плану обороны нашей страны от нападения англо-американского агрессивного блока».

Но эти испытания, которые еще раз доказывают, каким обманом, рассчитанным исключительно на политический и военный шантаж, был миф об американской монополии на атомное оружие и о якобы техническом

---

¹ «Правда», 18 ноября 1950 г.

² «Правда», 6 октября 1951 г.

превосходстве лагеря империализма над лагерем социализма, конечно, не дают никаких оснований для того шума и тревоги, которые подняты в США. Советский Союз, давно уже обладая атомным оружием, никогда, однако, не отступал от своей политики борьбы за запрещение производства атомного оружия, от своей политики борьбы за мир, политики, которой он остается верен при всех условиях, а следовательно, и при условиях превосходства в вооружениях над сторонниками войны.

«Деятели США не могут не знать, — заявил И. В. Сталин в своем ответе, — что Советский Союз стоит не только против применения атомного оружия, но и за его запрещение, за прекращение его производства. Как известно, Советский Союз несколько раз требовал запрещения атомного оружия, но он каждый раз получал отказ от держав Атлантического блока. Это значит, что в случае нападения США на нашу страну правящие круги США будут применять атомную бомбу. Это именно обстоятельство и вынудило Советский Союз иметь атомное оружие, чтобы во всеоружии встретить агрессоров.

Конечно, агрессоры хотят, чтобы Советский Союз был безоружен в случае их нападения на него. Но Советский Союз с этим не согласен и думает, что агрессора надо встретить во всеоружии.

Следовательно, если США не думают нападать на Советский Союз, тревогу деятелей США нужно считать беспредметной и фальшивой, ибо Советский Союз не помышляет о том, чтобы когда-либо напасть на США или на какую-либо другую страну.

Деятели США недовольны тем, что секретом атомного оружия обладают не только США, но и другие страны и, прежде всего, Советский Союз. Они бы хотели, чтобы США были монополистами по производству атомной бомбы, чтобы США имели неограниченную возможность пугать и шантажировать другие страны. Но на каком собственно основании они так думают, по какому праву? Разве интересы сохранения мира требуют подобной монополии? Не вернее ли будет сказать, что дело обстоит как раз наоборот, что именно интересы сохранения мира требуют прежде всего ликвидации такой монополии, а затем и безусловного воспрещения атомного оружия. Я думаю, что сторонники атомной бомбы могут

пойти на запрещение атомного оружия только в том случае, если они увидят, что они уже не являются больше монополистами».

Говоря о международном контроле в области атомного вооружения, Генералиссимус Сталин далее заявил: «Советский Союз стоит за воспреещение атомного оружия и за прекращение производства атомного оружия. Советский Союз стоит за установление международного контроля над тем, чтобы решение о запрещении атомного оружия, о прекращении производства атомного оружия и об использовании уже произведенных атомных бомб исключительно для гражданских целей — выполнялось со всей точностью и добросовестностью. Советский Союз стоит именно за такой международный контроль.

Американские деятели тоже говорят о «контроле», но их «контроль» исходит не из прекращения производства атомного оружия, а из продолжения такого производства, при том в количествах, соответствующих количеству сырья, имеющегося в распоряжении тех или иных стран. Следовательно, американский «контроль» исходит не из запрещения атомного оружия, а из его легализации и узаконения. Тем самым узаконяется право поджигателей войны истреблять при помощи атомного оружия десятки и сотни тысяч мирного населения. Не трудно понять, что это не контроль, а издевка над контролем, обман миролюбивых чаяний народов. Понятно, что такой «контроль» не может удовлетворить миролюбивые народы, требующие запрещения атомного оружия и прекращения его производства».

Народы земного шара борются за мир и поэтому поддерживают советские предложения, которые служат делу мира и совпадают с требованиями всемирного движения сторонников мира.

Ответ Генералиссимуса Сталина выбивает последнее подлое оружие из рук поджигателей войны и является серьезным предостережением для тех, которые носят с новыми планами агрессии. Он придает бодрость человечеству, укрепляет уверенность мощной армии сторонников мира на всей земле в справедливости своего дела, уверенность в окончательной победе.

Глава десятая

БОРЬБА ЗА МЕЖДУНАРОДНОПРАВОВОЕ РАЗРЕШЕНИЕ АТОМНОЙ ПРОБЛЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Борьба за запрещение средств массового уничтожения людей и за установление эффективного международного контроля над производством атомной энергии является лишь одной из сторон борьбы, широко развернувшейся во всех областях общественной жизни, борьбы за принципы демократии, прогресс и упрочение мира. Из столкновения различных взглядов на формы такого контроля выявляются основные тенденции современной международной политики и складывающегося в соответствии с ними международного права.

В проблематике атомной энергии, быть может, значительно более рельефно, чем в других международных вопросах, отражается вся глубина различия между двумя подходами к разрешению коренных вопросов международного права. Отчетливо вырисовываются узловые и одновременно наиболее острые проблемы международного права, а также две основные тенденции, господствующие в его теории и в практике его применения. Эти тенденции соответствуют тем двум направлениям современной международной политики, которые являются результатом образования двух лагерей: лагеря мира, демократии и прогресса, с одной стороны, и лагеря империалистического, разжигающего новые конфликты, стремящегося к ликвидации прав человека и гражданина и суверенитета отдельных государств, лагеря социально-экономической реакции — с другой.

«Есть два вида международного сотрудничества, — указывал тов. Молотов на Парижском совещании трех министров 2 июля 1947 г. — Один вид сотрудничества

основан на развитии политических и экономических отношений между равноправными государствами, когда их национальный суверенитет не страдает от чужестранного вмешательства. Такова демократическая основа международного сотрудничества, которое сближает народы между собой и облегчает дело взаимопомощи между ними. Есть другой вид международного сотрудничества, которое основано на господствующем положении одной или нескольких сильных держав в отношении других стран, попадающих в положение каких-то подчиненных, лишенных самостоятельности государств. Совершенно очевидно, что первый вид сотрудничества между государствами, когда они выступают как равноправные стороны, в корне отличается от второго вида международного сотрудничества, где не соблюдается этот принцип»¹.

Охарактеризованная выше борьба за два способа разрешения атомной проблемы является прекрасной иллюстрацией этих двух противоположных видов международного сотрудничества, а также иллюстрацией и двух отражаемых ими концепций международного права.

Здесь не место — да и невозможно в труде, посвященном одному специальному вопросу — исчерпывающим образом проанализировать антагонистичность этих тенденций, которая вытекает из всего изложенного выше материала. Следует, однако, хотя бы в самой общей форме рассмотреть эти тенденции и их отношение к тем основным институтам международного права, которые приобретают особенное значение в ходе борьбы как за разрешение атомной проблемы, так и за международные соглашения в других областях, касающихся безопасности народов и поддержания мира. Даже общая характеристика различного теоретического и практического подхода к формированию норм международного права, их содержанию и соблюдению не только чрезвычайно поучительна для понимания современного состояния науки и практики в области права и международных отношений вообще, но и, в частности, помогает правильно осветить политический смысл борьбы за запрещение атомного оружия, за эффективный международный контроль над проведением в жизнь этого запрещения.

---

¹ В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, Госполитиздат, 1948, стр. 475—476.

А. Две концепции международного права

Анализируя правовые аспекты атомной проблемы, легко убедиться, насколько недостаточен и фальшив формально-догматический подход буржуазной науки к самому существованию международного права и насколько правдиво и глубоко научно советское определение этой отрасли.

Буржуазная наука видит в этом определении лишь совокупность норм об отношениях между государствами, но понимает их абстрактно, не выясняя характера их гарантий, происхождения, социальной сущности и политического значения.

Советская наука утверждает, что речь идет о нормах, выражающих по существу отношения между государствами, образующиеся в результате борьбы, соревнования, а также мирного сотрудничества отдельных государств, что эти нормы выражают волю господствующих в этих государствах классов и охраняются принуждением, осуществляемым этими государствами индивидуально или коллективно *.

Система гарантий и самая сущность американского проекта международного контроля отражают не интересы мирного соревнования и мирного сотрудничества всех существующих государств, безотносительно к их социально-политическому строю, а исключительно интересы одного государства, являющегося органом крупного монополистического капитала, и его политики — политики порабощения других народов средствами как «мирной», так и военной экспансии.

Система гарантий и сущность советского проекта отражают стремление защищать не только интересы отдельных народов, но и мир во всем мире, дело мирного сотрудничества и мирного — только мирного соревнования всех госу-

---

* Академик А. Я. Вышинский определяет «международное право как совокупность норм, регулирующих отношения между государствами в процессе их борьбы и сотрудничества, выражающих волю господствующих классов этих государств и обеспечиваемых принуждением, осуществляемым государствами индивидуально или коллективно» (А. Я. Вышинский, Вопросы международного права и международной политики, М., Госюриздат, 1949, стр. 480). — *Прим. ред.*

дарств, как больших, так и малых, независимо от их социально-политического строя.

Империалистический лагерь с Соединенными Штатами Америки во главе стремится использовать международное право и созданную для его проведения в жизнь международную организацию как орудие, при помощи которого он мог бы навязать свою волю другим государствам и обращаться, особенно с небольшими государствами, как с пешками для агрессии, организуемой империалистами в целях установления своего мирового господства.

Демократический лагерь — Советский Союз, страны народной демократии и широкие народные массы во всем мире — считают, что международное право, в соответствии с его основными нормами, понятиями, принципами и институтами, должно служить делу всеобщего мира и сотрудничества между народами. Именно поэтому эти государства расстраивают попытки империалистов ликвидировать современное международное право как право сотрудничества всех государств, и прежде всего великих держав, в интересах коллективной безопасности, упрочения мира и демократии.

Таким образом, борьба демократического лагеря за запрещение атомного оружия и за эффективный международный контроль над соблюдением этого запрещения была и остается борьбой за демократическое международное право, за осуществление его самых важных задач.

Противодействие этим задачам, стремление к замене взаимного сотрудничества государств господством над ними, стремление использовать в этих целях международное право — все это ведет к тому, что империалистические государства становятся на путь отрицания, на путь обхода и нарушения его главных обязывающих принципов, не дают облечь эти принципы в конкретные договорные нормы, касающиеся отдельных проблем, как, например, атомной проблемы.

Отсутствие до сих пор соглашения по вопросу об атомной энергии является результатом упорных усилий империалистических государств навязать всем странам такие нормы международного права, которые оберегают лишь их собственные эгоистические, частные интересы и направлены против интересов всех других стран и условий их мирного сосуществования. Иначе говоря, отсутствие

такого стремления является результатом намерения США сделать государственный департамент высшим арбитром, создающим нормы современного международного права, и тем самым орудием его ликвидации и замены его правом американских монополистов.

Таким образом, империалисты стремятся незаконно обойти важнейшее условие образования международного права—возникновение его с согласия всех заинтересованных сторон как его субъектов. Не удивительно поэтому, что атомная проблема в своей совокупности все еще остается предметом политической борьбы, а запрещение атомного оружия до сих пор основывается на обязательных общих понятиях и принципах международного права, на нормах обычного права и на нормах, обязательных с другими фактическими составами, без формального определения их и развития в договорном праве.

Б. Две позиции по вопросу о принципе единогласия великих держав

Предусмотренное уставом ООН мирное разрешение международных споров является основным условием упрочения коллективной безопасности. Совершенно очевидно огромное значение в этом смысле сотрудничества всех миролюбивых государств, и прежде всего великих держав, способных общими усилиями предупредить либо устранить угрозу миру.

Мы уже говорили о том, насколько нереальна и опасна для дела мира всякая попытка навязать силой какое-либо решение одной из великих держав против ее воли.

Ввиду этого понятно, почему в уставе Организации Объединенных наций особо подчеркивается — по другому поводу — роль великих держав в Совете Безопасности и содержится постановление о порядке голосования, предусматривающем принцип единогласия этих держав при рассмотрении всех важнейших вопросов в этом единственном в своем роде международном органе, задача которого — предупреждать и улаживать конфликты, угрожающие делу мира.

Действия этой международной организации, сказал И. В. Сталин тотчас после возникновения этой организации, «будут эффективными, если великие державы, вы-

несшие на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, будут действовать и впредь в духе единодушия и согласия. Они не будут эффективными, если будет нарушено это необходимое условие»¹.

В условиях сосуществования государств с различными социальными системами принцип единогласия великих держав является залогом мирного преодоления неизбежных, но при наличии доброй воли устранимых расхождений, залогом сохранения и укрепления их мирного сотрудничества, от которого зависит поддержание и упрочение мира во всем мире. При этом великие державы действуют не только в собственных интересах, но и от имени всех других государств и народов, интересы которых они представляют. Именно в такой плоскости и был поставлен вопрос в уставе Организации Объединенных наций. Это подчеркнуто также в преамбуле к статуту Международного военного трибунала (Нюрнбергского).

Принцип единогласия великих держав, установленный процедурой рассмотрения дел в Совете Безопасности, не мыслился, впрочем, лишь как некая их привилегия. Из этого принципа вытекают не только весьма важные права, но и обязанности для тех, на кого возложена ответственность за поддержание коллективной безопасности.

Принцип единогласия в вопросах, касающихся интересов мира, является основой такого международного сотрудничества, которое, устраняя возможность навязывания какого-либо решения одной из великих держав вопреки ее воле, вынуждает искать соглашения, компромисса и выхода в целях предупреждения конфликта. Таким образом, принцип единогласия великих держав отнюдь не является их привилегией перед малыми государствами, а выражением обязательства по отношению к последним, обязательства обеспечить такое неперемное условие их суверенного существования, каким является укрепление мира.

Советский Союз, который стоял и стоит на страже суверенитета народов, на страже мира, всегда изъяснял готовность идти на уступки по всем вопросам, не исключая, как уже указывалось, и некоторых вопросов, связанных с

---

¹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., Госполитиздат, 1950, стр. 168.

атомной энергией, если это не шло вразрез с обязательствами поддержания и укрепления мира.

Свою атаку на принцип единогласия великих держав американские империалисты вначале направляли на отдельные проблемы (как, например, план Баруха по атомной энергии), в надежде на то, что это поможет им добиться гегемонии в той или другой области без формального разрушения всей системы международного сотрудничества, опирающейся на Организацию Объединенных наций.

Когда эти надежды потерпели крушение, когда от подготовки к войне американские империалисты перешли к ее развязыванию и когда принцип единогласия оказался препятствием для незаконных актов агрессии, борьба против этого принципа стала отражать стремление США превратить Организацию Объединенных наций в орудие покушения на самую организацию, в орудие покушения на мир.

«Совершенно очевидно, — говорил В. М. Молотов еще 29 октября 1946 г. в Генеральной Ассамблее ООН, — что отказ от принципа единогласия великих держав... означал бы на деле ликвидацию организации Объединенных наций, так как этот принцип является фундаментом данной организации... с отменой этого принципа рухнет и само здание Объединенных наций»¹.

Именно этого добиваются сейчас поджигатели войны, которым не нужна международная организация, защищающая дело мира. Из опасения перед мировым общественным мнением они не могут открыто ставить вопрос о пересмотре устава Организации Объединенных наций или выступить с предложением о ее ликвидации. Поэтому они стараются осуществить эту цель обходным путем, при помощи лживого толкования статей Устава либо ссылками на этот Устав, даже грубо его нарушая, чтобы придать видимость законности действиям, идущим вразрез с Уставом.

Примерами этого могут служить так называемый план Маршалла, Северо-атлантический пакт и заключенные на их базе военные соглашения, агрессия США против Кореи и Китая, а также V сессия ООН.

---

¹ В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, М., Госполитиздат, 1948, стр. 259.

Ярким примером этой политики может служить и позиция США в вопросе об атомной энергии с первых дней ее возникновения по настоящее время.

Принцип единогласия великих держав выдержал экзамен с точки зрения интересов безопасности народов в условиях тяжелых испытаний войны с фашизмом; тем больше, казалось, было шансов, что этот принцип выйдет победоносно из всех испытаний в условиях мирного формирования международных отношений в послевоенные годы. Требовалось лишь наличие доброй воли и готовности применять эти принципы на практике. Народы мира должны навязать противникам этого принципа свою волю отстаивать дело мира в соответствии с Уставом ООН. Свою точку зрения по этому вопросу народы выразили в таком документе, как обращение Второго Конгресса сторонников мира к Организации Объединенных наций. И даже те, кто хотел бы пренебречь этим, не смогут уже ссылаться на незнание закона, на незнание о таком предупреждении, которое является наказом всего жаждущего мира человечества.

В. Два метода международного сотрудничества

Нельзя представить себе обеспечение и упрочение мира без осуществления этого основного принципа международного права, подтвержденного пунктом 3 статьи 1 устава ООН, который ставит своей целью развитие экономических, культурных, социальных, гуманитарных и всякого рода других межгосударственных отношений, при условии полного равноправия сторон.

Этот принцип лежит в основе советской внешней политики, в основе советского проекта разрешения атомной проблемы.

Предоставление каждому государству, каждому народу возможности вести исследования и создавать атомную промышленность, работающую для мирных целей, широкий обмен информацией, взаимная научная и техническая помощь для облегчения этой задачи и контроль над производством атомной энергии лишь в границах, необходимых для того, чтобы предотвратить ее использование в военных целях, — таковы главные, уже проанализированные нами подробно требования СССР по этому вопросу.

Монопольное владение США источниками атомного сырья и предприятиями по исследованию и производству атомной энергии, где бы они ни находились, — таковы были главные требования американского плана разрешения атомной проблемы. Эти требования, в связи со стремлением сорвать всякую попытку соглашения об обмене информацией даже между капиталистическими государствами и желание направить все производство на военные цели, особенно наглядно показывают не только политическую сущность агрессивных стремлений правительства США, но и противоречия их основным принципам международного права.

«Существуют, — говорил В. М. Молотов 10 октября 1946 г. на пленарном заседании Парижской мирной конференции, — два прямо противоположных метода в международной жизни. Один метод, хорошо всем известный из далеких времен, — метод насилия и господства, для которого все средства нажима хороши. Другой метод, еще, правда, недостаточно широко развитый, — метод демократического сотрудничества, основанный на признании принципа равноправия и законных интересов всех, больших и малых государств. Мы не сомневаемся в том, что, несмотря на все препоны, метод демократического сотрудничества между странами в конце концов победит»¹.

Г. За или против государственного суверенитета

Устав ООН, главная задача которого — сохранение мира при помощи системы коллективной безопасности, ставит целью в п. 2 ст. 1 «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов».

Пункт 1 ст. 2 Устава подтверждает принцип суверенного равенства всех государств: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов».

Пункт 7 ст. 2 запрещает вмешательство во внутренние дела любого государства.

Пункт «в» ст. 76 Устава говорит о сотрудничестве в целях «прогрессивного развития в направлении к само-

---

¹ В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, М., Госполитиздат, 1948, стр. 222.

управлению или независимости, как это может оказаться подходящим для специфических условий каждой территории и ее народов и имея в виду свободно выраженное желание этих народов».

Основные принципы современного международного права в вопросах суверенитета государств и наций, их права на самоопределение, свободу и политическую независимость, а также запрещение вмешательства во внутренние дела отдельных государств нашли свое подтверждение в уставе ООН и являются обязательными правовыми нормами, которые должны строго и честно соблюдаться.

Эти принципы полностью соблюдаются Советским Союзом в проводимой им внешней политике.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции внесла новое содержание в понятие суверенитета. Эти черты характерны не только для государства, где власть фактически принадлежит всему народу, но и для тех государств, в которых созданы условия для завоевания суверенитета народами, еще не добившимися государственного самоопределения.

Признание принципа суверенитета государств и наций должно означать для капиталистических стран, с одной стороны, что они отказываются от эксплуатации и экспансии, направленной против социалистических и народно-демократических государств, а с другой — что они отказываются от противодействия политическому освобождению зависимых и колониальных народов.

Проведение в жизнь этого принципа является условием мирного сотрудничества двух различных сосуществующих общественных систем.

Суверенитет в конституционном праве означает верховенство государственной власти, с точки же зрения международноправовой — независимость государственной власти от какой-либо иной власти как в вопросах внутренних, так и международных.

Сущность и значение государственного суверенитета, говорит А. Я. Вышинский, «осуществлять свою волю и никогда не служить орудием политики или воли другого государства»¹.

---

¹ А. Я. Вышинский, Вопросы международного права и международной политики, М., Госюриздат, 1951, стр. 381.

Советский Союз стоит на страже суверенитета как во имя независимости и свободы советских народов, так и во имя права на самоопределение каждого государства, каждого народа, как малого, так и большого, в равной степени тех, которые уже обладают своей государственностью, и тех, которые сейчас лишь ее создают. Это вытекает из ленинско-сталинской национальной политики, нашедшей свое выражение в Сталинской Конституции и подтверждаемой проведением в жизнь этой политики советским государством.

Советский Союз, считающий суверенитет правовым барьером против агрессивных империалистических планов ликвидировать независимость и свободу наций, является главным защитником независимости советских, а также и других народов, уже получивших независимость, и борником права этих наций на самоопределение и их права быть международноправовым субъектом. Речь идет также и о нациях, которые в силу определенных исторических условий не могли еще завоевать политическую независимость и лишь сейчас борются за нее. Более того, СССР является борцом за полный суверенитет и для тех наций, которые, как это имело место с Германией и Японией, оказались побежденными во второй мировой войне.

Из основного принципа международного права, принципа суверенитета, логически вытекает подтверждаемый уставом Организации Объединенных наций принцип невмешательства во внутренние дела других государств.

Советский проект разрешения атомной проблемы непосредственно основывается на вышеизложенных обязательных нормах современного международного права. Этот проект исходит из необходимости уважать принцип суверенитета всех государств и наций. Именно поэтому, в интересах развития этого суверенитета, он гарантирует каждому государству и каждой нации не только право владения залежами сырья и средствами производства атомной энергии, но и свободу исследований в этой области и развития, обусловленного результатами этих исследований, экономического потенциала. Этот проект предусматривает только такого рода контроль, который имеет своей задачей предупредить злоупотребление данным правом владения и исследований в ущерб суверенитету других государств и наций и, следовательно, предупредить угрозу

делу мира. Советский Союз изъявлял готовность ограничить свой суверенитет в соответствии с обязательствами, вытекающими из факта принятия устава ООН, вступления в ООН и в другие международные организации, поскольку такое ограничение не является односторонним, не сводится к предоставлению какому-либо государству тех или иных преимуществ и может служить укреплению мира, демократии и прогресса.

Такие ограничения были предусмотрены советским проектом международного контроля над атомной энергией, в котором, как уже указывалось выше, не было недостатка даже в постановлениях, ограничивающих в некоторых случаях так называемое несправедливое право вето и т. д. *

Отказ от агрессивной войны, особенно осуществляемой средствами массового уничтожения, изъятие и запрещение атомного оружия, эффективный международный контроль над всеми этапами процесса добычи сырья и производства атомной энергии для воспрепятствования ее использованию в военных целях — все это не более как чисто формальное ограничение суверенитета. Фактически же и по существу это означает его упрочение и укрепление путем устранения факторов, которые могут в результате актов произвола или вооруженных конфликтов угрожать самому его существованию.

Советский Союз и все демократические государства самым решительным образом выступали и продолжают выступать против таких проектов контроля, которые отражают тенденции более сильных государств вмешиваться

---

* См., например, речь тов. А. Я. Вышинского в Специальном политическом комитете Генеральной Ассамблеи ООН 10 ноября 1949 г.: «Советский Союз не раз указывал, что совершенно естественна необходимость в известных случаях ограничить в какой-то мере или в какой-то части государственный суверенитет, на началах взаимности в интересах международного сотрудничества.

Весь вопрос заключается не в отрицании того естественного и общепризнанного факта, что всякое соглашение требует взаимных ограничений соглашающихся сторон и что в международных соглашениях соблюдение этого принципа также является неизбежным. Дело идет о степени, об объеме такого рода ограничений государственного суверенитета, самое ограничение которого возможно лишь со стороны суверенных и равноправных сторон — государств». (А. Я. Вышинский, Вопросы международного права и международной политики, М., Госюриздат, 1951, стр. 619—620.) — *Прим. ред.*

во внутренние дела других государств, чтобы подчинить их себе, ликвидировать их независимость и свободу.

Что касается американского проекта разрешения атомной проблемы, то, как это вытекает из его анализа, он направлен своим острием против суверенитета отдельных государств и ставит своей целью, вопреки обязательному характеру норм международного права, разрушить этот суверенитет и затем подменить его неограниченным суверенитетом американских монополистов. Он ставит одной из своих целей лишить все государства, за исключением, разумеется, США, права располагать даже собственным атомным сырьем и собственными атомными промышленными установками, хотя бы используемыми исключительно для мирных целей. Американский проект предусматривает такой контроль, который санкционировал бы вмешательство монополистов во внутренние дела отдельных государств, превращал их в рынок сбыта для американских монополий, препятствовал их экономическому, а следовательно, и политическому развитию, в то же время обеспечивая для США свободу владеть и монопольно производить атомное оружие, то есть свободу располагать страшным и опасным для суверенитета наций и всеобщего мира оружием.

Американский проект разрешения атомной проблемы рассматривает принцип суверенитета как выражение лишь юридической и фактической способности государства выполнять свою функцию. Признавая такую способность только за Соединенными Штатами, проект стремится свести ее на нет, когда вопрос касается других государств. Смысл проекта сводится к тому, что все существующие государства и народы обязаны выполнять только волю США, должны стать орудием их политики, предметом их эксплуатации, наконец, жертвой их господства и агрессии.

Против покушений на суверенитет государств и наций и лишь за такие ограничения суверенитета, которые отвечают интересам демократии и мира, и велась война с фашизмом.

В настоящее время такую борьбу с глашатаями нового издания «теории» «герренфолька» (народа господ) и «неполноценных народов», судьбой обреченных на рабство, то есть с глашатаями идеологии, зовущей к новой агрессии, ведут не только Советский Союз и страны народной

демократии, но и все другие народы, стоящие на страже своего права на независимое существование и безопасность.

Заговор империалистов против суверенитета и свободы народов, одним из выражений которого является план Баруха, должен потерпеть провал не только потому, что речь идет о неотъемлемых гарантиях современного международного права, но и потому, что на страже этих гарантий стоит могучая сила в лице сотен миллионов людей во всем мире.

Д. Две точки зрения на международные обязательства

Нет надобности специально доказывать, что законность в международных отношениях является важнейшим условием поддержания мира. Безопасность народов неизбежно оказывается под угрозой, если нет намерения соблюдать заключенные соглашения или другие международные обязательства и прежде всего если нет намерения признавать все основные принципы, понятия и институты международного права, лежащие в основе таких соглашений и обязательные для всех субъектов этого права, для всех государств, принадлежащих к международному обществу.

Принцип строгого их соблюдения — *pacta sunt servanda* — это не новый принцип, однако в эпоху сосуществования государств с различными социальными системами он приобрел не только новое содержание, но и большее, чем когда бы то ни было, значение для дела коллективной безопасности.

Регулирование различных сторон международного общения при помощи соглашений является в настоящее время главным средством прогрессивного развития международного права в интересах демократии и мира, а строгое соблюдение этих соглашений — главным условием упрочения этого права и дела поддержания мира.

Современное международное право стоит на страже интересов мирного сотрудничества и исключительно мирного соревнования всех существующих государств. В соблюдении этого права заинтересованы, таким образом, миллионы людей во всем мире. Но подобно тому как империалисты в целях упрочения своей террористической диктатуры в собственном государстве становятся на путь

грубого нарушения законности во внутренних делах, так и в международных отношениях они становятся на тот же путь, чтобы освободить себя от правовых норм, стесняющих их агрессивные действия.

Ярким примером могут служить односторонняя ревизия Потсдамских соглашений, раскол Германии, решение о ремилитаризации Западной Германии и Японии и целый ряд других незаконных действий, предпринятых империалистическими государствами без согласия других участников соответствующих соглашений, регулирующих эти проблемы и обязательных до сих пор в международном аспекте.

О том, как грубо и цинично США стараются сейчас растоптать этот важнейший принцип международного права, вытекающий из обязательной нормы, которая требует соблюдения соглашений, убедительно свидетельствует путь, пройденный ими от Московской декларации 27 декабря 1945 г. об образовании Комиссии по атомной энергии ООН и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1946 г. до той позиции, которую они заняли, — впрочем, не только в этом вопросе, — на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Это позиция односторонних и незаконных решений, принятых вопреки собственным обязательствам, вопреки основным общим принципам права.

Задача договорного урегулирования атомной проблемы в интересах мира не требует сейчас, как мы уже указывали, установления каких-либо новых норм, а требует формального договорного и текстуального их уточнения и конкретизации применительно к отдельным фактическим положениям, требует также выполнения уже принятых и сохраняющих свою силу обязательств по этому вопросу.

Советский Союз и демократические государства, защищая интересы мира, отстаивают принцип строгого соблюдения международных соглашений, борются за выполнение обязательств по урегулированию атомной проблемы в интересах всех народов и их безопасности. Именно поэтому они пользуются поддержкой миллионов людей во всем мире, именно поэтому их позиция является непреодолимым препятствием для империалистов не только с точки зрения юридической, но также моральной и фактической.

Е. Две концепции международного уголовного права ¹

К основным принципам современного международного права относятся строгое запрещение и наказуемость преступлений против мира, военных преступлений, преступлений против человечества и других международных преступлений, представляющих угрозу для дела мира.

Объявление агрессии вне закона, обязательство предотвратить агрессию, право на самооборону перед лицом агрессии и, следовательно, законность национально-освободительной борьбы против чужеземных интервентов и агрессоров — все это является величайшим завоеванием современного международного права как права, регулирующего мирное сосуществование всех государств и наций.

Историческая заслуга Советского Союза в том, что на страже этих завоеваний стоят сейчас не только миролюбивые и демократические народы и принципы морали, но и общепризнанные нормы положительного права и прецеденты международного и государственного отправления правосудия в отношении виновников нарушения этого права.

Для того чтобы осуществить это право, предотвратить все попытки его ликвидации, предупредить агрессию и сопутствующие ей преступления, Советский Союз последовательно борется за создание важнейших материальных предпосылок разоружения, включая, разумеется, и атомное разоружение. В то же время Советский Союз выступает за то, чтобы все государства установили в своем внутреннем законодательстве наказания за преступления, угрожающие международному мирному сотрудничеству, чтобы формальными договорами была подтверждена обязанность каждого государства привлекать к ответственности виновных в подстрекательстве либо в совершении

---

¹ В настоящей редакции этого раздела могли быть использованы, к сожалению, лишь частично — в рамках возможности, ограниченных тем, что наша работа уже печатается, — ценные критические замечания члена-корреспондента Академии Наук СССР А. Н. Трайнина, сделанные в его предисловии. Эти правильные замечания, за которые автор приносит А. Н. Трайнину свою благодарность, могут быть использованы в полной мере только в последующих изданиях книги и в специальной работе о роли права в деле защиты мира.

таких преступлений, а также, чтобы договорами была подтверждена обязанность запретить применение атомного оружия как орудия агрессии, орудия военных преступлений и преступлений против человечества.

Из этой позиции СССР, полностью совпадающей с основными обязательными принципами международного права, исходит советский проект разрешения атомной проблемы — проект одновременного заключения конвенций о запрещении атомного оружия, ликвидации его запасов и установления эффективного международного контроля над выполнением соответствующих решений и обязанности отдельных государств привлекать к ответственности лиц, виновных в нарушении таких постановлений и, следовательно, виновных в совершении самых тяжких преступлений против мира и человечества.

Советский Союз и весь лагерь мира борются за то, чтобы уголовный закон должным образом выполнил свою функцию защиты мира и международной безопасности. Он борется за то, чтобы действия, идущие вразрез с принципами международного права, а равно призывы к такого рода действиям, преследовались отдельными государствами, прежде всего на основании их внутреннего законодательства, чтобы виновники таких действий и их подстрекатели не только признавались международными преступниками в соответствии также и с международными обязательствами, но чтобы в интересах мира они не могли уйти от суда и кары прежде всего в своей собственной стране.

Буржуазная наука отрицает обязательную силу принципа наказуемости агрессии и других угрожающих миру преступлений. Предметом специальной дисциплины международного уголовного права буржуазная наука делает лишь вопрос о пределах пространственного действия уголовных норм данного государства — с точки зрения коллизионных норм уголовных законов отдельных государств, — либо концепцию о международной уголовной ответственности государства.

Эта концепция — в корне своем ложная и политически опасная концепция, ибо острием своим она направлена против принципа суверенитета. Она распространилась главным образом после второй мировой войны, в условиях, когда империалисты стремятся ликвидировать побежден-

ные государства и поработить их народы; корни этой концепции уходят в довоенный период, в период капиталистической интервенции против Советского Союза. Развивавшиеся в то время теории международного уголовного права и проекты международных уголовных кодексов служили орудием борьбы против рабочего движения и прикрытием организованной под маской «гуманных» целей интервенции во внутренние дела первого социалистического государства. О том, против какого класса и с какой целью пускались в обращение теории уголовной ответственности государства, лучше всего свидетельствует тезис профессора Пелла, провозглашающий коллективную уголовную ответственность профессиональных союзов.

Эти теории, служащие орудием империализма и направленные непосредственно против принципа суверенитета государств и наций, чужды прогрессивной науке международного уголовного права, цель которой бороться с преступлениями, угрожающими делу мира, и, следовательно, защищать принцип суверенитета государств и наций.

Передовая наука международного права отвергает всякие теории, предусматривающие одинаковую ответственность как горстки поджигателей войны, стремящихся к ней в интересах монополий, так и государств и целого народа, ненавидящего войну и жаждущего мира.

«Но было бы смешно, — говорил И. В. Сталин еще в разгар военных действий, — отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается»¹.

Эта установка нашла свое выражение как в международных соглашениях о наказании военных преступников, так и в международной судебной практике отдельных государств. Международный военный трибунал и в Нюрнберге и в Токио признал уголовную ответственность не германского или японского государства, а их правительств, некоторых преступных организаций и отдельных лиц — индивидуальных преступников.

---

¹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., Госполитиздат, 1950, стр. 46.

Принципы уголовного права, повсеместно признанные и обязательные в международных отношениях, так же, впрочем, как и вся совокупность норм и принципов современного международного права, возникают в результате столкновения на международной арене отличающихся друг от друга экономических, социальных и правовых систем.

Лондонское соглашение 8 августа 1945 г. о наказании главных военных преступников европейских стран оси положило начало новым тенденциям в международном уголовном праве, которые выдвигают на первый план понятие так называемого международного преступления и проблеме международных уголовных трибуналов.

В связи с этим, с одной стороны, делаются усилия признать международными только военные преступления, охваченные уже Нюрнбергским приговором, преступления против человечества и против мира, и даже сузить их круг, ограничив его только военными преступлениями или преступлениями против безопасности человечества, взятыми в самом общем виде и точно не определяемыми; при этом не упоминается о военной пропаганде и о других преступлениях, угрожающих миру, и выдвигается такой преступный состав «внутренней агрессии», который имеет в виду дать возможность империалистам вмешиваться во внутренние дела отдельных государств и который несовместим с их суверенитетом.

С другой стороны, приводятся аргументы в защиту мнимой потребности создания международных уголовных кодексов, основанных на принципе космополитической универсальной репрессии, то есть на признании обязанности и права каждого государства охватить уголовной репрессией не только тех преступников, которые опасны для его интересов, а следовательно, и для его стремления к миру, но также и тех преступников, которые опасны для своеобразной «законности» в международных отношениях, определяемой исключительно с точки зрения интересов империализма.

В свете послевоенной практики империализма, который грубо нарушал обязательства, принятые в Потсдаме, в Лондонском и в других соглашениях, а в особенности в свете преступлений американо-английских агрессоров в Корее, совершенно ясно, что современные враги мира вызвали к жизни новые преступления, представляющие

опасность для элементарных прав человека и гражданина и для самого существования отдельных народов и для международной безопасности. Идея использования права на службе миру поэтому выдвигает задачу не ограничения или сужения круга и определений угрожающих миру фактических составов преступлений, охваченных уставом Международного военного трибунала, а скорее противоположную задачу.

К актуальным задачам передовой науки международного и уголовного права в настоящее время относятся разработка, систематизация и формирование новых фактических составов преступления, порождаемых империализмом и диктуемых его политикой, угрожающей не только свободе человека и целых народов, но и их фактическому существованию. Борьба не только против военных преступлений, преступлений против человечества и мира, но и против геноцида, расовой и национальной дискриминации, а в особенности против военной пропаганды и целой гаммы иных, используемых империализмом преступлений, угрожающих миру, означает совершенно новый подход ко всей совокупности вопросов о так называемых международных преступлениях и международных преступниках; этим выдвигается на первый план не проектирование международных уголовных кодексов, несовместимых с принципом суверенитета, а признается необходимым — в международном масштабе формулирование и уточнение уже получивших обязательную силу общих принципов международного права, признанных уставом и приговором Международного военного трибунала, в масштабе же отдельных государств — наказание всех преступлений, угрожающих миру.

Принцип универсальной репрессии, защищаемый многими авторами таких проектов кодексов, имеет своей целью не защиту мира, а главным образом применение правовых средств в борьбе с политическими деятелями, выступающими против империализма и политики организации и развязывания агрессии.

Неограниченное применение универсальной репрессии является, впрочем, в настоящее время полной утопией даже в рамках отношений только между капиталистическими государствами. Противоречия, разъедающие эти государства, делают совершенно нереальной даже унификацию

уголовного капиталистического права, несмотря на идентичность социальных основ этих государств.

Требование всеобщего признания этого принципа, равно как и идея создания международных уголовных кодексов, должны быть признаны лишенными реальности и реакционными. В настоящее время они не лишены элементов непосредственной опасности для дела мира, ибо могли бы служить предлогом для вмешательства одних государств во внутренние дела других государств. Практика империалистических стран позволяет думать, что они не поколебались бы использовать принцип универсальной репрессии и кодексы, обладающие иллюзией всеобщности, для преследования каждого активиста дела мира, который оказался бы в пределах их юрисдикции. Предъявление обвинения в преступлениях, охватываемых принципом универсальной репрессии, не представило бы никаких трудностей для судов, служащих орудием фашизма, и агрессивной политики, хотя бы дело шло не о действиях, а даже только о взглядах, служащих миру, но противоречащих политике и идеологии империализма.

Требование о создании международных уголовных трибуналов, так же как проекты международных кодексов, при настоящей ситуации являются реакционными. В лице таких трибуналов империалисты, по примеру многих международных организаций, стараются получить в свое распоряжение еще одно орудие для попыток подчинения своей воле социалистических государств и для навязывания им выгодных для себя решений.

В той особой ситуации, которая сложилась в ходе военных действий и немедленно по их окончании, когда правительства империалистических государств вынуждены были под давлением народных масс дать свое согласие на обязательства, содержащиеся в Ялтинском соглашении, в уставе Организации Объединенных наций, в Потсдамском соглашении, в Лондонском соглашении о привлечении к ответственности главных военных преступников и в ряде других, возникшие международные трибуналы, в особенности Нюрнбергский, сыграли положительную роль. Но в новой обстановке, в обстановке грубого нарушения со стороны империалистических правительств этих обязательств, массового амнистирования военных преступников и попраiania Нюрнбергского и Токийского приговоров, нет

оснований связывать с международными трибуналами какие-либо надежды на успешную борьбу с преступлениями, угрожающими миру.

Это обстоятельство со всей силой подчеркивает громадное значение соответствующего внутреннего законодательства и внутренних судов отдельных государств.

В современных условиях — это единственно плодотворный путь для борьбы правовыми средствами с военной пропагандой, с подготовкой новой войны и всех неразрывно связанных с ней преступлений.

Это путь, по которому призывает идти великое движение сторонников мира, предложивших парламентам всех стран издать законы в защиту мира.

Такие законы уже изданы в СССР и в странах народной демократии. Борьба, которую ведут за издание таких законов народные массы в капиталистических странах, является великим вкладом в дело борьбы против преступлений, угрожающих суверенитету и самому существованию отдельных государств, огромным вкладом в дело борьбы за мир.

Советский Союз и страны народной демократии, а также народные массы всего света неустанно борются за подтверждение и уточнение в договорах запрещения производства и применения атомного оружия и за формальное признание в конвенции военным преступником того правительства, которое первым применило бы это оружие.

Признавая значение международноправовых гарантий, страны демократического лагеря выдвигают, однако, на первый план законодательство отдельных государств и их суды как основное оружие в борьбе за предупреждение преступлений, опасных для мира, в том числе и преступлений угрозы и применения оружия массового уничтожения гражданского населения, как самых тяжких преступлений против человечества.

Принципы уголовного права, повсеместно признаваемые и обязательные в международных отношениях, являются, впрочем, как и вся совокупность норм и принципов международного права, результатом столкновения на международной арене различных хозяйственных, социальных и правовых систем.

Империализм стремится к использованию этих норм и принципов, исходя исключительно из собственных хищни-

ческих интересов, и к включению их в арсенал своих средств, предназначенных облегчить осуществление агрессивных планов завоевания «мирового господства» и совершение неизбежно связанных с этими планами преступлений. Этим стремлениям противостоит лагерь мира во главе с Советским Союзом. Уголовное право выросло как орудие борьбы с преступлением. Оно должно и впредь служить орудием борьбы с наиболее опасными для человечества преступлениями, преступлениями против мира и всякими другими преступлениями, замыслимыми и выполняемыми империализмом, а следовательно, и с преступлениями массового уничтожения людей атомным оружием или другими подобными видами оружия.

Благодарная задача передовой науки международного уголовного права — выковать оружие для борьбы с этими преступлениями, вскрыть их корни и существо и наметить наиболее действенный путь для их предупреждения и подавления.

Ж. Право международное или право капиталистических государств

Международное право — по сути своей право межгосударственное.

Как и всякая другая отрасль права, международное право не является неизменным. Социальное содержание международного права в древности отличается от международного права эпохи феодализма, которое в свою очередь коренным образом разнится от международного права периода капитализма. Со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции и крушения всех попыток подавить ее и изолировать СССР, самой характерной чертой современного нам международного права является тот факт, что его нормы складываются под влиянием двух правовых систем: системы капиталистического права и системы социалистического права.

Вклад Советского Союза в международное право был особенно значительным после поражения держав оси в результате главным образом ударов, нанесенных им советским народом. Демократизация, дефашизация и денацификация, ответственность за преступления против мира и человечества и ряд других прогрессивных институтов вошли в международное право благодаря СССР.

Теоретики и политики в капиталистических странах, поглощенные в настоящее время организационной, военной, политической и идеологической подготовкой новой войны, стремятся выхолостить демократическое содержание международного права, извратить предложения Советского Союза, сделать международное право исключительно капиталистическим международным правом.

Но тенденция вернуться к чисто капиталистическому международному праву, без учета элементов, внесенных в международное право Советским Союзом, означает по существу не что иное, как ликвидацию международного права — права, охватывающего все международное общество¹.

Эта ликвидаторская тенденция особенно выпукло проявилась в дискуссии о проблеме атомной энергии, в частности в тезисах американского проекта международного контроля над атомной энергией, который предусматривает монопольные привилегии США, обходит вопрос о запрещении атомного оружия и уничтожения его запасов, хотя совершенно ясно, что это оружие может быть использовано в целях агрессивной войны, поставленной вне закона и являющейся наказуемым международным преступлением.

С тенденцией ликвидировать международное право тесным образом связан столь ясно проявившийся в дискуссиях об атомной энергии нигилизм современной буржуазной доктрины международного права. Американская концепция международного органа контроля с политико-коммерческими функциями сверхмонополии является по существу выражением концепции всемирного правительства, «сверхгосударства» и его «сверхправительства», чего, собственно, и добивается англо-американский блок. Уже сейчас его политика направлена к осуществлению гегемонии

---

¹ Здесь автор допускает погрешность, полагая, что современные капиталистические государства стремятся «вернуться к чисто капиталистическому международному праву».

Наоборот, в эпоху империализма буржуазия рвет свою собственную, некогда ею же созданную законность, выбрасывает ее за борт тонущего корабля капитала как ненужный балласт. Как это хорошо показывает сам автор, в эпоху империализма буржуазия отказывается от таких провозглашенных ею принципов как невмешательство, суверенитет и др. — *Прим. ред.*

США над всем остальным капиталистическим миром, к объединению этого мира при помощи различных региональных и военных пактов, чтобы подчинить его воле американского самодержца и использовать для развязывания агрессии против социалистических государств.

В сфере идеологической это стремление непосредственно связано с позицией последователей гегельянской и боннской школ, которые отрицают государственный суверенитет и международное право. Провозглашая принцип всемогущества государства и его права на войну как неотделимого от его суверенитета, сторонники этой теории усматривали в войне, как позднее Гитлер и Геббельс, естественное состояние международного общества и проявление высшей формы суверенитета. Этот вопрос был поставлен в порядок дня тотчас же после первой мировой войны и образования Лиги наций. Государства-победители хотели обосновать произведенный ими раздел мира нормами международного права, не принимая во внимание нужд отдельных народов, зачисленных в различные сферы влияния помимо их воли и часто даже без формального договорного соглашения с ними. Тогда именно стали модными теории превращения норм международного права, как норм права межгосударственного, в нормы надгосударственного права, превращения Лиги наций в орган международной власти; тогда разрабатывались проекты органов международной юстиции, полиции, вооруженных сил, наконец, международных кодексов.

Одновременно с развитием таких концепций происходила ревизия понятия суверенитета государства как единственного субъекта международного права; право субъекта признавалось за индивидуумом, что было связано с отрицанием обязательной силы внутригосударственного права и его подчинением нормам международного права, как средством политического давления на внутреннюю политику отдельных государств.

Все эти положения использовал в качестве своего идеологического оружия гитлеризм, стремившийся к созданию нового «европейского порядка», к покорению себе всего мира.

Гитлеровские теории возродились во всей своей полноте после поражения держав оси, когда стало очевидным, что СССР вышел из войны не только не ослабев-

шим в экономическом и военном отношении, но, напротив, в сто раз более сильным, чем ранее, и что в этих условиях пришлось бы прибегнуть к новым средствам, чтобы попытаться покорить его.

Родиной возрожденных концепций всемирного государства, надгосударственного права и сверхгосударства, которое при изменившемся соотношении сил подчинило бы своей власти все существующие государства, на этот раз стала Америка, наследник и продолжатель политики и идеологии гитлеризма. Не только в американских университетах, в политической литературе и в публицистике обсуждались предложения о превращении Организации Объединенных наций в парламент всемирного государства: такие предложения вносились в конгресс и вручались президенту США.

Отрицание буржуазными теоретиками суверенитета государств и наций приводит к космополитическому представлению о всемирном государстве, появившемуся на той стадии развития капитализма, когда границы национальных государств стали стеснять экспансию империалистов, затруднять им поиски новых рынков сбыта и источников сырья.

Джеймс Барнхэм, один из главных идеологов американского империализма, цинично раскрывая в своей книге «О господстве над миром» агрессивные цели империализма, пишет, что «стимулируемые потенциалом своих фабрик и заводов, выпускающих массовую продукцию, руководители американской экономики хотят, чтобы мир стал для них свободным полем, ожидающим потока товаров, машин и американских денег. Они считают, что в состоянии обеспечить весь мир всем необходимым без помощи слабосильных партнеров — немцев, англичан, японцев. Они мечтают о планете, которая служила бы обширным рынком сбыта американских товаров и машин и источником некоторых необходимых видов сырья».

Для осуществления этой цели, — говорит далее Барнхэм, — для создания мировой американской империи недостаточно торгового проникновения; эта цель осуществима только при помощи войны. С точки зрения Барнхэма, совершенно безразлично, будут ли применяться такие более удобоваримые слова, как «Мировая федерация», «Ми-

ровая республика», «Мировые соединенные штаты» или даже «Объединенные нации». Цель одна: агрессия¹.

Этой же цели служат «теории» теперешнего помощника государственного секретаря Джессепа, признающие за отдельными концернами права международноправового субъекта².

Той же цели служит запутанная аргументация американского профессора Мак-Айвера. Осуждая принцип единогласия великих держав, он высказывается в пользу западного союза и американского плана контроля над атомной энергией, причем его аргументы направлены против «устаревшего», «традиционного» «мифа» национального суверенитета, «мифа», существование которого мешает США осуществить свои планы мирового господства.

Тем же задачам служит теория французского космополита профессора Лармеру о немедленной замене государственного суверенитета суверенитетом международным и о безотлагательной ликвидации самостоятельности отдельных государств путем создания всемирной федерации. В том же духе составлены тезисы американских юристов Иглтона, Бригга и других. Они говорят о постепенном преобразовании ООН в федерацию государств, в орган, стоящий над всеми государствами, путем упразднения принципа единогласия великих держав и других основных принципов устава ООН. Проникнутые полным пренебрежением к воле и потребностям заинтересованных членов международной организации, обязанных, по их мнению, подчиняться механическому большинству, глашатаи этих теорий пропагандируют методы современной внешней политики США, стремящихся, опираясь на своих западноевропейских сателлитов, обеспечить себе господство над миром³. Ради осуществления этих методов и были провозглашены доктрина Трумэна, план Маршалла и другие планы, создан Северо-атлантический союз, направленные, как это совершенно очевидно, против Советского Союза, против стран народной демократии против государств, борющихся за мир.

---

¹ Muszkat, *Ideologia amerykańskiego Imperializmu — dalszy ciąg hitleryzmu*, Warszawa, 1950, str. 9.

² Jessup P., *A modern law of nations*, New York, 1949, p. 79.

³ Muszkat, *Kosmopolityzm w prawie narodów-narzędzie imperializmu*, «Mysl współczesna», 1949, No 7.

Одним из самых характерных для политики американских планов был план Баруха — американский проект международного контроля над атомной энергией. В нем нашли свое отражение как отмеченные выше элементы нигилизма в области международного права, так и тенденции к его ревизии или даже ликвидации. Об этом уже было сказано выше в связи с оценкой взглядов Ури, Фридвальда, Коула, Стоуэлла, Нанса, Финча, Шика и им подобных поджигателей войны, особенно типа авторов документа «Единый мир или никакого мира». Эти тенденции продиктованы желанием использовать атомное оружие как оружие шантажа и еще более открыто угрожать им. Они показывают стремление добиваться отказа от гуманитарных конвенций и отмены законов, охраняющих гражданское население и невоенные объекты, заранее снять вину с Америки, если бы она вздумала сбросить атомные бомбы на тех, кто не пожелает принять американский план и не согласится с господством и неограниченной властью этого «сверхгосударства» и его «сверхчеловеков».

Мы уже говорили — в другой связи — о происхождении ликвидаторских, нигилистических и ревизионистских тенденций по отношению к международному праву. Не все их авторы и проводники оказались на скамье подсудимых после того, как провалились их попытки осуществить на деле провозглашенные ими принципы. Но международное право выдержало натиск этих гитлеровских нигилистов, сторонников его ликвидации и односторонней ревизии.

Забыв об их судьбе, как и о судьбе их «теорий», современные последователи гитлеризма следуют по пути своих предшественников. Грубо топчут они международное право и подрывают основы международных организаций, призванных отстаивать дело мира, используя для этого международное право.

Наиболее показательным примером такого поведения служит позорная резолюция ООН, объявляющая Китайскую Народную Республику «агрессором» и превращающая ООН в оружие войны.

В беседе с корреспондентом «Правды» И. В. Сталин указал:

«Организация Объединенных Наций, созданная как оплот сохранения мира, превращается в оружие войны,

в средство развязывания новой мировой войны. Агрессорским ядром ООН являются десять стран — членов агрессивного Северо-атлантического пакта (США, Англия, Франция, Канада, Бельгия, Голландия, Люксембург, Дания, Норвегия, Исландия) и двадцать Латино-американских стран (Аргентина, Бразилия, Боливия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Доминиканская республика, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Уругвай, Венесуэла). Представители этих стран и решают теперь в ООН-е судьбу войны и мира. Это юни провели в ООН-е позорное решение об агрессивности Китайской Народной Республики.

Характерно для нынешних порядков в ООН-е, что, например, небольшая Доминиканская республика в Америке, едва насчитывающая два миллиона населения, имеет теперь такой же вес в ООН-е, как Индия, и гораздо больше веса, чем Китайская Народная Республика, лишенная права голоса в ООН-е.

Таким образом, превращаясь в орудие агрессивной войны, ООН вместе с тем перестает быть всемирной организацией равноправных наций. По сути дела ООН является теперь не столько всемирной организацией, сколько организацией для американцев, действующей на потребу американским агрессорам. Не только Соединенные Штаты Америки и Канада стремятся к развязыванию новой войны, но на этом пути стоят также и двадцать Латино-американских стран, помещики и купцы которых жаждут новой войны где-нибудь в Европе или Азии, чтобы продавать воюющим странам товары по сверхвысоким ценам и нажить на этом кровавом деле миллионы. Ни для кого не составляет тайну тот факт, что 20 представителей двадцати Латино-американских стран представляют теперь наиболее сплоченную и послушную армию Соединенных Штатов Америки в ООН-е.

Организация Объединенных Наций становится таким образом на бесславный путь Лиги Наций. Тем самым она хоронит свой моральный авторитет и обрекает себя на распад»¹.

---

¹ «Правда», 17 февраля 1951 г.

Однако, как указал в том же интервью И. В. Сталин, войну, по крайней мере в настоящее время, нельзя считать неизбежной.

«Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца. Война может стать неизбежной, если поджигателям войны удастся опутать ложью народные массы, обмануть их и вовлечь их в новую мировую войну.

Поэтому широкая кампания за сохранение мира, как средство разоблачения преступных махинаций поджигателей войны, имеет теперь первостепенное значение»¹.

Работы Второго Всемирного конгресса мира, неуклонный рост всемирного движения сторонников мира свидетельствуют о том, что народы берут дело мира в свои руки, что они готовы защищать его до конца, что планы империалистического лагеря поджигателей войны обречены на позорный провал.

Непрерывно растущие силы лагеря демократии и мира являются лучшим залогом того, что политика атомного и водородного шантажа должна потерпеть поражение и что вместе с ней должны потерпеть крушение нигилистические и людоедские теории, вытекающие из псевдоправовых предпосылок этой политики. Рост сил лагеря демократии и мира является также гарантией упрочения и дальнейшего существования и развития подлинного международного права, нормы которого, не противореча внутреннему праву отдельных государств и их суверенитету, будут определять порядок международных отношений, соблюдения принципов мирного сотрудничества и мирного сосуществования всех народов, независимо от их политического строя, обеспечивая им возможность использования атомной энергии как в целях развития каждого государства порознь, так и в интересах всего человечества, в интересах мира, которого оно так жаждет.

---

¹ «Правда», 17 февраля 1951 г.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

У С Т А В

ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Статья 2

Для достижения целей, указанных в статье 1, Организация и ее члены действуют в соответствии со следующими принципами:

1. Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее членов.

2. Все члены Организации Объединенных наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу членов Организации.

3. Все члены Организации Объединенных наций разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость.

4. Все члены Организации Объединенных наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных наций.

5. Все члены Организации Объединенных наций оказывают ей всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых ею в соответствии с настоящим Уставом, и воздерживаются от оказания помощи любому государству, против которого Организации Объединенных наций предпринимает действия превентивного или принудительного характера.

6. Организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее членами, действовали в соответствии с этими принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности.

7. Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов Организации Объединенных наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании главы VII.

Статья 39

Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Статья 51

Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена Организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Меры, принятые членами Организации при осуществлении этого права на самооборону, должны быть немедленно сообщены Совету Безопасности и никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности, в соответствии с настоящим Уставом, в отношении принятия в любое время таких действий, какие он сочтет необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Статья 1. В соответствии с соглашением, заключенным 8 августа 1945 г. между правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики, учреждается Международный военный трибунал (в дальнейшем именуемый «Трибуналом») для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси.

. . . . .

Статья 6. Трибунал, учрежденный соглашением, упомянутым в статье 1 настоящего Устава, для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений.

Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеуказанных действий;

б) военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов и деревень, разрушение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

в) преступления против человечности, а именно: убийство, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении граждан-

ского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеуказанных преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любым лицом с целью осуществления такого плана.

Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., Военно-юридическая академия, 1949, стр. 202—204.

С О О Б Щ Е Н И Е

О МОСКОВСКОМ СОВЕЩАНИИ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

Министры иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства совещались в Москве с 16 по 26 декабря 1945 г. в соответствии с решением Крымской конференции, подтвержденным на Берлинской конференции, о том, что между ними должны иметь место периодические консультации.

На совещании трех министров иностранных дел имело место обсуждение, в неформальном и исследовательском порядке, и было достигнуто соглашение по следующим вопросам:

.....

VII

Об учреждении Организацией Объединенных наций Комиссии по контролю над атомной энергией

Обсуждение вопроса об атомной энергии касалось учреждения Комиссии Генеральной Ассамблеей Объединенных наций.

Министры иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и

Соединенного Королевства согласились внести на рассмотрение Генеральной Ассамблеи Объединенных наций рекомендации по вопросу об учреждении Организацией Объединенных наций Комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии и других связанных с этим вопросов. Они согласились пригласить других постоянных членов Совета Безопасности, Францию и Китай, а также и Канаду присоединиться к ним в вопросе о принятии на себя инициативы по внесению на первой сессии Генеральной Ассамблеей Объединенных наций в январе 1946 г. нижеследующей резолюции:

«Генеральная Ассамблея Организации Объединенных наций решила учредить Комиссию в составе и с компетенцией, изложенной ниже, для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии, и других связанных с этим вопросов.

1. Учреждение комиссии

Настоящим Генеральная Ассамблея учреждает Комиссию с компетенцией, предусмотренной разделом V, ниже.

II. Взаимоотношения Комиссии с органами Организации Объединенных наций

а) Комиссия должна представлять свои доклады и рекомендации Совету Безопасности, и такие доклады и рекомендации будут опубликовываться, если Совет Безопасности в интересах мира и безопасности не даст иных распоряжений. В подлежащих случаях Совет Безопасности должен передавать эти отчеты Генеральной Ассамблее и членам Организации Объединенных наций, а также Экономическому и Социальному совету и другим органам, принадлежащим к системе Организации Объединенных наций.

б) Ввиду того что Совет Безопасности согласно уставу Организации Объединенных наций несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, он будет давать директивы и указания Комиссии по вопросам, относящимся к безопасности. По этим вопросам Комиссия будет отчитываться в своей работе перед Советом Безопасности.

III. Состав комиссии

Комиссия должна состоять из представителей тех государств, по одному от каждого, которые представлены в Совете Безопасности, и Канады, когда это государство не будет членом Совета Безопасности. Каждый представитель в Комиссии может иметь таких помощников, каких он пожелает.

IV. Правила процедуры

Комиссия будет иметь такой аппарат, какой она сочтет необходимым, и будет представлять рекомендации о своих правилах процедуры Совету Безопасности, который должен утверждать их как вопросы процедурного порядка.

V. Компетенция комиссии

Комиссия должна приступить незамедлительно к своей работе и обследовать все фазы проблемы и делать время от времени такие рекомендации относительно их, какие она сочтет возможным. В частности Комиссия должна делать определенные предложения:

а) относительно распространения между всеми странами обмена основной научной информацией в мирных целях;

б) относительно контроля над атомной энергией в объеме, необходимом для обеспечения использования ее только в мирных целях;

в) относительно исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения;

г) относительно эффективных мер предосторожности путем обследования и применения других методов в целях защиты государств, соблюдающих условия, от риска нарушений и уклонений.

Работа Комиссии должна вестись отдельными этапами, успешное окончание каждого из которых обеспечит в мире необходимое доверие, до того, как будет приступлено к следующему этапу.

Комиссия не должна вмешиваться в обязанности какого-либо органа Объединенных наций, но будет представлять рекомендации на обсуждение этим органам при

выполнении ими своих задач, согласно положениям устава Организации Объединенных наций.

«Внешняя политика Советского Союза, 1945 год». Госполитиздат, 1949, стр. 164—166.

РЕЗОЛЮЦИЯ

ПРИНЯТАЯ НА ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ОТ 11 ДЕКАБРЯ 1946 Г. О ПОДТВЕРЖДЕНИИ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, ПРИЗНАННЫХ СТАТУТОМ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА

Генеральная Ассамблея

признает обязательство, возложенное на нее абзацем (а) пункта 1 статьи 13 Устава, относительно организации исследования и выработки рекомендаций в целях поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации и

принимает к сведению Соглашение об учреждении Международного военного трибунала для привлечения к ответственности и для наказания главных военных преступников стран оси в Европе, подписанное в Лондоне 8 августа 1945 г., и приложенный к нему Статут, а равно и то обстоятельство, что аналогичные принципы были приняты в Статуте Международного военного трибунала для суда над главными преступниками на Дальнем Востоке, провозглашенном в Токио 19 января 1946 г.; поэтому Генеральная Ассамблея

подтверждает принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражения в приговоре Трибунала;

предлагает Комитету по кодификации международного права, созданному согласно резолюции Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1946 г., рассматривать в качестве вопроса первостепенной важности проекты, имеющие целью формулировку и внесение принципов, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в его решении, в общую кодификацию преступлений против мира и безопасности человечества или в международный уголовный кодекс.

Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., Военно-юридическая академия, 1949, стр. 330.

РЕЗОЛЮЦИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
14 ДЕКАБРЯ 1946 г.
О РЕГУЛИРОВАНИИ И СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ

Принципы, определяющие общее регулирование и сокращение вооружений.

1. Во исполнение статьи 11 Устава и с целью укрепления международного мира и безопасности, в соответствии с целями и принципами Объединенных наций,

Генеральная Ассамблея признает необходимость скорейшего общего регулирования и сокращения вооружений и вооруженных сил.

2. Соответственно

Генеральная Ассамблея рекомендует, чтобы Совет Безопасности незамедлительно приступил к формулированию практических мероприятий в порядке их очередности, которые представляются существенными для предусмотрения общего регулирования и сокращения вооружений и вооруженных сил и для обеспечения того, чтобы такие регулирование и сокращение вооружений и вооруженных сил соблюдались, как общее правило, всеми участниками, а не односторонне лишь некоторыми из них. Планы, сформулированные Советом Безопасности, будут представлены Генеральным секретарем членам Организации Объединенных наций для рассмотрения на специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Договоры или конвенции, одобренные Генеральной Ассамблеей, будут представлены государствам, являющимся сторонами таковых, для ратификации в соответствии со статьей 26 Устава.

3. В качестве существенного шага на пути достижения неотложной цели запрещения и изъятия из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных в настоящее время и в будущем для массового уничтожения, и для скорейшего установления международного контроля над атомной энергией и другими современными научными открытиями и техническими усовершенствованиями для обеспечения их использования лишь в мирных целях

Генеральная Ассамблея настоятельно рекомендует скорейшее выполнение Комиссией по атомной энергии ее обязанностей, изложенных в разделе 5 резолюции Генеральной Ассамблеи от 24 января 1946 г.

4. С целью обеспечения того, чтобы общее запрещение, регулирование и сокращение вооружений коснулись основных видов оружия современной войны, а не только второстепенных видов оружия

Генеральная Ассамблея рекомендует, чтобы Совет Безопасности ускорил рассмотрение докладов, которые Комиссия по контролю над атомной энергией представит Совету Безопасности, чтобы он содействовал работе этой Комиссии, а также чтобы Совет Безопасности ускорил рассмотрение проекта конвенции или конвенций по созданию международной системы контроля и инспекции, причем эти конвенции будут включать запрещение атомного и всех других основных видов оружия, применимых в настоящее время и в будущем для массового уничтожения, и контроль над атомной энергией в объеме, необходимом для обеспечения ее использования только в мирных целях.

5. Генеральная Ассамблея, далее, признает существенным для общего регулирования и сокращения вооружений и вооруженных сил обеспечение практических и эффективных гарантий путем инспектирования и других средств в целях защиты выполняющих условия государств от возможных нарушений и уклонений.

В соответствии с этим Генеральная Ассамблея рекомендует Совету Безопасности незамедлительно приступить к выработке предложений в целях обеспечения такого рода практических и эффективных гарантий в связи с контролем над атомной энергией и общим регулированием и сокращением вооружений.

6. Для обеспечения принятия мероприятий по скорейшему общему регулированию и сокращению вооружений и вооруженных сил, по запрещению использования атомной энергии для военных целей и изъятия из национальных вооружений атомного и всех других главных видов оружия, применимых в настоящее время или в будущем для массового уничтожения, и контроля над атомной энергией в объеме, необходимом для обеспечения использования ее только в мирных целях, будет учреждена в

рамках Совета Безопасности, который несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, международная система, как указано в пункте 4, действующая через посредство специальных органов, полномочия и статут которых будут установлены конвенцией или конвенциями, согласно которым эти органы учреждаются.

7. Генеральная Ассамблея, считая проблему безопасности тесно связанной с проблемой разоружения, рекомендует Совету Безопасности всемерно ускорить представление в его распоряжение вооруженных сил, упомянутых в статье 43 Устава.

Она рекомендует государствам-членам предпринять прогрессивный и сбалансированный вывод их вооруженных сил, с учетом нужд оккупации, расположенных на бывших вражеских территориях, и незамедлительный вывод вооруженных сил, расположенных на территориях государств-членов без их согласия, выраженного добровольно и публично в договорах или соглашениях, совместимых с Уставом и не противоречащих международным соглашениям.

Далее она рекомендует соответствующее сокращение национальных вооруженных сил и общее прогрессивное и сбалансированное сокращение национальных вооруженных сил.

8. Ничто в настоящем документе не изменяет или ограничивает резолюции Генеральной Ассамблеи, принятой 24 января 1946 г. об учреждении Комиссии по контролю над атомной энергией.

9. Генеральная Ассамблея призывает всех членов Организации Объединенных наций оказать всемерную помощь Совету Безопасности и Комиссии по контролю над атомной энергией в целях содействия установлению и поддержанию международного мира и коллективной безопасности с наименьшим отвлечением мировых людских сил и экономических ресурсов для вооружения.

«Правда», 18 декабря 1946 г.

«Внешняя политика СССР». Сборник документов, том VI, М., 1947, стр. 910—911.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ

(предложение Советской делегации, внесенное 11 июня 1947 г.
в Генеральную Ассамблею ООН)

1. Для обеспечения использования атомной энергии лишь в мирных целях, в соответствии с международной конвенцией о запрещении атомного и других основных видов оружия массового уничтожения, а также в целях предотвращения нарушений конвенции о запрещении атомного оружия и защиты государств, соблюдающих условия конвенции, от риска нарушений и уклонений устанавливается строгий международный контроль одновременно над всеми предприятиями, занятыми добычей атомного сырья и производством атомных материалов и атомной энергии.

2. Для осуществления мероприятий по контролю над предприятиями атомной энергии учреждается, в рамках Совета Безопасности, международная комиссия по контролю над атомной энергией, именуемая Международной контрольной комиссией.

3. Международная контрольная комиссия располагает своим инспекторским аппаратом.

4. Условия и организационные принципы международного контроля над атомной энергией, а также состав, права и обязанности Международной контрольной комиссии равно как и положения, на основе которых она осуществляет свою деятельность, определяются специальной международной конвенцией о контроле над атомной энергией, заключаемой в соответствии с конвенцией по запрещению атомного оружия.

5. В целях обеспечения эффективности международного контроля над атомной энергией в основу конвенции о контроле над атомной энергией кладутся следующие основные положения:

а) Международная контрольная комиссия составляется из представителей государств, представленных в Комиссии по контролю над атомной энергией, учрежденной решением Генеральной Ассамблеи от 24 января 1946 г., и может учреждать такие вспомогательные органы, какие она найдет необходимыми для выполнения своих функций.

б) Международная контрольная комиссия устанавливает свои собственные правила процедуры.

в) Персонал Международной контрольной комиссии подбирается на международной основе.

г) Международная контрольная комиссия периодически осуществляет инспектирование предприятий, добывающих атомное сырье и производящих атомные материалы и атомную энергию.

6. Осуществляя инспектирование предприятий атомной энергии, Международная контрольная комиссия предпринимает следующие действия:

а) Обследует деятельность предприятий, добывающих атомное сырье и производящих атомные материалы и атомную энергию, а также проверяет их отчетность.

б) Проверяет наличные запасы атомного сырья, материалов и полуфабрикатов.

в) Изучает производственные операции в объеме, необходимом для контроля над использованием атомных материалов и атомной энергии.

г) Наблюдает за выполнением предписанных конвенцией о контроле правил технической эксплуатации предприятий, а также разрабатывает и предписывает правила технологического контроля для этих предприятий.

д) Собирает и обрабатывает данные о добыче атомного сырья и производстве атомных материалов и атомной энергии.

е) Проводит специальные обследования в случаях возникновения подозрения о нарушении конвенции по запрещению атомного оружия.

ж) Делает рекомендации правительствам по вопросам, относящимся к производству, хранению и использованию атомных материалов и атомной энергии.

з) Делает рекомендации Совету Безопасности о мерах предупреждения и пресечения в отношении нарушителей конвенций о запрещении атомного оружия и контроле над атомной энергией.

7. Для выполнения задач по контролю и инспектированию, возложенных на Международную контрольную комиссию, последняя будет располагать правом:

а) Доступа на любое предприятие по добыче, производству и хранению атомного сырья и материалов, а также по эксплуатации атомной энергии.

б) Ознакомления на предприятиях атомной энергии с производственными операциями в объеме, необходимом для контроля над использованием атомных материалов и энергии.

в) Производства взвешивания, промеривания и различного рода анализов атомного сырья, материалов и полуфабрикатов.

г) Истребования от правительства любого государства и проверки различного рода сведений и отчетов о деятельности предприятий атомной энергии.

д) Истребования различного рода объяснений по вопросам, относящимся к деятельности предприятий атомной энергии.

е) Дачи рекомендаций и представлений правительствам по вопросу производства и использования атомной энергии.

ж) Представления на рассмотрение Совета Безопасности рекомендаций о мерах в отношении нарушителей конвенции о запрещении атомного оружия и контроля над атомной энергией.

8. В соответствии с задачами международного контроля над атомной энергией, следующие положения кладутся в основу научно-исследовательской деятельности в области атомной энергии:

а) Научно-исследовательская работа в области атомной энергии должна быть подчинена необходимости выполнения конвенции по запрещению атомного оружия и недопущения использования его в военных целях.

б) Государства, подписавшие конвенцию по запрещению атомного оружия, должны иметь право проводить без ограничений научно-исследовательскую работу в области атомной энергии, направленную на изыскание способов использования ее в мирных целях.

в) В интересах эффективного выполнения своих контрольных и инспекторских функций Международная контрольная комиссия должна иметь возможность проводить научно-исследовательскую деятельность в области изыскания способов использования атомной энергии для мирных целей. Проведение такой деятельности позволит ей быть в курсе последних научных достижений в этой области и иметь квалифицированный собственный международ-

ный персонал, необходимый комиссии для практического проведения мероприятий по контролю и инспекции.

г) В проведении научно-исследовательской работы в области атомной энергии одной из важнейших задач Международной контрольной комиссии должно быть обеспечение широкого обмена информацией в этой области между странами и оказание необходимой помощи путем консультации тем странам — участникам конвенции, которые могут нуждаться в такой помощи.

д) Международная контрольная комиссия должна располагать материальными средствами, в том числе научными лабораториями и опытными установками, необходимыми для надлежащей организации проводимой ею научно-исследовательской деятельности.

«Правда», 13 июня 1947 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ КОМИТЕТОМ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ 27 ОКТЯБРЯ 1947 г.

Принимая во внимание, что в уставе Объединенных наций выражается решимость народов избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи;

принимая во внимание, что Устав также требует развития всеобщего уважения основных свобод, включая свободу слова, и соблюдения их, причем все члены обязались в силу статьи 56-й принимать совместные и самостоятельные действия для такого соблюдения основных свобод,

Генеральная Ассамблея:

1. Осуждает пропаганду в любой форме и в любой стране, имеющую целью или способную создать или усилить угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии.

2. Предлагает правительствам всех государств — членов ООН принять в рамках их конституции соответствующие шаги для:

А) Содействия всеми имеющимися в их распоряжении средствами информации и пропаганды дружественным отношениям между народами на основе целей и принципов Устава;

В) Поощрения распространения любой информации, имеющей целью выразить несомненное желание мира всеми народами.

3. Поручает передать эту резолюцию предстоящей конференции по вопросу о свободе информации.

Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., Военно-юридическая академия, 1949, стр. 332.

ВОЗЗВАНИЕ ПОСТОЯННОГО КОМИТЕТА ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА СТОРОННИКОВ МИРА

Мы требуем безусловного запрещения атомного оружия, как оружия устрашения и массового уничтожения людей.

Мы требуем установления строгого международного контроля за исполнением этого решения.

Мы считаем, что правительство, которое первым применит против какой-либо страны атомное оружие, совершит преступление против человечества и должно рассматриваться как военный преступник.

Мы призываем всех людей доброй воли всего мира подписать это воззвание.

Стокгольм, март 1950 г.

«Сторонники мира», 1950, № 9.
«Большевик», 1950, № 7.

МАНИФЕСТ ВТОРОГО ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА СТОРОННИКОВ МИРА К НАРОДАМ МИРА

Варшава, ноябрь 1950 г.

Война угрожает человечеству — детям, женщинам, мужчинам. Организация Объединенных наций не оправдывает надежд народов на сохранение мира и спокой-

ствия. Жизнь людей и достижения человеческой культуры в опасности!

Народы хотят надеяться, что Организация Объединенных наций решительно вернется к тем принципам, на которых она была создана после второй мировой войны, создана с тем, чтобы обеспечить свободу, мир и взаимное уважение между народами.

Но еще больше народы мира надеются на себя, на свою собственную решимость и добрую волю. Каждому здравомыслящему человеку ясно, что тот, кто утверждает: «война неизбежна», — клеветает на человечество.

Читая это послание, принятое от имени народов 80 стран на Втором Всемирном конгрессе мира в Варшаве, запомните, что борьба за мир — ваше собственное кровное дело. Знайте, что сотни миллионов сторонников мира, объединившись, протягивают вам руку. Они призывают вас участвовать в самой благородной борьбе, которую когда-либо вело человечество, твердо верящее в свое будущее.

Мира не ждут — мир завоевывают. Объединим наши усилия и потребуем прекращения войны, которая сегодня опустошает Корею, а завтра угрожает пожаром всему миру.

Выступим против попыток вновь разжечь очаги войны в Германии и Японии.

Вместе с 500 миллионами людей, подписавших Стокгольмское воззвание, потребуем: запрещения атомного оружия, всеобщего разоружения, контроля над этими мероприятиями. Строгий контроль над всеобщим разоружением и уничтожением атомного оружия технически возможен. Нужно только этого захотеть.

Заставим принять законы, карающие за военную пропаганду. Представим депутатам наших парламентов, нашим правительствам и Организации Объединенных наций свои предложения в защиту мира, выработанные Вторым Всемирным конгрессом сторонников мира.

Силы мира во всех странах достаточно велики, голоса людей мира звучат достаточно громко для того, чтобы общими усилиями мы могли настоять на встрече представителей пяти великих держав.

Второй Всемирный конгресс сторонников мира с необычайной силой доказал, что люди, съехавшиеся из пяти

частей света, несмотря на различия во взглядах, могут договориться между собой, чтобы предотвратить бедствия войны и сохранить мир.

Пусть правительства действуют таким же образом, и дело мира будет спасено.

«Новое время», 1950, № 48, приложение стр. 1.

ОБРАЩЕНИЕ К ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ВТОРОГО ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА СТОРОННИКОВ МИРА

Варшава, ноябрь 1950 г.

Создавая Организацию Объединенных наций, народы мира возложили на нее великие надежды. Самая великая из этих надежд — надежда на мир.

Однако война сегодня уже нарушила мирную жизнь одних народов, а завтра грозит нарушить мирную жизнь всего человечества. Если Организация Объединенных наций не оправдывает той главной надежды, которую на нее возлагали все народы мира, как представленные в ней своими правительствами, так и еще не представленные, если Организация Объединенных наций не обеспечивает человечеству спокойствия и мира, то это происходит потому, что она оказалась под влиянием сил, пренебрегших единственно возможным путем к всеобщему миру — поисками всеобщего согласия.

Если Организация Объединенных наций хочет оправдать надежды, которые человечество все еще возлагает на нее, она должна вернуться на тот путь, который со дня ее организации был предначертан ей народами, и в качестве первого шага на этом пути обеспечить скорейший созыв конференции пяти великих держав — США, Франции, Советского Союза, Англии и Китайской Народной Республики для обсуждения и мирного урегулирования имеющихся разногласий.

Второй Всемирный конгресс сторонников мира, состоящий из делегатов 80 стран и представляющий истинный голос миролюбивого человечества, настаивает на немедленном рассмотрении Организацией Объединенных наций и законодательными органами, перед которыми ответственны правительства различных стран, следующих пред-

ложений, направленных к восстановлению и сохранению мира, к восстановлению и сохранению доверия между всеми странами, вне зависимости от их социальных систем;

1. Обеспокоенные тем, что война, ведущаяся сейчас в Корее, не только приносит неисчислимые бедствия корейскому народу, но и грозит разрастись в новую мировую войну, мы настаиваем на прекращении этой войны, на выводе из Кореи иностранных армий и на мирном урегулировании внутреннего конфликта между обеими частями Кореи с участием представителей корейского народа. Мы настаиваем на том, чтобы этот вопрос был разрешен Советом Безопасности в его полном составе, включая представителей Китайской Народной Республики. Мы призываем прекратить интервенцию американских войск на китайском острове Тайвань (Формоза) и военные действия против республики Вьетнам, также таящие угрозу мировой войны.

2. Мы решительно осуждаем всякие попытки и меры, принятые в нарушение международных соглашений, запрещающих ремилитаризацию Германии и Японии. Эти попытки и меры представляют серьезнейшую угрозу делу мира. Мы настоятельно требуем заключения мирного договора с объединенной и демилитаризованной Германией, так же как и с Японией, и вывода из обеих этих стран оккупационных войск.

3. Мы рассматриваем насильственные попытки удерживать народы в состоянии зависимости и колониального угнетения как угрозу делу мира и провозглашаем права этих народов на свободу и независимость. Мы высказываемся против всех форм расовой дискриминации, потому что они порождают вражду между народами и также представляют собой угрозу миру.

4. Мы считаем необходимым разоблачить попытки агрессоров запутать самое понятие, что такое агрессия, и таким образом дать повод для иностранного вмешательства во внутренние дела других стран. Никакие политические, стратегические и экономические соображения, никакие мотивы, связанные с внутренним положением или внутренними конфликтами в том или ином государстве, не могут служить оправданием для вооруженного вмешательства какого бы то ни было государства в дела

другого государства. Агрессия является преступным актом того государства, которое первым применяет вооруженную силу против другого государства, под каким бы то ни было предлогом.

5. Мы считаем, что пропаганда новой войны создает величайшую угрозу для мирного сотрудничества народов и является одним из тягчайших преступлений против человечества.

Мы обращаемся к парламентам всех стран с призывом, чтобы они приняли закон об охране мира, предусматривающий уголовную ответственность за пропаганду новой войны, в какой бы то ни было форме.

6. Все честные люди, независимо от их политических убеждений, считают массовое беспощадное уничтожение гражданского населения преступлением против человечества. Мы требуем, чтобы международная авторитетная комиссия рассмотрела преступления, совершенные в Корее, и, в частности, вопрос об ответственности генерала Макартура.

7. Выражая насущные требования народов, несущих на своих плечах тяжкое бремя военных бюджетов, желая обеспечить для всего человечества прочный и длительный мир, мы передаем на рассмотрение Организации Объединенных наций, парламентов и народов следующие предложения:

— безусловное запрещение всех видов атомного, бактериологического, химического оружия, отравляющих веществ, радиоактивных и всех прочих средств массового уничтожения;

— объявление военным преступником правительства, которое первым их применит.

Второй Всемирный конгресс, сознавая свою ответственность перед народами, обращается также с торжественным призывом к великим державам и предлагает им произвести в течение 1951—1952 годов прогрессивное, одновременное и пропорциональное сокращение всех вооруженных сил — наземных, воздушных и военно-морских — в пределах от одной трети до половины.

Такая мера положит решительный предел гонке вооружения и уменьшит опасность агрессии. Она поможет облегчить военные бюджеты государств, которые тяжело ложатся на все слои народа. Она также поможет восста-

новлению международного доверия и необходимого содружества между всеми государствами, каким бы ни был их строй.

Конгресс заявляет, что контроль, касающийся запрещения атомного оружия и других видов оружия массового уничтожения людей, а также обычного вооружения и сокращения вооружений, технически осуществим.

При Совете Безопасности должен быть создан международный контрольный орган, располагающий авторитетной инспекцией. Обязанностью этого органа должен быть контроль как над сокращением вооружения, так и над осуществлением запрещения атомного, бактериологического, химического и других видов оружия массового уничтожения.

Чтобы быть действенным, этот контроль не должен относиться только к военным силам, существующему вооружению и производству оружия, объявленным каждой страной, но, по требованию международной контрольной комиссии, он должен заключаться в инспектировании предполагаемых военных сил, существующего вооружения и производства оружия помимо объявленных.

Эти предложения о сокращении вооруженных сил являются первым этапом на пути ко всеобщему и полному разоружению, что является конечной целью сторонников мира.

Второй Всемирный конгресс сторонников мира выражает убеждение, что мир не может быть гарантирован изысканием равновесия сил посредством гонки вооружений; конгресс утверждает, что предлагаемые им меры не дадут никакого военного преимущества той или иной стороне, что они бесспорно предотвратят войну, обеспечат безопасность и поднимут благосостояние всех народов мира.

8. Мы обращаем внимание на то, что переход ряда стран на военную экономику все сильнее нарушает экономическую связь и обмен между странами как сырьем, так и изделиями промышленности, пагубно сказывается на жизненном уровне многих народов, препятствует хозяйственному прогрессу и деловому сотрудничеству между всеми странами и в конечном итоге служит источником конфликтов, представляющих угрозу делу мира. Исходя из жизненных интересов населения всех стран, стремясь

к оздоровлению международной обстановки, мы предлагаем восстановить нормальные торговые отношения между различными странами на взаимно выгодных условиях, удовлетворяющих потребности народов, исключающих экономическую дискриминацию в любых ее выражениях, обеспечивающих развитие национальной экономики и экономическое развитие больших и малых государств.

9. Считая, что нарушение культурных связей между народами влечет за собой разобщение, утрату взаимопонимания, создает обстановку взаимного недоверия и благоприятствует военной пропаганде и что, с другой стороны, укрепление культурных связей между народами создает условия для взаимопонимания и доверия в общей борьбе за мир, мы обращаемся ко всем правительствам с призывом содействовать улучшению культурных связей между народами, взаимному изучению культурного достояния народов. Мы предлагаем способствовать организации международных конференций деятелей культуры, их взаимным посещениям других стран, широкому изданию литературы других народов и ознакомлению с их искусством.

10. Призывая Организацию Объединенных наций оправдать надежды, которые народы возлагали на нее, доводим до ее сведения, что нами учрежден Всемирный Совет Мира, который будет являться представительным органом, включающим в свой состав представителей всех народов мира, как стран, входящих в Организацию Объединенных наций, так и не представленных в ней, включая и народы тех стран, которые ныне еще являются зависимыми и колониальными.

Всемирный Совет Мира призвет Организацию Объединенных наций на деле выполнять принятые ею на себя обязательства по укреплению и развитию мирного сотрудничества между всеми странами. Он возьмет на себя высокую задачу обеспечить прочный и длительный мир, отвечающий жизненным интересам всех народов. Всемирный Совет Мира придаст человечеству уверенность, что вопреки существующим трудностям, которых нельзя уменьшать, он выполнит взятую на себя миссию.

**ОБРАЩЕНИЕ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА
К ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
И К НАРОДАМ МИРА ***

Председателю Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций, Париж.

Всемирный Совет Мира, собравшийся в Вене, обращается с призывом к Генеральной Ассамблее Организации Объединенных наций, к общественному мнению и к народам мира.

Обострение международной обстановки в последние месяцы тревожит и беспокоит мужчин и женщин во всех странах. Каждый желает, чтобы пять великих держав, ответственных за мир во всем мире, в силу положений устава Организации Объединенных наций, а также вследствие своей мощи, начали переговоры и достигли соглашения. Поэтому в глазах мирового общественного мнения кампания, которую ведет Всемирный Совет Мира за заключение Пакта Мира между пятью великими державами, оправдана ходом событий и безуспешностью в настоящее время других методов.

Всемирный Совет Мира обращает внимание Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций в особенности на следующие моменты:

1. Мир и международное сотрудничество не могут явиться следствием навязывания всему миру решений, принятых большинством государств-членов, представляющих к тому же чаще всего меньшинство человечества. Лишь путем переговоров и примирения могут быть достигнуты соглашения, необходимые для мирного развития всего мира.

---

* Настоящее Обращение и Резолюция Всемирного Совета Мира включены в число приложений к книге редакцией. — *Прим. ред.*

Поскольку такие соглашения должны распространяться, в частности на Азию, то соображения справедливости и реальная оценка международной политики требуют допуска в Организацию Объединенных наций правительства Китайской Народной Республики.

2. Провал совещания заместителей четырех министров иностранных дел, а также соглашения, заключенные в Вашингтоне и Оттаве на 6-й сессии Совета Атлантического союза, затрудняют все мероприятия в области разоружения, не дают возможности немецкому народу самому решить вопрос о восстановлении своего единства и усиливают опасность войны в Европе. Переговоры между великими державами смогут значительно быстрее привести к созданию объединенной, демократической и демилитаризованной Германии. Такое решение вопроса отвечает одновременно желанию огромного большинства германского народа, интересам соседей Германии, а также интересам мира.

Поэтому Всемирный Совет Мира призывает Организацию Объединенных наций использовать свое влияние для того, чтобы добиться соблюдения международных соглашений по вопросу о разоружении Германии и ускорить заключение мирного договора, который сделал бы возможным отвод оккупационных войск и восстановление объединенной и демилитаризованной Германии.

3. Восстановление мира в Азии затрагивает интересы всего человечества. Возможности восстановления этого мира был нанесен серьезный ущерб договорами, заключенными в Сан-Франциско с Японией. Это восстановление предполагает не только прекращение всех военных действий происходящих в настоящее время, и прежде всего в Корее, путем заключения соглашений о перемирии, но также и обеспечение права народов Азии на независимость и территориальную целостность без всякого иностранного вмешательства.

4. Сохранение мира на Среднем Востоке и в Северной Африке не может быть обеспечено удовлетворительным образом путем сохранения в силе соглашений и положений, противоречащих праву народов на самоопределение. Право народов Египта, Ирана, Марокко и всех других стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки самостоятельно вести и решать свои дела, без иностран-

ного давления или вмешательства и не подвергаясь военной оккупации, открытой или замаскированной, должно быть признано и притом действенно.

5. Гонка вооружений может принести народам лишь неизбежный крах и угрозу войны, губительной для человечества. Поэтому необходимо вступить на путь одновременного, прогрессивного и действенно-контролируемого разоружения.

Такое разоружение должно предусматривать, в частности, запрещение атомного оружия и других средств массового уничтожения, применение которых осуждено общепринятой моралью. Всемирный Совет Мира призывает Генеральную Ассамблею Организации Объединенных наций поставить на обсуждение предложение о разоружении, принятое в Вене сегодня, 6 ноября 1951 года. Это предложение не может, ни при каких обстоятельствах, привести к нарушению равновесия — к выгоде или невыгоде того или иного государства. С помощью строгой системы контроля, которую оно предусматривает, это предложение гарантирует безопасность всех на каждой стадии разоружения.

К данному документу мы прилагаем предложение о разоружении, принятое Всемирным Советом Мира.

Всемирный Совет Мира убежден, что война не является неизбежной и что мирное сосуществование различных политических и социальных режимов возможно и что его предложения отвечают интересам всего человечества.

Благоволите принять, г-н председатель, заверения в нашем совершенном уважении.

«Правда», 10 ноября 1951 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА О РАЗОРУЖЕНИИ

Гонка вооружений порождает экономический хаос и толкает народы к нищете; она может привести лишь к войне. Неверно утверждать, что раздутые вооружения могут послужить действенным средством для ведения переговоров.

Гонка вооружений, происходящая при неведении размеров вооружений той и другой стороны, порождает недоверие. Единственный путь к безопасности заключается в честном разоружении, осуществляемом под контролем.

Вот почему мы призываем пять великих держав — Соединенные Штаты Америки, Советский Союз, Китайскую Народную Республику, Великобританию и Францию, — которые обладают крупнейшими вооружениями и на которых уставом Организации Объединенных наций, принятым в Сан-Франциско, возложена обязанность защиты всеобщего мира, заключить конвенцию о разоружении.

Тем самым они продемонстрировали бы свою волю к миру.

Запрещение оружия массового уничтожения

Пять великих держав должны в этой конвенции достигнуть соглашения о полном запрещении атомного оружия и любого оружия, связанного с атомной энергией, равно как всякого иного оружия массового уничтожения.

Это запрещение должно быть обеспечено строгим контролем не только над объявленными вооружениями и со-

оружиями, но также над предполагаемыми вооружениями и сооружениями, помимо объявленных.

Прогрессивное и одновременное сокращение вооружений

В этой конвенции пять великих держав должны достигнуть соглашения о постепенном и контролируемом сокращении всех видов вооружения и о контроле над его осуществлением.

Мы призываем провести сокращение вооружений, которое достигло бы к концу 1952 года от одной трети до половины всех вооружений, объявленных, установленных и признанных, применяя методы, которые обеспечат безопасность всех сторон на всех этапах этого процесса.

Мы предлагаем, чтобы пропорциональные доли и сроки сокращения различных видов вооружений, вооруженных сил и производства вооружения были установлены с учетом как действительного уровня вооружений, вооруженных сил и производства вооружений, так и числа жителей, протяженности границ и системы коммуникации каждой страны.

Контроль над переписью вооружения

Принятие международной конвенции, обязывающей запретить атомное оружие и провести разоружение в пределах от одной трети до половины, должно иметь своим немедленным следствием проведение всеобщей переписи всех видов вооружения и вооруженных сил и введение в действие системы международной инспекции и контроля для проверки выполнения мер, предусмотренных конвенцией.

Этот международный контроль должен осуществляться не только над сведениями, представляемыми сторонами, подписавшими конвенцию, но также с целью проверки предполагаемых вооружений, вооруженных сил или средств производства вооружения, помимо объявленных.

Наш призыв обращен к Организации Объединенных наций, к пяти великим державам и ко всем народам. Он

соответствует духу резолюций Второго Всемирного Конгресса сторонников мира, происходившего в Варшаве 16—22 ноября 1950 года.

Постепенное и одновременное сокращение вооружений, представляющее собой шаг на пути к полному разоружению, хотя оно, быть может, и не понравится фабрикантам оружия, рассеет страх перед агрессией, укрепит безопасность всех народов и избавит их от сокрушительного бремени.

«Правда», 10 ноября 1951 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие чл.-корр. АН СССР А. Н. Трайнина . . .	3
Предисловие автора к советскому изданию .	15
<i>Глава первая.</i> Вступление	21
<i>Глава вторая.</i> Международный характер проблемы атомной энергии и ее происхождение	49
<i>Глава третья.</i> Атомная проблема в свете международного права	68
<i>Глава четвертая.</i> Атомная военная доктрина	113
<i>Глава пятая.</i> Американский план международного контроля над атомной энергией	141
А. Американский проект контроля над атомной энергией и устав Организации Объединенных наций .	145
Б. Доверие в международных отношениях как необходимое условие достижения соглашения . . .	152
В. Проблема обмена информацией	158
Г. Сущность американского проекта международного контроля над атомной энергией	166
Д. Американский проект контроля над атомной энергией и проблема всеобщего разоружения . . .	174
<i>Глава шестая.</i> Атомная проблема и позиция СССР	183
<i>Глава седьмая.</i> Позиция Польши	225

<i>Глава восьмая. Итоги работы Комиссии по атомной энергии ООН . . . . .</i>	242
<i>Глава девятая. Борьба за разрешение атомной проблемы в современных условиях . . . . .</i>	273
<i>Глава десятая. Борьба за международноправовое разрешение атомной проблемы и некоторые вопросы международного права . . . . .</i>	300
А. Две концепции международного права	302
Б. Две позиции по вопросу о принципе единогласия великих держав	304
В. Два метода международного сотрудничества	307
Г. За или против государственного суверенитета	308
Д. Две точки зрения на международные обязательства	313
Е. Две концепции международного уголовного права	315
Ж. Право международное или право капиталистических государств	322

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Устав Организации Объединенных наций (ст. 2, 39, 51)	330
2. Устав Международного военного трибунала (ст. 1, 6)	332
3. Сообщение о Московском совещании министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства, декабрь 1945 г.	333
4. Резолюция, принятая на заседании Генеральной Ассамблеи 11 декабря 1946 г. о подтверждении принципов международного права, признанных статутom Нюрнбергского трибунала	336
5. Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций 14 декабря 1946 г. о регулировании и сокращении вооружений	337
6. Основные положения организации международного контроля над атомной энергией (предложение Советской делегации, внесенное 11 июня 1947 г. в Генеральную Ассамблею ООН)	340
7. Резолюция, принятая Политическим комитетом Генеральной Ассамблеи 27 октября 1947 г.	343

8. Воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Стокгольм, март 1950 г.	344
9. Манифест Второго Всемирного конгресса сторонников мира к народам мира. Варшава, ноябрь 1950 г.	344
10. Обращение к Организации Объединенных наций Второго Всемирного конгресса сторонников мира. Варшава, ноябрь 1950 г.	346
11. Обращение Всемирного Совета Мира к Организации Объединенных наций и к народам мира. Вена, ноябрь 1951 г.	351
12. Резолюция Всемирного Совета Мира о разоружении. Вена, ноябрь 1951 г.	354

Технический редактор *Б. М. Ильин*.

Корректор *О. В. Мамых*

Сдано в производство 16/X 1951 г.

Подписано к печати 29/XI 1951 г.

А 09831. Бумага $84 \times 108^{1/2} = 5,6$ бум. л.
18,4 печ. л.

Уч.-издат. л. 19,1. Изд. № 10.1077

Цена 9 р. 15 к. Зак. 708

Набрано:

3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфиздата при Совете
Министров СССР, Москва,
Краснопролетарская, 16.

Отпечатано:

Полиграфический комбинат им. В. М.
Молотова Главполиграфиздата при
Совете Министров СССР.
Москва, Ярославское шоссе, 99.
Заказ № 21.

М. МУШКАТ

АТОМНАЯ ЭНЕРГИЯ И БОРЬБА ЗА МИР